А. К. ТОЛСТОЙ

А. К. ТОЛСТОЙ

1

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

А. К. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Вступительная статья
Л. И. Емельянова

Составление, подготовка текста
и примечания
Е. И. Прохорова

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1984

ББК 84. Р1
Т 52

А. К. Толстой (1817—1875) — писатель, чье литературное наследие отличает удивительное разнообразие жанрового репертуара. Автор исторического романа «Князь Серебряный», драматической трилогии в стихах («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис»), А. К. Толстой — признанный мастер поэзии, перу которого принадлежит немало стихотворений, подкупающих задушевностью, тонкостью художественного рисунка, мелодичностью. Некоторые из них, положенные на музыку композиторами, обрели всенародную известность («Средь шумного бала, случайно...», «Кабы знала я, кабы ведала...», «То было раннею весной...» и др.).

Первый том настоящего Полного собрания стихотворений А. К. Толстого охватывает его лирику, сатирические и юмористические стихи (в том числе написанные от имени Козьмы Пруткова), исторические и фольклорные баллады, поэмы, иноязычные стихотворения.

Второй том целиком посвящен стихотворной драматургии писателя (драматическая трилогия, пьесы «Дон Жуан» и «Посадник»).

Т $\frac{4702010100-156}{083(02)-84}$ 411—84

Гр. Ал. Толстой

А. К. ТОЛСТОЙ

Из трех Толстых, которых выдвинула русская литература, имя самого старшего из них — Алексея Константиновича Толстого — для широкого читателя остается наименее известным. И это притом, что, например, его знаменитая историческая драма «Царь Федор Иоаннович» вот уже около ста лет не сходит с театральной сцены; притом, что едва ли не половина его стихотворений звучит в музыке крупнейших композиторов (Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Балакирева, Рахманинова, Листа и других [1]); притом, наконец, что, вероятно, мало найдется читателей, которым не было бы знакомо имя Козьмы Пруткова, знаменитого литературного персонажа, созданного А. К. Толстым в содружестве с братьями Алексеем и Владимиром Жемчужниковыми.

Так вообще бывает, и не столь уж редко. Кому, например, неизвестны гениальные оперы Римского-Корсакова «Псковитянка» и «Царская невеста»? Но многие ли помнят имя Л. А. Мея, автора одноименных драм, составивших литературную основу этих опер? Мало кто не читал или не смотрел в театре блестящую трагедию Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак». Но кто такой Ростан и что он написал еще, кроме этой своей «героической трагедии», — здесь широкий читатель уже не обойдется без помощи специальной литературы. Судьбы произведений искусства складываются подчас совершенно иначе, нежели судьбы их создателей.

1

Алексей Константинович Толстой родился 24 августа 1817 года в Петербурге. Его мать, Анна Алексеевна Перовская, была внучкой знаменитого Кирилла Разумовского, последнего гетмана Украины,

---

[1] «Толстой — неисчерпаемый источник для текстов под музыку, — писал П. И. Чайковский, — это один из самых симпатичных мне поэтов» (Чайковский П. И., Переписка с Н. Ф. фон Мекк, Л., 1935, т. 2, с. 360).

президента Российской Академии наук, и дочерью А. К. Разумовского, екатерининского сенатора, министра народного просвещения при Александре I. Отец, граф Константин Петрович, принадлежал к не менее знаменитому роду Толстых. Вскоре после рождения сына родители разошлись, и мать увезла будущего поэта на Украину, в имение своего брата А. А. Перовского. Здесь, в старом гетманском доме, построенном когда-то Растрелли, прошли ранние годы Толстого.

Пышная украинская природа, привольный быт старинной барской усадьбы, царившая в ней атмосфера любви к искусству — все это оказало глубочайшее влияние на формирование духовного мира будущего поэта. «Мое детство было очень счастливо и оставило во мне одни только светлые воспоминания, — писал он много лет спустя. — Единственный сын, не имевший никаких товарищей для игр и наделенный весьма живым воображением, я очень рано привык к мечтательности, вскоре превратившейся в ярко выраженную склонность к поэзии... С шестилетнего возраста я начал марать бумагу и писать стихи — настолько поразили мое воображение некоторые произведения наших лучших поэтов, найденные мною в каком-то толстом, плохо отпечатанном и плохо сброшюрованном сборнике... я упивался музыкой разнообразных ритмов и старался усвоить их технику. Мои первые опыты были, без сомнения, нелепы, но в метрическом отношении они отличались безупречностью».[1]

Художественное развитие юного Толстого шло тем более плодотворно, что протекало оно под руководством такого авторитетного наставника, каким был его дядя Алексей Алексеевич Перовский, известный прозаик, печатавшийся в столичных журналах под псевдонимом «Антоний Погорельский» (роман «Монастырка», повесть «Лафертовская маковница», сказка «Черная курица, или Подземные жители», написанная им, кстати сказать, специально для племянника, и другие). Прекрасно, как все Перовские, образованный (в девятнадцать лет он был уже доктором философии и словесности, а в 1829 году был избран в члены Российской Академии наук), глубокий знаток и ценитель европейского искусства, особенно античного, Алексей Алексеевич и в племяннике стремился развить эти фамильные качества. Он внимательно следил за его учебными занятиями, сам подбирал ему гувернеров, руководил его чтением, был первым и, надо сказать, весьма взыскательным судьей в его литературных начинаниях. Известно, например, что, напечатав в начале 30-х годов одно из ранних стихотворений племянника, он сопроводил эту публикацию своим весьма строгим критическим разбором «с целью указать

---

[1] Письмо к А. Губернатису от 20 февраля (4 марта) 1874 г. — Толстой А. К., Собр. соч. В 4-х т., М., 1964, т. 4, с. 423—424. Далее: Толстой А. К., с указанием тома и страницы.

юному писателю на преждевременность его желания печатать свои произведения».[1]

В 1827 году Толстой с матерью и дядей впервые едет за границу, в Германию. Самое яркое впечатление для него в этой поездке — посещение Гёте в Веймаре. Великий поэт был очень внимателен к своему маленькому почитателю,[2] ласково беседовал с ним, усадив к себе на колени, и подарил ему на прощание кусок мамонтова клыка с собственноручно нарисованным на нем изображением фрегата.

В 1831 году А. А. Перовский вновь везет племянника за границу, на этот раз в Италию. Почти три месяца они путешествуют по стране, посещают Рим и Венецию, Милан и Неаполь, Флоренцию и Геную, Пизу и Равенну. Сохранился дневник, который Толстой вел в путешествии. Для нас он интересен в том отношении, что это, в сущности, первый автограф писателя, автодокумент, в котором раскрываются многие и весьма существенные стороны духовной биографии будущего поэта.

Первое, на что нельзя не обратить внимания, это удивительная у тринадцатилетнего юноши литературная опытность. Живые и яркие описания, тонкие портретные зарисовки, изящный и простой слог — словом, это настоящая проза.

Заслуживает быть отмеченным и другое — незаурядная осведомленность молодого автора, широта его познаний. Он свободно владеет несколькими языками, прекрасно знает историю; его суждения об искусстве отличаются самостоятельностью.[3] «В очень короткое время, — вспоминал он многие годы спустя, — я научился отличать прекрасное от посредственного, я выучил имена всех живописцев, всех скульпторов... и я почти что мог соревновать с знатоками в оценке картин и изваяний. При виде картины я мог всегда назвать живописца и почти никогда не ошибался».[4]

Впоследствии Толстой еще не раз бывал в Италии. Но эта пер-

[1] Кондратьев А. А., Граф А. К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества, Спб., 1912, с. 12.

[2] «Во время нашего пребывания в Веймаре, — вспоминал Толстой в том же письме к Губернатису, — дядя повел меня к Гёте, к которому я инстинктивно был проникнут глубочайшим уважением» (Толстой А. К., т. 4, с. 423).

[3] См., например, запись от 7 мая 1831 г.: «Сегодня поутру ездили мы... в студий Торвальдесона и видели там много статуй и моделей, сделанных отчасти им самим, отчасти его учениками. В зале, содержащей произведения самого Торвальдесона, показали нам модель Христа, появляющегося апостолам ... Все хвалят эту статую и говорят, что она лучшая, которую сделал Торвальдесоно. Мне кажется, однако, что в лице Христа мало выражения и что статуи апостолов, находящиеся в той же зале, ее превосходят» (Толстой А. К., т. 4, с. 26).

[4] Письмо к С. А. Миллер от 31 июля 1853 г.— Толстой А. К., т. 4, с. 61.

вая поездка навсегда осталась для него одним из памятнейших событий всей его жизни, временем, о котором он потом скажет: «...это *артистическая* эпоха моей жизни — *мой XVI-й век*».[1]

В 1834 году Толстой по настоянию матери поступает на службу (в звании «студента») в главный Московский архив Министерства иностранных дел, привилегированное учреждение, в котором в те времена обычно начинали свою карьеру молодые люди из богатых дворянских семей. Однако подлинную славу этого учреждения составляли его замечательные культурные традиции: отсюда вышли «любомудры», здесь начинали свой литературный путь братья Киреевские и Веневитиновы, С. А. Соболевский и А. С. Хомяков, С. П. Шевырев и А. И. Кошелев.

Служба Толстого в архиве была, однако, недолгой: уже в 1836 году его переводят в департамент хозяйственных и счетных дел, а еще через полтора месяца прикомандировывают к русской дипломатической миссии во Франкфурте-на-Майне. Карьера дипломата, как, впрочем, и всякая другая карьера, его нимало не привлекает, и большую часть времени Толстой проводит в путешествиях — его видят то на берегах Комского озера, то в Ливорно, то в Париже.

О литературных занятиях его в эти годы нам почти ничего не известно. Сохранились лишь два его рассказа — «Семья вурдалака» и «Встреча через 300 лет», которые были написаны на французском языке.

Настоящий литературный дебют Толстого состоялся лишь в 1841 году, когда в Петербурге была напечатана его повесть «Упырь» (под псевдонимом «Красногорский»). Дебют прошел более чем успешно. Повесть была замечена и удостоилась похвалы самого Белинского, который отметил в ней «все признаки еще слишком молодого, но тем не менее замечательного дарования». Указав на некоторые недостатки повести, заключавшиеся, по его мнению, в известной поверхностности художественной мысли, он тут же оговаривался, что, «несмотря на внешность изобретения, уже самая многосложность и запутанность его обнаруживают в авторе силу фантазии; а мастерское изложение, уменье сделать из своих лиц что-то вроде характеров, способность схватить дух страны и времени, к которым относится событие, прекрасный язык, иногда похожий даже на «слог», словом — во всем отпечаток руки твердой, литературной, — все это заставляет надеяться в будущем многого от автора «Упыря». В ком есть талант, в том жизнь и наука сделают свое дело, а в авторе «Упыря» — повторяем — есть решительное дарование».[2]

---

[1] Письмо к С. А. Миллер от 31 июля 1853 г. — Толстой А. К., т. 4, с. 61.

[2] Белинский В. Г., Упырь. Сочинение Красногорского. — Полн. собр. соч. В 13-ти т., М., 1954, т. 5, с. 473—474.

Дальнейший путь автора «Упыря» оказался, однако, несколько неожиданным. Продолжая писать — и много писать, — А. К. Толстой почти перестал печататься. Маленькое стихотворение «Бор сосновый в стране одинокий стоит...», два охотничьих очерка («Волчий приемыш» и «Два дня в Киргизской степи»), рассказ «Артемий Семенович Бервенковский» и небольшой отрывок из едва начатого (но так и не оконченного) романа «Стебеловский» — вот и все, что он напечатал за целое десятилетие.

Исследователи творчества Толстого объясняют эту паузу общими условиями развития русской литературы в 40-е годы, в частности тем, что поэзия в этот период вообще отошла на второй план в сравнении с прозой и что, стало быть, Толстой, чувствуя это очевидное снижение интереса к поэзии, и не пытался печатать свои стихи.

Что касается общей постановки вопроса о состоянии русской поэзии в 40-е годы, то тут возражений нет. Действительно, о резком падении интереса к стихам в эту пору говорили многие. «Как известно, — писал в свое время М. Л. Михайлов, — тогда вдруг, ни с того ни с сего редакторы больших и толстых журналов вообразили, что всякая строчка с кадансом и рифмой в конце должна компрометировать их серьезность, — и стихам, каковы бы они ни были, совершенно был загражден вход в важные ежемесячные издания». [1]

Интерес к стихам в 40-е годы упал, конечно, не «ни с того ни с сего» — на то были свои причины, коренившиеся в самом характере русского историко-литературного процесса. Но для нас они в данном случае не имеют значения. Ибо объективные процессы в русской литературе 40-х годов ни в какой степени не определяют субъективное отношение самих писателей к этим процессам. Стихи спросом не пользовались, и, вероятно, фигура литератора, которую обрисовал Н. А. Некрасов в 1849 году, была для того времени достаточно распространенной. [2] Однако трудно, просто невозможно допустить, что под этот тип хотя бы в самой малой мере подходили, например, Тютчев или Фет, Майков или Полонский. Не подходил

---

[1] Михайлов М. Л., Стихотворения А. Н. Плещеева. — Соч., М., 1958, т. 3, с. 203.

[2] «Писатель, чувствующий в себе искру поэтического таланта, десять — пятнадцать лет тому назад непременно раздувал бы ее сколько возможно, лелеял бы свой талант, как говорили в старину... Но поэту нашего времени этого мало. И, сознавая, что в наше время только поэтический талант, равный пушкинскому, мог бы доставить автору и Славу и *Деньги*, он предпочитает распоряжаться иначе: поэтическую искру свою разводит он на множество прозаических статей: он пишет повести, рецензии, фельетоны и, получая за них с журналистов хорошие деньги, без сожаления видит, как поэтическая способность его с каждым годом уменьшается» (Некрасов Н. А., Русские второстепенные поэты. — Полн. собр. соч. и писем, М., 1950, т. 9, с. 192).

под него, разумеется, и А. К. Толстой. А потому если он не печатал своих стихотворений вплоть до 1854 года, то на это были причины несомненно *творческого* порядка. Многие факты его биографии, равно как и сами стихотворения, написанные им в 40-е годы, позволяют говорить об этом с полнейшей определенностью.

2

Во многих письмах А. К. Толстого 50-х годов настойчиво повторяется один и тот же мотив — глубокая неудовлетворенность своим жизненным положением. Поэта тяготит служба, повседневная деловая суета, вообще все, что мешает ему жить так, как того требует его натура. Требует же она одного — полностью посвятить себя искусству, творчеству. «*Я родился художником*, но все обстоятельства и вся моя жизнь до сих пор противились тому, чтобы я сделался *вполне* художником».[1] «Я живу не в своей среде, не следую своему призванию, не делаю то, что хочу, во мне — полный разлад, и в этом, может быть, секрет моей лени, потому что я, в сущности, деятелен по природе. . .»[2] «Я не могу восторгаться вицмундиром, и мне запрещают быть художником; что мне остается сделать, если не заснуть?»[3] Такие признания идут в письмах Толстого почти до самого конца 50-х годов.

Служба, невозможность отдаться любимому делу — все это, конечно, сильно угнетало поэта. Но, пожалуй, еще более болезненным было для него ощущение своего духовного одиночества, горькое сознание, что его лучшие устремления всегда были и остаются непонятыми. Он верит в свое художническое призвание, он чувствует в себе силу преодолеть все внешние препятствия; создать же эту атмосферу сочувствия и сопонимания, которая, по его мнению, одна только и делает художника художником, он не в силах. «Разве есть возможность остаться художником при той жизни, которую мы ведем? Я думаю, что нельзя быть *художником одному, самому по себе*, когда нет художников среди окружающих вас... Энтузиазм, каков бы он ни был, скоро уничтожается нашими условиями жизни».[4] «Я еще ничего не сделал — меня никогда не поддерживали и всегда обеску-

---

[1] Письмо к С. А. Миллер от 11 октября 1851 г. — Толстой А. К., т. 4, с. 53.
[2] Письмо к С. А. Миллер от 1851 г.— Там же, с. 55.
[3] Письмо к С. А. Миллер от 31 июля 1853 г. — Там же, с. 63.
[4] Там же, с. 61. Ср. с этим высказывание А. П. Чехова, которое приводит в своих воспоминаниях И. А. Бунин: «Он любил повторять, что если человек не работает, не живет постоянно в художественной атмосфере, то, будь он Соломон премудрый, все будет чувствовать себя пустым и бездарным» (Бунин И. А., Собр. соч. В 9-ти т., М., 1967, т. 9, с. 224).

раживали, я очень ленив, это правда, но я чувствую, что я мог бы сделать что-нибудь хорошее, — лишь бы мне быть уверенным, что я найду артистическое эхо».[1]

Эти признания, знаменательные и сами по себе, представляют тем больший интерес, что относятся они, повторяю, к 50-м годам, т. е. ко времени, когда Толстым были уже написаны многие стихотворения, впоследствии ставшие широко известными, в том числе такие, как «Колокольчики мои...» и «Курган», «Средь шумного бала, случайно...» и «Не ветер, вея с высоты...», как исторические баллады «Василий Шибанов» и «Князь Михайло Репнин», «Князь Ростислав» и «Ночь перед приступом». Начата была к тому времени и работа над романом «Князь Серебряный». Так откуда же эти сомнения, этот пессимизм, эта горькая убежденность, что ничего еще не сделано?

Ответ, по-видимому, может быть лишь один: все свое творчество 40-х — начала 50-х годов Толстой рассматривал как некий подготовительный период, период поисков — своей темы, своей художественной формы. О характере этих поисков мы достаточно определенно можем судить по самим его произведениям.

Первое из напечатанных стихотворений Толстого датировано 1843 годом. Но стихи, как мы знаем, он начал писать значительно раньше. Не говоря уже о тех детских опытах, о которых поэт писал в цитированном письме к А. Губернатису, можно привести еще ряд свидетельств, из которых явствует, что со стихами он не расставался никогда.[2] Заботливый и строгий его литературный опекун, А. А. Перовский, показывал стихи племянника своим близким литературным знакомым, а ими, в числе прочих, были ни много ни мало Пушкин и Жуковский. Сохранилось письмо Перовского от 27 марта 1835 года, в котором он сообщает Толстому, что Жуковский одобрительно отзывается о его стихотворении «Вершины Альп». «Он только сказал..., что греческие пиэсы твои он предпочитает, потому что они доказывают, что ты занимаешься древними».[3] Некоторые современники свидетельствуют также, что стихи молодого поэта одобрял и Пушкин.[4]

Как ни скудны эти сведения, как ни мала возможность судить по ним о литературных занятиях Толстого в 30-х годах, все же один вывод отсюда мы, кажется, сделать вправе. А именно: и в эти годы в своих поэтических начинаниях Толстой, по-видимому, следует опре-

---

[1] Толстой А. К., т. 4, с. 54.

[2] См. стихотворения: «Сказка про короля и про монаха», «Вихорь-конь», «Телескоп», «Молитва стрелков».

[3] Цит. по кн.: Ямпольский И. Г., Середина века. Очерки о русской поэзии 1840—1870-х гг., Л., 1974, с. 15.

[4] Кондратьев А. А., Граф А. К. Толстой, с. 15.

деленным образцам, причем не только античным, но и тем, что считались образцами в поэзии 30-х годов. Ибо хотя мы и не знаем в точности, что представляло собой стихотворение «Вершины Альп», но вряд ли ошибемся, если скажем, что уже само его название позволяет предположить, что это был скорее всего типичный образчик той созерцательно-пейзажной лирики, которая была распространена в поэзии 30-х годов и явную склонность к которой Толстой сохранял до конца жизни («Крымские очерки», «На тяге» и другие).

Предположение это представляется тем более вероятным, что, в сущности, тою же печатью подражательности отмечены и многие из известных его стихотворений 40-х годов. В самом деле, что такое, например, стихотворение «Бор сосновый в стране одинокий стоит...» как не «проба сил» в давно испытанном жанре, проба, в которой нет ни сколько-нибудь оригинального сюжета, ни сколько-нибудь отстоявшейся лирической мысли. Нет потому прежде всего, что в стихотворении, в самой его художественной логике присутствует некое внутреннее противоречие. Оно заключается в том, что поэт попытался (или был вынужден) объединить здесь два самостоятельных мотива — балладный и лирический, — совмещение которых было бы оправданным лишь в том случае, если бы между ними существовал более или менее определенный художественный параллелизм, т. е. если бы «монолог» ручья, например, обращенный к герою, вызвал бы у него не случайные, а вполне определенные (соответствующие характеру самого «монолога») чувства и раздумья. В стихотворении же «монолог» этот не заключает в себе ничего, кроме неясных намеков на какие-то таинственные дела, которые совершаются по ночам на берегах ручья («Приходи ты тайком, ты узнаешь о том, Что бывает порой здесь в тумане ночном!»), а потому и мысли героя, навеянные «монологом», оказываются немотивированными, случайными.[1]

Позднее Толстой постигнет тайну художественного параллелизма и создаст в этом роде подлинные шедевры — «Звонче жаворонка пенье...», «Дробится и плещет...», «Не пенится море, не плещет волна...», «Вздымаются волны, как горы...», «Прозрачных облаков спокойное движенье...» и другие. Но это будет позднее — когда поэт полностью освободится от подражательности.

Если «Бор сосновый...» указывает лишь на известную литературную традицию, которой следовал в данном случае Толстой, то такие стихотворения, как «Ты знаешь край, где всё обильем дышит...» и «Поэт», уже прямо соотносятся с совершенно определен-

[1] Не исключено, впрочем, что это стихотворение и было в своем первоначальном виде балладой и лишь впоследствии превратилось в обычное лирическое стихотворение, как это случилось, например, с балладой «Где гнутся над омутом лозы...».

ными образцами, зависимость от которых поэт и не думает скрывать. Первое из них, как давно уже было отмечено, восходит к песне Миньоны из «Вильгельма Мейстера» Гёте, второе — столь же откровенное подражание пушкинскому «Поэту» («Пока не требует поэта. . .»). Толстой все время словно прислушивается к чему-то в себе, пытаясь определить, какой из известных ему форм в наибольшей степени будет созвучно возникшее у него настроение, впечатление, мысль. Однако настроения эти пока что настолько неопределенны и безотчетны, что, заимствуя сложившуюся форму, он невольно заимствует и некоторые элементы заключенного в ней содержания.

И все-таки даже в этих наиболее «подражательных» стихах достаточно отчетливо просматривается некая общая тенденция, позволяющая говорить если не о самостоятельности, то, во всяком случае, о вполне определенной цельности творческой позиции молодого писателя. Почти неуловимая в каждом отдельном произведении, тенденция эта обретает вполне реальные очертания, если иметь в виду более или менее широкую совокупность ее проявлений. Суть ее в том, что предметом поэтического одушевления у Толстого всегда выступает не окружающая его действительность, а некий особый, далекий от нее мир, к воспоминаниям и раздумьям о котором она лишь подает повод. Для него словно еще продолжается та пора, о которой он вспоминал многие годы спустя в поэме «Портрет»:

Действительность, напротив, мне была
От малых лет несносна и противна;
Жизнь, как она вокруг меня текла,
Всё в той же прозе движась беспрерывно,
Всё, что зовут серьезные дела, —
Я ненавидел с детства инстинктивно.
Не говорю, чтоб в этом был я прав,
Но, видно, так уж мой сложился нрав.

Теперь он, правда, уже не предается мечтаниям «о подвигах, достойных романа», не уносится воображением в мир сказочных видений, как в те далекие годы детства, но взгляд его по-прежнему обращен вдаль, «за вещественный предел», в мир каких-то смутных отзвуков, отблесков, зыблющихся образов. Невнятный лепет ручья в ночном лесу навевает на него грустные думы о «прошлых годах»; старинный, покинутый хозяевами дом будит горькие мысли о том, что «забыли потомки свой доблестный род»; воспоминания о стране своего детства воскрешают в памяти давно отошедшие в историю события и имена — Запорожская Сечь, Сагайдачный, Палей, Кочубей... И, пожалуй, именно тогда, когда в туманной дали минувшего его взгляд начинает различать какие-то конкретные исторические

черты, именно тогда его поэтическая мысль обретает необходимую уверенность. И лишь в этих случаях у него возникает достаточно определенный диалог с современностью, в котором это опоэтизированное прошлое явно противопоставляется современности.

Среди произведений Толстого этой поры нужно особо выделить три стихотворения — «Колокольчики мои...», «Курган» и балладу «Василий Шибанов». Именно в них обозначился тот основный круг тем и идей, которые разрабатывались им потом на протяжении многих и многих лет.

«Колокольчики мои...» — светлая и наивная историческая греза, поэтизирующая тысячелетний путь России. Вольный бег коня в чистом поле, в чем-то созвучный вихревому полету гоголевской тройки, символизирует исторические судьбы России, воплощает раздумья и мечты о ее будущем:

Есть нам, конь, с тобой простор!
    Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
    К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег!
    Радостью ль? Кручиной?
Знать не может человек —
    Знает бог единый!..

Мрачные тени прошлого — память о кровавой борьбе Руси с воинственными степными народами — лишь на миг возникают в сознании поэта, чтобы тут же отступить перед светлым видением грядущего триумфа России, призванной стать во главе объединенного славянства.

Эта красочная утопия, напоминающая по своей главной мысли стихотворение А. И. Одоевского «Славянские девы», уступает ему, пожалуй, только в одном отношении: в стихах поэта-декабриста величественная миссия России мыслится без участия царя.

Уносясь мечтой в идеальный мир, в котором историческое воспоминание причудливо переплетается с восторженным поэтическим предчувствованием, поэт еще не осознает себя в мире сегодняшней действительности. Поэтические картины, проносящиеся в его воображении, для него пока что не более чем сон, навеянный пылкой мечтой. Однако в стихотворении «Курган» звучат уже настроения совсем иного рода.

...Под древним курганом покоится прах великого воина. Поэт знает, что это был знаменитый витязь, прославивший свой народ великими подвигами. На тризне певцы воспевали его подвиги, пророча

ему великую, немеркнущую в веках славу. Но прошли века — и что же? Курган по-прежнему гордо высится в степи,

А витязя славное имя
До наших времен не дошло...
Кто был он? Венцами какими
Свое он украсил чело?

Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?

Безмолвен курган одинокий,
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит.

Нравственно-философскую мысль Толстого можно истолковать на первый взгляд как подтверждение извечного «Sic transit gloria mundi» («Так проходит земная слава»). Однако здесь она имеет свой особый «подтекст», причем весьма показательный именно для Толстого. Подтекст этот заключается пока еще в не слишком отчетливом, но все же достаточно определенном противопоставлении эпически величавого мира древней Руси миру современному, забывшему славу великих предков, — рукотворный курган пережил то, что должно было стать духовным достоянием современности.

Толстой вообще считал, что дотатарский период русской истории был для Руси «золотым веком», после которого общественный строй страны подвергся гибельным превращениям. В централизации русского государства он видел лишь процесс неуклонного укрепления самодержавной власти, процесс порабощения некогда свободной личности государством. В этом ему виделось тяжкое наследие татарского ига. В одной из позднейших своих баллад «Змей Тугарин» (1867), олицетворяя в фигуре Тугарина враждебный Руси мир степного Востока, он вкладывает в уста этого персонажа зловеще-пророческие слова:

..,И время придет,
Уступит наш хан христианам,
И снова подымется русский народ,
И землю единый из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом.

И в тереме будет сидеть он своем,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожьем,
А вы ему стукать да стукать челом —
Ой срама, ой горького срама!

И — далее:

...Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

Представления Толстого о развитии русской государственности, разумеется, односторонни. Однако не следует забывать, что сложились они в результате резко оппозиционного отношения его к современному ему полицейско-бюрократическому строю, о чем красноречиво свидетельствует целый ряд произведений писателя. Пророчества Тугарина, считает он, сбылись; потому и пережил безмолвный курган славу великого древнего витязя.

В стихотворениях «Колокольчики мои...» и «Курган» обозначены лишь контуры исторических воззрений Толстого: история выражена в них хотя и в ярких, но слишком уж общих поэтических символах. Но это были лишь подступы к исторической теме, к прямой ее разработке. Первым же шагом к такой разработке стала написанная в те же 40-е годы широко известная баллада «Василий Шибанов». Баллада эта явилась и первым опытом обращения Толстого к эпохе Ивана Грозного, которая в дальнейшем займет в его творчестве столь исключительное место.

Интерес поэта к этой эпохе не случаен. В его представлении именно она глубже всего отразила все те отрицательные последствия, которыми сопровождался процесс централизации государственной власти на Руси, именно в ней он видел наиболее яркое воплощение тиранической сущности самовластия.

В 1874 году в уже упоминавшемся письме к А. Губернатису Толстой утверждал, что одним из самых стойких его убеждений всегда было «отвращение к произволу... ненависть к деспотизму, в какой бы форме он ни проявлялся».[1]

В балладе «Василий Шибанов» деспотическое начало воплощено в образе Ивана Грозного. Царь-тиран, царь-«сыроядец», как он сам себя называл, Грозный сокрушил последние остатки аристократической оппозиции, с которой Толстой связывал воспоминания о былых

---

[1] Толстой А. К., т. 4, с. 426.

свободах. Грозный уничтожил представителей древнейших княжеских родов, учредил ненавистную опричнину, ввергнув страну в пучину террора и произвола. Негодованием, гневным укором дышат обращенные к нему слова князя Курбского, бежавшего от царской опалы в Литву:

...Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишись бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?..

Однако хотя пылкая диатриба Курбского, без сомнения, выражает взгляд самого Толстого, все же не Курбскому отданы симпатии поэта. Не говоря уже о том, что Курбский — изменник, перебежавший (пусть и спасаясь от царского гнева) на сторону исконного врага Руси, это еще и глубоко себялюбивый и в гордыне своей чрезвычайно жестокий человек. Отправляя с посланием к царю своего верного стремянного Василия Шибанова, только что спасшего ему жизнь, он знает, что обрекает его на неминуемую гибель. Но все же он не задумываясь жертвует им всего лишь ради того, чтобы его надменная речь достигла слуха венценосного врага.

Подлинный герой баллады — Василий Шибанов. Не сочувствуя Курбскому в его тяжбе с царем, а тем более — в его измене, он тем не менее до конца остается верным своему боярину. Человек долга, он во имя долга идет на смерть. И предсмертные его слова — это и горький укор Курбскому, и утверждение в сознании до конца исполненного долга. Примечательно между прочим, что и сам Грозный в действительной переписке с Курбским ставил тому в пример именно поведение Шибанова: «Како же не усрамишися раба своего Васки Шибанова? Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и пред всем народом, при смертных вратех стоя, и крестнаго ради целования тебе не отвержеся, и похваляя всячески умрети за тебе тщашеся».[1]

3

В конце 1840 года Толстого переводят на службу во Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии, одно из высших государственных учреждений страны, ведавшее во-

[1] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, Л., 1979, с. 15.

просами законодательства. Влиятельные родственники поэта не оставляют надежд увидеть наконец своего любимца на пути к той блестящей придворно-бюрократической карьере, право на которую ему давали богатство, знатное происхождение и обширные связи при дворе. Однако сам он по-прежнему равнодушен к службе и совершенно так же, как и раньше, большую часть времени проводит в длительных отпусках, охотно предоставляемых ему благодаря влиянию той же родни. Он часто наезжает в Красный Рог, перешедший после смерти А. А. Перовского (1836) в его владение, участвует в пышных царских охотах в новгородских лесах, совершает большое путешествие в оренбургские степи, в «сатрапию» другого своего дяди — В. А. Перовского, оренбургского генерал-губернатора.

Весной 1850 года в составе правительственной комиссии князя В. Д. Давыдова Толстой едет в Калугу. Поездка эта примечательна тем, что в Калуге, в доме известной Александры Осиповны Смирновой-Россет, произошла последняя встреча Толстого с Гоголем. Знакомы они были уже давно, но лишь в эту последнюю встречу по-настоящему узнали друг друга. Гоголь очень сердечно отнесся к молодому поэту, с интересом слушал его стихи и главы из романа «Князь Серебряный», сам читал отрывки из второго тома «Мертвых душ». А однажды продекламировал ему старинную русскую песню «Пантелей-государь ходит по двору...», которую Толстой впоследствии включил в свой роман.

Перед самым новым годом Толстой вернулся в Петербург, где уже вскоре ему предстояло стать участником одного весьма знаменательного события.

8 января 1851 года в бенефис известного петербургского актера А. М. Максимова Александринский театр давал пьесу под названием «Фантазия». На представлении присутствовал император Николай Павлович. Спектакль ознаменовался крупным скандалом: в середине действия царь встал и в раздраженном состоянии духа покинул ложу. На следующий же день «по высочайшему повелению» представление пьесы в театрах было воспрещено.

Никто в то время не предполагал и не мог предположить, что это был первый выход к широкой публике Козьмы Пруткова, «писателя», которому уже вскоре предстояло занять одно из виднейших мест в истории русской сатиры. Не знали, впрочем, об этом и сами авторы скандальной пьесы, поскольку они еще не успели принять на себя имя Козьмы Пруткова, а скрывались пока под скромными литерами Y и Z.

Этими авторами были Алексей Константинович Толстой и его двоюродный брат Алексей Михайлович Жемчужников, два «непре-

менных члена» одного весьма необычного кружка, который в петербургских гостиных имел уже довольно громкую известность.

О кружке этом (в него входили еще четверо братьев Жемчужниковых) по городу ходили анекдоты один забавнее другого. Рассказывали, например, как один из его членов, одевшись во флигель-адъютантский мундир, объездил ночью главных петербургских архитекторов с известием, что провалился Исаакиевский собор и что всем им надлежит срочно явиться во дворец. Или еще: в день коронации Александра II они выпрягли лошадей из кареты испанского посланника (посланника единственной в то время дружественной России державы), а карету бросили на одной из улиц. Простодушного провинциала, искавшего квартиру, они иной раз направляли по адресу: Пантелеймоновская, 9, где располагалось III Отделение. А то будили среди ночи какого-нибудь немца-булочника и спрашивали, есть ли в его лавке пеклеванный хлеб; получив же утвердительный ответ, назидательно замечали: «Ну, благодарите бога, а то много людей не имеют и куска насущного хлеба».

Подобных рассказов-анекдотов ходило в то время немало. «Все мы, — вспоминал позднее А. М. Жемчужников, — тогда были молоды, и «настроение кружка», при котором возникли творения Пруткова, было веселое, но с примесью сатирически-критического отношения к современным литературным явлениям и к явлениям современной жизни. Хотя каждый из нас имел свой особый политический характер, но всех нас соединяла плотно одна общая нам черта: полное отсутствие «казенности» в нас самих и, вследствие этого, большая чуткость ко всему „казенному"».[1] Эта черта, как считал А. М. Жемчужников, и помогла им создать некий собирательный образ, который, по замыслу авторов, должен был быть «до того казенный, что ни мысли его, ни чувству недоступна никакая так называемая злоба дня, если на нее не обращено внимания с казенной точки зрения».[2] Образом такого рода и должен был стать Козьма Прутков.

В значительной мере он и стал им, создав такие шедевры консервативно-бюрократической мысли, как «Проект: о введении единомыслия в России», как предисловие к «Выдержкам из записок моего деда», как многие мысли и афоризмы из «Плодов раздумья». Однако это была лишь одна из масок Козьмы Пруткова, маска, которой Жемчужниковы особенно дорожили (и даже дали к ней весьма обстоятельный историко-психологический комментарий), но которая в дей-

---

[1] В. М. Жемчужников. Письмо к А. Н. Пыпину от 6(18) февраля 1883 г. — Козьма Прутков, Полн. собр. соч., М.—Л., 1965 («Б-ка поэта», Б. с.), с. 393.
[2] Там же.

ствительности далеко не исчерпывает всего многообразия творческих ипостасей гениального директора Пробирной Палатки. Об этом красноречиво свидетельствует как история создания образа Козьмы Петровича, так и сами произведения, написанные от его имени.

В том же письме к А. Н. Пыпину В. М. Жемчужников писал, что «нравственный и умственный образ К. Пруткова создался... не вдруг, а постепенно, как бы сам собою, и лишь потом дополнялся и дорисовывался нами сознательно. Кое-что из вошедшего в творения Козьмы Пруткова было написано даже ранее представления нами, в своих головах, единого творца-литератора, типического, самодовольного, тупого, добродушного и благонамеренного. Сначала просто писалось от веселости и без заботы о сохранении в написанном какой-либо общей черты, кроме веселости и насмешки».[1] Так, т. е. «исключительно ради шутки», были написаны басни «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул», «Цапля и беговые дрожки», «Червяк и попадья» и другие. Никаких литературных целей с ними «прутковцы» не связывали. Это было обыкновенное «прикладное» творчество, в своем роде явление литературного быта — и только.

Вскоре, однако, прутковский юмор приобрел достаточно определенную целенаправленность. У него появились свои мишени — литературные и социальные. За короткое время Козьма Петрович успел написать пародии едва ли не на всех тогдашних поэтов, пустил в обращение массу всякого рода афоризмов, притч, анекдотов, сочинил несколько пьес, в том числе, как выяснилось, и столь нашумевшую комедию «Фантазия».

«Клевреты» Козьмы Пруткова (как называли себя его создатели) не ограничились тем, что придумали себе литературный псевдоним; они постарались наделить носителя этого псевдонима еще и определенным характером. Дело это, надо сказать, было непростым. Нужно было найти в Козьме Пруткове такую черту, которая оправдывала бы совмещенность в нем всех его, по сути, разнородных ипостасей, уже заявленных им в том пестром литературном материале, автором которого он считался. Эта черта должна была примирить в нем и талантливого пародиста, и самодовольного графомана, и умного, проницательного философа, и тупого, нерассуждающего бюрократа.

Выход «клевреты» нашли весьма оригинальный. Они представили дело таким образом, будто Козьма Прутков — вовсе не сатирик, не пародист, а вполне «серьезный» писатель, все заблуждение которого

---

[1] Письмо к А. Н. Пыпину от 6 (18) февраля 1883 г. — Козьма Прутков, Полн. собр. соч., с. 395.

заключается лишь в том, что он считает себя способным творить решительно во всех литературных жанрах. В «Письме известного Козьмы Пруткова к неизвестному фельетонисту «С.-Петербургских ведомостей» (1854 г.) по поводу статьи сего последнего» он так разъясняет свою позицию: «Я никогда не писал пародий! Откуда ты взял, будто я пишу пародии! Я просто анализировал в уме своем большинство поэтов, имевших успех; этот анализ привел меня к синтезису; ибо дарования, рассыпанные между другими поэтами порознь, оказались совмещенными все во мне едином!.. Придя к такому сознанию, я решился писать. Решившись писать, я пожелал славы. Пожелав славы, я избрал вернейший к ней путь: *подражание* именно тем поэтам, которые уже приобрели ее в некоторой степени. Слышишь ли? — «подражание», а не пародию!..» [1]

То, что произведения Козьмы Пруткова были представлены как «подражания», разумеется, ничуть не изменило их пародийной сути. Более того: выставленные в качестве подражательного (т. е. вполне «серьезного») творчества такой карикатурно-комической фигуры, они приобретали еще большую остроту и выразительность. Но подчеркнуть именно подражательность прутковских вещей было важно. Ибо только в качестве *подражателя* обретал необходимое единство и художественную достоверность тот автор, под именем которого печаталась столь разнородная продукция. И именно поэтому в своем герое «прутковцы» особенно стремились показать такие его свойства, как глупость, казенность, самовлюбленность: во-первых, подражательное творчество глупого человека уже само по себе есть пародия; во-вторых же, с него и спрос меньше, если он в порыве казенного вдохновения возьмет да и сочинит что-нибудь вроде «Проекта: о введении единомыслия в России».

И все же творческое наследие Козьмы Пруткова во многом не отвечает тому «портрету», который «прутковцы» усиленно навязывали читателю в своих многочисленных комментариях к образу, в предисловиях и таких классически прутковских афоризмах, как, скажем, «Смотри в корень!», «Бди!», «Козыряй!», «Усердие все превозмогает!», «Военные люди защищают отечество», «Пруссия должна быть королевством» и т. п. Ведь даже в «Плодах раздумья», в этом, пожалуй, самом «прутковском» произведении Козьмы Петровича, можно указать много таких «мыслей и максимов», автором которых уж никак не мог быть «тупой, самодовольный бюрократ». Например: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий», «Где начало того

---

[1] Козьма Прутков, Полн. собр. соч., с. 54.

конца, которым оканчивается начало?», «Если хочешь быть счастливым, будь им», «Не в совокупности ищи единства, но более — в единообразии разделения», «Петух пробуждается рано, но злодей еще раньше», «Пояснительные выражения объясняют темные мысли», «Не совсем понимаю: почему многие называют судьбу индейкою, а не какою-нибудь другою, более на судьбу похожею птицею?», «Люди не перестали бы жить вместе, хотя бы разошлись в разные стороны» и многие другие.

Таковы же в сущности и многие прутковские пародии и эпиграммы, не говоря уже о произведениях, которые «прутковцы» вынуждены были приписать деду и сыну Козьмы Петровича и аудитору полка, где служил «даровитый сын гениального отца» («Гисторические материалы Федота Козьмича Пруткова (деда)», «Военные афоризмы», «Церемониал»).

«Непременные члены» кружка Козьмы Пруткова отказывались определять долю каждого из них в наследии своего героя, и действительный вклад А. К. Толстого в это наследие, вероятно, никогда не будет установлен достаточно точно. Но можно утверждать с большой уверенностью, что он в совершенстве владел всеми «прутковскими» жанрами. Его талант пародиста подтверждается, например, «Церемониалом», а также «Медицинскими стихотворениями» и «Надписями на стихотворениях А. С. Пушкина»; в «коронном» же жанре Козьмы Петровича — «афоризмах и максимах» — ему вообще не было равных, в чем легко убедиться по многим его письмам. Он мог быть соавтором любого произведения Пруткова, и это обстоятельство самым существенным образом расширяет наше представление о его общественно-литературной позиции.

4

50-е годы в жизни Толстого — пожалуй, самая богатая внешними событиями пора.

В 1851 году началась Крымская война. С началом военных действий Толстой вместе со своим другом князем А. П. Бобринским решил организовать партизанский отряд на случай возможной высадки английского десанта на балтийском побережье. На свои средства они закупили в Туле 80 дальнобойных винтовок. Затем, когда выяснилось, что англичане не высадятся, он решил приобрести быстроходную морскую яхту для ведения каперской войны против англичан в Балтийском море. Когда же и это предприятие осуществить не удалось, Толстой поступил добровольцем в только что сформированный стрелковый полк императорской фамилии и в чине майора отправился к театру боевых действий в Крым. Неудача, однако, подстерегала его и там: в лагере под Одессой он заболел тифом.

После окончания войны перед Толстым открылась блестящая служебная карьера. В день коронации Александра II, товарища его детских игр (Перовские были близки ко двору, и маленького Толстого часто приглашали к цесаревичу), поэт был произведен в подполковники с придворным званием флигель-адъютанта и назначен делопроизводителем Секретного комитета о раскольниках. Служба, однако, по-прежнему его не привлекает, и так же, как и раньше, он то и дело берет долгосрочные отпуска, пока наконец в 1861 году ему не удается уйти в отставку. «Государь, — обращался он к Александру II, — служба, *какова бы она ни была*, глубоко противна моей натуре; знаю, что каждый должен в меру своих сил приносить пользу отечеству, но есть разные способы приносить пользу. Путь, указанный мне для этого провидением, — мое *литературное дарование*, и всякий иной путь для меня невозможен. Из меня всегда будет плохой военный и плохой чиновник, но, как мне кажется, я, не впадая в самомнение, могу сказать, что я хороший писатель».[1]

Такая самооценка не была преувеличением. В 50-е годы Толстой окончательно сложился как писатель, приобрел твердую литературную репутацию и достаточно устойчивое признание. Он печатается почти во всех наиболее видных журналах, в круг его близких знакомых входят Тургенев, Гончаров, Фет, братья Аксаковы, А. С. Хомяков. В эти годы он написал около двух третей всей своей лирики, поэмы «Грешница», «Иоанн Дамаскин», пьесу «Дон Жуан», почти завершил работу над романом «Князь Серебряный», начатым еще в конце 40-х годов.

Лирика Толстого 50-х годов — это, конечно, прежде всего стихотворения, посвященные Софье Андреевне Миллер. С нею поэт встретился в январе 1851 года, вскоре после возвращения из Калуги.

Это была умная, образованная женщина, прекрасно разбиравшаяся в искусстве, литературе, философии, знавшая четырнадцать, а по некоторым сведениям шестнадцать языков. Ее ум и литературный вкус, например, высоко ценил И. С. Тургенев, который всегда ей первой читал или посылал свои новые произведения.

Толстой и Софья Андреевна очень скоро поняли, что их встреча — это их судьба, но свадебную церемонию им пришлось отложить на многие годы: муж Софьи Андреевны, полковник-кавалергард Л. Ф. Миллер, которого она уже давно оставила, не давал ей развода, а графиня Анна Алексеевна и слышать не хотела о подобном союзе для сына. Да и у них самих в первое время отношения складываются далеко не просто: Софья Андреевна, видимо, не совсем

---

[1] Письмо к Александру II от августа или сентября 1861 г. — Толстой А. К., т. 4, с. 139.

еще верит в долговечность их чувств, Толстой же весьма тяжело переживает объяснение, состоявшееся у них с Софьей Андреевной осенью 1851 года:

Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!
Жизнью твоею я жил, и слезами твоими я плакал;
Мысленно вместе с тобой прострадал я минувшие годы,
Всё перечувствовал вместе с тобой, и печаль и надежды,
Многое больно мне было, во многом тебя упрекнул я;
Но позабыть не хочу ни ошибок твоих, ни страданий.

Приходят к нему и сомнения. Таинственный его «двойник», встретившийся ему в ночном лесу, откровенно смеется над его надеждами:

Смеюсь я, товарищ, мечтаньям твоим,
Смеюсь, что ты будущность губишь;
Ты мыслишь, что вправду ты ею любим?
Что вправду ты сам ее любишь?
Смешно мне, смешно, что, так пылко любя,
Ее ты не любишь, а любишь себя.

(«С ружьем за плечами, один, при луне. . .»)

И на слова эти герой, увы, не находит ответа. Отзвуки подобных чувств будут порой слышаться и в некоторых других стихах («Ты не спрашивай, не распытывай. . .», «Колышется море. . .»), но вскоре они исчезнут, и в лирике Толстого мощно зазвучат совсем иные мотивы — ощущение великой наполненности бытия, радость могучего духовного возрождения. Любовь для поэта — не только могучая всепоглощающая страсть. Любовь — это высшее прозрение, дающее поэту счастье постигнуть великое единство всего сущего:

И просветлел мой темный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо. . .
. . .И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало. . .

(«Меня, во мраке и в пыли. . .»)

В одном из писем к Софье Андреевне Толстой пишет, что его всю жизнь не покидало чувство творческого одиночества, что ему всегда

не хватало того, что он называл «артистическим эхом». «Теперь я его нашел... — пишет он, — это ты». [1]

Творческое становление Толстого, конечно, далеко еще не закончилось, поиски своей темы, своей художественной формы для него еще продолжаются и идут не так легко, но поэт уже твердо стал на ноги, и именно стихотворения, посвященные Софье Андреевне, отразили этот важный сдвиг. В них он подлинно стал самим собой, заговорил своим собственным голосом, и этот бесценный для каждого истинного художника опыт не прошел даром и для него.

В статье «Русские второстепенные поэты» Некрасов писал, что «самый трудный род поэтических произведений — это произведения, в которых, по-видимому, нет никакого содержания, никакой мысли; это пейзаж в стихах, картинка, обозначенная двумя-тремя чертами. Уловить именно те черты, по которым в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина, — дело величайшей трудности». [2]

Толстой был прирожденным пейзажистом. Талант этот виден во всех его стихах. Однако в ранних своих произведениях он словно не вполне еще знал, что с ним, этим талантом, делать, какую поэтическую мысль вдохнуть в те пейзажи, которые он рисовал. Ибо свое «содержание», своя «мысль» несомненно есть и должны быть у каждого подлинно художественного пейзажа уже по одному тому, что пейзаж, как говорил Левитан, это природа, профильтрованная через темперамент художника. Мысль пейзажа может быть не обозначена, но она присутствует в том настроении, которое художник в нем отразил и которое стремился вызвать в читателе.

В лирике Толстого 50-х годов искусство пейзажа достигло высочайшего уровня. Пейзаж то составляет тонкую параллель к чувствам, раздумьям поэта, то контрастно их оттеняет, то сам сверкает, звучит всем богатством оттенков заключенного в нем настроения:

Вот уж снег последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли...

...Грустно жить тебе, о друг, я знаю,
И понятна мне твоя печаль:
Отлетела б ты к родному краю
И земной весны тебе не жаль...

---

[1] Письмо от 14 октября 1851 г. — Толстой А. К., т. 4, с. 54.
[2] Некрасов Н. А., Полн. собр. соч. и писем, т. 9, с. 205.

А какое богатство, какой блеск живописи в «Крымских очерках»!

Туман встает на дне стремнин,
Среди полуночной прохлады,
Сильнее пахнет дикий тмин,
Гремят слышнее водопады...

...Над нами светят небеса,
Чернеет бездна перед нами,
Дрожит блестящая роса
На листьях крупными слезами...

Где светлый ключ, спускаясь вниз,
По серым камням точит слезы,
Ползут на черный кипарис
Гроздами пурпурные розы.
Сюда когда-то, в жгучий зной,
Под темнолиственные лавры,
Бежали львы на водопой
И буро-пегие кентавры...

В 50-е годы в поэзии Толстого все отчетливее начинают звучать философские мотивы. Поэт все чаще задумывается о смысле жизни, о ее вечных началах, о всеобщности мировых связей.

По своему мироощущению он был религиозным человеком. Он верил в то, что земное существование людей — это лишь ничтожная часть их вечного пути и что души их после смерти вернутся к своему вечному истоку.

Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи...

...Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще, — неволя недолга —
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега.

(«Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре...»)

Однако он — поэт, художник и уже по одному этому остро чувствует красоту земли, красоту и счастье земного существования человека. И эта простая, теплая земная правда начинает в нем не то

чтобы роптать, а просто тихо жаловаться, с болью грустить об оставляемом на земле:

Горними тихо летела душа небесами,
Грустные долу она опускала ресницы;
Слезы, в пространство от них упадая звездами,
Светлой и длинной вилися за ней вереницей.

Встречные тихо ее вопрошали светила:
«Что ты грустна? И о чем эти слезы во взоре?»
Им отвечала она: «Я земли не забыла,
Много оставила там я страданья и горя.

Здесь я лишь ликам блаженства и радости внемлю,
Праведных души не знают ни скорби, ни злобы —
О, отпусти меня снова, создатель, на землю,
Было б о ком пожалеть и утешить кого бы!»

Этот круг идей лег и в основу крупнейшего произведения Алексея Толстого — поэмы «Иоанн Дамаскин» (1867).

5

Поэма «Иоанн Дамаскин» — одно из лучших произведений Толстого — примечательна, кроме всего прочего, в том отношении, что еще на пути к печатному станку вызвала весьма горячую полемику между шефом жандармов, начальником III отделения В. А. Долгоруковым и министром народного просвещения Е. П. Ковалевским. Шеф жандармов, усмотрев в поэме чуть ли не революционный смысл, решительно настаивал на ее запрещении; министр же просвещения ничего предосудительного в ней не находил и в конце концов добился разрешения ее к печати.

Самое любопытное заключалось, однако, в том, что в оценке поэмы были по-своему и правы и не правы обе спорящие стороны.

Нет, ничего революционного, «подрывающего устои» в поэме, разумеется, не было; образ Иоанна Дамаскина, в общем-то, не противоречит «житию» этого «воина церкви», положенному в основу поэмы.[1] Однако ревнивое око жандарма не могло не заметить, что святому Иоанну в поэме Толстого недостает не чего-нибудь, а именно «святости», что художник, поэт если и не побеждает в нем подвижника-христианина, то по крайней мере стоит наравне с ним, что, наконец, именем Иоанна освящаются слова:

---

[1] Об источнике поэмы, указанном самим автором, см. прим. 144.

Над вольной мыслью богу неугодны
Насилие и гнет:
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет!

Было бы, конечно, очевидным преувеличением усматривать здесь «программное» противопоставление религиозного и «светского» начал, противостояние искусства религии и т. п. Однако едва ли еще не более существенным является другое. Искусство в понимании Толстого не только не противостоит религиозной морали, но, по сути своей, само есть одна из действеннейших форм служения высшим целям. Важно лишь, настаивает он, чтобы понимание религии было жизнетворческим. И вот как раз в этом-то моменте и проявляется та коренная особенность религиозной концепции Толстого, которая резко отличала ее от официальной церковной догмы и которая не могла не насторожить такого неусыпного блюстителя православия, как Долгоруков. Много позже в «Послании к М. Н. Лонгинову о дарвинисме» (1872) Толстой еще раз и еще более неожиданно подтвердит эту свою идею, выразив ее, так сказать, теоретически. Здесь же, в поэме, ею проникнут весь художественный строй повествования.

Она заявлена уже в самом начале поэмы, в словах Иоанна, обращенных к калифу:

...Твой щедрый дар,
О государь, певцу не нужен;
С иною силою он дружен;
В его груди пылает жар,
Которым зиждется созданье;
Служить творцу его призванье...

«Служить творцу» — это для Иоанна не отвлеченная задача, не отречение от мира ради спасения души. Напротив, это пантеистически широкое слияние с природой, постижение ее глубочайших, сокровеннейших тайн, которые доступны лишь боговдохновенному взору поэта. Раскрыть эти тайны, постигнуть и восторженно воспеть абсолютную мудрость мироздания — вот высшая цель художника, высшее осуществление его священного призвания.

Однако пантеистическое созерцание картины бытия — лишь одна сторона философской концепции поэмы. Другая, более сложная, — осознание человеком своего места в системе мироздания и — отсюда — того пути, каким он должен идти к постижению смысла своей жизни. В неоконченной поэме «Алхимик» (1867) Толстой устами ее героя Раймонда Люллия так формулирует эту связь:

Ты, всесторонность бытия,
Неисчерпаемость явленья,
В тебе повсюду вижу я
Того же света преломленья.
Внутри души его собрать,
Его лучей блудящий пламень
В единый скоп всесильно сжать —
Вот Соломонова печать,
Вот Трисмегиста дивный камень!
Тот всеобъемлющий закон,
Которым всё живет от века,
Он в нас самих — он заключен
Незримо в сердце человека!

И поскольку это так, поскольку человек,

Его любовь, и гнев, и страх,
Его стремленья и желанья,
Всё, что кипит в его делах,
Чем он живит и движет прах, —
Есть та же сила мирозданья! —

то, значит, разгадка тайны мирозданья зависит от того, насколько человек способен постичь высшую правду своего собственного бытия.

Люллий только еще на пути к постижению этой правды, он еще не знает законов, управляющих этим таинственным «микрокосмом» — человеческой душой. Иоанн Дамаскин —знает. Благословляя в своем восторженном гимне природе «долины, нивы, горы, воды» как знаки единства и величия мирозданья, он видит и того, в ком заключена великая тайна и правда «микрокосма»:

Я зрю его передо мною
С толпою бедных рыбаков;
Он тихо, мирною стезею,
Идет меж зреющих хлебов;
Благих речей своих отраду
В сердца простые он лиет,
Он правды алчущее стадо
К ее источнику ведет.

Но правда «микрокосма», которую олицетворяет Христос, — это для Толстого прежде всего человеческая правда, поскольку и сам-то человек есть не только одно из проявлений «силы мирозданья», но и

его венец. Отсюда и особый, «ренессансный» гуманизм толстовской трактовки христианской идеи, гуманизм, который особенно ярко проявился в основном конфликте поэмы — в столкновении Иоанна с его духовным наставником, жестоким и фанатичным блюстителем христианской аскезы. Именно в его философии, воплотившей догматический дух официальной церковности, разрывается, как считает Толстой, всеобъемлющая связь «микрокосма» с «макрокосмом», ибо он не признает за человеком его, предусмотренного самим устройством мироздания, права представительствовать от имени «макрокосма». И поэт бросает этому «бичевателю душ» тот же самый, полный глубокого и тонкого сарказма упрек, который впоследствии он выразил и М. Н. Лонгинову (в послании, обращенном к нему), — упрек в том, что и тот и другой хотят подменить абсолютную справедливость и мудрость мироустройства своими жалкими установлениями и предписаниями:

На то ли жизни благодать
Господь послал своим созданьям,
Чтоб им бесплодным истязаньем
Себя казнить и убивать?..

...Почто ж певца живую речь
Сковал ты заповедью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рекой певучей неоскудно!
Да оросят его мечты,
Как дождь, житейскую долину —
Оставь земле ее цветы,
Оставь созвучья Дамаскину!

Но поэзия в понимании Толстого — это не только возможность славить красоту и величие мироздания и не только признание за человеком права любить жизнь. Славя непостижимое человеком величие мироздания, герой Толстого провозглашает как свой святой долг необходимость борьбы со злом, со всем тем, что противоречит человеческой правде, освященной высшим авторитетом:

Раздайся ж, воскресная песня моя,
Как солнце взойди над землею!
Расторгни убийственный сон бытия
И, свет лучезарный повсюду лия,
Громи, что созиждено тьмою!

Этот мотив — последний штрих в художественно-философской концепции поэмы, и его тоже можно назвать «ренессансным» по са-

мой его природе: восходя к тем же гуманистическим истокам, что и религия, поэзия, однако, гораздо действеннее ее, ибо в отличие от религии несовместима ни с какой догмой.

6

Во многих стихах Толстого, так же как и в целом ряде его писем, настойчиво звучит одна и та же мысль: в искусстве не должно быть места «злобе дня», борьбе социально-политических, литературных и всяких иных «течений». «В произведении литературы я презираю всякую тенденцию, презираю ее, как пустую гильзу, тысяча чертей! как раззяву у подножья фок-мачты, три тысячи проклятий! Я это говорил и повторял, возглашал и провозглашал!»[1] «По мне, сохрани бог от всякой задачи в искусстве, кроме задачи сделать хорошо. И от направления в литературе сохрани бог, как старого, так и от нового! Rossini сказал: «Il n'y a que deux especes de musique, la bonne et la mauvaise». То же можно сказать и о литературе».[2]

Все это создало Толстому довольно устойчивую репутацию писателя, далекого от современной действительности, приверженца «искусства для искусства».

Весь парадокс, однако, в том, что, страстно отстаивая мысль о самоценности искусства, о его принципиальной независимости от «злобы дня», Толстой сам — и в своей художественной практике, и во многих «теоретических» высказываниях — доказывал нечто совершенно противоположное. Парадокса, впрочем, здесь нет. Просто в само понятие «искусство» поэт вкладывал смысл настолько широкий и содержательный, что, даже называя себя сторонником «искусства для искусства», он тем не менее имел право считаться современным поэтом в самом прямом значении этого слова.

Что же понимал Толстой под искусством?

«Я понимаю, — писал он С. А. Миллер в 1856 году, — что время есть лишь ложная или недостаточная идея, происходящая от ограниченности нашего ума, который не может понять предметы иначе, как в отдельности, и который не может сознать их в одной цельности».[3] Именно так, «в отдельности» и взаимной изолированности, воспринимает, по мнению Толстого, явления окружающего мира обыденное сознание. Основной порок такого восприятия видится ему в том, что люди «смотрят на эту жизнь как на конец и на цель нашего

---

[1] Письмо к Б. М. Маркевичу от 13 декабря 1868 г. — Толстой А. К., т. 4, с. 246.

[2] Письмо к М. М. Стасюлевичу от 17 ноября 1869 г. — Там же, с. 324. «В музыке есть только два рода, хороший и плохой» (франц.) — *Ред.*

[3] Письмо от 17 ноября 1856 г.— Толстой А. К., т. 4, с. 91.

существования»,[1] отсюда и заземленность их интересов, эгоистический прагматизм жизненных критериев. Разрушить это мировосприятие, возвысить человека до осознания всеобщей связи явлений и призвано, по мнению Толстого, искусство. Только ему, искусству, считает поэт, по силам эта задача, ибо орудием постижения мира в нем является не разум, а чувство.

Но чувство, подчеркивает Толстой, не только гарантирует эту цельность восприятия-постижения. Важнее другое: оно делает художника в особой степени восприимчивым, чутким, в особой степени близко к сердцу принимающим диссонансы настоящего. «Мне думается о всех диссонансах жизни, и мне от них больно, — пишет Толстой в том же письме. — Ты и я, мы чувствуем *то, что есть*, и оттого мы любим искусство, которое есть ступень к лучшему миру».[2]

В этом как раз и состоит коренное отличие толстовского понимания искусства от «классической», так сказать, редакции теории «искусства для искусства»: искусство не бежит от действительности, не замыкается в некоем обособленном мире, — напротив, оно всегда среди людей, среди их радостей и тревог. Требует же оно лишь одного — чтобы за ним признавалось право говорить на своем собственном языке, открывать истину лишь одному ему свойственными средствами. И тогда оно скажет о вещах действительно важных, действительно актуальных. «Направление должно быть в жизни, и тогда оно само собой выразится в литературе, а задавать себе *задачи* — это значит делать из искусства орудие и, стало быть, от него отказаться».[3] «Не моя вина, если из того, что я писал ради любви к искусству, явствует, что деспотизм никуда не годится. Тем хуже для деспотизма! Это всегда будет явствовать из всякого художественного творения, даже из симфонии Бетховена».[4]

Таким образом, обращенность искусства к жизни, высокая эти-

---

[1] Письмо от 17 ноября 1856 г. — Толстой А. К., т. 4, с. 91.

[2] Там же.

[3] Письмо к М. М. Стасюлевичу от 17 ноября 1869 г. — Там же, с. 324. Не об этом же ли говорил Лев Толстой: «Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях. Ежели бы мне сказали, что я могу написать роман, к[отор]ым я неоспоримо установлю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятил и двух часов труда на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться и полюблять жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы» (Толстой Л. Н., Письмо к П. Д. Боборыкину от июня — августа 1865 г. — Полн. собр. соч. В 90-та т., М., 1953, т. 61, с. 100).

[4] Письмо к Б. М. Маркевичу от 13 декабря 1868 г. — Толстой А. К., т. 4, с. 246.

ческая устремленность заложены для Толстого в самой природе искусства. Какого-либо иного искусства, отрешенного от жизни, для него попросту не существует. Эту изначальную сопряженность, слиянность эстетического и этического, искусства и общественного бытия человека Толстой сознавал всегда. И чувство прекрасного он понимал не как некое отвлеченное чувство, замкнутое исключительно в сфере эстетического вкуса, а как показатель особой восприимчивости человека, признак его нравственной и — шире — гражданской развитости. «Чувство прекрасного... проявляется только в народе, достигшем известной степени нравственной развитости... Тот народ, в котором оно развито сильно и полно, в котором оно составляет потребность жизни, тот народ не может не иметь вместе с ним и чувства законности, и чувства свободы... Гражданственность может существовать без чувства прекрасного, но чувство прекрасного, в своем полном развитии, не может проявляться без чувства свободы и законности».[1] Потому-то для Толстого из всякого подлинно художественного творения и «явствует, что деспотизм никуда не годится», — к этому обязывает чувство прекрасного, которое неотделимо от чувства законности и свободы. Потому же самому, причисляя себя к сторонникам «искусства для искусства», Толстой не боялся упреков в эстетизме, в бегстве от действительности — во всем том, что характерно было для действительных представителей «чистого искусства». В этом отношении его позиция, в особенности же творческая практика, существенно отличалась от практики таких поэтов, как, например, А. А. Фет и А. Н. Майков, Я. П. Полонский и Н. Ф. Щербина.

Односторонность позиции Толстого проявилась в другом, а именно в том, что сама система связей, в каких искусство существует и развивается в реальной действительности, понималась им явно идеалистически. Выражая «внутреннее сознание народа» и с этой стороны будучи связанным с его, народа, реальными жизненными интересами, искусство, однако, по мнению Толстого, только этим «внутренним сознанием» и управляется. Но поскольку само оно, это «внутреннее сознание», зависит от неких «духовных стремлений, которые вне всяких материальных побуждений»,[2] то и искусство, это сознание выражающее, тоже оказывается свободным от «всяких материальных побуждений». Отсюда и то явное предпочтение, которое Толстой отдавал в своей художественной практике историческим и так называемым «вечным» темам: как бы освобожденные от своих материальных связей, стертых временем, они позволяли поэту сосредоточиться исключительно на их непреходящих нравственно-философских уроках.

---

[1] Письмо к издателю (1862). — Толстой А. К., т. 3, с. 450.
[2] Там же.

Надо, впрочем, иметь в виду еще одно обстоятельство: защита Толстым «искусства для искусства» приобретала тем более острый и запальчивый характер, что он не вполне отчетливо представлял себе истинную точку зрения своих оппонентов, вернее сказать, строил свою полемику с учетом лишь самых крайних воззрений на искусство. Толстой не вникал во всю сложность подлинных эстетических отношений искусства к действительности в том виде, как они определялись, например, в статьях Чернышевского и Добролюбова. Для него было вполне достаточно того, что они отрицали примат искусства над действительностью. Явные же крайности, которые допускали в своих суждениях об искусстве, например, А. М. Писарев, С. С. Дудышкин, А. М. Скабичевский, лишь ожесточали его, мешая ему уяснить действительную позицию революционно-демократической критики. Потому, собственно, в вопросе об искусстве для него существовали лишь две точки зрения: одна — низводящая искусство до положения бездумного иллюстратора готовых идей и другая — утверждающая право искусства на свой самостоятельный путь к истине. К такой истине он стремился и в своей художественной практике. Действительность, многие актуальные ее проблемы присутствуют так или иначе в каждом его произведении — от лирических стихотворений до острых социально-политических памфлетов («Сон Попова», «Поток-богатырь», «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», «Послание М. Н. Лонгинову о дарвинисме» и другие), от философских поэм («Иоанн Дамаскин», «Грешница», «Алхимик») до исторического романа «Князь Серебряный», от исторических драм до пародий и афоризмов Козьмы Пруткова. В каждом из них он спорил с той или иной партией, с той или иной социальной, политической или философской доктриной. В своих сатирах он с одинаковым сарказмом отвечал и либералам, и «нигилистам», в исторических балладах — и славянофилам, и западникам, в романе и исторических драмах исследовал историко-психологические истоки современного нравственно-политического состояния российского общества.

Две эпохи, два периода истории России вызывали его особый интерес — дотатарский период (Киевская Русь) и эпоха Ивана Грозного. В первом он видел блистательный залог великих исторических судеб России, время национально-исторического величия (он называл его «нашим европейским периодом»). Эпоха же Ивана Грозного в его представлении была своего рода апогеем тех социально-политических и социально-нравственных бедствий, начало которым, по его мнению, положила татарщина и пагубные следствия которых он усматривал и в современной российской действительности. «Тенденций я не придерживаюсь... но бывают тенденции невольные, и я собираюсь написать несколько баллад из нашего *европейского* периода, *так туда сердце и тянет...* Ненависть моя к *московскому периоду* —

некая идиосинкразия, и мне вовсе не требуется принимать какую-то позу, чтобы говорить о нем то, что я говорю. Это не какая-нибудь тенденция — это я сам».[1]

«Европейскому» периоду посвящены почти все баллады Толстого, «московскому» — три баллады («Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин» и «Старицкий воевода»), роман «Князь Серебряный» и драматическая трилогия, которой сам автор хотел дать общее название — «Борис Годунов».

Роман «Князь Серебряный» (первоначально он был задуман в драматической форме) создавался на протяжении более десяти лет и был напечатан в «Русском вестнике» в 1862 году. В кратком авторском предисловии Толстой отмечал, что роман «имеет целию не столько описание каких-либо событий, сколько изображение общего характера целой эпохи и воспроизведение понятий, верований, нравов и степени образованности русского общества во вторую половину XVI столетия».[2] Это была эстетическая платформа, несомненно более широкая, чем та, что отличала ранние исторические баллады Толстого; художественные искания Толстого явно склоняли его в сторону реализма. Вполне в духе реализма он сформулировал и свою идейную задачу. В том же предисловии он писал, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук и он «бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования».[3]

Реалистического романа, однако, у Толстого не получилось. Больше того, несмотря на безукоризненное знание предмета, несмотря на богатство и яркость исторической живописи, наконец, несмотря на отдельные мастерски написанные сцены (битва с татарами, царский пир в Александровой слободе, поединок Морозова с Вяземским и другие), роман в целом оказался в художественном отношении намного ниже «Упыря».

Дело в том, что Толстой по самому складу своего таланта был романтиком, и в «Упыре», написанном в романтическом ключе, проявил себя незаурядным мастером художественной условности. В романе же «Князь Серебряный», поставив перед собой реалистическую задачу, Толстой в решении ее как был, так и остался чистейшей воды романтиком. Все герои у него оказались разделенными на злых и добрых, злодеев и ангелов, отчего и конфликты между ними полу-

---

[1] Письмо к Б. М. Маркевичу от 7 февраля 1869 г. — Толстой А. К., т. 4, с. 259.
[2] Там же, т. 3, с. 161.
[3] Там же.

чили явно мелодраматический характер. Оперно-картинные мизансцены, монологи и диалоги, стилизованные под старинную песню или под ярмарочное красноречие, старомодный риторизм авторских лирических отступлений — все это уводило читателя в давно минувшие времена исторической беллетристики М. Н. Загоскина и И. И. Лажечникова. И это в эпоху, когда в русской литературе существовали уже и «Капитанская дочка», и «Арап Петра Великого», и «Записки охотника», и «Отцы и дети», и «Военные рассказы» Л. Толстого!

«Князь Серебряный» вышел в свет в конце 1862 года, а через полгода в «Современнике» появилась убийственная рецензия-пародия М. Е. Салтыкова-Щедрина, в которой великий сатирик, пародируя стиль некоего «отставного учителя российской словесности» (достойного, по его мнению, читателя толстовского романа), между прочим, писал: «Я помолодел; читаю и не верю глазам. Любезный граф! волшебную вашу кисть вы окунули в живую воду фантазии и заставили меня, старика, присутствовать при «делах давно минувших дней», исполать вам! Но еще больше вам исполать за то, что вы воскресили для меня мою юность, напомнили мне появление «Юрия Милославского», «Рославлева», напомнили первые попытки робкого еще тогда Лажечникова... Да, вы воскресили для меня доброе, старое время, которое я считал давно погибшим!».[1]

Не более высоким было мнение о романе и у других русских писателей. И это понятно: в эпоху становления русского реализма, в эпоху его первых блистательных побед роман Толстого и должен был восприниматься не иначе как глубокий анахронизм.

Современный читатель, разумеется, также не преувеличит его идейно-художественных достоинств. Но несомненный интерес будут представлять для него картины древнемосковского быта, живописно воссозданные Толстым, богатая «археологическая» оркестровка повествования, занимательная фабула.

7

Завершая «Князя Серебряного», Толстой, по-видимому, и сам отдавал себе отчет в том, что эпоха Грозного осталась в нем не раскрытой ни со стороны ее внутреннего драматизма, ни — в особенности — со стороны тех существеннейших историко-политических следствий, которые она породила в дальнейшем развитии Руси, — ведь

---

[1] Салтыков-Щедрин М. Е., Собр. соч. В 20-ти т., М., 1966, т. 5, с. 353.

известно, что так называемое Смутное время было именно одним из таких следствий.

В 1863 году Толстой начинает писать историческую трагедию «Смерть Иоанна Грозного». Трактовка образа Грозного в трагедии, в общем-то, осталась тою же самою, что и в романе. Однако масштаб образа стал совсем иным. Если в романе царь Иван был показан лишь во взаимоотношениях с боярами, то здесь, в трагедии, он изображается как виновник великих государственных потрясений, приведших Русь на грань национальной катастрофы. Зловеще-трагически звучат его ответы схимнику: все, кто мог бы сейчас защитить Русь от ее бесчисленных врагов, оказывается, умерщвлены неистово мнительным царем. Еще более зловеще звучит знаменитый царев «синодик», в котором записаны тысячи казненных по царскому слову людей. И поистине страшен монолог царя, в котором он, предчувствуя близкую смерть, спешит спасти душу раскаянием, и цена этому раскаянию — честь и будущее русской земли:

Захарьин

Царь-государь! Когда б и в самом деле
Ты сам погиб — зачем же хочешь ты
И Русь еще губить с собой?

Мстиславский

Зачем
Унизить хочешь нашу честь?

Иоанн
(гордо)

Когда,
Мои грехи пред смертью искупая,
Я унижаюсь — *я*, владыко ваш, —
Тогда не вам о вашей чести думать!
Ни слова боле! Шуйский! ты к рассвету
Мне грамоту к Батуру изготовишь,
А Пушкину с товарищи велишь,
Чтобы, чем свет, они сбирались ехать,
Чтобы они в своих переговорах
Вели себя смиренно, кротко, тихо,
Чтобы сносили брань и оскорбленья
Безропотно — чтоб всё сносили — всё!

В той поспешности, с какою Грозный стремится заключить во что бы то ни стало мир со Стефаном Баторием, присутствует, правда, и еще один мотив, чисто политический: царь боится, что от Федора, который вступит на престол после его смерти, дерзкий Баторий потребует еще больших уступок.

Однако в психологической характеристике Грозного мотив этот отступает все же на второй план, главным же остается исступленное самоунижение в надежде заслужить вышнее прощение:

...Под страшной смертной казнью,
Послов немедля снарядить! Велеть им,
Чтоб всё сносили — всё терпели — всё —
Хотя б побои!

(Бояре удаляются)

Боже всемогущий!
Ты своего помазанника видишь —
Достаточно ль унижен он теперь!

Но вот недуг отступает, и от царского смирения не остается и следа. Перед нами прежний Иоанн. С его надменным деспотизмом и подозрительностью. С его необузданным самодурством и убежденностью в своей абсолютной неподсудности кому бы и чему бы то ни было. Забыты государственные дела. Забыты беды, идущие со всех сторон на Русь. Царь весел. Он весь поглощен выбором подарков для гастингской княжны, восьмой своей невесты, и мстительным предвкушением казни волхвов, дерзнувших предсказать ему смерть в Кириллин день.

Но «Кириллин день еще не миновал!» И эта угроза, с жестоким и точным расчетом возвещенная ему Годуновым, сражает Грозного. Заключительная сцена исполнена напряженного драматизма и мрачной символики: в момент смерти царя в палату врываются непрошеные скоморохи и поют над царским трупом веселую плясовую песню:

Ой, жги, жги, жги!
...Тащи козла за рога!

Среди общего смятения, среди полной растерянности, которая охватила бояр, полвека дрожавших при одном имени грозного царя, лишь один Годунов сохраняет присутствие духа. Он давно шел к этой ситуации, предвидел ее и все точно рассчитал. Умный политик и опытнейший царедворец, родственник нового царя (царь Федор женат на сестре Годунова) и ближайший его советчик, назначенный наследнику престола самим Грозным, Годунов уверенно берет браз-

ды правления в свои руки. Решения его быстры и точны, действия энергичны и круты. Разом покончив со всеми своими противниками, явными и потенциальными, он ловко расчищает себе поле деятельности, и деятельность эта, как уже сейчас видно, будет далеко не мирной.

Злое семя
Посеял ты, боярин Годунов!
Не доброй жатвы от него я чаю!

О царь Иван! Прости тебя господь!
Прости нас всех! Вот самовластья кара!
Вот распаденья нашего исход! —

говорит боярин Захарьин, и слова эти звучат и как эпилог свершившейся трагедии, и одновременно как эпиграф к трагедии новой. Царствование Ивана IV закончилось, но эпоха Грозного продолжается...

8

«Знаете новость? — писал в 1865 году Толстой Каролине Павловой, переводившей «Смерть Иоанна Грозного» на немецкий язык. — Вы ведь думаете, что перевели трагедию в 5 действиях под названием «Смерть Иоанна»? Ничуть не бывало! Вы перевели только пролог к большой драматической поэме, которая будет называться «Борис Годунов». Прошу прощения у Пушкина, но ничего не могу поделать. «Царь Федор», которого я в настоящее время пишу, средняя часть этой поэмы; конец будет называться „Дмитрий Самозванец"». [1]

Хотя и «Смерть Иоанна Грозного», и «Царь Борис» несомненно обладают достаточной сюжетно-тематической самостоятельностью, все же по отношению к трагедии «Царь Федор Иоаннович» они и в самом деле представляют собой своего рода пролог и эпилог. Центральной же фигурой всей трилогии, организующей все драматическое действие, является фигура Бориса Годунова.

В первой трагедии, почти на всем ее протяжении, Годунов пребывает в относительной тени. Честолюбивые замыслы его, правда, начинают вполне отчетливо обозначаться уже и здесь (разговор с волхвами), но Грозный в его сознании — фигура слишком великая, чтобы замыслы эти могли стать чем-то большим, нежели робкие мечтания, в которых Годунову страшно признаться даже самому себе. Все, на что он может надеяться при царствующем Грозном, это заслужить особую царскую милость, отличиться перед другими

[1] Письмо от 12 января 1865 г. — Толстой А. К., т. 4, с. 167.

и тем самым иметь возможность влиять на ход государственных дел.

Со смертью Грозного и воцарением Федора положение резко изменяется. Наступает время Бориса Годунова.

Дело, конечно, не только в том, что Годунов становится фактическим царем. Дело в другом: в том, что именно теперь создается такая ситуация, в которой многогранная и сильная натура Годунова получает возможность проявиться со всей своей глубиной и размахом. Все теперь зависит от его ума и таланта политика, а здесь он не знает себе равных. Один за другим оказываются поверженными в прах его противники — рыцарственно-благородный князь Иван Петрович Шуйский с братьями, хитрые, но неумные Нагие и, наконец, малолетний царевич Дмитрий, убитый в Угличе. Между Борисом и троном остается лишь один жалкий и беспомощный царь Федор Иоаннович.

Но перипетии политической борьбы Годунова — это лишь внешняя событийная канва трагедии, и драматическая глубина повествования определяется не ею. Важнее другое — нравственный смысл поступков Бориса. И здесь совершенно особое, исключительное значение приобретает образ царя Федора. Именно его характер, противоречия которого столь искусно используются Годуновым, и именно его судьба наиболее ярко раскрывают сущность крутых действий Годунова. Беззащитно-добрый и потому беспомощный, он не в силах противостоять твердой воле Бориса. Любя всех и вся, Федор принужден давать свершаться жестоким деяниям, и нравственная его трагедия — красноречивейший приговор Годунову. Лишь однажды он находит в себе силы восстать против Бориса — в момент, когда тот требует от него казни Ивана Петровича Шуйского:

Да, шурин, да! Я в этом на себя
Возьму ответ! Вот видишь ли, я знаю,
Что не умею править государством.
Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить и обмануть нетрудно.
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бело иль чернó,
Избрать я должен — я не обманусь.

Но этот бунт стоит ему дорого: быстро поняв свою оплошность, Борис удваивает усилия и ставит царя перед такими обстоятельствами, после которых тот уже не поднимется — умерщвлены в темнице Шуйские, гибнет от рук Битяговского царевич Дмитрий, и русское государство — вновь у гибельной черты.

В заключительной части трилогии — трагедии «Царь Борис» — волны драматизма надолго затихают и действие идет в торжественно-размеренном ритме эпилога. Борис Годунов на троне. Русь процветает. Со всех концов земли в Москву спешат послы, чтобы искать дружбы с великим русским царем. Борис Годунов мудр и великодушен, исполнен широких и дальновидных замыслов. Он пожинает плоды своей прошлой многотрудной жизни и вполне уверен, что имеет на это право.

Впрочем, одно-единственное сомнение, скорее даже тень сомнения, его все же тревожит — убийство царевича, которое все эти годы камнем лежало на его душе. Нет, он далек от раскаяния. Больше того: он не только оправдывает себя в этом давнем преступлении, но и выработал на этот счет целую философию, стройную и, страшно сказать, почти неотразимо убедительную. Однако уже сама ее логическая безукоризненность, в особенности же та пылкая страстность, с какою он стремится обосновать ее перед Ириной, говорят о другом — о том, что какого-то одного, самого последнего довода ему все же не хватает. Довод этот — не из области рассудка, и не рассудком ищет его Борис. Довод этот нужен его совести, хотя Борис боится себе в этом признаться, и только праведница Ирина, носительница высшего нравственного начала в трагедии, способна (Борис это чувствует!) привести этот последний довод.

Но как раз в этом-то и не может Ирина помочь брату. Рассудком она понимает Бориса, чутким и добрым сердцем сострадает ему, но — оправдать не может:

Будь окружен любовью и почетом!
Будь праведен в неправости своей —
Но не моги простить себе! Не лги
Перед собой! Пусть будет только жизнь
Запятнана твоя — но дух бессмертный
Пусть будет чист — не провинись пред ним!

Борис не обрел этой последней недостающей ему нравственной опоры. И именно этот момент знаменует начало его стремительного и неотвратимого жизненного крушения: первые же известия о Самозванце обретают в его глазах зловеще-фатальный, мистический смысл и лишают его всякой способности к сопротивлению. В громе пушек Самозванца ему слышатся грозные раскаты Судьбы...

Трагедия Годунова переводится, таким образом, исключительно в план нравственно-психологический, и в этом коренное отличие толстовской трактовки от той, какую дал Пушкин в своем «Борисе Годунове». Закономерность исторического бытия у Толстого явно отступает перед абсолютной нравственной справедливостью. Знамени-

тому пушкинскому «народ безмолвствует» здесь противопоставлена морально-философская сентенция:

Господь карает ложь —
От зла лишь зло родится — всё едино:
Себе ль мы им служить хотим иль царству —
Оно ни нам, ни царству впрок нейдет!

При жизни Толстого в театре была поставлена лишь первая часть трилогии, но и та, вызвав неудовольствие в высоких сферах, довольно скоро была запрещена — сначала в провинции, а затем и в столицах. Трагедия же «Царь Федор Иоаннович», как в свое время и поэма «Иоанн Дамаскин», вызвала настоящий скандал в цензурном ведомстве и была решительно запрещена к постановке министром внутренних дел. Его резолюция гласила: «Нахожу трагедию гр. Толстого „Федор Иоаннович" в настоящем ее виде совершенно невозможною для сцены. Личность царя изображена так, что некоторые места пиесы неминуемо породят в публике самый неприличный хохот».[1]

Не увидела света рампы и трагедия «Царь Борис». Хотя цензура ее в конце концов разрешила, дирекция императорских театров, видимо кое-чему наученная историей прохождения двух прежних толстовских трагедий, не приняла «Царя Бориса» к постановке.

Последние годы жизни Толстой почти безвыездно проводит в Красном Роге. Лучшие его произведения этой поры — исторические баллады и поэмы «Портрет» (1872—1873) и «Дракон» (1875). В балладах он продолжает пристально вглядываться в тот полулегендарный славяно-европейский мир, который он создал в своем воображении еще на заре творчества и в котором всегда находил опору своим излюбленным мыслям об исторических судьбах России, о ее настоящем и будущем. Пышная декоративность, романтический пафос, блеск и прелесть того, что можно назвать «музыкой истории», — все это в полной мере проявилось в таких его жемчужинах, как «Змей Тугарин» и «Песня о Гаральде и Ярославне», «Три побоища» и «Песня о походе Владимира на Корсунь», «Боривой» и «Ругевит», «Илья Муромец» и «Слепой».

Поэма «Портрет» — это, в сущности, автопортрет поэта, выполненный хотя и в романтическом стиле, но написанный с исключительной выразительностью. В поэме же «Дракон», как, может быть, ни в од-

[1] Дризен Н. В., Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881, Спб., 1917, с. 165.

ном другом произведении Толстого, отразилась характернейшая черта его таланта — его поистине удивительный артистизм. Поставив себе целью создать нечто в стиле средневековых итальянских поэм, Толстой в такой степени сумел проникнуться их духом, их «палитрой», что, по выражению Тургенева, достиг «почти дантовской образности и силы».[1]

Это была последняя поэма Толстого. 28 сентября 1875 года поэт умер.

Известно, что каждая эпоха «прочитывает» литературное произведение по-своему. Открывает в нем какие-то новые «пласты», переосмысливает или вовсе не замечает старые. Слава сменяется забвением, былое пренебрежение — признанием.

Алексей Толстой уже прошел через несколько таких эпох. При жизни он был одним из самых «спорных» писателей. Часто ему не воздавали должного, часто бранили, не находя в нем полного соответствия сложившимся представлениям о его поэзии, часто просто не понимали. Хвалили за мастерство, однако упрекали за скудость содержания, яростно спорили с ним по какому-нибудь актуальному общественно-политическому вопросу и тут же обвиняли его в равнодушии к проблемам современной действительности...

После его смерти полтора-два десятилетия о нем почти не вспоминали.

А потом пришло признание, широкое, устойчивое, прочное. Заговорили об исключительной самобытности поэзии Толстого, об историческом значении его творчества. Самое же главное, стали рассматривать его творчество в тесной связи с социально-историческими условиями его времени, и это разрушило наконец легенду о Толстом-эпикурейце, далеком от проблем современной действительности. Правда, и здесь не обошлось без крайностей: социальный пафос поэзии Толстого был представлен в ряде работ если не как вполне тождественный, то, во всяком случае, родственный пафосу поэзии Некрасова. «Поэзия Толстого, — писал Н. А. Котляревский, — самое законное дитя своего прогрессивного времени. Она... — родная сестра той гражданской песни, которая гордилась в те годы своим ригоризмом и стоицизмом». «Некрасов своей поэзией давал нам чувствовать весь ужас социальной неурядицы и борьбы, которая свирепела. Алексей Толстой хотел смягчить это ощущение боли и гнева славословием тех идеалов, во имя которых велась эта борьба. Одна песня была боевым знаменем, другая хоругвью».[2]

---

[1] Тургенев И. С., Полн. собр. соч. и писем. В 28-ми т., М.—Л., 1967, т. 14, с. 225.

[2] Котляревский Н. А., Старинные портреты, Спб., 1907, с. 277, 310.

В работах советских литературоведов творчество Толстого получило оценку гораздо более разностороннюю.[1] И оно продолжает изучаться. На все более расширяющемся историческом фоне фигура Толстого вырисовывается все отчетливее и рельефнее. И можно смело утверждать, что наиболее устойчивой чертой этого процесса будет все более полное уяснение того несомненного и очень своеобразного вклада, который Алексей Толстой внес в историю русской литературы.

Л. Емельянов

---

[1] Среди них особо следует выделить фундаментальные статьи И. Г. Ямпольского в его кн. «Середина века. Очерки о русской поэзии 1840—1870-х гг.» (Л., 1974) и в издании: Толстой А. К., Полн. собр. стихотворений, Л., 1937 («Б-ка поэта», Б. с.).

I

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. ЛИРИКА

1

Бор сосновый в стране одинокий стоит;
В нем ручей меж деревьев бежит и журчит.
Я люблю тот ручей, я люблю ту страну,
Я люблю в том лесу вспоминать старину.
«Приходи вечерком в бор дремучий тайком,
На зеленом садись берегу ты моем!
Много лет я бегу, рассказать я могу,
Чтó случилось когда на моем берегу;
Из сокрытой страны я сюда прибежал,
Я чудесного много дорогой узнал!
Когда солнце зайдет, когда месяц взойдет
И звезда средь моих закачается вод,
Приходи ты тайком, ты узнаешь о том,
Чтó бывает порой здесь в тумане ночном!» —
Так шептал, и журчал, и бежал ручеек;
На ружье опершись, я стоял, одинок,
И лишь говор струи тишину прерывал,
И о прежних я грустно годах вспоминал.

(1843)

2

Из Индии дальной
На Русь прилетев,
Со степью печальной
Их свыкся напев;

Свободные звуки,
Журча, потекли,
И дышат разлукой
От лучшей земли.

Не знаю, оттуда ль
Их нега звучит,
Но русская удаль
В них бьет и кипит;

В них голос природы,
В них гнева язык,
В них детские годы,
В них радости крик;

Желаний в них знойный
Я вихрь узнаю
И отдых спокойный
В счастливом краю,

Бенгальские розы,
Свет южных лучей,
Степные обозы,
Полет журавлей,

И грозный шум сечи,
И шепот струи,
И тихие речи,
Маруся, твои!

1840-е годы

3

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?

Безмолвные аллеи,
Заглохший, старый сад,
В высокой галерее
Портретов длинный ряд?

Ты помнишь ли, Мария,
Вечерний небосклон,
Равнины полевые,
Села далекий звон?

За садом берег чистый,
Спокойный бег реки,
На ниве золотистой
Степные васильки?

И рощу, где впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни?

1840-е годы

4

Шумит на дворе непогода,
А в доме давно уже спят;
К окошку, вздохнув, подхожу я —
Чуть виден чернеющий сад;

На небе так тёмно, так тёмно
И звездочки нет ни одной,
А в доме старинном так грустно
Среди непогоды ночной!

Дождь бьет, барабаня, по крыше,
Хрустальные люстры дрожат,
За шкапом проворные мыши
В бумажных обоях шумят;

Они себе чуют раздолье:
Как скоро хозяин умрет,
Наследник покинет поместье,
Где жил его доблестный род,

И дом навсегда запустеет,
Заглохнут ступени травой...
И думать об этом так грустно
Среди непогоды ночной!

1840-е годы

5

Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня из-за тучи
Смотрела, как будто в слезах,
Сидел я под кленом и думал,
И думал о прежних годах.

Не знаю, была ли в те годы
Душа непорочна моя,
Но многому б я не поверил,
Не сделал бы многого я;

Теперь же мне стали понятны
Обман, и коварство, и зло,
И многие светлые мысли
Одну за другой унесло.

Так думал о днях я минувших,
О днях, когда был я добрей,
А в листьях высокого клена
Сидел надо мной соловей,

И пел он так нежно и страстно,
Как будто хотел он сказать:
«Утешься, не сетуй напрасно,
То время вернется опять».

1840-е годы

6

Ой стоги́, стоги́,
На лугу широком!
Вас не перечесть,
Не окинуть оком!

Ой стоги́, стоги́,
В зеленóм болоте,
Стоя на часах,
Чтó вы стережете?

«Добрый человек,
Были мы цветами,
Покосили нас
Острыми косами.

Раскидали нас
Посредине луга,
Раскидали врозь,
Дале друг от друга.

От лихих гостей
Нет нам обороны,
На главах у нас
Черные вороны.

На главах у нас,
Затмевая звезды,
Галок стая вьет
Поганые гнезда.

Ой орел, орел,
Наш отец далекий,
Опустися к нам,
Грозный, светлоокий!

Ой орел, орел,
Внемли нашим стонам!
Доле нас срамить
Не давай воронам!

Накажи скорей
Их высокомерье,
С неба в них ударь,
Чтоб летели перья,

Чтоб летели врозь,
Чтоб в степи широкой
Ветер их разнес
Далекó, далёко!»

1840-е годы

7

По гребле неровной и тряской,
Вдоль мокрых рыбачьих сетей,
Дорожная едет коляска,
Сижу я задумчиво в ней;

Сижу и смотрю я дорогой
На серый и пасмурный день,
На озера берег отлогий,
На дальний дымок деревень.

По гребле, со взглядом угрюмым,
Проходит оборванный жид;
Из озера с пеной и шумом
Вода через греблю бежит;

Там мальчик играет на дудке,
Забравшись в зеленый тростник;
В испуге взлетевшие утки
Над озером подняли крик;

Близ мельницы, старой и шаткой,
Сидят на траве мужики;
Телега с разбитой лошадкой
Лениво подвозит мешки. . .

Мне кажется всё так знакомо,
Хоть не был я здесь никогда,
И крыша далекого дома,
И мальчик, и лес, и вода,

И мельницы говор унылый,
И ветхое в поле гумно. . .
Всё это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.

Так точно ступала лошадка,
Такие ж тащила мешки;
Такие ж у мельницы шаткой
Сидели в траве мужики;

И так же шел жид бородатый,
И так же шумела вода —
Всё это уж было когда-то,
Но только не помню когда...

1840-е годы

8

Милый друг, тебе не спится,
Душен комнат жар,
Неотвязчивый кружится
Над тобой комар.

Подойди сюда, к окошку,
Всё кругом молчит,
За оградою дорожку
Месяц серебрит;

Не скрыпят в сенях ступени,
И в саду темно,
Чуть заметно в полутени
Дальнее гумно.

Встань, приют тебя со мною
Там спокойный ждет;
Сторож там, звеня доскою,
Мимо не пройдет.

1840-е годы

9

Ты знаешь край, где всё обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу
И до земли висит их плод тяжелый?

Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,
Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубяся над водою,
Бежит дымок синеющей струею?

Туда, туда всем сердцем я стремлюся,
Туда, где сердцу было так легко,
Где из цветов венок плетет Маруся,
О старине поет слепой Грицко,
И парубки, кружась на пожне гладкой,
Взрывают пыль веселою присядкой.

Ты знаешь край, где нивы золотые
Испещрены лазурью васильков,
Среди степей курган времен Батыя,
Вдали стада пасущихся волов,
Обозов скрып, ковры цветущей гречи
И вы, чубы, — остатки славной Сечи?

Ты знаешь край, где утром в воскресенье,
Когда росой подсолнечник блестит,
Так звонко льется жаворонка пенье,
Стада блеят, а колокол гудит,
И в божий храм, увенчаны цветами,
Идут казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь над спящею Украйной,
Когда седой вставал с болота пар,
Одет был мир и сумраком и тайной,
Блистал над степью искрами стожар,
И мнилось нам: через туман прозрачный
Несутся вновь Палей и Сагайдачный?

Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи,
Где столько тел лежало средь полей?
Ты знаешь край, где некогда у плахи
Мазепу клял упрямый Кочубей?
И много где пролито крови славной
В честь древних прав и веры православной?

Ты знаешь край, где Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льет,
Над ним дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросший вход,
Над дверью щит с гетма́нской булавою? . .
Туда, туда стремлюся я душою!

1840-е годы

10

Колокольчики мои,
    Цветики степные!
Что глядите на меня,
    Темно-голубые?
И о чем звените вы
    В день веселый мая,
Средь некошеной травы
    Головой качая?

Конь несет меня стрелой
    На поле открытом,
Он вас топчет под собой,
    Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
    Цветики степные,
Не кляните вы меня,
    Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
    Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
    Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
    Только пыль взметаю,
Конь несет меня лихой,
    А куда — не знаю!

Он ученым ездоком
    Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
    Вырос в чистом поле,
И не блещет как огонь
    Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
    Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
    Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
    К цели неизвестной!
Чем окончится наш бег?
    Радостью ль? Кручиной?

Знать не может человек —
Знает бог единый!

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,
С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
Лежа под травою,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,
И на площади народ,
В шумном ожиданье,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами,
Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! —
Говорит державный, —
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»

И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вкруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные,
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конец 1840-х годов

11

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

1850 или 1851

12

Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!
Жизнью твоею я жил, и слезами твоими я плакал;
Мысленно вместе с тобой прострадал я минувшие годы,

Всё перечувствовал вместе с тобой, и печаль и надежды,
Многое больно мне было, во многом тебя упрекнул я;
Но позабыть не хочу ни ошибок твоих, ни страданий;

Дороги мне твои слезы и дорого каждое слово!
Бедное вижу в тебе я дитя, без отца, без опоры;
Рано познала ты горе, обман и людское злословье,
Рано под тяжестью бед твои преломилися силы!
Бедное ты деревцо, поникшее долу головкой!
Ты прислонися ко мне, деревцо, к зеленому вязу:
Ты прислонися ко мне, я стою надежно и прочно!

21 октября 1851

13

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра ль ты мне, молода ль жена
Или детище ты мне малое?

И не знаю я, и не ведаю,
Как назвать тебя, как прикликати.
Много цветиков во чистóм поле,
Много звезд горит по поднéбесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал;
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

30 октября 1851

14

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты;

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь,

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

1851

15

С ружьем за плечами, один, при луне,
Я пó полю еду на добром коне.
Я бросил поводья, я мыслю о ней,
Ступай же, мой конь, по траве веселей!
Я мыслю так тихо, так сладко, но вот
Неведомый спутник ко мне пристает,
Одет он, как я, на таком же коне,
Ружье за плечами блестит при луне.
«Ты, спутник, скажи мне, скажи мне, кто ты?
Твои мне как будто знакомы черты.
Скажи, чтó тебя в этот час привело?
Чему ты смеешься так горько и зло?»
— «Смеюсь я, товарищ, мечтаньям твоим,
Смеюсь, что ты будущность губишь;
Ты мыслишь, что вправду ты ею любим?
Что вправду ты сам ее любишь?
Смешно мне, смешно, что, так пылко любя,
Ее ты не любишь, а любишь себя.
Опомнись! Порывы твои уж не те,
Она для тебя уж не тайна,

Случайно сошлись вы в мирской суете,
Вы с ней разойдетесь случайно.
Смеюся я горько, смеюся я зло
Тому, что вздыхаешь ты так тяжело».
Всё тихо, объято молчаньем и сном,
Исчез мой товарищ в тумане ночном,
В тяжелом раздумье, один, при луне,
Я пó полю еду на добром коне...

1851

16

Мне в душу, полную ничтожной суеты,
Как бурный вихрь, страсть ворвалась нежданно,
С налета смяла в ней нарядные цветы
И разметала сад, тщеславием убранный.

Условий мелкий сор крутящимся столбом
Из мысли унесла живительная сила
И током теплых слез, как благостным дождем,
Опустошенную мне душу оросила.

И над обломками безмолвен я стою,
И, трепетом еще неведомым объя́тый,
Воскреснувшего дня пью свежую струю,
И грома дальнего внимаю перекаты...

1851 или 1852 (?)

17

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной —
Моей души коснулась ты:
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна!
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом;
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье.

1851 или 1852 (?)

18

Меня, во мраке и в пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В отчизну пламени и слова;
И просветлел мой темный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что́ для других неуловимо.
И с горней выси я сошел,
Проникнут весь ее лучами,
И на волнующийся дол
Взираю новыми очами.
И слышу я, как разговор
Везде немолчный раздается,
Как сердце каменное гор
С любовью в темных недрах бьется,
С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой
Струей подъемлется певучей.
И вещим сердцем понял я,
Что всё рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало...

1851 или 1852 (?)

19

Поразмыслив аккуратно,
Я избрал себе дорожку
И иду по ней без шума,
Понемножку, понемножку!

Впрочем, я ведь не бесстрастен,
Я не холоден душою,
И во мне ведь закипает
Ретивое, ретивое!

Если кто меня обидит,
Не спущу я, как же можно!
Из себя как раз я выйду,
Осторожно, осторожно!

Без ума могу любить я,
Но любить, конечно, с толком;
Я готов и правду резать,
Тихомолком, тихомолком!

Если б брат мой захлебнулся,
Я б не стал махать руками,
Тотчас кинулся бы в воду,
С пузырями, с пузырями!

Рад за родину сразиться!
Пусть услышу лишь картечь я —
Грудью лягу в чистом поле,
Без увечья, без увечья!

Послужу я и в синклите,
Так чтоб ведали потомки,
Но уж если пасть придется —
Так соломки, так соломки!

Кто мне друг, тот друг мне вечно.
Все родные сердцу близки,
Всем союзникам служу я
По-австрийски, по-австрийски!

Конец 1853 или начало 1854

20

Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньице,
Ты скажи, скажи, ты поведай мне:
На добычу-то как выходишь ты?
Как сживаешь люд божий со свету?
Ты змеей ли ползешь подколодною?

Ты ли бьешь с неба бурым коршуном?
Серым волком ли рыщешь по́ полю?
Аль ты, горе, богатырь могуч,
Выезжаешь со многой силою,
Выезжаешь со гридни и отроки?
Уж вскочу в седло, захвачу тугой лук,
Уж доеду тебя, горе горючее,
Подстрелю тебя, тоску лютую!
«Полно, полно, добрый молодец,
Бранью на ветер кидатися,
Неразумны слова выговаривать.
Я не волком бегу, не змеей ползу,
Я не коршуном бью из подне́бесья,
Не с дружиною выезжаю я —
Выступаю-то я красной девицей,
Подхожу-то я молодицею,
Подношу чару, в пояс кланяюсь,
И ты сам слезешь с коня долой,
Красной девице отдашь поклон,
Выпьешь чару, отуманишься,
Отуманишься, сердцем всплачешься,
Ноги скорые-то подкосятся,
И тугой лук из рук выпадет».

1854

21

Уж ты, нива моя, нивушка,
Не скосить тебя с маху единого,
Не связать тебя всю во единый сноп!
Уж вы, думы мои, думушки,
Не стряхнуть вас разом с плеч долой,
Одной речью-то вас не высказать!
По тебе ль, нива, ветер разгуливал,
Гнул колосья твои до земли,
Зрелы зерна все разметывал!
Широко вы, думы, порассыпались,
Куда пала какая думушка,
Там всходила люта печаль-трава,
Вырастало горе горючее.

1854

22

Колышется море; волна за волной
Бегут и шумят торопливо. . .
О друг ты мой бедный, боюся, со мной
Не быть тебе долго счастливой!
Во мне и надежд и отчаяний рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы.

⟨1856⟩

23

О, не пытайся дух унять тревожный!
Твою тоску я знаю с давних пор,
Твоей душе покорность невозможна,
Она болит и рвется на простор.

Но все ее невидимые муки,
Нестройный гул сомнений и забот,
Все меж собой враждующие звуки
Последний час в созвучие сольет;

В один порыв смешает в сердце гордом
Все чувства, врозь которые звучат,
И разрешит торжественным аккордом
Их голосов мучительный разлад.

⟨1856⟩

24

Смеркалось — жаркий день бледнел неуловимо,
Над озером туман тянулся полосой,
И кроткий образ твой, знакомый и любимый,
В вечерний тихий час носился предо мной.

Улыбка та ж была, которую люблю я,
И мягкая коса, как прежде, расплелась,
И очи грустные, по-прежнему тоскуя,
Глядели на меня в вечерний тихий час. . .

⟨1856⟩

27

Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ,
Теплый паръ восходитъ отъ земли,
И кувшинчикъ синій разцвѣтаетъ
И зовутъ другъ друга журавли

—

Юный лѣсъ, въ зеленый дымъ одѣтый,
Теплыхъ грозъ нетерпѣливо ждетъ;
Все весны дыханіемъ согрѣто,
Все кругомъ и любитъ и поетъ;

—

Утромъ небо ясно и прозрачно,
Ночью звѣзды свѣтятъ такъ свѣтло,
Отчего жъ въ душѣ твоей такъ мрачно,
И зачѣмъ на сердцѣ тяжело?

—

25

Вот уж снег последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зеленый дым одетый,
Теплых гроз нетерпеливо ждет,
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом и любит и поет;

Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звезды светят так светло —
Отчего ж в душе твоей так мрачно
И зачем на сердце тяжело?

Грустно жить тебе, о друг, я знаю,
И понятна мне твоя печаль:
Отлетела б ты к родному краю,
И земной весны тебе не жаль...

⟨1856⟩

26

Грядой клубится белою
        Над озером туман;
Тоскою добрый молодец
        И горем обуян.

Не до́веку белеется
        Туманная гряда,
Рассеется, развеется,
        А горе никогда!

⟨1856⟩

27

Край ты мой, родимый край!
    Конский бег на воле!
В небе крик орлиных стай!
    Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
    Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья!
    Ветер, степь да тучи!

⟨1856⟩

28

Что за грустная обитель
И какой знакомый вид!
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит!

Стукнет вправо, стукнет влево,
Будит мыслей длинный ряд;
В нем рассказы и напевы
Затверженные звучат.

А в подсвечнике пылает
Догоревшая свеча,
Где-то пес далеко лает,
Ходит маятник, стуча;

Стукнет влево, стукнет вправо,
Всё твердит о старине;
Грустно так! Не знаю, право,
Наяву я иль во сне?

Вот уж лошади готовы —
Сел в кибитку и скачу, —
Полно, так ли? Вижу снова
Ту же сальную свечу,

Ту же грустную обитель,
И кругом знакомый вид,
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит. . .

Лето 1856

29

Острою секирой ранена береза,
По коре сребристой покатились слезы.
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй,
Рана не смертельна, вылечишься к лету,
Будешь красоваться, листьями убра́на, —
Лишь больное сердце не залечит раны.

Лето 1856

30

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя,
Я говорю, что разлюбил тебя, —
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам —
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам.

Лето 1856

31

Усни, печальный друг, уже с грядущей тьмой
Вечерний алый свет сливается всё боле,
Бле́ющие стада вернулися домой,
И улеглася пыль на опустелом поле.

Да снидет ангел сна, прекрасен и крылат,
И да перенесет тебя он в жизнь иную!
Издавна был он мне в печали друг и брат,
Усни, мое дитя, к нему я не ревную.

На раны сердца он забвение прольет,
Пытливую тоску от разума отымет
И с горестной души на ней лежащий гнет
До нового утра незримо приподымет.

Томимая весь день душевною борьбой,
От взоров и речей враждебных ты устала —
Усни, мое дитя, меж ними и тобой
Он благостной рукой опустит покрывало.

Август 1856

32

Сердце, сильней разгораясь от году до году,
Брошено в светскую жизнь, как в студеную воду.
В ней, как железо в раскале, оно закипело:
Сделала, жизнь, ты со мною недоброе дело!
Буду кипеть, негодуя, тоской и печалью —
Всё же не стану блестящей холодною сталью.

Август или сентябрь 1856

33

Лишь только один я останусь с собою,
Меня голоса призывают толпою.
Которому ж голосу отповедь дам?
В сомнении рвется душа пополам.
Советов, угроз, обещаний так много,
Но где же прямая, святая дорога?
С мучительной думой стою на пути —
Не знаю, направо ль, налево ль идти?
Махни уж рукой да иди, не робея,
На голос, который всех манит сильнее,
Который немолчно, вблизи, вдалеке,
С тобой говорит на родном языке!

Август или сентябрь 1856

34

Когда кругом безмолвен лес дремучий
И вечер тих;
Когда невольно просится певучий
Из сердца стих;
Когда упрек мне шепчет шелест нивы
Иль шум дерев;

Когда кипит во мне нетерпеливо
Правдивый гнев;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою
Тяжелых туч;
Когда вдали мелькнет передо мною
Надежды луч, —
Средь суеты мирского развлеченья,
Среди забот
Моя душа в надежде и в сомненье
Тебя зовет,
И трудно мне умом понять разлуку,
Ты так близка!
И хочет сжать твою родную руку
Моя рука.

Август или сентябрь 1856

35

В стране лучей, незримой нашим взорам,
Вокруг миров вращаются миры;
Там сонмы душ возносят стройным хором
Своих молитв немолчные дары.

Блаженством там сияющие лики
Отвращены от мира суеты,
Не слышны им земной печали клики,
Не видны им земные нищеты.

Всё, что они желали и любили,
Всё, что к земле привязывало их,
Всё на земле осталось горстью пыли,
А в небе нет ни близких, ни родных.

Но ты, о друг, лишь только звуки рая
Как дальний зов в твою проникнут грудь,
Ты обо мне подумай, умирая,
И хоть на миг блаженство позабудь!

Прощальный взор бросая нашей жизни,
Душою, друг, вглядись в мои черты,
Чтобы узнать в заоблачной отчизне
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не мог моей молящей речи
Небесный хор навеки заглушить,
Чтобы тебе, до нашей новой встречи,
В стране лучей и помнить и грустить!

Август или сентябрь 1856

36. Б. М. МАРКЕВИЧУ

Ты прав: мой своенравный гений
Слетал лишь изредка ко мне;
Таясь в душевной глубине,
Дремала буря песнопений.
Меня ласкали сон и лень,
Но, цепь житейскую почуя,
Воспрянул я — и, негодуя,
Стихи текут. Так в бурный день,
Прорезав тучи, луч заката
Сугубит блеск своих огней,
И так река, скалами сжата,
Бежит сердитей и звучней!

Осень 1856

37

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!
Вечно носились они над землею, незримые оку.
Нет, то не Фидий воздвиг олимпийского славного Зевса!
Фидий ли выдумал это чело, эту львиную гриву,
Ласковый, царственный взор из-под мрака бровей громоносных?
Нет, то не Гёте великого Фауста создал, который,
В древнегерманской одежде, но в правде глубокой, вселенской,
С образом сходен предвечным своим от слова до слова!
Или Бетховен, когда находил он свой марш похоронный,
Брал из себя этот ряд раздирающих сердце аккордов,
Плач неутешной души над погибшей великою мыслью,
Рушенье светлых миров в безнадежную бездну хаоса?

Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном пространстве,
Он же, глухой для земли, неземные подслушал рыданья.
Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нем есть сочетаний и слова и света,
Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть и слышать,
Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Целое с ним вовлекает созданье в наш мир удивленный.
О, окружи себя мраком, поэт, окружися молчаньем,
Будь одинок и слеп, как Гомер, и глух, как Бетховен,
Слух же душевный сильней напрягай и душевное зренье,
И, как над пламенем грамоты тайной бесцветные строки
Вдруг выступают, так выступят вдруг пред тобою картины,
Выйдут из мрака — всё ярче цвета, осязательней формы,
Стройные слов сочетания в ясном сплетутся значенье —
Ты ж в этот миг и внимай, и гляди, притаивши дыханье,
И, созидая потом, мимолетное помни виденье!

Октябрь 1856

38

Что ты голову склонила?
Ты полна ли тихой ленью,
Иль грустишь о том, что было,
Иль под виноградной сенью

Начертания сквозные
Разгадать хотела б ты,
Что на землю вырезные
Сверху бросили листы?

Но дрожащего узора
Нам значенье непонятно —
Что придет, узнаешь скоро,
Что прошло, то невозвратно.

Час полуденный, палящий,
Полный жизни огневой,
Час веселый, настоящий,
Этот час один лишь твой.

Не клони ж печально взора
На рисунок непонятный —
Что придет, узнаешь скоро,
Что прошло, то невозвратно.

Ноябрь 1856

39

Он водил по струна́м; упадали
Волоса на безумные очи,
Звуки скрыпки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.
В них рассказ убедительно-лживый
Развивал невозможную повесть,
И змеиного цвета отливы
Соблазняли и мучили совесть.
Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья;
И в туманных волнах рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной;
И так билося сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Всё блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно;
И к себе беспощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула.

Звуки пели, дрожали так звонко,
Замирали и пели сначала,
Беглым пламенем синяя жженка
Музыканта лицо освещала...

Начало 1857

40

Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали,
Красуяся, идет нарядная весна...
Порою входит так в дом скорби и печали
В цветах красавица, надменна и пышна.

Как праздничный мне лик весны теперь несносен,
Как грустен без тебя дерев зеленых вид!
И мыслю я: когда ж на них повеет осень
И, сыпля желтый лист, нас вновь соединит!

Весна 1857 (?)

41

Господь, меня готовя к бою,
Любовь и гнев вложил мне в грудь,
И мне десницею святою
Он указал правдивый путь,
Одушевил могучим словом,
Вдохнул мне в сердце много сил,
Но непреклонным и суровым
Меня господь не сотворил.
И гнев я свой истратил даром,
Любовь не выдержал свою,
Удар напрасно за ударом
Я отбивая устаю.
Навстречу их враждебной вьюги
Я вышел в поле без кольчуги
И гибну, раненный в бою.

⟨1857⟩

42

Порой, среди забот и жизненного шума,
Внезапно набежит мучительная дума
И гонит образ твой из горестной души;
Но только лишь один останусь я в тиши
И суетного дня минует гул тревожный,
Смиряется во мне волненье жизни ложной,

Душа, как озеро, прозрачна и сквозна,
И взор я погрузить в нее могу до дна;
Спокойной мыслию, ничем не возмутимой,
Твой отражаю лик, желанный и любимый,
И ясно вижу глубь, где, как блестящий клад,
Любви моей к тебе сокровища лежат.

⟨1857⟩

43

Не божиим громом горе ударило,
Не тяжелой скалой навалилося;
Собиралось оно малыми тучками,
Затянули тучки небо ясное,
Посеяло горе мелким дождичком,
Мелким дождичком осенниим.
А и сеет оно давным-давно,
И сечет оно без умолку,
Без умолку, без устали,
Без конца сечет, без отдыха;
Проняло насквозь добра молодца,
Проняло дрожью холодною,
Лихорадкою, лихоманкою,
Сном-дремотою, зевотою.
«Уж полно, горе, дуб ломать по прутикам,
Щипати по листикам!»
А и бывало же другим счастьице:
Налетало горе вихрем-бурею,
Ворочало горе дубы с корнем вон.

⟨1857⟩

44

Ой, честь ли то молодцу лен прясти?
А и хвала ли боярину кичку носить?
Воеводе по воду ходить?
Гусляру-певуну во приказе сидеть,
Во приказе сидеть, потолок коптить?

Ой, коня б ему, гусли б звонкие!
Ой, в луга б ему, во зеленый бор,
Через реченьку да в темный сад,
Где соловушка на черемушке
Целу ноченьку напролет поет!

⟨1857⟩

45

Ты неведомое, незнамое,
Без виду, без образа,
Без имени-прозвища,
Полно гнуть меня ко сырой земле,
Донимать меня, добра молодца!
Как с утра-то встану здоровёшенек,
Здоровёшенек, кажись, гору сдвинул бы,
А к полудню уже руки опущаются,
Ноги словно ко земле приросли.
А подходит оно без оклика,
Меж хотенья и дела втирается,
Говорит: «Не спеши, добрый молодец,
Еще много впереди времени!»
И субботу называет пятницей,
Фомину неделю светлым праздником.
Я пущуся ли в путь-дороженьку,
Ан оно повело проселками,
На полпути корчмой выросло,
Я за дело примусь, ан оно мухою
Перед носом снует, извивается,
А потом тебе же насмехается:
«Ой, удал, силен, добрый молодец!
Еще много ли на боку полёжано,
Силы-удали понакоплено,
Отговорок-то понахожено?
А и много ли богатырских дел,
На печи сидючи, понадумано,
Вахлаками других поругано,
Себе спину почёсано?»

⟨1857⟩

46

Деревцо мое миндальное
Всё цветами убирается,
В сердце думушка печальная
Поневоле зарождается;

Деревцом цветы обронятся,
И созреет плод непрошеный,
И зеленое наклонится
До земли под горькой ношею!

1857 или 1858

47—60. *КРЫМСКИЕ ОЧЕРКИ*

1

Над неприступной крутизною
Повис туманный небосклон,
Там гор зубчатою стеною
От юга север отделен.
Там ночь и снег; там, враг веселья,
Седой зимы сердитый бог
Играет вьюгой и метелью,
Ярясь, уста примкнул к ущелью
И воет в их гранитный рог.
Но здесь благоухают розы,
Бессильно вихрем снеговым
Сюда он шлет свои угрозы,
Цветущий берег невредим.
Над ним весна младая веет,
И лавр, Дианою храним,
В лучах полудня зеленеет
Над морем вечно голубым.

2

Клонит к лени полдень жгучий,
Замер в листьях каждый звук,
В розе пышной и пахучей,
Нежась, спит блестящий жук;

А из камней вытекая,
Однозвучен и гремуч,
Говорит, не умолкая,
И поет нагорный ключ...

3

Всесильной волею аллаха,
Дающего нам зной и снег,
Мы возвратились с Чатырдаха
Благополучно на ночлег.
Все налицо, все без увечья —
Что́ значит ловкость человечья!
А признаюсь, когда мы там
Ползли, как мухи, по скалам,
То мне немного было жутко:
Сорваться вниз плохая шутка!

Гуссейн! Послушай, помоги
Стащить мне эти сапоги,
Они потрескались от жара;
Да что ж не видно самовара!
Сходи за ним. А ты, Али,
Костер скорее запали!
Постелем скатерти у моря,
Достанем ром, заварим чай,
И все возляжем на просторе
Смотреть, как пламя, с ночью споря,
Померкнет, вспыхнет невзначай
И озарит до половины
Дубов зеленые вершины,
Песчаный берег, водопад,
Крутых утесов грозный ряд,
От пены белый и ревущий
Из мрака выбежавший вал
И перепутанного плюща
Концы, висящие со скал.

4

Ты помнишь ли вечер, как море шумело,
В шиповнике пел соловей,
Душистые ветки акации белой
Качались на шляпе твоей?

Меж камней, обросших густым виноградом,
    Дорога была так узка;
В молчанье над морем мы ехали рядом,
    С рукою сходилась рука!

Ты так на седле нагибалась красиво,
    Ты алый шиповник рвала,
Буланой лошадки косматую гриву
    С любовью ты им убрала;

Одежды твоей непослушные складки
    Цеплялись за ветви, а ты
Беспечно смеялась — цветы на лошадке,
    В руках и на шляпе цветы.

Ты помнишь ли рев дождевого потока
    И пену и брызги кругом?
И как наше горе казалось далёко,
    И как мы забыли о нем!

5

Вы всё любуетесь на скалы,
Одна природа вас манит,
И возмущает вас немало
Мой деревенский аппетит.

Но взгляд мой здесь иного рода,
Во мне лицеприятья нет;
Ужели вишни не природа
И тот, кто ест их, не поэт?

Нет, нет, названия вандала
От вас никак я не приму:
И Ифигения едала,
Когда она была в Крыму!

6

Туман встает на дне стремнин,
Среди полуночной прохлады
Сильнее пахнет дикий тмин,
Гремят слышнее водопады.

Как ослепительна луна!
Как гор очерчены вершины!
В сребристом сумраке видна
Внизу Байдарская долина.
Над нами светят небеса,
Чернеет бездна перед нами,
Дрожит блестящая роса
На листьях крупными слезами...

Душе легко; не слышу я
Оков земного бытия,
Нет места страху, ни надежде, —
Что будет впредь, что было прежде —
Мне всё равно — и что меня
Всегда как цепь к земле тянуло,
Исчезло всё с тревогой дня,
Всё в лунном блеске потонуло.

Куда же мысль унесена?
Что ей так видится дремливо?
Не средь волшебного ли сна
Мы едем вместе вдоль обрыва?
Ты ль это, робости полна,
Ко мне склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во сне,
Как звезды блещут в вышине,
Как конь ступает осторожно,
Как дышит грудь твоя тревожно?
Иль при обманчивой луне
Меня лишь дразнит призрак ложный
И это сон? О, если б мне
Проснуться было невозможно!

7

Как чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты:
Моря синего заливы,
Лавры, скалы и цветы!

Но мешают мне немножко
Жизнью жить средь этих стран
Скорпион, сороконожка
И фигуры англичан,

8

Обычной полная печали,
Ты входишь в этот бедный дом,
Который ядра осыпали
Недавно пламенным дождем.

Но юный плющ, виясь вкруг зданья,
Покрыл следы вражды и зла —
Ужель еще твои страданья
Моя любовь не обвила?

9

Приветствую тебя, опустошенный дом,
Завядшие дубы, лежащие кругом,
И море синее, и вас, крутые скалы,
И пышный прежде сад, глухой и одичалый.
Усталым путникам в палящий летний день
Еще даешь ты, дом, свежительную тень,
Еще стоят твои поруганные стены,
Но сколько горестной я вижу перемены!
Едва лишь я вступил под твой знакомый кров,
Бросаются в глаза мне надписи врагов,
Рисунки грубые и шутки площадные,
Где с наглым торжеством поносится Россия;
Всё те же громкие, хвастливые слова
Нечестное врагов оправдывают дело...

Вздохнув, иду вперед; мохнатая сова
Бесшумно с зеркала разбитого слетела,
Вот в угол бросилась испуганная мышь...
Везде обломки, прах; куда ни поглядишь,
Везде насилие, насмешки и угрозы —
А из саду в окно вползающие розы,
За мраморный карниз цепляясь там и тут,
Беспечно в красоте раскидистой цветут,
Как будто на дела враждебного народа
Набросить свой покров старается природа;
Вот ящерица здесь меж зелени и плит,
Блестя как изумруд, извилисто скользит,
И любо ей играть в молчании могильном,
Где на пол солнца луч столбом ударил пыльным,

Но вот уж сумерки; вот постепенно мгла
На берег, на залив, на скалы налегла,
Всё больше в небе звезд, в аллеях всё темнее,
Душистее цветы, и запах трав сильнее;
На сломанном крыльце сижу я, полон дум, —
Как тихо всё кругом, как слышен моря шум!..

10

Тяжел наш путь, твой бедный мул
Устал топтать терновник злобный;
Взгляни наверх: то не аул,
Гнезду орлиному подобный,
То целый город; смолкнул гул
Народных празднеств и торговли,
И ветер тления подул
На богом проклятые кровли.
Во дни глубокой старины
(Гласят народные скрижали),
Во дни неволи и печали,
Сюда Израиля сыны
От ига чуждого бежали,
И град возник на высях гор.
Забыв отцов своих позор
И горький плен Ерусалима,
Здесь мирно жили караимы,
Но ждал их давний приговор —
И пала тяжесть божья гнева
На ветвь караемого древа.
И город вымер. Здесь и там
Остатки башен по стенам,
Кривые улицы, кладбища,
Пещеры, рытые в скалах,
Давно безлюдные жилища,
Обломки, камни, пыль и прах,
Где взор отрады не находит;
Две-три семьи как тени бродят
Средь голых стен; но дороги́
Для них родные очаги,
И храм отцов, от моха черный,
Над коим плавные круги,
Паря, чертит орел нагорный.

11

Где светлый ключ, спускаясь вниз,
По серым камням точит слезы,
Ползут на черный кипарис
Гроздами пурпурные розы.
Сюда когда-то, в жгучий зной,
Под темнолиственные лавры,
Бежали львы на водопой
И буро-пегие кентавры;
С козлом бодался здесь сатир,
Вакханки с криками и смехом
Свершали виноградный пир,
И хор тимпанов, флейт и лир
Сливался шумно с дальним эхом.
На той скале Дианы храм
Хранила девственная жрица,
А здесь над морем по ночам
Плыла богини колесница...

Но уж не та теперь пора:
Где был заветный лес Дианы,
Там слышны звуки топора,
Грохочут вражьи барабаны;
И всё прошло; нигде следа
Не видно Греции счастливой:
Без тайны лес, без плясок нивы,
Без песней пестрые стада
Пасет татарин молчаливый...

12

Солнце жжет; перед грозою
Изменился моря вид:
Засверкал меж бирюзою
Изумруд и малахит.

Здесь на камне буду ждать я,
Как, вздымая корабли,
Море бросится в объятья
Изнывающей земли,

И, покрытый пеной белой,
Утомясь, влюбленный бог
Снова ляжет, онемелый,
У твоих, Таврида, ног.

13

Смотри, всё ближе с двух сторон
Нас обнимает лес дремучий,
Глубоким мраком полон он,
Как будто набежали тучи,
Иль меж деревьев вековых
Нас ночь безвременно застигла,
Лишь солнце сыплет через них
Местами огненные иглы.
Зубчатый клен, и гладкий бук,
И твердый граб, и дуб корнистый
Вторят подков железный звук
Средь гама птичьего и свиста;
И ходит трепетная смесь
Полутеней в прохладе мглистой,
И чует грудь, как воздух весь
Пропитан сыростью душистой.
Вон там украдкой слабый луч
Скользит по липе, мхом одетой,
И дятла стук, и близко где-то
Журчит в траве незримый ключ...

14

Привал. Дымяся, огонек
Трещит под таганом дорожным,
Пасутся кони, и далек
Весь мир с его волненьем ложным.
Здесь долго б я с тобою мог
Мечтать о счастии возможном!
Но, очи грустно опустив
И наклонясь над крутизною,
Ты молча смотришь на залив,
Окружена зеленой мглою...
Скажи, о чем твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, как морская даль,
Бежит от нас неуловимо?
Нет, не догнать его уж нам!
Но в жизни есть еще отрады.
Не для тебя ли по скалам
Бегут и брызжут водопады?
Не для тебя ль в ночной тени
Вчера цветы благоухали?

Из синих волн не для тебя ли
Восходят солнечные дни?
А этот вечер? О, взгляни,
Какое мирное сиянье!
Не слышно в листьях трепетанья,
Недвижно море; корабли,
Как точки белые вдали,
Едва скользят, в пространстве тая;
Какая тишина святая
Царит кругом! Нисходит к нам
Как бы предчувствие чего-то.
В ущельях ночь; в тумане там
Дымится сизое болото,
И все обрывы по краям
Горят вечерней позолотой...

Лето 1856—1858

61

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими — досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами —
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снесть,
Я знамени врага отстаивал бы честь!

⟨1858⟩

62

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив;

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

⟨*1858*⟩

63

Рассевается, расступается
Грусть под думами под могучими,
В душу темную пробивается,
Словно солнышко между тучами.

Ой ли, молодец? Не расступится,
Не рассеется ночь осенняя,
Скоро сведаешь, чем искупится
Непоказанный миг веселия!

Прикачнулася, привалилася
К сердцу сызнова грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Бесталанная, горемычная...

⟨*1858*⟩

64

Ты почто, злая кручинушка,
Не вконец извела меня, бедную,
Разорвала лишь душу на́двое?
Не сойтися утру с вечером,
Не ужиться двум добрым молодцам;
Из-за меня они ссорятся,
А и оба меня корят, бранят;
Уж как станет меня брат корить:
«Ты почто пошла за боярина?
Напросилась в родню неровную?
Отщепенница, переметчица,
От своей родни отступница!»
— «Государь ты мой, милый братец мой,
Я в родню к ним не напрашивалась,
И ты сам меня уговаривал,
Снаряжал меня, выдавал меня!»
Уж как станет меня муж корить:

«Из какого ты роду-племени?
Еще много ли за тобой приданого?
Еще чем меня опоила ты,
Приговорщица, приворотница,
Меня с нашими разлучница?»
— «Государь ты мой, господин ты мой,
Я тебя не приворачивала,
И ты взял меня вольной волею,
А приданого за мной не много есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебе, сударь, поклонная!»

Перекинулся хмель через реченьку,
С одного дуба на другой на дуб,
И качается меж обоими,
Над быстрóй водой зеленеючи,
Злой кручинушки не знаючи,
Оба дерева обнимаючи.

⟨1858⟩

65

Что ни день, как поломя со влагой,
Так унынье борется с отвагой,
Жизнь бежит то круто, то отлого,
Вьется вдаль неровною дорогой,
От беспечной удали к заботам
Переходит пестрым переплетом,
Думы ткут то в солнце, то в тумане
Золотой узор на темной ткани.

⟨1858⟩

66

Осень! Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят,
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядючи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю!

⟨1858⟩

67

Источник за вишневым садом,
Следы голых девичьих ног,
И тут же оттиснулся рядом
Гвоздями подбитый сапог.

Всё тихо на месте их встречи,
Но чует ревниво мой ум
И шепот, и страстные речи,
И ведер расплесканных шум...

(1858)

68

О друг! Ты жизнь влачишь, без пользы увядая,
Пригнутая к земле, как тополь молодая;
Поблекла свежая ветвей твоих краса,
И листья кроет пыль и дольная роса.

О, долго ль быть тебе печальной и согнутой!
Смотри, пришла весна, твои не крепки путы —
Воспрянь и подымись трепещущим столбом,
Вершиною шумя в эфире голубом!

(1858)

69

В совести искал я долго обвиненья,
Горестное сердце вопрошал довольно —
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свете жить мне тяжело и больно!

Каждый звук случайный я ловлю пытливо:
Песня ли раздастся на селе далеком,
Ветер ли всколышет золотую ниву —
Каждый звук неясным мне звучит упреком.

Залегло глубоко смутное сомненье,
И душа собою вечно недовольна:
Нет ей приговора, нет ей примиренья,
И на свете жить мне тяжело и больно!

Согласить я силюсь, чтó несогласимо,
Но напрасно разум бьется и хлопочет:
Горестная чаша не проходит мимо,
Ни к устам зовущим низойти не хочет.

‹1858›

70

Минула страсть, и пыл ее тревожный
Уже не мучит сердца моего,
Но разлюбить тебя мне невозможно!
Всё, что не ты, — так суетно и ложно,
Всё, что не ты, — бесцветно и мертво.

Без повода и права негодуя,
Уж не кипит бунтующая кровь, —
Но с пошлой жизнью слиться не могу я,
Моя любовь, о друг, и не ревнуя,
Осталась та же прежняя любовь.

Так от высот нахмуренной природы,
С нависших скал сорвавшийся поток
Из царства туч, грозы и непогоды
В простор степей выносит те же воды
И вдаль течет, спокоен и глубок.

‹1858›

71

Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве утопает
И в неге врозь ее расходятся лучи.
Но в скромный, тихий день, осеннею погодой,
Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой
И немощен ее на жизнь мою напор.
Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений,
Сосредоточен, я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовет толпы видений,
Как зажигательным рождая их стеклом.

Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду меж озимей, чернеющей дорогой,
Смотрю на кучу скирд, на сломанный забор,
На пруд и мельницу, на дикий косогор,
На берег ручейка болотисто-отлогий
И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клен,
Еще зеленый дуб и желтые березы
Печально на меня свои стряхают слезы;
Но дале я иду, в мечтанья погружен,
И виснут надо мной полунагие сучья,
А мысли между тем слагаются в созвучья,
Свободные слова теснятся в мерный строй,
И на душе легко, и сладостно, и странно,
И тихо всё кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит благоуханный...

⟨1858⟩

72

Ты знаешь, я люблю там, за лазурным сводом,
Ряд жизней мысленно отыскивать иных
И, путь свершая мой, с улыбкой, мимоходом,
Смотрю на прах забот и горестей земных.

Зачем же сердце так сжимается невольно,
Когда твой встречу взор, и так тебя мне жаль,
И каждая твоя мгновенная печаль
В душе моей звучит так долго и так больно?

⟨1858⟩

73

Замолкнул гром, шуметь гроза устала,
　　Светлеют небеса,
Меж черных туч приветно засияла
　　Лазури полоса;

Еще дрожат цветы, полны водою
　　И пылью золотой, —
О, не топчи их с новою враждою
　　Презрительной пятой!

⟨1858⟩

74

Змея, что по скала́м влечешь свои извивы
И между трав скользишь, обманывая взор,
Помедли, дай списать чешуйный твой узор.
Хочу для девы я, холодной и красивой,
Счеканить по тебе причудливый убор.
Пускай, когда она, скользя зарей вечерней,
К сопернику тайком счастливому пойдет,
Пускай блестит, как ты, и в золоте и в черни,
И пестрый твой в траве напоминает ход.

⟨1858⟩

75

Ты жертва жизненных тревог,
И нет в тебе сопротивленья,
Ты, как оторванный листок,
Плывешь без воли по теченью.

Ты как на жниве сизый дым:
Откуда ветер ни повеет,
Он только стелется пред ним
И к облакам бежать не смеет.

Ты словно яблони цветы,
Когда их снег покрыл тяжелый;
Стряхнуть тоску не можешь ты,
И жизнь тебя погнула долу.

Ты как лощинка в вешний день:
Когда весь мир благоухает,
Соседних гор ложится тень
И ей одной цвести мешает,

И, как с вершин бежит в нее
Снегов растаявшая груда,
Так в сердце бедное твое
Стекает горе отовсюду.

⟨1858⟩

76

Бывают дни, когда злой дух меня тревожит
И шепчет на́ ухо неясные слова,
И к небу вознестись душа моя не может,
И отягченная склоняется глава.
И он, не ведая ни радости, ни веры,
В меня вдыхает злость — к кому? — не знаю сам,
И лживым зеркалом могучие размеры
Лукаво придает ничтожным мелочам.
В кругу моих друзей со мной сидит он рядом,
Веселость им у нас надолго отнята,
И сердце он мое напитывает ядом,
И речи горькие влагает мне в уста.
И всё, что есть во мне порочного и злого,
Клубится и растет всё гуще и мрачней
И застилает тьмой сиянье дня родного,
И неба синеву, и золото полей,
В пустыню грустную и в ночь преобразуя
Всё то, что я люблю, чем верю и живу я.

⟨1858⟩

77

С тех пор как я один, с тех пор как ты далёко,
В тревожном полусне когда забудусь я,
Светлей моей души недремлющее око
И близость явственней духовная твоя.

Сестра моей души, с улыбкою участья
Твой тихий, кроткий лик склоняется ко мне,
И я, исполненный мучительного счастья,
Любя́щий чую взор в тревожном полусне.

О, если в этот час ты также им объята,
Мы думою, скажи, проникнуты ль одной
И видится ль тебе туманный образ брата,
С улыбкой грустною склоненный над тобой?

⟨1858⟩

Я вамъ измѣнялъ, святыя убежденья,
Въ сумятицѣ моихъ минувшихъ дней;
Тогда за былой не гонялся тѣнью,
И думалъ я и чувствовалъ вѣрнѣй;
И юною душою ясно видѣлъ
Все, что любилъ и все, что ненавидѣлъ!

—

Средь міра лжи, средь міра мнѣ чужаго,
Не навсегда моя остыла кровь,
Пришла пора, и вы воскресли снова,
Мой прежній гнѣвъ и прежняя любовь!
Разсѣялся туманъ и, слава Богу,
Я выйду на старую дорогу!

—

По прежнему сіяетъ правды сила,
Ее сомнѣнья боль не затемнятъ;
Неровный кругъ кометы совершила
И къ солнцу снова катится назадъ,
Зима прошла, весной душистой вѣетъ,
Луга цвѣтутъ, деревья зеленѣютъ!

78

Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре —
О, не грусти, ты всё мне дорога!
Но я любить могу лишь на просторе —
Мою любовь, широкую как море,
Вместить не могут жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.

И, порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струею хладной
И говорят, качаяся, цветы.

И любим мы любовью раздробленной
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красы вселенной,
И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще — неволя недолга, —
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега.

⟨*1858*⟩

79

Я вас узнал, святые убежденья,
Вы спутники моих минувших дней,
Когда, за беглой не гоняясь тенью,
И думал я, и чувствовал верней,
И юною душою ясно видел
Всё, что любил, и всё, что ненавидел!

Средь мира лжи, средь мира мне чужого,
Не навсегда моя остыла кровь;
Пришла пора — и вы воскресли снова,
Мой прежний гнев и прежняя любовь!
Рассеялся туман, и, слава богу,
Я выхожу на старую дорогу.

По-прежнему сияет правды сила,
Ее сомненья боле не затмят;
Неровный круг планета совершила
И к солнцу снова катится назад.
Зима прошла, природа зеленеет,
Луга цветут, весной душистой веет...

⟨1858⟩

80

О, не спеши туда, где жизнь светлей и чище
Среди миров иных,
Помедли здесь со мной, на этом пепелище
Твоих надежд земных.

От праха отрешась, не удержать полета
В неведомую даль —
Кто будет в той стране, о друг, твоя забота
И кто твоя печаль?

В тревоге бытия, в безбрежном колыханье
Без цели и следа,
Кто в жизни будет мне и радость, и дыханье,
И яркая звезда?

Слиясь в одну любовь, мы цепи бесконечной
Единое звено,
И выше восходить в сиянье правды вечной
Нам врозь не суждено.

⟨1858⟩

81. МАДОННА РАФАЭЛЯ

Склоняся к юному Христу,
Его Мария осенила,
Любовь небесная затмила
Ее земную красоту.

А он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед — и ясным оком
Голгофу видит пред собой.

⟨1858⟩

82

Дробится, и плещет, и брызжет волна
Мне в очи соленою влагой;
Недвижно на камне сижу я — полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пена их гребни покрыла, —
О море, кого же мне вызвать на бой,
Изведать воскресшие силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
От грома и плеска проснулась душа —
Сродни ей шумящее море!

⟨1858⟩

83

Не пенится море, не плещет волна,
Деревья листами не двинут;
На глади прозрачной царит тишина,
Как в зеркале, мир опрокинут.

Сижу я на камне; висят облака,
Недвижные в синем просторе;
Душа безмятежна, душа глубока —
Сродни ей спокойное море!

⟨1858⟩

84

Не брани меня, мой друг,
Гнев твой выразится худо,
Он мне только нежит слух,
Я слова ловить лишь буду,
Как они польются вдруг,
Так посыпятся, что чудо,
Точно падает жемчу́г
На серебряное блюдо!

⟨1858⟩

85

Я задремал, главу понуря,
И прежних сил не узнаю;
Дохни, господь, живящей бурей
На душу сонную мою!

Как глас упрека, надо мною
Свой гром призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя,
И прах бездействия смети!

Да вспряну я, тобой подъятый,
И, вняв карающим словам,
Как камень от удара млата,
Огонь таившийся издам!

⟨1858⟩

86

Горними тихо летела душа небесами,
Грустные долу она опускала ресницы;
Слезы, в пространстве от них упадая звездами,
Светлой и длинной вилися за ней вереницей.

Встречные тихо ее вопрошали светила:
«Что ты грустна? И о чем эти слезы во взоре?»
Им отвечала она: «Я земли не забыла,
Много оставила там я страданья и горя.

Здесь я лишь ликам блаженства и радости внемлю,
Праведных души не знают ни скорби, ни злобы —
О, отпусти меня снова, создатель, на землю,
Было б о ком пожалеть и утешить кого бы».

⟨1858⟩

87

Запад гаснет в дали бледно-розовой,
Звезды небо усеяли чистое,
Соловей свищет в роще березовой,
И травою запахло душистою.

Знаю, что́ к тебе в думушку вкралося,
Знаю сердца немолчные жалобы,
Не хочу я, чтоб ты притворялася
И к улыбке себя принуждала бы.

Твое сердце болит, безотрадное,
В нем не светит звезда ни единая —
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока песня звучит соловьиная,

Соловьиная песня унылая,
Что как жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушает звездное!

⟨1858⟩

88

Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь;
Не верь себе! Сама того не зная,
Ты любишь в нем лишь первую любовь.

Ты не его в нем видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя он мог —
Лишь тайных дум, мучений и блаженства
Он для тебя отысканный предлог.

То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Всё, что к нему случайно подойдет.

⟨1858⟩

89

Вырастает дума, словно дерево,
Вроет в сердце корни глубокие,
По поднебесью ветвями раскинется,
Задрожит, зашумит тучей листиев.
Сердце знает ту думу крепкую,
Что оно взрастило, взлелеяло,
Разум сможет ту думу окинути,
Сможет слово ту думу высказать.
А какая то другая думушка,
Что́ ни высказать, ни вымерить,
Ни обнять умом, ни окинути?
Промелькнет она без образа,
Вспыхнет дальнею зарницею,
Озарит на миг душу темную,
Много вспомнится забытого,
Много смутного, непонятного
В миг тот ясно сердцу скажется;
А рванешься за ней, погонишься —
Только очи ее и видели,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету ветра буйного,
Тень от облака летучего
Не прибить гвоздем ко сырой земле!

⟨1858⟩

90

Тебя так любят все; один твой тихий вид
Всех делает добрей и с жизнию мирит.
Но ты грустна, в тебе есть скрытое мученье,
В душе твоей звучит какой-то приговор;
Зачем твой ласковый всегда так робок взор
И очи грустные так молят о прощенье,
Как будто солнца свет, и вешние цветы,

И тень в полдневный зной, и шепот по дубравам,
И даже воздух тот, которым дышишь ты,
Всё кажется тебе стяжанием неправым?

(1858)

91

Хорошо, братцы, тому на свете жить,
У кого в голове добра не много есть,
А сидит там одно-одинешенько,
А и сидит оно крепко-накрепко,
Словно гвоздь, обухом вколоченный.
И глядит уж он на свое добро,
Всё глядит на него, не спуская глаз,
И не смотрит по сторонушкам,
А знай прет вперед, напролом идет,
Давит встречного-поперечного.

А беда тому, братцы, на свете жить,
Кому бог дал очи зоркие,
Кому видеть дал во все стороны,
И те очи у него разбегаются;
И кажись, хорошо, а лучше есть!
А и худо, кажись, не без доброго!
И дойдет он до распутьица,
Не одну видит в поле дороженьку,
И он станет, призадумается,
И пойдет вперед, воротится,
Начинает идти сызнова;
А дорогою-то засмотрится
На луга, на леса зеленые,
Залюбуется на божьи цветики
И заслушается вольных пташечек,
И все люди его корят, бранят:
«Ишь идет, мол, озирается,
Ишь стоит, мол, призадумался,
Ему б мерить всё да взвешивать,
На все боки бы поворачивать.
Не бывать ему воеводою,
Не бывать ему посадником,
Думным дьяком не бывать ему,
Ни торговым делом не правити!»

(1858)

92

Кабы знала я, кабы ведала,
Не смотрела бы из окошечка
Я на молодца разудалого,
Как он ехал по нашей улице,
Набекрень заломивши мурмолку,
Как лихого коня буланого,
Звонконогого, долгогривого,
Супротив окон на дыбы вздымал!

Кабы знала я, кабы ведала,
Для него бы я не рядилася,
С золотой каймой ленту алую
В косу длинную не вплетала бы,
Рано до́ свету не вставала бы,
За околицу не спешила бы,
В росе ноженьки не мочила бы,
На проселок тот не глядела бы:
Не проедет ли тем проселком он,
На руке держа пестра сокола?

Кабы знала я, кабы ведала,
Не сидела бы поздно вечером,
Пригорюнившись, на завалине,
На завалине, близ колодезя,
Поджидаючи да гадаючи:
Не придет ли он, ненаглядный мой,
Напоить коня студено́й водой!

⟨1858⟩

93

К твоим, царица, я ногам
Несу и радость и печали,
Мечты, что сердце волновали,
Веселье с грустью пополам.

Припомни день, когда ты, долу
Склонясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душой;

Я мыслил, песни те слагая:
Они неведомо замрут —
Но ты дала им, о благая,
Свою защиту и приют.

Встречай же в солнце и в лазури,
Царица, радостные дни,
И нас, певцов, в годину бури
В своих молитвах помяни!

1858 (?)

94

Пусть тот, чья честь не без укора,
Страшится мнения людей;
Пусть ищет шаткой он опоры
В рукоплесканиях друзей!
Но кто в самом себе уверен,
Того хулы не потрясут —
Его глагол нелицемерен,
Ему чужой не нужен суд.

Ни пред какой земною властью
Своей он мысли не таит,
Не льстит неправому пристрастью,
Вражде неправой не кадит.
Ни пред венчанными царями,
Ни пред судилищем молвы
Он не торгуется словами,
Не клонит рабски головы.

Друзьям в угодность, боязливо
Он никому не шлет укор;
Когда ж толпа несправедливо
Свой постановит приговор,
Один, не следуя за нею,
Пред тем, что чисто и светло,
Дерзает он, благоговея,
Склонить свободное чело.

Январь 1859

95

Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна, ни покою!
С жизнью бороться приходится, с бабой-ягою!
Старая крепко меня за бока ухватила,
Сломится, так и гляжу, молодецкая сила!
Пусть бы хоть молча, а то ведь накинулась с бранью,
Слух утомляет мне, сплетница, всякою дрянью.
Ох, насолили мне дрязги и мелочи эти!
Баба, постой, погоди, не одна ты на свете!
Сила и воля нужны мне для боя иного —
После, пожалуй, с тобою мы схватимся снова!

⟨1859⟩

96

Сижу да гляжу я всё, братцы, вон в эту сторонку,
Где катятся волны, одна за другой вперегонку.
Волна погоняет волну среди бурного моря,
Чтó день, то за горем всё новое валится горе.
Сижу я и думаю: что мне тужить за охота,
Коль завтра прогонит заботу другая забота?
Ведь надобно ж место всё новым да новым кручинам —
Так что же тужить, коли клин выбивается клином?

⟨1859⟩

97

Нас не преследовала злоба,
Не от вражды иль клеветы —
От наших дум ушли мы оба,
Бежали вместе, я и ты.

Зачем же прежний глас упрека
Опять твердит тебе одно,
Опять пытующее око
Во глубь души устремлено?

Смотри: наш день восходит чисто,
Ночной рассеялся туман,
Играя далью золотистой,
Нас манит жизни океан,

Уже надутое ветрило
Наш челн уносит в новый край —
Не сожалей о том, что было,
И взор обратно не кидай!

⟨1859⟩

98

Есть много звуков в сердца глубине,
Неясных дум, непетых песней много,
Но заглушает вечно их во мне
Забот немолчных скучная тревога.

Тяжел ее непрошеный напор,
Издавна сердце с жизнию боролось —
Но жизнь шумит, как вихорь ломит бор,
Как ропот струй, так шепчет сердца голос.

⟨1859⟩

99

К страданиям чужим ты горести полна,
И скорбь ничья тебя не проходила мимо;
К себе лишь ты одной всегда неумолима,
Всегда безжалостна и вечно холодна.

Но если б видеть ты любящею душою
Могла со стороны хоть раз свою печаль —
О, как самой себя тебе бы стало жаль
И как бы плакала ты грустно над собою!

⟨1859⟩

100

О, если б ты могла хоть на единый миг
Забыть свою печаль, забыть свои невзгоды,
О, если бы хоть раз я твой увидел лик,
Каким я знал его в счастливейшие годы!

Когда в твоих глазах засветится слеза,
О, если б эта грусть могла пройти порывом,
Как в теплую весну пролетная гроза,
Как тень от облаков, бегущая по нивам!

(1859)

101. И. С. АКСАКОВУ

Судя меня довольно строго,
В моих стихах находишь ты,
Что в них торжественности много
И слишком мало простоты.
Так. В беспредельное влекома,
Душа незримый чует мир,
И я не раз под голос грома,
Быть может, строил мой псалтырь.
Но я не чужд и здешней жизни;
Служа таинственной отчизне,
Я и в пылу душевных сил
О том, что близко, не забыл.
Поверь, и мне мила природа,
И быт родного нам народа;
Его стремленья я делю,
И всё земное я люблю,
Все ежедневные картины:
Поля, и села, и равнины,
И шум колеблемых лесов,
И звон косы в лугу росистом,
И пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков;
В степи чумацкие ночлеги,
И рек безбрежный разлив,
И скрып кочующей телеги,
И вид волнующихся нив;
Люблю я тройку удалую
И свист саней на всем бегу,
На славу кованную сбрую
И золоченую дугу;
Люблю тот край, где зимы долги,
Но где весна так молода,
Где вниз по матушке по Волге
Идут бурлацкие суда;

И все мне дороги явленья,
Тобой описанные, друг,
Твои гражданские стремленья
И честной речи трезвый звук.
Но всё, что чисто и достойно,
Что на земле сложилось стройно,
Для человека то ужель,
В тревоге вечной мирозданья,
Есть грань высокого призванья
И окончательная цель?
Нет, в каждом шорохе растенья
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я в них иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу с любовию на землю,
Но выше просится душа;
И что́ ее, всегда чаруя,
Зовет и манит вдалеке —
О том поведать не могу я
На ежедневном языке.

Январь 1859

102

На нивы желтые нисходит тишина,
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон... Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово.

⟨1862⟩

103

Вздымаются волны как горы
И к тверди возносятся звездной,
И с ужасом падают взоры
В мгновенно разрытые бездны.

Подобная страсти, не знает
Средины тревожная сила,
То к нéбу, то в пропасть бросает
Ладью без весла и кормила.

Не верь же, ко звездам взлетая,
Высокой избранника доле,
Не верь, в глубину ниспадая,
Что звезд не увидишь ты боле!

Стихии безбрежной, бездонной
Уймется волненье, и вскоре
В свой уровень вступит законный
Души успокоенной море.

⟨1866⟩

104. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

1

Други, вы слышите ль крик оглушительный:
«Сдайтесь, певцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши в наш век положительный?
Много ли вас остается, мечтатели?
Сдайтеся натиску нового времени!
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения?»

2

Други, не верьте! Всё та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,
Те же нас радуют звезды небесные!

Правда всё та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите во имя прекрасного
Против течения!

3

Вспомните: в дни Византии расслабленной,
В приступах ярых на божьи обители,
Дерзко ругаясь святыне награбленной,
Так же кричали икон истребители:
«Кто воспротивится нашему множеству!
Мир обновили мы силой мышления —
Где ж побежденному спорить художеству
Против течения?»

4

В оные ж дни, после казни Спасителя,
В дни, как апостолы шли вдохновенные,
Шли проповедовать слово учителя,
Книжники так говорили надменные:
«Распят мятежник! Нет проку в осмеянном,
Всем ненавистном, безумном учении!
Им ли убогим идти галилеянам
Против течения!»

5

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею —
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
Верх над конечным возьмет бесконечное,
Верою в наше святое значение
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!

⟨1867⟩

105

Темнота и туман застилают мне путь,
Ночь на землю всё гуще ложится,
Но я верю, я знаю: живет где-нибудь,
Где-нибудь да живет царь-девица!

Как достичь до нее — не ищи, не гадай,
Тут расчет никакой не поможет,
Ни догадка, ни ум, но безумье в тот край,
Но удача принесть тебя может!

Я не ждал, не гадал, в темноте поскакал
В ту страну, куда нету дороги,
Я коня разнуздал, наудачу погнал
И в бока ему втиснул остроги...

Август 1870

106

В монастыре пустынном близ Кордовы
Картина есть. Старательной рукой
Изобразил художник в ней суровый,
Как пред кумиром мученик святой
Лежит в цепях и палачи с живого
Сдирают кожу... Вид картины той,
Исполненный жестокого искусства,
Сжимает грудь и возмущает чувство.

Но в дни тоски, мне всё являясь снова,
Упорно в мысль вторгается она,
И мука та казнимого святого
Сегодня мне понятна и родна:
С моей души совлечены покровы,
Живая ткань ее обнажена,
И каждое к ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

Осень 1870

107

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
В полуденных лучах следы недавней стужи
Дымятся. Теплый ветр повеял нам в лицо
И морщит на полях синеющие лужи.

Еще трещит камин, отливами огня
Минувший тесный мир зимы напоминая,
Но жаворонок там, над озимью звеня,
Сегодня возвестил, что жизнь пришла иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и доверье,
И громко вторят им бегущие ручьи,
Колебля тростника желтеющие перья.

Пускай же, как они по глине и песку
Растаявших снегов, журча, уносят воды,
Бесследно унесет души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!..

25 декабря 1870

108

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий;

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! О лес! О солнца свет!
О юность! О надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастие! О слезы!
О лес! О жизнь! О солнца свет!
О свежий дух березы!

Май 1871

109. НА ТЯГЕ

Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листвы едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором.
И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды
Как нехотя свое доканчивают пенье;
От луга всходит пар... Мерцающей звезды
У ног моих в воде явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодний лист
Зашелестел в дубах. Внезапно легкий свист
Послышался; за ним, отчетисто и внятно,
Стрелку знакомый хрип раздался троекратно,
И вальдшнеп протянул — вне выстрела. Другой
Летит из-зá лесу, но длинною дугой
Опушку обогнул и скрылся. Слух и зренье
Мои напряжены, и вот через мгновенье,
Свистя, еще один, в последнем свете дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаив, нагнувшись под осиной,
Я выждал верный миг — вперед на пол-аршина
Я вскинул — огнь блеснул, по лесу грянул гром —
И вальдшнеп падает на землю колесом.
Удара тяжкого далекие раскаты,
Слабея, замерли. Спокойствием объятый,
Вновь дремлет юный лес, и облаком седым
В недвижном воздухе висит ружейный дым.
Вот донеслась еще из дальнего болота
Весенних журавлей ликующая нота —
И стихло всё опять, и в глубине ветвей
Жемчужной дробию защелкал соловей.
Но отчего же вдруг, мучительно и странно,
Минувшим на меня повеяло нежданно
И в этих сумерках, и в этой тишине
Упреком горестным оно предстало мне?
Былые радости! Забытые печали!
Зачем в моей душе вы снова прозвучали
И снова предо мной, средь явственного сна,
Мелькнула дней моих погибшая весна?

Май 1871

2. БЫЛИНЫ, БАЛЛАДЫ, ПРИТЧИ

110. ВОЛКИ

Когда в селах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.

Семь волков идут смело,
Впереди их идет
Волк осьмой, шерсти белой,
А таинственный ход
Заключает девятый;
С окровавленной пятой
Он за ними идет и хромает.

Их ничто не пугает:
На село ли им путь,
Пес на них и не лает,
А мужик и дохнуть,
Видя их, не посмеет,
Он от страху бледнеет
И читает тихонько молитву.

Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом,
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом:
Не ведутся ль там грешные речи?

Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело!
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.

На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Девять мертвых старух:
Впереди их седая,
Позади их хромая,
Все в крови... С нами сила господня!

1840-е годы

111

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод:

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать!
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло.

Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно...
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

1840-е годы

112. КУРГАН

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит;
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.

В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца коня.

Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гуслях гремя золотых:

«О витязь, делами твоими
Гордится великий народ!
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!

И если курган твой высокий
Сровнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим!»

И вот миновалися годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли;

Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит;

А витязя славное имя
До наших времен не дошло.
Кто был он? Венцами какими
Свое он украсил чело?

Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?

И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?

Безмолвен курган одинокий,
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит.

Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крилами треща, саранча;

Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть;

Тушканчик порою проскачет
По нем при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня;

А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свеет летучий
С кургана забытого прах.

1840-е годы

113. КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ

Уношу князю Ростиславу
затвори Днепр темне березе.

Слово о полку Игореве

Князь Ростислав в земле чужой
Лежит на дне речном,
Лежит в кольчуге боевой,
С изломанным мечом.

Днепра подводные красы
Лобзаться любят с ним
И гребнем витязя власы
Расчесывать златым.

Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждет:
Ладья его умчала прочь —
Назад не принесет.

В глухом лесу, в земле чужой,
В реке его приют.
Ему попы за упокой
Молитвы не поют;

Но с ним подводные красы,
С ним дев веселых рой,
И чешет витязя власы
Их гребень золотой.

Когда же на берег Посвист
Седые волны мчит,
В лесу кружится желтый лист,
Ярясь, Перун гремит,

Тогда, от сна на дне речном
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругом
Взирает бедный князь.

Жену младую он зовет —
Увы! Его жена,
Прождав напрасно целый год,
С другим обручена.

Зовет к себе и брата он,
Его обнять бы рад —
Но, сонмом гридней окружен,
Пирует дома брат.

Зовет он киевских попов,
Велит себя отпеть —
Но до отчизны слабый зов
Не может долететь.

И он, склонясь на ржавый щит,
Опять тяжелым сном
В кругу русалок юных спит
Один на дне речном.

1840-е годы

Voici ma ballade, cher
Prince, à laquelle je joins mo

114. ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь, конь измученный пал —
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Свого отдает воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану!»

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода;
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает,
Недаром дивится литовский народ
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался другом!»

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То всё я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо!»

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит;
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не люба на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольно сомненья на князя нашли...

Вдруг входит Шибанов, в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки!»

Звон медный несется, гудит над Москвой,
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опричнины кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный богом Басманов.

Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского, князя Андрея!»

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!

Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль — и внимает:

«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в скверна обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишись бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лиях и лиях,
С тобой пред судьею предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд,
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали,
И все в ожиданье молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной!
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену.

«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?»
— «Царь, слово его всё едино:
Он славит своего господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну что же, назвал ли злодеев гонец?»
— «Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его всё едино,
Он славит своего господина:

„О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье —
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое всё едино:
За грозного, боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь —
И твердо жду смерти желанной!”»
Так умер Шибанов, стремянный.

1840-е годы

115. КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИН

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой.

Ковшами золотыми столов блистает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят.

С вечерни льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусляры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

Но голос прежней славы царя не веселит,
Подать себе личину он кравчему велит:

«Да здравствуют тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!

Себе личину, други, пусть каждый изберет —
Я первый открываю веселый хоровод!

За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»

И все подъяли кубки. Не поднял лишь один,
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.

«О царь, забыл ты бога! Свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!

Рассыпь державным словом детей бесовских рать!
Тебе ли, властелину, здесь в ма́шкаре плясать!»

Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб
Или хмелен не в меру? Молчи, строптивый раб!

Не возражай ни слова и ма́шкару надень —
Или клянусь, что прожил ты свой последний день!»

Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь:
«Опричнина да сгинет! — он рек, перекрестясь. —

Да здравствует во веки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!

Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!»

Он молвил и ногами личину растоптал,
Из рук его на землю звенящий кубок пал...

«Умри же, дерзновенный!» — царь вскрикнул,
разъярясь,—
И пал, жезлом пронзенный, Репнин, правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат,
За длинными столами опричники шумят,

И смех их раздается, и пир опять кипит —
Но звон ковшей и кубков царя не веселит:

«Убил, убил напрасно я верного слугу!
Вкушать веселье ныне я боле не могу!»

Напрасно льются вины на царские ковры,
Поют царю напрасно лихие гусляры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

1840-е годы

116. НОЧЬ ПЕРЕД ПРИСТУПОМ

Поляки ночью темною,
Пред самым Покровом,
С дружиною наемною
Сидят перед огнем.

Исполнены отвагою,
Поляки крутят ус,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И с польскою державою
Пришли из разных стран,
Пришли войной неправою
Враги на россиян.

Тут во́лохи усатые,
И угры в чекменях,
Цыгане бородатые
В косматых кожухах...

Валя толпою пегою,
Пришла за ратью рать
С Лисовским и с Сапегою
Престол наш воевать.

И вот, махая бурками
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкруг яркого огня

С ухватками удалыми
Несутся их ряды,
Гремя, звеня цимбалами,
Кричат, поют жиды.

Брянчат цыганки бубнами,
Наездники шумят,
Делами душегубными
Грозит их ярый взгляд.

И все стучат стаканами:
«Да здравствует Литва!»
Так возгласами пьяными
Встречают Покрова.

А там, едва заметная,
Меж сосен и дубов,
Во мгле стоит заветная
Обитель чернецов.

Монахи с верой пламенной
Во тьму вперили взор,
Вокруг твердыни каменной
Ведут ночной дозор.

Среди мечей зазубренных,
В священных стихарях,
И в панцирях изрубленных,
И в шлемах, и в тафьях,

Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держат грозною
Кресты иль топоры.

Священное их пение
Вторит высокий храм,
Железное терпение
На диво их врагам.

Не раз они пред битвою,
Презрев ночной покой,
Смиренною молитвою
Встречали день златой;

Не раз, сверкая взорами,
Они в глубокий ров
Сбивали шестопёрами
Литовских удальцов.

Ни на́ день в их обители
Глас божий не затих;
Блаженные святители,
В окладах золотых,

Глядят на них с любовию,
Святых ликует хор:
Они своею кровию
Литве дадут отпор!

Но чу! Там пушка грянула,
Во тьме огонь блеснул,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гул!..

Молитесь богу, братия!
Начнется скоро бой!
Я слышу их проклятия,
И гиканье, и вой;

Несчетными станицами
Идут они вдали —
Приляжем за бойницами,
Раздуем фитили!..

1840-е годы

117. БОГАТЫРЬ

По русскому славному царству,
На кляче разбитой верхом,
Один богатырь разъезжает
И взад, и вперед, и кругом.

Покрыт он дырявой рогожей,
Мочалы вокруг сапогов,
На брови надвинута шапка,
За пазухой пеннику штоф.

«Ко мне, горемычные люди,
Ко мне, молодцы, поскорей!
Ко мне, молодицы и девки, —
Отведайте водки моей!»

Он потчует всех без разбору,
Гроша ни с кого не берет,
Встречает его с хлебом-солью,
Честит его русский народ.

Красив ли он, стар или молод —
Никто не заметил того;
Но ссоры, болезни и голод
Плетутся за клячей его.

И кто его водки отведал,
От ней не отстанет никак,
И всадник его провожает
Услужливо в ближний кабак.

Стучат и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино,
В кабак, до последней рубахи,
Добро мужика снесено.

Стучат и расходятся чарки,
Питейное дело растет,
Жиды богатеют, жиреют,
Беднеет, худеет народ.

Со службы домой воротился
В деревню усталый солдат;
Его угощают родные,
Вкруг штофа горелки сидят.

Приходу его они рады,
Но вот уж играет вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.

«Да что, — говорят ему братья, —
Уж нешто ты нам и старшой?
Ведь мы-то трудились, пахали,
Не станем делиться с тобой!»

И ссора меж них закипела,
И подняли бабы содом;
Солдат их ружейным прикладом,
А братья его топором!

Сидел над картиной художник,
Он божию матерь писал,
Любил как дитя он картину,
Он ею и жил и дышал;

Вперед подвигалося дело,
Порой на него с полотна
С улыбкой святая глядела,
Его ободряла она.

Сгрустнулося раз живописцу,
Он с горя горелки хватил —
Забыл он свою мастерскую,
Свою богоматерь забыл.

Весь день он валяется пьяный
И в руки кистей не берет —
Меж тем под рогожею всадник
На кляче плетется вперед.

Работают в поле ребята,
И градом с них катится пот,
И им, в умилении, всадник
Орленый свой штоф отдает.

Пошла между ними потеха!
Трехпробное льется вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.

Бросают они свои сохи,
Готовят себе кистени,
Идут на большую дорогу,
Купцов поджидают они.

Был сын у родителей бедных;
Любовью к науке влеком,
Семью он свою оставляет
И в город приходит пешком.

Он трудится денно и нощно,
Покою себе не дает,
Он терпит и голод и холод,
Но движется быстро вперед.

Однажды, в дождливую осень,
В одном переулке глухом,
Ему попадается всадник
На кляче разбитой верхом.

«Здорово, товарищ, дай руку!
Никак, ты, бедняга, продрог?
Что ж, выпьем за Русь и науку!
Я сам им служу, видит бог!»

От стужи иль от голодухи
Прельстился на водку и ты —
И вот потонули в сивухе
Родные, святые мечты!

За пьянство из судной управы
Повытчика выгнали раз;
Теперь он крестьянам на сходке
Читает подложный указ.

Лукаво толкует свободу
И бочками водку сулит:
«Нет боле оброков, ни барщин;
Того-де закон не велит.

Теперь, вишь, другие порядки.
Знай пей, молодец, не тужи!
А лучше чтоб спорилось дело,
На то топоры и ножи!»

А всадник на кляче не дремлет,
Он едет и свищет в кулак;
Где кляча ударит копытом,
Там тотчас стоит и кабак.

За двести мильонов Россия
Жидами на откуп взята —
За тридцать серебряных денег
Они же купили Христа.

И много Понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего продают.

Стучат и расходятся чарки,
Рекою бушует вино,
Уносит деревни и села
И Русь затопляет оно.

Дерутся и режутся братья,
И мать дочерей продает,
Плач, песни, и вой, и проклятья —
Питейное дело растет!

И гордо на кляче гарцует
Теперь богатырь удалой;
Уж сбросил с себя он рогожу,
Он шапку сымает долой:

Гарцует оглоданный остов,
Венец на плешивом челе,
Венец из разбитых бутылок
Блестит и сверкает во мгле.

И череп безглазый смеется:
«Призванье мое свершено!
Не даром же им достается
Мое даровое вино!»

1849 (?)

118

Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цветы расцветали!
Кабы мы любили да не разлюбляли!
Кабы дно морское достать да измерить!
Кабы можно, братцы, красным девкам верить!
Ой, кабы все бабы были б молодицы!
Кабы в полугаре поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту!
Да кабы приказных по боку да к черту!
Да кабы звенели завсегда карманы!
Да кабы нам, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякий день обедал!
Да батюшка б царь наш всю правду бы ведал!

1854 (?)

119

Ходит Спесь, надуваючись,
С боку на бок переваливаясь.
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,
Пузо-то его всё в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашел бы Спесь к отцу, к матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился б Спесь во церкви божией,
Да пол не метён!
Идет Спесь, видит: на небе радуга;
Повернул Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мне нагибатися!

1854 (?)

120

В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба
Грянула. С треском кругом от нее разлетелись осколки,
Он же вздрогну́л — и к народу могучие медные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

5 декабря 1855

У приказных ворот собирался народ
Густо;
Говорит в простоте, что в его животе
Пусто.
«Дурачье! — сказал дьяк. — Из вас должен быть всяк
В теле:
Еще в думе вчера мы с трудом осетра
Съели!»

На базар мужик вез через реку обоз
Пакли;
Мужичок-то, вишь, прост, знай везет через мост,
Так ли?
«Вишь, дурак! — сказал дьяк. — Тебе мост, чай, пустяк,
Дудки?
Ты б его поберег, ведь плыли ж поперек
Утки!»

Как у Васьки Волчка вор стянул гусака,
Вишь ты!
В полотенце свернул, да поймал караул,
Ништо!
Дьяк сказал: «Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать! Стало, Ваське и дать
Таску!»

Пришел к дьяку больной; говорит: «Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а уж вот поутру
Паче.
И не лечь, и не сесть, и не можно мне съесть
Столько!»
— «Вишь, дурак! — сказал дьяк. — Ну не ешь натощак —
Только!»

Пришел к дьяку истец, говорит: «Ты отец
Бедных;
Кабы ты мне помог — видишь денег мешок
Медных, —

Я б те всыпал, ей-ей, в шапку десять рублей,
Шутка!»
— «Сыпь сейчас, — сказал дьяк, подставляя колпак, —
Ну-тка!»

⟨1857⟩

122. ПРАВДА

Ах ты гой еси, правда-матушка,
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лесами дремучими!
Не объехать кругом тебя во сто лет,
Посмотреть на тебя — шапка валится!

Выезжало семеро братиев,
Семеро выезжало добрых молодцев,
Посмотреть выезжали молодцы,
Какова она, правда, на свете живет?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.

Поскакали добры молодцы,
Все семеро братьев удалыих,
И подъехали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.

Посмотрели добры молодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину.
А вернувшись на свою родину,
Всяк рассказывал правду по-своему:
Кто горой называл ее высокою,
Кто городом людным торговыим,
Кто морем, кто лесом, кто степию.

И поспорили братья промеж собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти,

И, рубяся, корились, ругалися,
И брат брата звал обманщиком.
Наконец полегли до единого
Все семеро братьев удалыих.
Умирая ж, каждый сыну наказывал,
Рубитися наказывал до смерти,
Полегти за правду за истину.
То ж и сын сыну наказывал.
И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение.

А сказана притча не в осуждение,
Не в укор сказана — в поучение,
Людям добрым в уразумение.

⟨1858⟩

123. СТАРИЦКИЙ ВОЕВОДА

Когда был обвинен стари́цкий воевода,
Что, гордый знатностью и древностию рода,
Присвоить он себе мечтает царский сан,
Предстать ему велел пред очи Иоанн.
И осужденному поднес венец богатый,
И ризою облек из жемчуга и злата,
И бармы возложил, и сам на свой престол
По шелковым коврам виновного возвел.
И, взор пред ним склонив, он пал среди палаты
И, в землю кланяясь с покорностью трикраты,
Сказал: «Доволен будь в величии своем,
Се аз, твой раб, тебе на царстве бью челом!»
И, вспрянув тот же час со злобой беспощадной,
Он в сердце нож ему вонзил рукою жадной.
И, лик свой наклоня над сверженным врагом,
Он наступил на труп узорным сапогом
И в очи мертвые глядел, и в дрожи зыбкой
Державные уста змеилися улыбкой.

⟨1858⟩

124

1

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?»
— «Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!»

2

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А где ты изволил крупы достать?»
— «За морем, матушка, за морем,
За морем, сударыня, за морем!»

3

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Нешто своей крупы не было?»
— «Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!»

4

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А чем ты изволишь мешать ее?»
— «Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!»

5

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет кру́тенька?»
— «Кру́тенька, матушка, кру́тенька,
Кру́тенька, сударыня, кру́тенька!»

6

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет со́лона?»
— «Со́лона, матушка, со́лона,
Со́лона, сударыня, со́лона!»

7

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А кто ж будет ее расхлебывать?»
— «Детушки, матушка, детушки,
Детушки, сударыня, детушки!»

⟨1861⟩

125. ЧУЖОЕ ГОРЕ

В лесную чащу́ богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе, в кольчатой броне
И свистнул беспечно, бочась на коне:
«Какое мне деется горе!»

И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты —
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня:
«Эй, кто за плечами там сел у меня!
Со мной, берегись, не шути ты!»

И щупает он у себя за спиной,
И шарит, с досадой во взоре,
Но внемлет ответ: «Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал княжой,
Везешь Ярослава ты горе!»

«Ну, ври себе! — думает витязь, смеясь. —
Вот, подлинно, было бы диво!
Какая твоя с Ярославом-то связь?
В Софийском соборе спит киевский князь,
А горе, небось, его живо?»

Но дале он едет, гремя и звеня,
С товарищем боле не споря, —
Вдруг снова к нему кто-то прыг на коня
И на ухо шепчет: «Вези ж и меня,
Я, витязь, татарское горе!»

«Ну, видно, не в добрый я выехал час!
Вишь, притча какая бывает!
Что шишек еловых здесь падает вас!» —
Так думает витязь, главою склонясь,
А конь уже шагом шагает.

Но вот и ступать уж ему тяжело,
И стал спотыкаться он вскоре —
А тут кто-то сызнова прыг за седло:
«Какого там черта еще принесло?»
— «Ивана Васильича горе!»

«Долой вас! И места уж нет за седлом!
Плеча мне совсем отдавило!»
— «Нет, витязь, уж сели, долой не сойдем!»
И едут они на коне вчетвером,
И ломится конская сила.

«Эх, — думает витязь, — мне б и́з лесу вон
Да в поле скакать на просторе!
И как я без боя попался в полон!
Чужое, вишь, горе тащить осужден,
Чужое, прошедшее горе!»

(1866)

126. ПАНТЕЛЕЙ-ЦЕЛИТЕЛЬ

Пантелей-государь ходит по́ полю,
И цветов и травы ему по́ пояс,
И все травы пред ним расступаются,
И цветы все ему поклоняются.
И он знает их силы сокрытые,
Все благие и все ядовитые,
И всем добрым он травам, невредныим,
Отвечает поклоном приветныим,
А которы растут виноватые,
Тем он палкой грозит суковатою.

По листочку с благих собирает он,
И мешок ими свой наполняет он,
И на хворую братию бедную
Из них зелие варит целебное.
Государь Пантелей!
Ты и нас пожалей!
Свой чудесный елей
В наши раны излей,

В наши многие раны сердечные!
Есть меж нами душою увечные,
Есть и разумом тяжко болящие,
Есть глухие, немые, незрящие,
Опоенные злыми отравами, —
Помоги им своими ты травами!

А еще, государь, —
Чего не было встарь —
И такие меж нас попадаются,
Что лечением всяким гнушаются.
Они звона не терпят гуслярного,
Подавай им товара базарного!
Всё, чего им не взвесить, не смеряти,
Всё, кричат они, надо похерити!
Только то, говорят, и действительно,
Что для нашего тела чувствительно;
И приемы у них дубоватые,
И ученье-то их грязноватое!
И на этих людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалей
Суковатыя!

20 февраля 1866
Рим

127. ЗМЕЙ ТУГАРИН

Былина

1

Над светлым Днепром, средь могучих бояр,
Близ стольного Киева-града,
Пирует Владимир, с ним молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

2

И молвит Владимир: «Что ж нету певцов?
Без них мне и пир не отрада!»
И вот незнакомый из дальних рядов
Певец выступает на княжеский зов —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

3

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами вперед,
И ахнул от ужаса русский народ:
«Ой рожа, ой страшная рожа!»

4

И начал он петь на неведомый лад:
«Владычество смелым награда!
Ты, княже, могуч и казною богат,
И помнит ладьи твои дальний Царьград —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

5

Но род твой не вечно судьбою храним,
Настанет тяжелое время,
Обнимут твой Киев и пламя и дым,
И внуки твои будут внукам моим
Держать золоченое стремя!»

6

И вспыхнул Владимир при слове таком,
В очах загорелась досада,
Но вдруг засмеялся, и хохот кругом
В рядах прокатился, как по небу гром, —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

7

Смеется Владимир, и с ним сыновья,
Смеется, потупясь, княгиня,
Смеются бояре, смеются князья,
Удалый Попович, и старый Илья,
И смелый Никитич Добрыня.

8

Певец продолжает: «Смешна моя весть.
И вашему уху обидна?
Кто мог бы из вас оскорбление снесть!
Бесценное русским сокровище честь,
Их клятва: „Да будет мне стыдно!“

9

На вече народном вершится их суд,
Обиды смывает с них поле —
Но дни, погодите, иные придут,
И честь, государи, заменит вам кнут,
А вече — каганская воля!»

10

«Стой! — молвит Илья. — Твой хоть голос и чист,
Да песня твоя не пригожа!
Был вор Соловей, как и ты, голосист,
Да я пятерней приглушил его свист —
С тобой не случилось бы то же!»

11

Певец продолжает: «И время придет:
Уступит наш хан христианам,
И снова подымется русский народ,
И землю единый из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом.

12

И в тереме будет сидеть он своем,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожьем,
А вы ему стукать да стукать челом —
Ой срама, ой горького срама!»

13

«Стой! — молвит Попович. — Хоть дюжий твой рост,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла раз корова к отцу на погост,
Махнул я ее через крышу за хвост —
Тебе не было бы того же!»

14

Но тот продолжает, осклабивши пасть:
    «Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
    Вы Русью ее назовете!

15

И с честной поссоритесь вы стариной,
    И, предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: „Станем к варягам спиной,
    Лицом повернемся к обдорам!“»

16

«Стой! — молвит, поднявшись, Добрыня. —
                                        Не смей
    Пророчить такого нам горя!
Тебя я узнал из негодных речей:
Ты старый Тугарин, поганый тот змей,
    Приплывший от Черного моря!

17

На крыльях бумажных, ночною порой,
    Ты часто вкруг Киева-града
Летал и шипел, но тебя не впервой
Попотчую я калено́ю стрелой —
    Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

18

И начал Добрыня натягивать лук,
    И вот, на потеху народу,
Струны богатырской послышавши звук,
Во змея певец перекинулся вдруг
    И с шипом бросается в воду.

19

«Тьфу, гадина! — молвил Владимир и нос
    Зажал от несносного смрада, —
Чего уж он в скаредной песне не нес,
Но, благо, удрал от Добрынюшки, пес, —
    Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

20

А змей, по Днепру расстилаясь, плывет,
И, смехом преследуя гада,
По нем улюлюкает русский народ:
«Чай, песни теперь уже нам не споет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

21

Смеется Владимир: «Вишь, выдумал нам
Каким угрожать он позором!
Чтоб мы от Тугарина приняли срам!
Чтоб спины подставили мы батогам!
Чтоб мы повернулись к обдорам!

22

Нет, шутишь! Живет наша русская Русь,
Татарской нам Руси не надо!
Солгал он, солгал, перелетный он гусь,
За честь нашей родины я не боюсь —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

23

А если б над нею беда и стряслась,
Потомки беду перемогут!
Бывает, — примолвил свет-солнышко-князь,—
Неволя заставит пройти через грязь,
Купаться в ней — свиньи лишь могут!

24

Подайте ж мне чару большую мою,
Ту чару, добытую в сече,
Добытую с ханом хозарским в бою, —
За русский обычай до дна ее пью,
За древнее русское вече!

25

За вольный, за честный славянский народ,
За колокол пью Новаграда,
И, если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

26

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!»

27

И выпил Владимир, и разом кругом,
Как плеск лебединого стада,
Как летом из тучи ударивший гром,
Народ отвечает: «За князя мы пьем —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

28

Да правит по-русски он русский народ,
А хана нам даром не надо!
И если настанет година невзгод,
Мы верим, что Русь их победно пройдет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

29

Пирует Владимир со светлым лицом,
В груди богатырской отрада,
Он верит: победно мы горе пройдем,
И весело слышать ему над Днепром:
«Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

30

Пирует с Владимиром сила бояр,
Пируют посадники града,
Пирует весь Киев, и молод и стар,
И слышен далёко звон кованых чар —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Вторая половина 1867

128. ПЕСНЯ О ГАРАЛЬДЕ И ЯРОСЛАВНЕ

1

Гаральд в боевое садится седло,
Покинул он Киев державный,
Вздыхает дорогою он тяжело:
«Звезда ты моя, Ярославна!

2

Надежд навсегда миновала пора,
Твой слышал, княжна, приговор я,
Узнают же вес моего топора
От края до края поморья!»

3

И Русь оставляет Гаральд за собой,
Плывет он размыкивать горе
Туда, где арабы с норманнами бой
Ведут на земле и на море.

4

В Мессине он им показал свой напор,
Он рубит их в битве неравной
И громко взывает, подъемля топор:
«Звезда ты моя, Ярославна!»

5

Дает себя знать он и грекам в бою,
И Генуи выходцам вольным,
Он на море бьется, ладья о ладью,
Но мысль его в Киеве стольном.

6

Летает он по морю сизым орлом,
Он чайкою в бурях пирует,
Трещат корабли под его топором —
По Киеву сердце тоскует.

7

Веселая то для дружины пора,
Гаральдовой славе нет равной —
Но в мысли спокойные воды Днепра,
Но в сердце княжна Ярославна.

8

Нет, видно, ему не забыть уж о ней,
Не вымучить счастья иного —
И круто он бег повернул кораблей
И к северу гонит их снова.

9

Он на берег вышел, он сел на коня,
Он в зелени едет дубравной —
«Полюбишь ли, девица, ныне меня,
Звезда ты моя, Ярославна?»

10

И в Киев он стольный въезжает, крестясь;
Там, гостя радушно встречая,
Выходит из терема ласковый князь,
А с ним и княжна молодая.

11

«Здорово, Гаральд! Расскажи, из какой
На Русь воротился ты дали?
Замешкался долго в земле ты чужой,
Давно мы тебя не видали!»

12

«Я, княже, уехал, любви не стяжав,
Уехал безвестный и бедный,
Но ныне к тебе, государь Ярослав,
Вернулся я в славе победной!

13

Я город Мессину в разор разорил,
Разграбил поморье Царьграда,
Ладьи жемчугом по края нагрузил,
А тканей — и мерить не надо!

14

Ко древним Афинам, как ворон, молва
Неслась пред ладьями моими,
На мраморной лапе пирейского льва
Мечом я насек мое имя!

15

Прибрежья, где черный мой стяг прошумел,
Сикилия, Понт и Эллада
Вовек не забудут Гаральдовых дел,
Набегов Гаральда Гардрада!

16

Как вихорь обмел я окрайны морей,
Нигде моей славе нет равной —
Согласна ли ныне назваться моей,
Звезда ты моя, Ярославна?»

17

В Норвегии праздник веселый идет:
Весною, при плеске народа,
В ту пору, как алый шиповник цветет,
Вернулся Гаральд из похода.

18

Цветами его корабли обвиты,
От сеч отдыхают варяги,
Червленые берег покрыли щиты
И с черными вранами стяги.

19

В ладьях отовсюду к шатрам парчевым
Причалили вещие скальды
И славят на арфах, один за другим,
Возврат удалого Гаральда.

20

А сам он у моря, с веселым лицом,
В хламиде и в светлой короне,
Норвежским избра́нный от всех королем,
Сидит на возвышенном троне.

21

Отборных и гридней и отроков рой
Властителю служит уставно:
В царьградском наряде, в короне златой
С ним рядом сидит Ярославна.

22

И, к ней обращаясь, Гаральд говорит,
С любовью в сияющем взоре:
«Всё, что пред тобою цветет и блестит,
И берег, и синее море,

23

Цветами убра́нные те корабли,
И грозные замков твердыни,
И людные веси норвежской земли,
И всё, чем владею я ныне,

24

И слава, добытая в долгой борьбе,
И самый венец мой державный,
И всё, чем я бранной обязан судьбе, —
Всё то я добыл лишь на вено тебе,
Звезда ты моя, Ярославна!»

Январь — февраль 1869

129. ТРИ ПОБОИЩА

1

Ярились под Киевом волны Днепра,
За тучами тучи летели,
Гроза бушевала всю ночь до утра —
Княгиня вскочила с постели.

2

Вскочила княгиня в испуге от сна,
Волос не заплетши, умылась,
Пришла к Изяславу, от страха бледна:
«Мне, княже, недоброе снилось!

3

Мне снилось: от берега норской земли,
Где плещут варяжские волны,
На саксов готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны.

4

То сват наш Гаральд собирается плыть —
Храни его бог от напасти.
Мне виделось: воронов черная нить
Уселася с криком на снасти.

5

И бабища будто на камне сидит,
Считает суда и смеется:
«Плывите, плывите! — она говорит. —
Домой ни одно не вернется!

6

Гаральда-варяга в Британии ждет
Саксонец-Гаральд, его тезка;
Червонного меду он вам поднесет
И спать вас уложит он жестко!»

7

И дале мне снилось: у берега там,
У норской у пристани главной,
Сидит, волоса раскидав по плечам,
Золовка сидит Ярославна.

8

Глядит, как уходят в туман паруса
С Гаральдовой силою ратной,
И плачет, и рвет на себе волоса,
И кличет Гаральда обратно...

9

Проснулася я — и доселе вдали
Всё карканье воронов внемлю;
Прошу тебя, княже, скорее пошли
Проведать в ту норскую землю!»

10

И только княгиня домолвила речь,
Невестка их, Гида, вбежала;
Жемчужная бармица падает с плеч,
Забыла надеть покрывало.

11

«Князь-батюшка-деверь, испугана я,
Когда бы беды не случилось!
Княгиня-невестушка, лебедь моя,
Мне ночесь недоброе снилось!

12

Мне снилось: от берега франкской земли,
Где плещут нормандские волны,
На саксов готовятся плыть корабли,
Нормандии рыцарей полны.

13

То князь их Вильгельм собирается плыть,
Я будто слова его внемлю, —
Он хочет отца моего погубить,
Присвоить себе его землю!

14

И бабища злая бодрит его рать,
И молвит: «Я воронов стаю
Прикликаю саксов заутра клевать,
И ветру я вам намахаю!»

15

И пологом стала махать на суда,
На каждом ветрило надулось,
И двинулась всех кораблей череда —
И тут я в испуге проснулась...»

16

И только лишь Гида домолвила речь,
Бежит, запыхаяся, гридин:
«Бери, государь, поскорее свой меч,
Нам ворог под Киевом виден!

17

На вышке я там, за рекою, стоял,
Стоял на слуху́ я, на страже,
Я многие тысячи их насчитал —
То половцы близятся, княже!»

18

На бой Изяслав созывает сынов,
Он братьев скликает на сечу,
Он трубит к дружине, ему не до снов —
Он половцам едет навстречу...

19

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вóроны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

20

«Откуда летишь ты? Поведай-ка нам!»
— «Лечу я от города Йорка!
На битву обоих Гаральдов я там
Смотрел из подне́бесья зорко.

21

Был целою выше варяг головой,
Чернела как туча кольчуга,
Свистел его в саксах топор боевой,
Как в листьях осенняя вьюга;

22

Копнами валил он тела на тела,
Кровь до моря с поля струилась,
Пока, провизжав, не примчалась стрела
И в горло ему не вонзилась.

23

Упал он, почуя предсмертную тьму,
Упал он, как пьяный на брашно;
Хотел я спуститься на темя ему,
Но очи глядели так страшно!

24

И долго над местом кружился я тем,
И поздней дождался я ночи,
И сел я варягу Гаральду на шлем,
И выклевал грозные очи!»

25

По синему морю клубится туман,
Слетается воронов боле:
«Откуда летишь ты?» — «Я, кровию пьян,
Лечу от Гастингского поля!

26

Не стало у саксов вчера короля,
Лежит меж своих он, убитый,
Пирует норманн, его землю деля,
И мы пировали там сыто.

27

Победно от Йорка шла сакская рать,
Теперь они смирны и тихи,
И труп их Гаральда не могут сыскать
Меж трупов бродящие мнихи;

28

Но сметил я место, где наземь он пал,
И, битва когда отшумела
И месяц как щит над побоищем встал,
Я сел на Гаральдово тело.

29

Недвижные были черты хороши,
Нахмурены гордые брови,
Любуясь на них, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!»

30

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вороны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

31

«Откуда летишь ты?» — «Из русской земли!
Я был на пиру в Заднепровье,
Там все Изяслава полки полегли,
Всё поле упитано кровью.

32

С рассветом на половцев князь Изяслав
Там выехал, грозен и злобен,
Свой меч двоеручный высоко подъяв,
Святому Георгью подобен.

33

Но к ночи, руками за гриву держась,
Конем увлекаемый с бою,
Уж по полю мчался израненный князь,
С закинутой навзничь главою;

34

И, каркая, долго летел я над ним
И ждал, чтоб он наземь свалился,
Но был он, должно быть, судьбою храним
Иль богу, скача, помолился;

35

Упал лишь над самым Днепром он с коня,
В ладью рыбаки его взяли,
А я полетел, неудачу кляня,
Туда, где другие лежали!»

36

Поют во Софийском соборе попы,
По князе идет панихида,
Рыдает княгиня средь плача толпы,
Рыдает Гаральдовна Гида,

37

И с ними другого Гаральда вдова
Рыдает, стеня, Ярославна,
Рыдает: «О, горе! зачем я жива,
Коль сгинул Гаральд мой державный!»

38

И Гида рыдает: «О, горе! убит
Отец мой, норманном сраженный!
В плену его веси, и взяты на щит
Саксонские девы и жены!»

39

Княгиня рыдает: «О князь Изяслав!
В неравном посечен ты споре!
Победы обычной в бою не стяжав,
Погиб ты, о, горе, о, горе!»

40

Печерские иноки, выстроясь в ряд,
Протяжно поют: «Аллилуйя!»
А братья княжи́е друг друга корят,
И жадные во́роны с кровель глядят,
Усобицу близкую чуя...

Февраль — март 1869

130. ПЕСНЯ О ПОХОДЕ ВЛАДИМИРА НА КОРСУНЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

«Добро, — сказал князь, когда выслушал он
Улики царьградского мниха, —
Тобою, отец, я теперь убежден,
Виновен, что мужем был стольких я жен,
Что жил и беспутно и лихо.

2

Что богом мне был то Перун, то Велес,
Что силою взял я Рогнеду,
Досель надо мно́ю, знать, тешился бес,
Но мрак ты рассеял — и я в Херсонес
Креститься, в раскаянье, еду».

3

Царьградский философ и мних тому рад,
Что хочет Владимир креститься;
«Смотри ж, — говорит, — для небесных наград,
Чтоб в райский, по смерти, войти вертоград,
Ты должен душою смириться».

4

«Смирюсь, — говорит ему князь, — я готов —
Но только смирюсь без урону!
Спустить в Черторой десять сотен стругов;
Коль выкуп добуду с корсунских купцов,
Я города пальцем не трону!»

5

Готовы стругй, паруса подняты,
Плывут к Херсонесу варяги;
Поморье, где южные рдеют цветы,
Червленые вскоре покрыли щиты
И с русскими вранами стяги.

6

И князь повещает корсунцам: «Я здесь!
Сдавайтесь, прошу вас смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спесь
И город по камням размыкаю весь —
Креститься хочу непременно!»

7

Увидели греки в заливе суда,
У стен уж дружина толпится,
Пошли толковать и туда и сюда:
«Настала, как есть, христианам беда:
Приехал Владимир креститься!

8

И прений-то с нами не станет держать,
В риторике он ни бельмеса;
А просто обложит нас русская рать
И будет, пожалуй, три года стоять
Да грабить края Херсонеса!»

9

И в мудрости тотчас решает сенат,
Чтоб русским отверзлись ворота;
Владимир приему радушному рад,
Вступает с дружиной в испуганный град
И молвит сенату: «Ну, то-то!»

10

И шлет в Византию послов ко двору:
«Цари Константин да Василий!
Смиренно я сватаю вашу сестру,
Не то вас обоих дружиной припру, —
Так вступим в родство без насилий!»

11

И вот императоры держат совет,
Толкуют в палате престольной;
Им плохо пришлося, им выбора нет —
Владимиру шлют поскорее ответ:
«Мы очень тобою довольны!

12

Крестися и к нам приезжай в добрый час,
Тебя повенчаем мы с Анной!»
Но он к императорам: «Вот тебе раз!
Вы шутите, что ли? Такая от вас
Мне отповедь кажется странна.

13

К вам ехать отсюда какая мне стать?
Чего не видал я в Царьграде?
Царевну намерен я здесь ожидать —
Не то приведу я вам целую рать,
Коль видеть меня вы так ради!»

14

Что делать с Владимиром: вынь да положь!
Креститься хочу да жениться!
Не лезть же царям, в самом деле, на нож!
Пожали плечами и молвят: «Ну что ж!
Приходится ехать, сестрица!»

15

Корабль для нее снаряжают скорей,
Узорные ладят ветрила,
Со причтом на палубе ждет архирей,
Сверкает на солнце парча стихарей,
Звенят и дымятся кадила.

16

В печали великой по всходне крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы деву накрыли фатой,
И волны запенил корабль золотой,
Босфора лазурь рассекая.

17

Увидел Владимир вдали паруса
И хмурые брови раздвинул,
Почуялась сердцу невесты краса,
Он гребнем свои расчесал волоса
И корзно княжое накинул.

18

На пристань он сходит царевну встречать,
И лик его светел и весел,
За ним вся корсунская следует знать,
И руку спешит он царевне подать
И в пояс поклон ей отвесил.

19

И шествуют рядом друг с другом они,
В одеждах блестящих и длинных,
Каменья оплечий горят как огни,
Идут под навесом шелкóвым, в тени,
К собору, вдоль улиц старинных.

20

И молвит там, голову князь преклоня:
«Клянуся я в вашем синклите
Дружить Византии от этого дня,
Крестите ж, отцы-иереи, меня,
Да, чур, по уставу крестите!»

21

Свершился в соборе крещенья обряд,
Свершился обряд обвенчанья,
Идет со княгиней Владимир назад,
Вдоль улиц старинных, до светлых палат,
Кругом их толпы ликованье.

22

Сидят за честны́м они рядом столом,
И вот, когда звон отзвонили,
Владимир взял чашу с хиосским вином:
«Хочу, чтоб меня поминали добром
Шурья Константин да Василий!

23

То правда ль, я слышал, замкнули Босфор
Дружины какого-то Фоки?»
— «Воистину правда!» — ответствует двор.
«Но кто ж этот Фока?» — «Мятежник и вор!»
— «Отделать его на всѐ боки!»

24

Отделали русские Фоку как раз;
Цари Константин и Василий
По целой империи пишут приказ:
«Владимир-де нас от погибели спас,
Его чтоб все люди честили!»

25

И князь говорит: «Я построю вам храм
На память, что здесь я крестился,
А город Корсунь возвращаю я вам
И выкуп обратно всецело отдам —
Зане я душою смирился!»

26

Застольный гремит, заливаяся, хор,
Шипучие пенятся вина,
Веселием блещет Владимира взор,
И строить готовится новый собор
Крещенная с князем дружина.

27

Привозится яшма водой и гужом,
И мрамор привозится белый,
И быстро господень возносится дом,
И ярко на поле горят золотом
Иконы мусийского дела.

28

И взапуски князя синклит, и сенат,
И сколько там греков ни сталось
Всю зиму пирами честят да честят,
Но молвит Владимир: «Пора мне назад,
По Киеве мне встосковалось!

29

Вы, отроки-други, спускайте ладьи,
Трубите дружине к отбою,
Кленовые весла берите свои —
Уж в Киеве, чаю, поют соловьи
И в рощах запахло весною!

30

Весна, мне неведомых полная сил,
И в сердце моем зеленеет;
Что нудою я и насильем добыл,
Чем сам овладеть я оружием мнил,
То мною всесильно владеет!

31

Спускайте ж ладьи, бо и ночью и днем
Я гласу немолчному внемлю:
Велит он в краю нам не мешкать чужом,
Да свет, озаряющий нас, мы внесем
Торжественно в русскую землю!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

По лону днепровских сияющих вод,
Где, празднуя жизни отраду,
Весной всё гремит, и цветет, и поет,
Владимир с дружиной обратно плывет
Ко стольному Киеву-граду.

2

Всё звонкое птаство летает кругом,
Ликуючи в тысячу глоток,
А князь многодумным поникнул челом —
Свершился в могучей душе перелом,
И взор его мирен и кроток.

3

Забыла княгиня и слезы и страх;
Одеждой алмазной блистая,
Глядит она с юным весельем в очах,
Как много пестреет цветов в камышах,
Как плещется лебедей стая,

4

Как рощи навстречу несутся ладьям,
Как берег проносится мимо,
И, лик наклоняя к зеркальным водам,
Глядит, как ее отражается там
Из камней цветных диадима.

5

Великое слово корсунцам храня,
Князь не́ взял с них денег повинных,
Но город поднес ему, в честь того дня,
Из бронзы коринфской четыре коня
И статуй немало старинных.

6

И кони, и белые статуи тут,
Над поездом выся громаду,
Стоймя на ладьях, неподвижны, плывут,
И волны Днепра их, дивуясь, несут
Ко стольному Киеву-граду.

7

Плывет и священства и дьяконства хор
С ладьею Владимира рядом;
Для Киева синий покинув Босфор,
Они оглашают днепровский простор
Уставным демественным ладом.

8

Когда ж умолкает священный канон,
Запев зачинают дружины
И с разных кругом раздаются сторон
Заветные песни минувших времен
И дней богатырских былины.

9

Так вверх по Днепру, по широкой реке,
Плывут их ладей вереницы,
И вот перед ними, по левой руке,
Всё выше и выше растет вдалеке
Град Киев с горой Щековицей.

10

Владимир с княжого седалища встал,
Прервалось весельщиков пенье,
И миг тишины и молчанья настал,
И князю, в сознании новых начал,
Открылося новое зренье:

11

Как сон, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда господня,
И брызнули слезы впервые из глаз,
И мнится Владимиру: в первый он раз
Свой город увидел сегодня.

12

Народ, издалёка их поезд узнав,
Столпился на берег, и много,
Скитавшихся робко без крова и прав,
Пришло христиан из пещер и дубрав
И славят спасителя бога.

13

И пал на дружину Владимира взор:
«Вам, други, доселе со мною
Стяжали победы лишь меч да топор,
Но время настало — и мы с этих пор
Сильны еще силой иною!

14

Чтó смутно в душе мне сказалось моей,
То ясно вы ныне познайте:
Дни правды дороже воинственных дней!
Гребите же, други, гребите сильней,
На весла дружней налегайте!»

15

Вскипела, под полозом пенясь, вода,
Отхлынув, о берег забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Передние в пристань вбежали суда,
И с шумом упали ветрила.

16

И на берег вышел, душой возрожден,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внес он закон —
Дела стародавних, далеких времен,
Преданья невянущей славы!

Март — апрель 1869

131. ГАКОН СЛЕПОЙ

1

«В деснице жива еще прежняя мочь,
И крепки по-прежнему плечи,
Но очи одела мне вечная ночь —
Кто хочет мне, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите ж скорей за поводья коня,
Помчите меня
В кипение сечи!»

2

И отроки с двух его взяли сторон,
И, полный безумного гнева,
Слепой между ними помчался Гакон
И врезался в сечу, и, ей опьянен,
Он рубит средь гула и рева
И валит ряды, как в лесу бурелом,
Крестит топором
И вправо и влево.

3

Но гуще и гуще всё свалка кипит,
Враги не жалеют урона,
Отрезан Гакон и от русских отбит,
И, видя то, князь Ярослав говорит:
«Нужна свояку оборона!
Вишь, вражья его как осыпала рать!
Пора выручать
Слепого Гакона!»

4

И с новой напер на врагов он толпой,
Просек через свалку дорогу,
Но вот на него налетает слепой,
Топор свой подъявши. «Да стой же ты, стой,
Никак, ошалел он, ей-богу!
Ведь был ты без нас бы иссечен и стерт,
Что ж рубишь ты, черт,
Свою же подмогу?»

5

Но тот расходился, не внемлет словам,
Удар за ударом он садит,
Молотит по русским щитам и броням,
Дробит и сечет шишаки пополам,
Никто с разъяренным не сладит.
Насилу опомнился старый боец,
Утих наконец
И бороду гладит.

6

Дружина вздохнула, врагов разогнав,
Побито, посечено вволю,
Лежат перемешаны прав и неправ,
И смотрит с печалию князь Ярослав
На злую товарищей долю,
И едет он шагом, сняв острый шелом,
С Гаконом вдвоем,
По бранному полю...

Декабрь 1869 или январь 1870

132. БОРИВОЙ

Поморское сказание

1

К делу церкви сердцем рьяный,
Папа шлет в Роскильду слово
И поход на бодричаны
Проповедует крестовый:

2

«Встаньте! Вас теснят не в меру
Те язычники лихие,
Подымайте стяг за веру, —
Отпускаю вам грехи я.

8

Генрик-Лев на бой великий
Уж поднялся, мною званный,
Он идет от Брунзовика
Грянуть с тылу в бодричаны.

4

Все, кто в этом деле сгинет,
Кто падет под знаком крестным,
Прежде чем их кровь остынет —
Будут в царствии небесном!»

5

И лишь зов проникнул в дони,
Первый встал епископ Эрик,
С ним монахи, вздевши брони,
Собираются на берег.

6

Дале Свен пришел, сын Нилса,
В шишаке своем крылатом,
С ним же вместе ополчился
Викинг Кнут, сверкая златом;

7

Оба царственного рода,
За престол тягались оба,
Но для славного похода
Прервана меж ними злоба.

8

И, как птиц приморских стая,
Много панцирного люду,
И грохоча и блистая,
К ним примкнулось отовсюду.

9

Все струги, построясь рядом,
Покидают вместе берег,
И, окинув силу взглядом,
Говорит епископ Эрик:

10

«С нами бог! Склонил к нам папа
Преподобного Егорья,
Разгромим теперь с нахрапа
Всё славянское поморье!»

11

Свен же молвит: «В бранном споре
Не боюся никого я,
Лишь бы только в синем море
Нам не встретить Боривоя!»

12

Но, смеясь, с кормы высокой
Молвит Кнут: «Нам нет препоны:
Боривой теперь далёко,
Бьется с немцем у Арконы!»

13

И в веселии все трое,
С ними грозная дружина,
Все плывут в могучем строе
К башням города Волына.

14

Вдруг, поднявшись над кормою,
Говорит им Свен, сын Нилса:
«Мне сдалось: над той скалою
Словно лес зашевелился!»

15

Кнут, вглядевшись, отвечает:
«Нет, не лес то шевелится, —
Щёгол множество кивает,
О косицу бьет косица».

16

Встал епископ торопливо,
С удивлением во взоре:
«Что мне чудится за диво:
Кони ржут на синем море!»

17

Но епископу в смятенье
Отвечает бледный инок:
«То не ржанье — то гуденье
Боривоевых волынок!»

18

И внезапно, где играют
Всплески белые прибоя,
Из-за мыса выбегают
Волнорезы Боривоя.

19

Расписными парусами
Море синее покрыто,
Развилось по ветру знамя
Из божницы Святовита;

20

Плещут весла, блещут брони,
Топоры звенят стальные,
И, как бешеные кони,
Ржут волынки боевые.

21

И, начальным правя дубом,
Сам в чешуйчатой рубахе,
Боривой кивает чубом:
«Добрый день, отцы монахи!

22

Я вернулся из Арконы,
Где поля от крови рдеют,
Но немецкие знамена
Под стенами уж не веют!

23

В клочья ту порвавши лопать,
Заплатили долг мы немцам
И пришли теперь отхлопать
Вас по бритым по гуменцам!»

24

И под всеми парусами
Он ударил им навстречу,
Сшиблись вдруг ладьи с ладьями,
И пошла меж ними сеча.

25

То взлетая над волнами,
То спускаяся в пучины,
Бок о бок сцепясь баграми,
С криком режутся дружины;

26

Брызжут искры, кровь струится,
Треск и вопль в бою сомкнутом,
До заката битва длится —
Не сдаются Свен со Кнутом.

27

Но напрасны их усилья:
От ударов тяжкой стали
Позолоченные крылья
С шлема Свена уж упали;

28

Пронзена в жестоком споре
Кнута крепкая кольчуга,
И бросается он в море
С опрокинутого струга;

29

А епископ Эрик, в схватке
Над собой погибель чуя,
Перепрыгнул без оглядки
Из своей ладьи в чужую;

30

Голосит: «Не пожалею
На икону ничего я,
Лишь в Роскильду поскорее
Мне б уйти от Боривоя!»

31

И гребцы во страхе тоже,
Силу рук своих удвоя,
Голосят: «Спаси нас, боже,
Защити от Боривоя!»

32

«Утекай, клобучье племя! —
Боривой кричит вдогоню. —
Вам вздохнуть не давши время,
Скоро сам я буду в дони!

33

К вам средь моря иль средь суши
Проложу себе дорогу
И заране ваши души
Обрекаю Чернобогу!»

34

Худо доням вышло, худо
В этой битве знаменитой;
В этот день морские чуда
Нажрались их трупов сыто,

35

И ладей в своем просторе
Опрокинутых немало
Почервоневшее море
Вверх полозьями качало.

36

Генрик-Лев, идущий смело
На Волын к потехе ратной,
Услыхав про это дело,
В Брунзовик пошел обратно.

37

И от бодричей до Ретры,
От Осны до Дубовика —
Всюду весть разносят ветры
О победе той великой;

38

Шумом полн Волын веселым,
Вкруг Перуновой божницы
Хороводным ходят колом
Дев поморских вереницы;

39

А в Роскильдовском соборе
Собираются монахи,
Восклицают: «Горе, горе!»
И молебны служат в страхе;

40

И епископ с клирной силой,
На коленях в церкви стоя,
Молит: «Боже, нас помилуй,
Защити от Боривоя!»

Лето 1870

133. РУГЕВИТ

1

Над древними подъемляся дубами,
Он остров наш от недругов стерег;
В войну и мир равно честимый нами,
Он зорко вкруг глядел семью главами,
Наш Ругевит, непобедимый бог.

2

Курился дым ему от благовоний,
Его алтарь был зеленью обвит,
И много раз на кучах вражьих броней
У ног своих закланных видел доней
Наш грозный бог, наш славный Ругевит.

3

В годину бурь, крушенья избегая,
Шли корабли под сень его меча;
Он для своих защита был святая,
И ласточек доверчивая стая
В его брадах гнездилась, щебеча.

4

И мнили мы: «Жрецы твердят недаром,
Что, если враг попрет его порог,
Он оживет, и вспыхнет взор пожаром,
И семь мечей подымет в гневе яром
Наш Ругевит, наш оскорбленный бог».

5

Так мнили мы, — но роковая сила
Уж обрекла нас участи иной;
Мы помним день: заря едва всходила,
Нежданные к нам близились ветрила,
Могучий враг на Ругу шел войной.

6

То русского шел правнук Мономаха,
Владимир шел в главе своих дружин,
На ругичан он первый шел без страха,
Король Владимир, правнук Мономаха,
Варягов князь и доней властелин.

7

Мы помним бой, где мы не устояли,
Где Яромир Владимиром разбит;
Мы помним день, где наши боги пали,
И затрещал под звоном вражьей стали,
И рухнулся на землю Ругевит.

8

Четырнадцать волов, привычных к плугу,
Дубовый вес стащить едва могли;
Рога склонив, дымяся от натугу,
Под свист бичей они его по лугу
При громких криках доней волокли.

9

И, на него взошед, с крестом в деснице,
Держась за свой вонзенный в бога меч,
Епископ Свен, как вождь на колеснице,
Так от ворот разрушенной божницы
До волн морских себя заставил влечь.

10

И к берегу, рыдая, все бежали,
Мужи и старцы, женщины с детьми;
Был вой кругом. В неслыханной печали:
«Встань, Ругевит! — мы вслед ему кричали. —
Воспрянь, наш бог, и доней разгроми!»

11

Но он не встал. Где, об утес громадный
Дробясь, кипит и пенится прибой,
Он с крутизны низвергнут беспощадно;
Всплеснув, валы его схватили жадно
И унесли, крутя перед собой.

12

Так пóплыл прочь от нашего он края
И отомстить врагам своим не мог.
Дивились мы, друг друга вопрошая:
«Где ж мощь его? Где власть его святая?
Наш Ругевит ужели был не бог?»

13

И, пробудясь от первого испугу,
Мы не нашли былой к нему любви
И разошлись в раздумии по лугу,
Сказав: «Плыви, в беде не спасший Ругу,
Дубовый бог! Плыви себе, плыви!»

Лето 1870

134. УШКУЙНИК

Одолела сила-удаль меня, молодца,
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и в сердце тая удаль-то не вмéстится,
А и сердце-то от удали разóрвется!

Пойду к батюшке на удаль горько плакаться,
Пойду к матушке на силу в ноги кланяться:
Отпустите свое детище дрочёное,
Новгородским-то порядкам неученое,

Отпустите поиграти игры детские:
Те ль обозы бить низóвые, купецкие,
Бáгрить на море кораблики урманские
Да на Волге жечь остроги басурманские!..

Осень 1870

135. ПОТОК-БОГАТЫРЬ

1

Зачинается песня от древних затей,
  От веселых пиров и обедов,
И от русых от кос, и от черных кудрей,
  И от тех ли от ласковых дедов,
Что с потехой охотно мешали дела;
От их времени песня теперь повела,
  От того ль старорусского краю,
  А чем кончится песня — не знаю.

2

У Владимира Солнышка праздник идет,
  Пированье идет, ликованье,
С молодицами гридни ведут хоровод,
  Гуслей звон и кимвалов бряцанье;
Молодицы что светлые звезды горят
И под топот подошв и под песенный лад,
  Изгибаяся, ходят красиво,
  Молодцы выступают на диво.

3

Но Поток-богатырь всех других превзошел:
  Взглянет — искрами словно обмечет;
Повернется направо — что сизый орел,
  Повернется налево — что кречет;
Подвигается мерно и взад и вперед,
То притопнет ногою, то шапкой махнет,
  То вдруг станет, тряхнувши кудрями,
  Пожимает на месте плечами.

4

И дивится Владимир на стройную стать,
И дивится на светлое око:
«Никому, — говорит, — на Руси не плясать
Супротив молодого Потока!»
Но уж поздно, встает со княгинею князь,
На три стороны в пояс гостям поклонясь,
Всем желает довольным остаться —
Это значит: пора расставаться.

5

И с поклонами гости уходят домой,
И Владимир княгиню уводит,
Лишь один остается Поток молодой,
Подбочася, по-прежнему ходит,
То притопнет ногою, то шапкой махнет,
Не заметил он, как отошел хоровод,
Не слыхал он Владимира ласку,
Продолжает по-прежнему пляску.

6

Вот уж месяц из-за́ лесу кажет рога
И туманом подернулись балки,
Вот и в ступе поехала баба-яга
И в Днепре заплескались русалки;
В Заднепровье послышался лешего вой,
По конюшням дозором пошел домовой,
На трубе ведьма пологом машет,
А Поток себе пляшет да пляшет.

7

Сквозь царьградские окна в хоромную сень
Смотрят светлые звезды, дивяся,
Как по белым стенам богатырская тень
Ходит взад и вперед, подбочася.
Перед самой зарей утомился Поток,
Под собой уже резвых не чувствует ног,
На мостницы как сноп упадает,
На полтысячи лет засыпает.

8

Много снов ему снится в полтысячи лет:
Видит славные схватки и сечи,
Красных девиц внимает радушный привет
И с боярами судит на вече;
Или видит Владимира вежливый двор,
За ковшами веселый ведет разговор,
Иль на ловле со князем гуторит,
Иль в совете настойчиво спорит.

9

Пробудился Поток на Москве на реке,
Пред собой видит терем дубовый,
Под узорным окном, в закутно́м цветнике,
Распускается розан махровый.
Полюбился Потоку красивый цветок,
И понюхать его норовится Поток,
Как в окне показалась царевна,
На Потока накинулась гневно:

10

«Шеромыжник, болван, неученый холоп!
Чтоб тебя в турий рог искривило!
Поросенок, теленок, свинья, эфиоп,
Чертов сын, неумытое рыло!
Кабы только не этот мой девичий стыд,
Что иного словца мне сказать не велит,
Я тебя, прощелыгу, нахала,
И не так бы еще обругала!»

11

Испугался Поток, не на шутку струхнул:
«Поскорей унести бы мне ноги!»
Вдруг гремят тулумбасы; идет караул,
Гонит палками встречных с дороги;
Едет царь на коне, в зипуне из парчи,
А кругом с топорами идут палачи —
Его милость сбираются тешить:
Там кого-то рубить или вешать.

12

И во гневе за меч ухватился Поток:
«Что за хан на Руси своеволит?»
Но вдруг слышит слова: «То земной едет бог,
То отец наш казнить нас изволит!»
И на улице, сколько там было толпы, —
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи, —
Все пред ним повалились на брюхи.

13

Удивляется притче Поток молодой:
«Если князь он иль царь напоследок,
Что ж метут они землю пред ним бородой?
Мы честили князей, но не эдак!
Да и полно, уж вправду ли я на Руси?
От земного нас бога господь упаси!
Нам Писанием велено строго
Признавать лишь небесного бога!»

14

И пытает у встречного он молодца:
«Где здесь, дядя, сбирается вече?»
Но на том от испугу не видно лица:
«Чур меня, — говорит, — человече!»
И пустился бежать от Потока бегом,
У того ж голова заходила кругом,
Он на землю как сноп упадает,
Лет на триста еще засыпает.

15

Пробудился Поток на другой на реке,
На какой? — не припомнит преданье;
Погуляв себе взад и вперед в холодке,
Входит он во просторное зданье;
Видит: судьи сидят, и торжественно тут
Над преступником гласный свершается суд.
Несомненны и тяжки улики,
Преступленья ж довольно велики;

16

Он отца отравил, пару теток убил,
Взял подлогом чужое именье
Да двух братьев и трех дочерей задушил, —
Ожидают присяжных решенья.
И присяжные входят с довольным лицом:
«Хоть убил, — говорят, — не виновен ни в чем!»
Тут платками им слева и справа
Машут барыни с криками: браво!

17

И промолвил Поток: «Со присяжными суд
Был обычен и нашему миру,
Но, когда бы такой подвернулся нам шут,
В триста кун заплатил бы он виру!»
А соседи, косясь на него, говорят:
«Вишь какой затесался сюда ретроград!
Отстало́й он, то видно по платью,
Притеснять хочет меньшую братью!»

18

Но Поток из их слов ничего не поймет,
И в другое он здание входит;
Там какой-то аптекарь, не то патриот,
Пред толпою ученье проводит:
Что, мол, нету души, а одна только плоть
И что если и впрямь существует господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же суть в безначалье народа.

19

И, увидя Потока, к нему свысока
Патриот обратился сурово:
«Говори, уважаешь ли ты мужика?»
Но Поток вопрошает: «Какого?»
— Мужика вообще, что смиреньем велик!»
Но Поток говорит: «Есть мужик и мужик:
Если он не пропьет урожаю,
Я тогда мужика уважаю!»

20

«Феодал! — закричал на него патриот. —
Знай, что только в народе спасенье!»
Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?»
Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!
Править Русью призва́н только черный народ!
То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он полноправен!»

21

Тут все подняли крик, словно дернул их бес,
Угрожают Потоку бедою.
Слышно: *почва, гуманность, коммуна, прогресс*
И что кто-то *заеден средою.*
Меж собой вперерыв, наподобье галчат,
Все об *общем* каком-то о *деле* кричат,
И Потока с язвительным тоном
Называют *остзейским бароном.*

22

И подумал Поток: «Уж, господь борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
Обожали московского хана,
А сегодня велят мужика обожать.
Мне сдается, такая потребность лежать
То пред тем, то пред этим на брюхе
На вчерашнем основана духе!»

23

В третий входит он дом — и объял его страх:
Видит, в длинной палате вонючей,
Все острижены вкруг, в сюртуках и в очках,
Собралися красавицы кучей.
Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое *общее дело:*
Потрошат чье-то мертвое тело.

24

Ужаснулся Поток, от красавиц бежит,
А они восклицают ехидно:
«Ах, какой он *пошляк*! Ах, как он *неразвит*!
Современности вовсе не видно!»
Но Поток говорит, очутясь на дворе:
«То ж бывало у нас и на Лысой горе,
Только ведьмы хоть голы и босы,
Но, по крайности, есть у них косы!»

25

И что видеть и слышать ему довелось:
И тот суд, и о боге ученье,
И в сиянье мужик, и девицы без кос —
Всё приводит его к заключенью:
«Много разных бывает на свете чудес!
Я не знаю, что значит какой-то прогресс,
Но до здравого русского веча
Вам еще, государи, далече!»

26

И так сделалось гадко и тошно ему,
Что он на́земь как сноп упадает
И под слово *прогресс*, как в чаду и дыму,
Лет на двести еще засыпает.
Пробужденья его мы теперь подождем,
Что, проснувшись, увидит, о том и споем,
А покудова он не проспится,
Наудачу нам петь не годится.

Начало 1871

136. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

1

Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

2

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?

4

Двор мне, княже, твой не диво,
Не пиров держусь,
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6

Без меня других довольно:
Сядут — полон стол;
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол.

7

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь —
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

8

Тем-то я их боле стóю,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!

9

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свету снова
Без того пора.

10

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит;

11

Душно в Киеве, что в скрине, —
Только киснет кровь,
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

12

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

13

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

14

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.

Май (?) 1871

137

1

Порой веселой мая
По лугу вертограда,
Среди цветов гуляя,
Сам-друг идут два лада.

2

Он — в мурмолке червленой,
Каменьем корзно шито,
Тесьмою золоченой
Вкрест голени обвиты.

3

Она же — молодая,
Вся в ткани серебристой,
Звенят на ней, сверкая,
Граненые мониста,

4

Блестит венец наборный,
А хвост ее понявы,
Шурша фатой узорной,
Метет за нею травы.

5

Ей весело, невесте,
«О милый! — молвит другу. —
Не лепо ли нам вместе
В цветах идти по лугу?»

6

И взор ее он встретил,
И стан ей обнял гибкий.
«О милая! — ответил
Со страстною улыбкой. —

7

Здесь рай с тобою сущий!
Воистину всё лепо!
Но этот сад цветущий
Засеют скоро репой!»

8

«Как быть такой невзгоде! —
Воскликнула невеста. —
Ужели в огороде
Для репы нету места?»

9

А он: «Моя ты лада!
Есть место репе, точно,
Но сад испортить надо
Затем, что он цветочный!»

10

Она ж к нему: «Что ж будет
С кустами медвежины,
Где каждым утром будит
Нас рокот соловьиный?»

11

«Кусты те вырвать надо
Со всеми их корнями,
Индеек здесь, о лада,
Хотят кормить червями!»

12

Подняв свои ресницы,
Спросила тут невеста:
«Ужель для этой птицы
В курятнике нет места?»

13

«Как месту-то не быти!
Но соловьев, о лада,
Скорее истребити
За бесполезность надо!»

14

«А роща, где в тени мы
Скрываемся от жара,
Ее, надеюсь, мимо
Пройдет такая кара?»

15

«Ее порубят, лада,
На здание такое,
Где б жирные говяда
Кормились на жаркое;

16

Иль даже выйдет проще,
О жизнь моя, о лада,
И будет в этой роще
Свиней пастися стадо!»

17

«О друг ты мой единый! —
Спросила тут невеста. —
Ужель для той скотины
Иного нету места?»

18

«Есть много места, лада,
Но наш приют тенистый
Затем изгадить надо,
Что в нем свежо и чисто!»

19

«Но кто же люди эти, —
Воскликнула невеста, —
Хотящие, как дети,
Чужое гадить место?»

20

«Чужим они, о лада,
Не многое считают:
Когда чего им надо,
То тащат и хватают».

21

«Иль то матерьялисты, —
Невеста вновь спросила, —
У коих трубочисты
Суть выше Рафаила?»

22

«Им имена суть многи,
Мой ангел серебристый,
Они ж и демагоги,
Они ж и анархисты.

23

Толпы их все грызутся,
Лишь свой откроют форум,
И порознь все клянутся
In verba вожакорум.

24

В одном согласны все лишь:
Коль у других именье
Отымешь и разделишь,
Начнется вожделенье.

25

Весь мир желают сгладить
И тем внести равенство,
Что всё хотят загадить
Для общего блаженства».

26

«Поведай, шуток кроме, —
Спросила тут невеста, —
Им в сумасшедшем доме
Ужели нету места?»

27

«О свет ты мой желанный,
Душа моя ты, лада!
Уж очень им пространный
Построить дом бы надо!

28

Вопрос: каким манером
Такой им дом построить?
Дозволить инженерам —
Премного будет стоить;

29

А земству предоставить
На их же иждивенье —
То значило б оставить
Постройку без движенья!»

30

«О друг, что ж делать надо,
Чтоб не погибнуть краю?»
— «Такое средство, лада,
Мне кажется, я знаю:

31

Чтоб русская держава
Спаслась от их затеи,
Повесить Станислава
Всем вожакам на шеи!

32

Тогда пойдет всё гладко
И станет всё на место».
— «Но это средство гадко!» —
Воскликнула невеста.

33

«Ничуть не гадко, лада,
Напротив, превосходно:
Народу без наклада,
Казне ж весьма доходно».

34

«Но это средство скверно!» —
Сказала дева в гневе.
«Но это средство верно!» —
Жених ответил деве.

35

«Как ты безнравствен, право! —
В сердцах сказала дева. —
Ступай себе направо,
А я пойду налево!»

36

И оба, вздевши длани,
Расстались рассержёны,
Она в сребристой ткани,
Он в мурмолке червленой.

37

«К чему ж твоя баллада?» —
Иная спросит дева.
«О жизнь моя, о лада,
Ей-ей, не для припева!

38

Нет, полн иного чувства,
Я верю реалистам:
Искусство для искусства
Равняю с птичьим свистом;

39

Я, новому ученью
Отдавшись без раздела,
Хочу, чтоб в песнопенье
Всегда сквозило дело».

40

Служите ж делу, струны!
Уймите праздный ропот!
Российская коммуна,
Прими мой первый опыт!

Июнь (?) 1871

138. СВАТОВСТВО

1

По вешнему по складу
Мы песню завели,
Ой ладо, диди-ладо,
Ой ладо, лель-люли!

2

Поведай, песня наша,
На весь на русский край,
Что месяцев всех краше
Веселый месяц май!

3

В лесах, в полях отрада,
Все вербы расцвели,
Ой ладо, диди-ладо,
Ой ладо, лель-люли!

4

Затем так бодр и весел
Владимир, старый князь,
На подлокотни кресел
Сидит облокотясь.

5

И с ним, блестя нарядом,
В красе седых кудрей,
Сидит княгиня рядом
За пряжей за своей,

6

Кружась, жужжит и пляшет
Ее веретено,
Черемухою пашет
В открытое окно.

7

И тут же молодые,
Потупившие взгляд,
Две дочери княжие
За пяльцами сидят.

8

Сидят они так тихо,
И взоры в ткань ушли,
В груди ж поется лихо:
Ой ладо, лель-люли!

9

И вовсе им не шьется,
Хоть иглы изломай!
Так сильно сердце бьется
В веселый месяц май!

10

Когда ж берет из мочки
Княгиня волокно,
Украдкой обе дочки
Косятся на окно.

11

Но вот, забыв о пряже,
Княгиня молвит вдруг:
«Смотри, два гостя, княже,
Подъехали сам-друг.

12

С коней спрыгну́ли смело
У самого крыльца —
Узнать я не успела
Ни платья, ни лица».

13

А князь смеется: «Знаю!
Пусть входят молодцы,
Не дальнего, чай, краю
Залетные птенцы!»

14

И вот их входит двое,
В лохмотьях и тряпьях,
С пеньковой бородою,
В пеньковых волосах;

15

Вошедши, на икону
Крестятся в красный кут,
А после по поклону
Хозяевам кладут.

16

Князь просит их садиться,
Он хитрость их проник,
Заране веселится
Обману их старик.

17

Но он обычай знает
И речь заводит сам:
«Отколе, — вопрошает, —
Пожаловали к нам?»

18

«Мы, княже-господине,
Мы с моря рыбаки,
Сейчас завязли в тине
Среди Днепра-реки;

19

Двух рыбок златоперых
Хотели мы поймать,
Да спрятались в кокорах,
Пришлося подождать».

20

Но князь на это: «Братья,
Неправда, ей-же-ей!
Не мокры ваши платья,
И с вами нет сетей!

21

Днепра ж светлы стремнины,
Чиста его вода,
Не видано в нем тины
От веку никогда!»

22

На это гости: «Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажем глаже:
Мы брыньские стрелки!

23

Стреляем зверь да птицы
По дебрям по лесным,
А ноне две куницы
Пушистые следим;

24

Трущобой шли да дромом,
Досель удачи нет,
Но нас к твоим хоромам
Двойной приводит след!»

25

А князь на это: «Что вы!
Трущобой вы не шли,
Лохмотья ваши новы
И даже не в пыли!

26

Куниц же бьют зимою,
А ноне месяц май,
За зверью за иною
Пришли ко мне вы, чай!»

27

«Ну, княже, — молвят гости, —
Тебя не обмануть!
Так скажем уж попрости,
Кто мы такие суть:

28

Мы бедные калики,
Мы старцы-гусляры,
Но петь не горемыки,
Где только есть пиры;

29

Мы скрозь от Новаграда
Сюда с припевом шли:
Ой ладо, диди-ладо,
Ой ладо, лель-люли!

30

И если бы две свадьбы
Затеял ты сыграть,
Мы стали распевать бы
Да струны разбирать!»

31

«Вот это, — князь ответил, —
Другой выходит стих:
Но гуслей не заметил
При вас я никаких!

32

А что с припевом шли вы
Сквозь целый русский край,
Оно теперь не диво,
В веселый месяц май!

33

Теперь в ветвях березы
Поют и соловьи,
В лугах поют стрекозы,
В полях поют ручьи,

34

И много, в небе рея,
Поет пернатых стай —
Всех месяцев звончее
Веселый месяц май!

35

Но строй гуслярный, други,
Навряд ли вам знаком:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечом!

36

В мешке не спрятать шила!
Вас выдал речи звук:
Пленкович ты Чурило,
А ты Степаныч Дюк!»

37

Тут с них лохмотья спали,
И, светлы как заря,
Два славные предстали
Пред ним богатыря;

38

Их бороды упали,
Смеются их уста —
Подобная едва ли
Встречалась красота!

39

Их кровь от сил избытка
Играет горячо,
Корсунская накидка
Надета на плечо,

40

Коты из аксамита
С камением цветным,
А бёрца вкрест обвиты
Обором золотным;

41

Орлиным мечут оком
Не взоры, но лучи;
На поясе широком
Крыжатые мечи.

42

С притворным со смущеньем
Глядят на них княжны,
Как будто превращеньем
И впрямь удивлены;

43

И взоры тотчас тихо
Склонили до земли,
А сердце скачет лихо:
Ой ладо, лель-люли!

44

Княгиня ж молвит: «Знала
Я это наперед,
Недаром куковала
Кукушка у ворот,

45

И снилось мне с полночи,
Что, голову подняв
И в лес уставя очи,
Наш лает волкодав!»

46

Но, вид приняв суровый,
Пришельцам молвит князь:
«Ответствуйте: почто вы
Вернулись не спросясь?

47

Указан был отселе
Вам путь на девять лет —
Каким же делом смели
Забыть вы мой запрет?»

48

«Не будь, о княже, гневен,
Твой двор чтоб видеть вновь,
Армянских двух царевен
Отвергли мы любовь;

49

Зане твоих издавна
Мы любим дочерей —
Отдай же их, державный,
За нас, богатырей!»

50

Но, вид храня суровый,
А сам в душе смеясь,
«Мне эта весть не нова, —
Ответил старый князь. —

51

От русской я державы
Велел вам быть вдали,
А вы ко мне лукаво
На промысел пришли!

52

Но рыб чтоб вы не смели
Ловить в моем Днепру,
Все глуби я и мели
Оцепами запру!

53

Чтоб впредь вы не дерзали
Следить моих куниц,
Ограду я из стали
Поставлю круг границ;

54

Ни неводом вам боле,
Ни сетью не ловить —
Но будет в вашей воле
Добром их приманить.

55

Коль быть хотят за вами,
Никто им не мешай!
Пускай решают сами
В веселый месяц май!»

56

Услыша слово это,
С Чурилой славный Дюк
От дочек ждут ответа,
Сердец их слышен стук...

57

Что дочки им сказали,
Кто может, отгадай, —
Мы слов их не слыхали
В веселый месяц май,

58

Мы слов их не слыхали,
Нам свист мешал дроздов,
Нам иволги мешали
И рокот соловьев;

59

И звонко так в болоте
Кричали журавли,
Что мы, при всей охоте,
Расслышать не могли!

60

Такая нам досада,
Расслышать не могли!
Ой ладо, диди-ладо,
Ой ладо, лель-люли!

Июнь (?) 1871

139. АЛЕША ПОПОВИЧ

1

Кто веслом так ловко правит
Через аир и купырь?
Это тот Попович славный,
Тот Алеша-богатырь.

2

За плечами видны гусли,
А в ногах червленый щит,
Супротив его царевна
Полоненная сидит.

3

Под себя поджала ножки,
Летник свой подобрала
И считает робко взмахи
Богатырского весла.

4

«Ты почто меня, Алеша,
В лодку песней заманил?
У меня жених есть дома,
Ты ж, похитчик, мне не мил!»

5

Но, смеясь, Попович молвит:
«Не похитчик я тебе!
Ты взошла своею волей,
Покорись своей судьбе!

6

Ты не первая попалась
В лодку, девица, мою:
Знаменитым птицеловом
Я слыву в моем краю;

7

Без силков и без приманок
Я не раз меж камышей
Голубых очеретянок
Песней лавливал моей;

8

Но в плену, кого поймаю,
Без нужды я не морю —
Покорися же, царевна,
Сдайся мне, богатырю!»

9

Но она к нему: «Алеша,
Тесно в лодке нам вдвоем,
Тяжела ей будет ноша,
Вместе ко дну мы пойдем!»

10

Он же к ней: «Смотри, царевна,
Видишь там, где тот откос,
Как на солнце быстро блещут
Стаи легкие стрекоз?

11

На лозу когда бы сели,
Не погнули бы лозы,
Ты же в лодке не тяжеле
Легкокрылой стрекозы!»

12

И душистый гнет он аир
И, скользя очеретом,
Стебли длинные купавок
Рвет сверкающим веслом.

13

Много певников нарядных
В лодку с берега глядит,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говорит:

14

«Птицелов ты беспощадный,
Иль тебе меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку к берегу причаль!»

15

Он же, в берег упираясь
И осокою шурша,
Повторяет только: «Сдайся,
Сдайся, девица-душа!

16

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей
Ты должна меня любить».

17

Он весло свое бросает,
Гусли звонкие берет —
Дивным пением дрожащий
Огласился очерет.

18

Звуки льются, звуки тают:
То не ветер ли во ржи?
Не крылами ль задевают
Медный колокол стрижи?

19

Иль в тени журчат дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звон заздравный?
Иль мечи бьют о мечи?

20

Пламя ль блещет? Дождь ли льется?
Буря ль встала, пыль крутя?
Конь ли по полю несется?
Мать ли пестует дитя?

21

Или то воспоминанье,
Отголосок давних лет?
Или счастья обещанье?
Или смерти то привет?

22

Песню кто уразумеет?
Кто поймет ее слова?
Но от звуков сердце млеет
И кружится голова.

23

Их услыша, присмирели
Пташек резвые четы,
На тростник стрекозы сели,
Преклонилися цветы:

24

Погремок, пестрец, и шильник,
И болотная заря
К лодке с берега нагнулись
Слушать песнь богатыря.

25

Так с царевной по теченью
Он уносится меж трав,
И она внимает пенью,
Руку белую подняв.

26

Что внезапно в ней свершилось?
Тоскованье ль улеглось?
Сокровенное ль открылось?
Невозможное ль сбылось?

27

Словно давние печали
Разошлися как туман,
Словно все преграды пали —
Или были лишь обман!

28

Взором любящим невольно
В лик его она впилась,
Ей и радостно и больно,
Слезы капают из глаз;

29

Любит он иль лицемерит —
Для нее то всё равно,
Этим звукам сердце верит
И дрожит, побеждено.

30

И со всех сторон их лодку
Обняла речная тишь,
И куда ни обернешься —
Только небо да камыш...

Лето 1871

140. САДКО

1

Сидит у царя водяного Садко
И с думою смотрит печальной,
Как моря пучина над ним высоко
Синеет сквозь терем хрустальный;

2

Там ходят как тени над ним корабли,
Товарищи там его ищут,
Там берег остался цветущей земли,
Там птицы порхают и свищут;

3

А здесь на него любопытно глядит
Белуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бежит
Снятков серебристая стая.

4

Куда он ни взглянет — всё синяя гладь,
Всё воду лишь видит да воду,
И песни устал он на гуслях играть
Царю водяному в угоду.

5

А царь, улыбаясь, ему говорит:
«Садко, мое милое чадо,
Поведай, зачем так печален твой вид?
Скажи мне, чего тебе надо?

6

Кутья ли с шафраном моя не вкусна?
Блины с инбирем не жирны ли?
Аль в чем неприветна царица-жена?
Аль дочери чем досадили?

7

Смотри, как алмазы здесь ярко горят!
Как много здесь яхонтов алых!
Сокровищ ты столько нашел бы навряд
В хваленых софийских подвалах!»

8

«Ты гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресветлое чудо!
Я много доволен твоею женой,
И мне от царевен не худо;

9

Вкусны и кутья, и блины с инбирем,
Одно, государь, мне обидно:
Куда ни посмотришь, всё мокро кругом,
Сухого местечка не видно!

10

Что пользы мне в том, что сокровищ полны
Подводные эти хоромы!
Увидеть бы мне хотя б зелень сосны,
Прилечь хоть на ворох соломы!

11

Богатством своим ты меня не держи;
Все роскоши эти и неги
Я б отдал за крик перепелки во ржи,
За скрып новгородской телеги!

12

Давно так не видно мне божьего дня,
Мне запаху здесь — только тина;
Хоть дегтем повеяло б раз на меня,
Хоть дымом курного овина!

13

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на земле расцветает,
И сам уж не знаю, что станет со мной:
За сердце вот так и хватает!

14

Теперь у нас пляски в лесу в молодом,
Забыты и стужа и слякоть —
Когда я подумаю только о том,
От грусти мне хочется плакать!

15

Теперь, чай, и птица, и всякая зверь
У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний пробившись, теперь
Синеет в лесу медуница!

16

Во свежем, в зеленом, в лесу молодом
Березой душистою пахнет —
И сердце во мне, лишь помыслю о том,
С тоски изнывает и чахнет!»

17

«Садко, мое чадо, городишь ты вздор,
Земля нестерпима от зною;
Я в этом сошлюся на целый мой двор —
Всегда он согласен со мною.

18

Мой терем есть моря великого пуп,
Твой жеребий, стало быть, светел;
А ты непонятлив, несведущ и глуп,
Я это давно уж заметил.

19

Ты в думе пригоден моей заседать,
Твою возвеличу я долю
И сан водяного советника дать
Тебе непременно изволю!»

20

«Ты гой еси, царь-государь водяной,
Премного тебе я обязан,
Но почести я недостоин морской,
Уж очень к земле я привязан.

21

Бывало, не всё там норовилось мне,
Не по сердцу было иное;
С тех пор же, как я очутился на дне,
Мне всё стало мило земное;

22

Припомнился пес мне, и грязен и хил,
В репьях и в сору извалялся;
На пир я в ту пору на званый спешил,
А он мне под ноги попался;

23

Брюзгливо взглянув, я его отогнал,
Ногой оттолкнул его гордо —
Вот этого пса я б теперь целовал
И в темя, и в очи, и в морду!»

24

«Садко, мое чадо, на кую ты стать
О псе вспоминаешь сегодня?
Зачем тебе грязного пса целовать?
На то мои дочки пригодней.

25

Воистину, чем бы ты им не жених?
Я вижу, хоть в ус и не дую,
Пошла за тебя бы любая из них —
Бери ж себе в жены любую!»

26

«Ты гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресветлое чудо!
Боюся, от брака с такою женой
Не вышло б душе моей худо!

27

Не спорю, они у тебя хороши
И цвет их очей изумрудный,
Но только колючи они, как ерши,
Нам было б сожительство трудно.

28

Я тем не порочу твоих дочерей,
Но я бы не то что любую,
А всех их сейчас променял бы, ей-ей,
На первую девку рябую!»

29

«Садко, мое чадо, уж очень ты груб,
Не нравится речь мне такая;
Когда бы твою не ценил я игру б,
Ногой тебе дал бы пинка я.

30

Но печени как-то сегодня свежо,
Веселье в утробе я чую;
О свадьбе твоей потолкуем ужо,
Теперь же сыграй плясовую!»

31

Ударил Садко по струнáм трепака,
Сам к черту шлет царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся в бока,
Готовится, дрыгая, в пляску.

32

Сперва лишь на месте поводит усóм,
Щетинистой бровью кивает,
Но вот запыхтел и надулся, как сом,
Всё боле его разбирает.

33

Похаживать начал, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдруг как пойдет выводить вензеля,
Так все затряслись половицы.

34

«Ну, — мыслит Садко, — я тебя заморю!»
С досады быстрей он играет,
Но, как ни частит, водяному царю
Всё более сил прибывает.

35

Пустился навыверт пятами месить,
Закидывать ногу за ногу,
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядеть индо страшно, ей-богу!

36

Бояре в испуге ползут окарачь,
Царица присела аж на пол,
Пищат-ин царевны, а царь себе вскачь
Знай чешет ногами обáпол.

37

То, выпятя грудь, на придворных он прет,
То, скорчившись, пятится боком,
Ломает коленца и взад и вперед.
Валяет загребом и скоком;

38

И всё веселей и привольней ему,
Коленца выходят всё круче —
Темнее становится всё в терему,
Над морем сбираются тучи...

39

Но шибче играет Садко, осерча,
Сжав зубы и брови нахмуря,
Он злится, он дергает струны сплеча —
Вверху подымается буря...

40

Вот дальними грянул раскатами гром,
Сверкнуло в пучинном просторе,
И огненным светом зардела кругом
Глубокая празелень моря.

41

Вот крики послышались там высоко:
То гибнут пловцы с кораблями...
Отчаянней бьет пятернями Садко,
Царь бешеней месит ногами;

42

Вприсядку понес его черт ходуном,
Он фыркает, пышет и дует,
Гремит плясовая, колеблется дом,
И море ревет и бушует...

43

И вот пузыри от подстенья пошли,
Садко уже видит сквозь стены:
Разбитые ко́ дну летят корабли,
Крутяся средь ила и пены;

44

Он видит: моряк не один потонул,
В нем сердце исполнилось жали,
Он сильною хваткой за струны рванул —
И, лопнув, они завизжали.

45

Споткнувшись, на месте стал царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
«Никак, подшутил ты, Садко, надо мной?
Противна мне шутка такая!

46

Не в пору, невежа, ты струны порвал,
Как раз когда я расплясался!
Такого колена никто не видал,
Какое я дать собирался!

47

Зачем здоровее ты струн не припас?
Как буду теперь без музы́ки?
Аль ты, неумытый, плясать в сухопляс
Велишь мне, царю и владыке?»

48

И плесом чешуйным в потылицу царь
Хватил его, ярости полный,
И вот завертелся Садко как кубарь,
И вверх понесли его волны...

49

Сидит в Новеграде Садко невредим,
С ним вящие все уличане;
На скатерти браной шипит перед ним
Вино в венецейском стакане.

50

Степенный посадник, и тысяцкий тут,
И старых посадников двое,
И с ними кончанские старосты пьют
Здоровье Садку круговое.

51

«Поведай, Садко, уходил ты куда?
На чудскую Емь аль на Балты?
Где бросил свои расшивные суда?
И бéз вести где пропадал ты?»

52

Поет и на гуслях играет Садко,
Поет про царя водяного:
Как было там жить у него нелегко
И как уж он пляшет здорóво;

53

Поет про поход без утайки про свой,
Какая чему была чередь, —
Качают в сомнении все головой,
Не могут рассказу поверить.

Ноябрь 1871 — март 1872

141. КАНУТ

1

Две вести ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатом помине,
Шлет сват его Магнус. Из русской земли
Другая пришла от княгини.

2

С певцом своим Магнус словесную весть
Без грамоты шлет харатейной:
Он просит Канута, в услугу и в честь,
Приехать на съезд на семейный.

3

Княгиня ж ко грамоте тайной печать
Под многим привесила страхом;
И вслух ее строки Канут прочитать
Велит двум досужим монахам.

4

Читают монахи: «Супруг мой и князь!
Привиделось мне сновиденье:
Поехал в Роскильду, в багрец нарядясь,
На Магнуса ты приглашенье;

5

Багрец твой стал кровью в его терему —
Супруг мой, молю тебя слезно,
Не верь его дружбе, не езди к нему,
Любимый, желанный, болезный!»

6

Монахи с испугу речей не найдут:
«Святые угодники с нами!»
Взглянул на их бледные лица Канут,
Пожал, усмехаясь, плечами:

7

«Я Магнуса знаю, правдив он и прям,
Дружил с ним по нынешний день я —
Ужель ему веры теперь я не дам
Княгинина ради виденья?»

8

И берегом в путь выезжает морским
Канут, без щита и без брони;
Три отрока едут поодаль за ним,
Их весело топают кони.

9

Певец, что посы́лан его пригласить,
С ним едет по берегу рядом;
Тяжелую тайну клялся он хранить,
С опущенным едет он взглядом.

10

Дыханием теплым у моря весна
Чуть гривы коней их шевелит,
На мокрый песок набегает волна
И пену им по́д ноги стелет.

11

Но вот догоняет их отрок один,
С Канутом, сняв шлык, поравнялся:
«Уж нам не вернуться ли, князь-господин?
Твой конь на ходу расковался!»

12

«Пускай расковался! — смеется Канут. —
Мягка нам сегодня дорога,
В Роскильде коня кузнецы подкуют,
У свата, я чаю, их много!»

13

К болоту тропа, загибаясь, ведет,
Над ним, куда око ни глянет,
Вечерний туман свои нити прядет
И сизые полосы тянет.

14

От отроков вновь отделился один,
Ровняет коня с господином:
«За этим туманищем, князь-господин,
Не видно твоей головы нам!»

15

«Пускай вам не видно моей головы —
Я, благо, живу без изъяна!
Опять меня целым увидите вы,
Как выедем мы из тумана!»

16

Въезжают они во трепещущий бор,
Весь полный весеннего крика,
Гремит соловьиный в шиповнике хор,
Звездится в траве земляника,

17

Черемухи ветви душистые гнут,
Все дикие яблони в цвете,
Их запах вдыхаючи, мыслит Канут:
«Жить любо на божием свете!»

18

Украдкой певец на него посмотрел,
И жалость его охватила:
Так весел Канут, так доверчив и смел,
Кипит в нем так молодо сила!

19

Ужели сегодня во гроб ему лечь,
Погибнуть в подводе жестоком?
И хочется князя ему остеречь,
Спасти околичным намеком.

20

Былину старинную он затянул;
В зеленом, пустынном просторе
С припевом дубравный сливается гул:
«Ой море, ой синее море!

21

К царевичу славному теща и тесть
Коварной исполнены злости,
Изменой хотят они зятя известь,
Зовут его ласково в гости.

22

Но морю, что, мир обтекая, шумит,
Известно о их заговоре;
«Не езди, царевич, — оно говорит, —
Ой море, ой синее море! —

23

На верную смерть ты пускаешься в путь,
Твой тесть погубить тебя хочет,
Тот меч, что он завтра вонзит тебе в грудь,
Сегодня уж он его точит!»

24

Страшению моря царевич не внял,
Не внял на великое горе,
Спускает ладью он на пенистый вал —
Ой море, ой синее море!

25

Плывет он на верную гибель свою,
Беды над собою не чает,
И скорбно его расписную ладью
И нехотя море качает...»

26

Певец в ожидании песню прервал,
Украдкой глядит на Канута —
Беспечно тот едет себе вперевал,
Рвет ветки с черемухи гнутой;

27

Значение песни ему невдомек,
Он весел, как был и с почину,
И, видя, как он от догадки далек,
Певец продолжает былину:

28

«В ладье не вернулся царевич домой,
Наследную вотчину вскоре
Сватья разделили его меж собой —
Ой море, ой синее море!

29

У берега холм погребальный стоит,
Никем не почтён, не сторожен;
В холме том убитый царевич лежит,
В ладью расписную положен;

30

Лежит с погруженным он в сердце мечом,
Не в бармах, не в царском уборе,
И тризну свершает лишь море по нем —
Ой море, ой синее море!»

31

Вновь очи певец на Канута поднял:
Тот свежими клена листами
Гремучую сбрую коня разубрал,
Утыкал очёлок цветами;

32

Глядит он на мошек толкущийся рой
В лучах золотого захода
И мыслит, воздушной их тешась игрой:
«Нам ясная завтра погода!»

33

Былины значенье ему невдогад,
Он едет с весельем во взоре
И сам напевает товарищу в лад:
«Ой море, ой синее море!»

34

Его не спасти! Ему смерть суждена,
Влечет его темная сила!
Дыханьем своим молодая весна,
Знать, разум его опьянила!

35

Певец замолчал. Что свершится, о том
Ясней намекнуть он не смеет, —
Поют соловьи, заливаясь, кругом,
Шиповник пахучий алеет;

36

Не чует погибели близкой Канут,
Он едет к беде неминучей, —
Кругом соловьи, заливаясь, поют,
Шиповник алеет пахучий...

Декабрь (?) 1872

142. СЛЕПОЙ

1

Князь выехал рано средь гридней своих
В сыр-бор полеванья изведать;
Гонял он и вепрей, и туров гнедых,
Но время доспело, звон рога утих,
Пора отдыхать и обедать.

2

В логу они свежем под дубом сидят
И брашна примаются рушать;
И князь говорит: «Мне отрадно звучат
Ковши и братины, но песню бы рад
Я в зелени этой послушать».

3

И отрок озвался: «За речкою там
Убогий мне песенник ведом;
Он слеп, но горазд ударять по струнам».
И князь говорит: «Отыщи его нам,
Пусть тешит он нас за обедом».

4

Ловцы отдохнули, братины допив,
Сидеть им без дела не любо,
Поехали дале, про песню забыв, —
Гусляр между тем на княжой на призыв
Бредет ко знакомому дубу.

5

Он щупает посохом корни дерев,
Плетется один чрез дубраву,
Но в сердце звучит вдохновенный напев
И дум благодатных уж зреет посев,
Слагается песня на славу.

6

Пришел он на место: лишь дятел стучит,
Лишь в листьях стрекочет сорока;
Но в сторону ту, где, не видя, он мнит,
Что с гриднями князь в ожиданье сидит,
Старик поклонился глубоко.

7

«Хвала тебе, княже, за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вам!
Начать песнопенье готов я стою —
О чем же я, старый и бедный, спою
Пред сонмищем сим величавым?

8

Что в вещем сказалося сердце моем,
То выразить речью возьмусь ли?»
Пождал — и, не слыша ни слова кругом,
Садится на кочку, поросшую мхом,
Персты возлагает на гусли.

9

И струн переливы в лесу потекли,
И песня в глуши зазвучала...
Все мира явленья вблизи и вдали:
И синее море, и роскошь земли,
И цветных камений начала,

10

Что в недрах подземия блеск свой таят,
И чудища в море глубоком,
И в темном бору заколдованный клад,
И витязей бой, и сверкание лат —
Всё видит духовным он оком.

11

И подвиги славит минувших он дней,
И всё, что достойно, венчает:
И доблесть народов, и правду князей,
И милость могучих он в песне своей
На малых людей призывает.

12

Привет полоненному шлет он рабу,
Укор градоимцам суровым,
Насилье ж над слабым, с гордыней на лбу,
К позорному он пригвождает столбу
Грозящим пророческим словом.

13

Обильно растет его мысли зерно,
Как в поле ячмень золотистый;
Проснулось, что в сердце дремало давно,
Что было от лет и от скорбей темно,
Воскресло прекрасно и чисто.

14

И лик озарен его тем же огнем,
Как в годы борьбы и надежды,
Явилася власть на челе поднятом,
И кажутся царской хламидой на нем
Лохмотья раздранной одежды.

15

Не пелось ему еще так никогда,
В таком расцветанье богатом
Еще не сплеталася дум череда —
Но вот уж вечерняя в небе звезда
Зажглася над алым закатом.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГРАФА

А. К. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

16

К исходу торжественный клонится лад,
И к небу незрящие взоры
Возвел он, и, духом могучим объят,
Он песнь завершил — под перстами звучат
Последние струн переборы.

17

Но мертвою он тишиной окружен,
Безмолвье пустынного лога
Порой прерывает лишь горлицы стон,
Да слышны сквозь гуслей смолкающий звон
Призывы далекого рога.

18

На диво ему, что собранье молчит,
Поник головою он думной,
И вот закачалися ветки ракит,
И тихо дубрава ему говорит:
«Ты гой еси, дед неразумный!

19

Сидишь одинок ты, обманутый дед,
На месте ты пел опустелом,
Допиты братины, окончен обед,
Под дубом души человеческой нет,
Разъехались гости за делом.

20

Они средь моей, средь зеленой красы
Порскают, свой лов продолжая;
Ты слышишь, как, в след утыкая носы,
По зверю вдали заливаются псы,
Как трубит охота княжая!

21

Ко сбору ты, старый, прийти опоздал,
Ждать некогда было боярам;
Ты песней награды себе не стяжал,
Ничьих за нее не услышишь похвал,
Трудился, убогий, ты даром!»

22

«Ты гой еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдается, ты правду сказала!
Я пел одинок, но тужить и роптать
Мне, старому, было б грешно и нестать —
Наград мое сердце не ждало!

23

Воистину, если б очей моих ночь
Безлюдья от них и не скрыла,
Я песни б не мог и тогда перемочь,
Не мог от себя отогнать бы я прочь,
Что́ душу мою охватило!

24

Пусть по следу псы, заливаясь бегут,
Пусть ловлею князь удоволен!
Убогому петь не тяжелый был труд,
А песня ему не в хвалу и не в суд,
Зане он над нею не волен.

25

Она, как река в половодье, сильна,
Как росная ночь, благотворна,
Тепла, как душистая в мае весна,
Как солнце, приветна, как буря, грозна,
Как лютая смерть, необорна.

26

Охваченный ею не может молчать,
Он раб ему чуждого духа,
Вожглась ему в грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей он должен вещать,
Что́ слышит подвластное ухо.

27

Не ведает горный источник, когда
Потоком он в степи стремится,
И бьет и кипит его, пенясь, вода,
Придут ли к нему пастухи и стада
Струями его освежиться!

28

Я мнил: эти гусли для князя звучат,
Но песня, по мере как пелась,
Невидимо свой расширяла охват,
И вольный лился без различия лад
Для всех, кому слушать хотелось.

29

И кто меня слушал, привет мой тому!
Земле-государыне слава!
Ручью, что ко слову журчал моему,
Вам, звездам, мерцавшим сквозь синюю тьму,
Тебе, мать сырая дубрава!

30

И тем, кто не слушал, мой также привет:
Дай бог полевать им недаром!
Дай князю без горя прожить много лет,
Простому народу без нýжды и бед,
Без скорби великим боярам!»

Январь 1873

3. ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ В СТИХАХ

143. ГРЕШНИЦА

1

Народ кипит, веселье, хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Кругом и зелень, и цветы,
И меж столбов, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты,
Чертоги убраны богато,
Везде горит хрусталь и злато,
Возниц и коней полон двор;
Теснясь за трапезой великой,
Гостей пирует шумный хор,
Идет, сливаяся с музыкой,
Их перекрестный разговор.

Ничем беседа не стеснима.
Они свободно говорят
О ненавистном иге Рима,
О том, как властвует Пилат,
О их старшин собранье тайном,
Торговле, мире, и войне,
И муже том необычайном,
Что появился в их стране.

2

«Любовью к ближним пламенея,
Народ смиренью он учил,
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил,
Не терпит гнева он, ни мщенья,

Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром;
Есть неземная сила в нем:
Слепым он возвращает зренье,
Дарит и крепость и движенье
Тому, кто был и слаб и хром,
Ему признания не надо,
Сердец мышленье отперто,
Его пытующего взгляда
Еще не выдержал никто.
Целя недуг, врачуя муку,
Везде спасителем он был,
И всем простер благую руку,
И никого не осудил.
То, видно, богом муж избрáнный!
Он там, по óнпол Иордана,
Ходил как посланный небес,
Он много там свершил чудес,
Теперь пришел он, благодушный,
На эту сторону реки,
Толпой прилежной и послушной
За ним идут ученики».

3

Так гости, вместе рассуждая,
За длинной трапезой сидят,
Меж ними, чашу осушая,
Сидит блудница молодая.
Ее причудливый наряд
Невольно привлекает взоры,
Ее нескромные уборы
О грешной жизни говорят.
Но дева падшая прекрасна,
Взирая на нее, навряд
Пред силой прелести опасной
Мужи и старцы устоят:
Глаза насмешливы и смелы,
Как снег Ливана, зубы белы,
Как зной, улыбка горяча;
Вкруг стана падая широко,
Сквозные ткани дразнят око,
С нагого спущены плеча.

Ее и серьги и запястья,
Звеня, к восторгам сладострастья,
К утехам пламенным зовут,
Алмазы блещут там и тут,
И, тень бросая на ланиты,
Во всем обилии красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падут роскошные власы.
В ней совесть сердца не тревожит,
Стыдливо не вспыхает кровь,
Купить за злато всякий может
Ее продажную любовь.

И внемлет дева разговорам,
И ей они звучат укором;
Гордыня пробудилась в ней,
И говорит с хвастливым взором:
«Я власти не страшусь ничьей!
Заклад со мной держать хотите ль?
Пускай предстанет ваш учитель,
Он не смутит моих очей!»

4

Вино струится, шум и хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Куренье, солнце и цветы, —
И вот к толпе, шумящей праздно,
Подходит муж благообразный.
Его чудесные черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блеске юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный вид
Неотразимой дышит властью,
К земным утехам нет участья,
И взор в грядущее глядит.
То муж, на смертных непохожий,
Печать избранника на нем,
Он светел, как архангел божий,
Когда пылающим мечом
Врага в кромешные оковы
Он гнал по манию Иеговы.

Невольно грешная жена
Его величьем смущена
И смотрит робко, взор понизив,
Но, вспомня свой недавный вызов,
Она с седалища встает
И, стан свой выпрямивши гибкий
И смело выступив вперед,
Пришельцу с дерзкою улыбкой
Фиал шипящий подает.

«Ты тот, что учит отреченью?
Не верю твоему ученью,
Мое надежней и верней.
Меня смутить не мысли ныне,
Один скитавшийся в пустыне,
В посте проведший сорок дней!
Лишь наслажденьем я влекома,
С постом, с молитвой незнакома,
Я верю только красоте,
Служу вину и поцелуям,
Мой дух тобою не волнуем,
Твоей смеюсь я чистоте!»

И речь ее еще звучала,
Еще смеялася она,
И пена легкая вина
По кольцам рук ее бежала,
Как общий говор вкруг возник,
И слышит грешница в смущенье:
«Она ошиблась! В заблужденье
Ее привел пришельца лик:
То не учитель перед нею,
То Иоанн из Галилеи,
Его любимый ученик».

5

Небрежно немощным обидам
Внимал он девы молодой,
И вслед за ним, с спокойным видом,
Подходит к храмине другой.
В его смиренном выраженье
Восторга нет, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очерк дивного чела.

То не пророка взгляд орлиный,
Не прелесть ангельской красы —
Делятся на две половины
Его волнистые власы;
Поверх хитона упадая,
Одела риза шерстяная
Простою тканью стройный рост,
В движеньях скромен он и прост;
Ложась вкруг уст его прекрасных,
Слегка раздвоена брада, —
Таких очей благих и ясных
Никто не видел никогда.

И пронеслося над народом
Как дуновенье тишины,
И чудно благостным приходом
Сердца гостей потрясены.
Замолкнул говор. В ожиданье
Сидит недвижное собранье,
Тревожно дух переводя.
И он, в молчании глубоком,
Обвел сидящих тихим оком
И, в дом веселья не входя,
На дерзкой деве самохвальной
Остановил свой взор печальный.

6

И был тот взор как луч денницы,
И всё открылося ему,
И в сердце сумрачном блудницы
Он разогнал ночную тьму.
И всё, что было там таимо,
В грехе что было свершено,
В ее глазах неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ее порочных дел —
И ужас ею овладел.
Уже на грани сокрушенья
Она постигла в изумленье,
Как много благ, как много сил
Господь ей щедро подарил

И как она восход свой ясный
Грехом мрачила ежечасно.
И, в первый раз гнушаясь зла,
Она в том взоре благодатном
И кару дням своим развратным,
И милосердие прочла;
И, чуя новое начало,
Еще страшась земных препон,
Она, колебляся, стояла...
И вдруг в тиши раздался звон
Из рук упавшего фиала...
Стесненной груди слышен стон,
Бледнеет грешница младая,
Дрожат открытые уста —
И пала ниц она, рыдая,
Перед святынею Христа.

1857 (?)

144. ИОАНН ДАМАСКИН

1

Любим калифом Иоанн —
Ему, что день, почет и ласка;
К делам правления призван
Лишь он один из христиан
Порабощенного Дамаска.
Его поставил властелин
И суд рядить, и править градом,
Он с ним беседует один,
Он с ним сидит в совете рядом;
Окружены его дворцы
Благоуханными садами,
Лазурью блещут изразцы,
Убра́ны стены янтарями;
В полдневный зной приют и тень
Дают навесы, шелком тканы,
В узорных банях ночь и день
Шумят студеные фонтаны.
Но от него бежит покой,
Он бродит сумрачен; не той
Он прежде мнил идти дорогой,
Он счастлив был бы и убогий,
Когда б он мог в тиши лесной,
В глухой степи, в уединенье,
Двора волнение забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитве, песнопенью.

И раздавался уж не раз
Его красноречивый глас
Противу ереси безумной,
Что на искусство поднялась
Грозой неистовой и шумной.
Упорно с ней боролся он,
И от Дамаска до Царьграда
Был, как боец за честь икон
И как художества ограда,
Давно известен и почтен.

Но шум и блеск его тревожат,
Ужиться с ними он не может,

И, тяжкой думой обуян,
Тоска в душе и скорбь на лике,
Вошел правитель Иоанн
В чертог дамасского владыки.
«О государь, внемли: мой сан,
Величье, пышность, власть и сила —
Всё мне несносно, всё постыло!
Иным призванием влеком,
Я не могу народом править:
Простым рожден я быть певцом,
Глаголом вольным бога славить.
В толпе вельмож всегда один,
Мученья полон я и скуки,
Среди пиров, в главе дружин,
Иные слышатся мне звуки.
Неодолимый их призыв
К себе влечет меня всё боле —
О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!»

И тот просящему в ответ:
«Возвеселись, мой раб любимый!
Печали вечной в мире нет
И нет тоски неизлечимой.
Твоею мудростью одной
Кругом Дамаск могуч и славен.
Кто ныне нам величьем равен
И кто дерзнет на нас войной?
А я возвышу жребий твой —
Недаром я окрест державен —
Ты примешь чести торжество,
Ты будешь мне мой брат единый!
Возьми полцарства моего,
Лишь правь другою половиной!»

К нему певец: «Твой щедрый дар,
О государь, певцу не нужен;
С иною силою он дружен;
В его груди пылает жар,
Которым зиждется созданье;
Служить творцу его призванье;
Его души незримый мир
Престолов выше и порфир.
Он не изменит, не обманет;

Всё, что других влечет и манит:
Богатство, сила, слава, честь —
Всё в мире том в избытке есть;
А все сокровища природы:
Степей безбережный простор,
Туманный очерк дальних гор,
И моря пенистые воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всех созвездий хороводы,
И синей тверди глубина —
То всё одно лишь отраженье,
Лишь тень таинственных красот,
Которых вечное виденье
В душе избранника живет.
О, верь, ничем тот не подкупен,
Кому сей чудный мир доступен,
Кому господь дозволил взгляд
В то сокровенное горнило,
Где первообразы кипят,
Трепещут творческие силы.
То их торжественный прилив
Звучит певцу в его глаголе, —
О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!»

И рек калиф: «В твоей груди
Не властен я сдержать желанье,
Певец, свободен ты, иди,
Куда влечет тебя призванье!»

И вот правителя дворцы
Добычей сделались забвенья,
Оделись пестрые зубцы
Травой и прахом запустенья;
Его несчетная казна
Давно уж нищим раздана,
Усердных слуг не видно боле,
Рабы отпущены на волю,
И не укажет ни один,
Куда их скрылся господин.
В хоромах стены и картины
Давно зака́ны паутиной,
И мхом фонтаны заросли;
Плющи, ползущие по хорам,

От самых сводов до земли
Зеленым падают узором,
И мак спокойно полевой
Растет кругом на звонких плитах,
И ветер, шелестя травой,
В чертогах ходит позабытых.

2

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить,
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Как горней бури приближенье,
Как натиск пенящихся вод,
Теперь в груди моей растет
Святая сила вдохновенья.
Уж на устах дрожит хвала
Всему, что благо и достойно, —
Какие ж мне воспеть дела,
Какие битвы или войны?
Где я для дара моего
Найду высокую задачу,
Чье передам я торжество
Иль чье падение оплачу?
Блажен, кто рядом славных дел
Свой век украсил быстротечный,
Блажен, кто жизнию умел
Хоть раз коснуться правды вечной,
Блажен, кто истину искал,
И тот, кто, побежденный, пал
В толпе ничтожной и холодной,

Как жертва мысли благородной!
Но не для них моя хвала,
Не им восторга излиянья —
Мечта для песен избрала
Не их высокие деянья;
И не в венце сияет он,
К кому душа моя стремится;
Не блеском славы окружен,
Не на звенящей колеснице
Стоит он, гордый сын побед;
Не в торжестве величья — нет, —
Я зрю его передо мною
С толпою бедных рыбаков;
Он тихо, мирною стезею,
Идет меж зреющих хлебов;
Благих речей своих отраду
В сердца простые он лиет,
Он правды алчущее стадо
К ее источнику ведет.

Зачем не в то рожден я время,
Когда меж нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Он шел на жизненном пути!
Зачем я не могу нести,
О мой господь, твои оковы,
Твоим страданием страдать,
И крест на плечи твой приять,
И на главу венец терновый!
О, если б мог я лобызать
Лишь край святой твоей одежды,
Лишь пыльный след твоих шагов!
О мой господь, моя надежда,
Моя и сила и покров!
Тебе хочу я все мышленья,
Тебе всех песней благодать,
И думы дня, и ночи бденья,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другого
Отныне, вещие уста!
Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово!

3

Часы бегут. Ночная тень
Не раз сменяла зной палящий,
Не раз, всходя, лазурный день
Свивал покров с природы спящей;
И перед странником вдали
И волновались и росли
Разнообразные картины:
Белели снежные вершины
Над лесом кедровым густым,
Иордан сверкал в степном просторе,
И Мертвое чернело море,
Сливаясь с небом голубым.
И вот, виясь в степи широкой,
Чертой изогнутой легло
Пред ним Кедронского потока
Давно безводное русло́.

Смеркалось. Пар струился синий;
Кругом царила тишина;
Мерцали звезды; над пустыней
Всходила медленно луна.
Брегов сожженные стремнины
На дно сбегают крутизной,
Спирая узкую долину
Двойной отвесною стеной.
Внизу кресты, симво́лы веры,
Стоят в обрывах здесь и там,
И видны странника очам
В утесах рытые пещеры.
Сюда, со всех концов земли,
Бежав мирского треволненья,
Отцы святые притекли
Искать покоя и спасенья.
С краев до высохшего дна,
Где спуск крутой ведет в долину,
Руками их возведена
Из камней крепкая стена,
Отпор степному сарацину.
В стене ворота; тесный вход
Над ними башня стережет,
Тропинка вьется над оврагом.
И вот, спускаясь по скалам,

При свете звезд, усталым шагом
Подходит странник к воротам.
«Тебе, безбурное жилище,
Тебя, познания купель,
Житейских помыслов кладбище
И новой жизни колыбель,
Тебя приветствую, пустыня,
К тебе стремился я всегда!
Будь мне убежищем отныне,
Приютом песен и труда.
Все попечения мирские
Сложив с себя у этих врат,
Приносит вам, отцы святые,
Свой дар и гусли новый брат!»

4

«Отшельники Кедронского потока,
Игумен вас сзывает на совет.
Сбирайтесь все: пришедший издалека
Вам новый брат приносит свой привет.
Велики в нем и вера и призванье,
Но должен он пройти чрез испытанье.

Из вас его вручаю одному:
Он тот певец, меж всеми знаменитый,
Что разогнал иконоборства тьму,
Чьим словом ложь попрáна и разбита,
То Иоанн, святых икон защита, —
Кто хочет быть наставником ему?»

И лишь назвал игумен это имя,
Заволновался весь монахов ряд,
И на певца дивятся и глядят,
И пробегает шепот между ними.
Главами все поникнувши седыми,
С смирением игумну говорят:

«Благословен сей славный божий воин,
Благословен меж нас его приход,
Но кто же здесь учить того достоин,
Кто правды свет вокруг себя лиёт?
Чье слово нам как колокол звучало —
Того ль приять дерзнем мы под начало?»

Тут из толпы один выходит брат;
То чернризец был на вид суровый,
И строг его пытующий был взгляд,
И строгое певцу он молвил слово:
«Держать посты уставы нам велят,
Служенья ж мы не ведаем иного.

Коль под моим началом хочешь быть,
Тебе согласен дать я наставленье,
Но должен ты отныне отложить
Ненужных дум бесплодное броженье;
Дух праздности и прелесть песнопенья
Постом, певец, ты должен победить.

Коль ты пришел отшельником в пустыню,
Умей мечты житейские попрать,
И на уста, смирив свою гордыню,
Ты наложи молчания печать,
Исполни дух молитвой и печалью —
Вот мой устав тебе в новоначалье!»

Замолк монах. Нежданный приговор
Как гром упал средь мирного синклита.
Смутились все. Певца померкнул взор,
Покрыла бледность впалые ланиты.

И неподвижно долго он стоял,
Безмолвно опустив на землю очи,
Как будто бы ответа он искал,
Но отвечать недоставало мочи.

И начал он: «Моих всю бодрость сил,
И мысли все, и все мои стремленья
Одной я только цели посвятил:
Хвалить творца и славить в песнопенье.

Но ты велишь скорбеть мне и молчать —
Твоей, отец, я повинуюсь воле;
Весельем сердце не взыграет боле,
Уста сомкнет молчания печать.

Так вот где ты таилось, отреченье,
Что́ я не раз в молитвах обещал!

Моей отрадой было песнопенье,
И в жертву ты, господь, его избрал!

Настаньте ж, дни молчания и муки!
Прости, мой дар! Ложись на гусли, прах!
А вы, в груди взлелеянные звуки,
Замрите все на трепетных устах!

Спустися, ночь, на горестного брата
И тьмой его от солнца отлучи!
Померкните, затмитесь без возврата,
Моих псалмов звенящие лучи!

Погибни, жизнь! Погасни, огнь алтарный!
Уймись во мне, взволнованная кровь!
Свети лишь ты, небесная любовь,
В моей ночи звездою лучезарной!

О мой господь, прости последний стон,
Последний сердца страждущего ропот!
Единый миг — замрет и этот шепот,
И встану я, тобою возрожден!

Свершилось. Мрака набегают волны —
Взор гаснет, стынет кровь — всему конец!
Из мира звуков ныне в мир безмолвный
Нисходит к вам развенчанный певец!»

5

В глубоком ущелье,
Как гнезда стрижей,
По желтым обрывам темнеют пустынные кельи,
Но речи не слышно ничьей;
Всё тихо, пока не сберется к служенью
Отшельников рой,
И вторит тогда их обрядному пенью
Один отголосок глухой.
А там, над краями долины,
Безлюдной пустыни царит торжество,
И пальмы не видно нигде ни единой,
Всё пусто кругом и мертво.
Как жгучее бремя,
Так небо усталую землю гнетет,

И кажется, будто бы время
Свой медленный звучно свершает над нею полет.
Порой отдаленное слышно рычанье
Голодного льва;
И снова наступит молчанье,
И снова шумит лишь сухая трава,
Когда из-под ка́мней змея, выползая,
Блеснет чешуей;
Крилами треща, саранча полевая
Взлетит иногда. Иль случится порой,
Пустыня проснется от дикого клика,
Посыпятся камни, и там, в вышине,
Дрожа и колеблясь, мохнатая пика
Покажется в небе; на легком коне
Появится всадник; над самым оврагом
Сдержав скакуна запененного лёт,
Проедет он мимо обители шагом
Да инокам сверху проклятье пошлет.
И снова всё стихнет. Лишь в полдень орлицы
На крыльях недвижных парят
Да вечером звезды горят,
И скучною тянутся длинные дни вереницей.

6

Порою в тверди голубой
Проходят тучи над долиной;
Они картину за картиной,
Плывя, свивают меж собой.
Так, в нескончаемом движенье,
Клубится предо мной всегда
Воспоминаний череда,
Погибшей жизни отраженья,
И льнут, и вьются без конца,
И вечно волю осаждают,
И онемевшего певца,
Ласкаясь, к песням призывают.
И казнью стал мне праздный дар,
Всегда готовый к пробужденью;
Так ждет лишь ветра дуновенья
Под пеплом тлеющий пожар.
Перед моим тревожным духом
Теснятся образы толпой,

И в тишине, над чутким ухом,
Дрожит созвучий мерный строй;
И я, не смея святотатно
Их вызвать в жизнь из царства тьмы,
В хаоса ночь гоню обратно
Мои непетые псалмы.
Но тщетно я, в бесплодной битве,
Твержу уставные слова
И заучённые молитвы —
Душа берет свои права!
Увы, под этой ризой черной,
Как в оны дни под багрецом,
Живым палимое огнем,
Мятется сердце непокорно.
Юдоль, где я похоронил
Броженье деятельных сил,
Свободу творческого слова,
Юдоль молчанья рокового,
О, передай душе моей
Твоих стремнин покой угрюмый!
Пустынный ветер, о развей
Мои недремлющие думы!

7

Тщетно он просит и ждет от безмолвной юдоли покоя,
Ветер пустынный не может недремлющей думы развеять.
Годы проходят один за другим, всё бесплодные годы!
Всё тяжелее над ним тяготит роковое молчанье.
Так он однажды сидел у входа пещеры, рукою
Грустные очи закрыв и внутренним звукам внимая.
К скорбному тут к нему подошел один черноризец,
Пал на колени пред ним и сказал: «Помоги, Иоанне!
Брат мой по плоти преставился; братом он был по душе мне.
Тяжкая горесть снедает меня; я плакать хотел бы —
Слезы не льются из глаз, но скипаются в горестном сердце.
Ты же мне можешь помочь: напиши лишь умильную песню,
Песнь погребальную милому брату, ее чтобы слыша,
Мог я рыдать, и тоска бы моя получила ослабу!»
Кротко взглянул Иоанн и печально в ответ ему молвил:
«Или не ведаешь ты, каким я связан уставом?
Строгое старец на песни мои наложил запрещенье».

Тот же стал паки его умолять, говоря: «Не узнает
Старец о том никогда; он отсель отлучился на три дня,
Брата ж мы завтра хороним; молю тебя всею душою,
Дай утешение мне в беспредельно горькой печали!»
Паки ж отказ получив: «Иоанне! — сказал черноризец. —
Если бы был ты телесным врачом, а я б от недуга
Так умирал, как теперь умираю от горя и скорби,
Ты ли бы в помощи мне отказал! И не дашь ли ответа
Господу богу о мне, если ныне умру, безутешен?»
Так говоря, колебал в Дамаскине он мягкое сердце.
Собственной полон печали, певец дал жалости место;
Черною тучей тогда на него низошло вдохновенье,
Образы мрачной явились толпой, и в воздухе звуки
Стали надгробное мерно гласить над усопшим рыданье.
Слушал певец, наклонивши главу, то незримое пенье,
Долго слушал, и встал, и, с молитвой вошедши в пещеру,
Там послушной рукой начертал, что ему прозвучало, —
Так был нарушен устав, так прервано было молчанье.

Над вольной мыслью богу неугодны
Насилие и гнет:
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет!

Ужели вправду мнил ты, близорукий,
Сковать свои мечты?
Ужель попрать в себе живые звуки
Насильно думал ты?

С Ливанских гор, где в высоте лазурной
Белеет дальний снег,
В простор степей стремяся, ветер бурный
Удержит ли свой бег?

И потекут ли вспять струи потока,
Что между скал гремят?
И солнце там, поднявшись от востока,
Вернется ли назад?

8

Колоколов унылый звон
С утра долину оглашает;
Покойник в церковь принесен;

Обряд печальный похорон
Собор отшельников свершает.
Свечами светится алтарь,
Стоит певец с поникшим взором,
Поет напутственный тропарь,
Ему монахи вторят хором.

Тропарь

Какая сладость в жизни сей
Земной печали непричастна?
Чье ожиданье не напрасно,
И где счастливый меж людей?
Всё то превратно, всё ничтожно,
Что мы с трудом приобрели, —
Какая слава на земли
Стоит, тверда и непреложна?
Всё пепел, призрак, тень и дым,
Исчезнет всё, как вихорь пыльный,
И перед смертью мы стоим
И безоружны и бессильны.
Рука могучего слаба,
Ничтожны царские веленья, —
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!

Как ярый витязь смерть нашла,
Меня, как хищник, низложила,
Свой зев разинула могила
И всё житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада,
Из гроба к вам взываю я,
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаем, как цветы, —
Почто же мы мятемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши — разрушенье, —
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!

Средь груды тлеющих костей
Кто царь, кто раб, судья иль воин?

Кто царства божия достоин
И кто отверженный злодей?
О братья, где сребро и злато,
Где сонмы многие рабов?
Среди неведомых гробов
Кто есть убогий, кто богатый?
Всё пепел, дым, и пыль, и прах,
Всё призрак, тень и привиденье —
Лишь у тебя, на небесах,
Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнет всё, что было плоть,
Величье наше будет тленье, —
Прими усопшего, господь,
В твои блаженные селенья!

И ты, предстательница всем,
И ты, заступница скорбящим,
К тебе о брате, здесь лежащем,
К тебе, святая, вопием!
Моли божественного сына,
Его, пречистая, моли,
Дабы отживший на земли
Оставил здесь свои кручины!
Всё пепел, прах, и дым, и тень,
О други, призраку не верьте!
Когда дохнет в нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы все поляжем, как хлеба,
Серпом подрезанные в нивах, —
Прими усопшего раба,
Господь, в селениях счастливых!

Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды;
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внемлет слух, сомкнуты вежды;
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыданья,
И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье;
Но вечным сном пока я сплю,
Моя любовь не умирает,
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к господу взывает:

Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленье, —
Прими усопшего раба
В твои блаженные селенья!

9

Так он с монахами поет.
Но вот меж ними гость нежданный, —
Нахмуря брови, предстает
Наставник старый Иоанна.
Суровы строгие черты,
Главу подъемля величаво:
«Певец, — он молвит, — так ли ты
Блюдешь и чтишь мои уставы?
Когда пред нами братний прах,
Не петь, но плакать нам пристойно!
Изыди, инок недостойный, —
Не в наших жить тебе стенах!»

И, гневной речью пораженный,
Виновный пал к его ногам:
«Прости, отец! Не знаю сам,
Как преступил твои законы!
Во мне звучал немолчный глас,
В неодолимой сердца муке
Невольно вырвалися звуки,
Невольно песня полилась!»
И ноги старца он объемлет:
«Прости вину мою, отец!»
Но тот раскаянью не внемлет,
Он говорит: «Беги, певец!
Досель житейская гордыня
Еще жива в твоей груди —
От наших келий отойди,
Не оскверняй собой пустыни!»

10

Прошла по лавре роковая весть,
Отшельников смутилося собранье:
«Наш Иоанн, Христовой церкви честь,
Наставника навлек негодованье!

Ужель ему придется перенесть,
Ему, певцу, позорное изгнанье?»
И жалостью исполнились сердца,
И все собором молят за певца.

Но, словно столп, наставник непреклонен,
И так в ответ просящим молвит он:
«Устав, что мной однажды узаконен,
Не будет даром ныне отменен.
Кто к гордости и к ослушанью склонен,
Того, как терн, мы вырываем вон.
Но если в нем неложны сожаленья,
Епитимьей он выкупит прощенье.

Пусть лавры он обходит черный двор,
С лопатою обходит и с метлою;
Свой дух смирив, пусть всюду грязь и сор
Он непокорной выметет рукою.
Дотоль над ним мой крепок приговор,
И нет ему прощенья предо мною!»
Замолк, и, вняв безжалостный отказ,
Вся братия в печали разошлась.

Презренье, други, на певца,
Чтó дар священный унижает,
Чтó пред кумирами склоняет
Красу лаврового венца!
Чтó гласу истины и чести
Внушенье выгод предпочел,
Чтó угождению и лести
Бесстыдно продал свой глагол!
Из века в век звучать готово,
Ему на казнь и на позор,
Его бессовестное слово,
Как всенародный приговор!
Но ты, иной взалкавший пищи,
Ты, что молитвою влеком,
Высокий сердцем, духом нищий,
Живущий мыслью со Христом,
Ты, что пророческого взора
Пред блеском мира не склонял, —
Испить ты можешь без укора
Весь унижения фиал!

И старца речь дошла до Дамаскина.
Епитимьи условия узнав,
Певец спешит свои загладить вины,
Спешит почтить неслыханный устав.
Сменила радость горькую кручину:
Без ропота лопату в руки взяв,
Певец Христа не мыслит о пощаде,
Но униженье терпит бога ради.

Тот, кто с вечною любовию
Воздавал за зло добром —
Избиен, покрытый кровию,
Венчан тéрновым венцом —
Всех, с собой страданьем сближенных,
В жизни долею обиженных,
Угнетенных и униженных,
Осенил своим крестом.
Вы, чьи лучшие стремления
Даром гибнут под ярмом,
Верьте, други, в избавление —
К божью свету мы грядем!
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цепями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете с Христом!

11

Темнеет. Пар струится синий;
В ущелье мрак и тишина;
Мерцают звезды, и луна
Восходит тихо над пустыней.
В свою пещеру, одинок,
Ушел отшельник раздраженный;
Всё спит; луной посеребренный,
Иссякший видится поток;
Над ним скалистые вершины
Из мрака смотрят там и тут;
Но сердце старца не влекут
Природы мирные картины;
Оно для жизни умерло.
Согнувши строгое чело,
Он, чуждый миру, чуждый братьям,
Лежит, простерт перед распятьем.

В пыли седая голова,
И смерть к себе он призывает,
И шепчет мрачные слова,
И камнем в перси ударяет.
И долго он поклоны клал,
И долго смерть он призывал,
И наконец, в изнеможенье,
Безгласен, наземь он упал,
И старцу видится виденье:

Разверзся вдруг утесов свод,
И разлилось благоуханье,
И от невидимых высот
В пещеру падает сиянье.
И в трепетных его лучах,
Одеждой звездною блистая,
Явилась дева пресвятая
С младенцем спящим на руках.
Из света чудного слиянный,
Ее небесно-кроток вид:
«Почто ты гонишь Иоанна? —
Она монаху говорит. —
Его молитвенные звуки,
Как голос неба на земли,
В сердца послушные текли,
Врачуя горести и муки.
Почто ж ты, старец, заградил
Нещадно тот источник сильный,
Который мир бы напоил
Водой целебной и обильной!
На то ли жизни благодать
Господь послал своим созданьям,
Чтоб им бесплодным истязаньем
Себя казнить и убивать?
Он дал природе изобилье
И бег струящимся рекам,
Он дал движенье облакам,
Земле цветы и птицам крылья.
Почто ж певца живую речь
Сковал ты заповедью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рекой певучей неоскудно!

Да оросят его мечты,
Как дождь, житейскую долину, —
Оставь земле ее цветы,
Оставь созвучья Дамаскину!»

Виденье скрылось в облаках,
Заря восходит из тумана...
Встает встревоженный монах,
Зовет и ищет Иоанна —
И вот обнял его старик:
«О сын смирения Христова!
Тебя душою я постиг —
Отныне петь ты можешь снова!
Отверзи вещие уста,
Твои окончены гоненья;
Во имя господа Христа,
Певец, святые вдохновенья
Из сердца звучного излей, —
Меня ж, молю, прости, о чадо,
Что слову вольному преградой
Я был по грубости моей!»

12

Воспой же, страдалец, воскресную песнь,
    Возрадуйся жизнию новой!
Исчезла коспения долгая плеснь,
    Воскресло свободное слово!

Того, кто оковы души сокрушил,
    Да славит немолчно созданье!
Да хвалят торжественно господа сил
И солнце, и месяц, и хоры светил,
    И всякое в мире дыханье!

Блажен, кому ныне, господь, пред тобой
    И мыслить и молвить возможно!
С бестрепетным сердцем и с теплой мольбой
Во имя твое он выходит на бой
    Со всем, что неправо и ложно!

Раздайся ж, воскресная песня моя,
    Как солнце взойди над землею!

Расторгни убийственный сон бытия
И, свет лучезарный повсюду лия,
Громи, что созиждено тьмою!

Не с диких падает высот,
Средь темных скал, поток нагорный;
Не буря грозная идет,
Не ветер прах вздымает черный;
Не сотни гнущихся дубов
Шумят главами вековыми;
Не ряд морских бежит валов,
Качая гребнями седыми, —

То Иоанна льется речь,
И, сил исполненная новых,
Она громит, как божий меч,
Во прах противников Христовых.

Не солнце красное встает,
Не утро светлое настало;
Не стая лебедей взыграла
Весной на лоне ясных вод;

Не соловьи в стране привольной
Зовут соседних соловьев;
Не гул несется колокольный
От многохрамных городов, —

То слышен всюду плеск народный,
То ликованье христиан,
То славит речию свободной
И хвалит в песнях Иоанн,
Кого хвалить в своем глаголе
Не перестанут никогда
Ни каждая былинка в поле,
Ни в небе каждая звезда!

1858 (?)

145. АЛХИМИК

Неоконченная поэма [1]

1

Дымясь, качалися кадила,
Хвалебный раздавался хор,
Алтарь сиял, органа сила
Священнопению вторила
И громом полнила собор.
И под его старинной сенью
На волны набожной толпы
От окон радужною тенью
Косые падали столпы;
А дале мрак ходил по храму,
Лишь чрез открытые врата,
Как сквозь узорчатую раму,
Синела неба красота,
Виднелся берег отдаленный,
И зелень лавров и олив,
И, белой пеной окаймленный,
Лениво плещущий залив.

И вот, когда замолкли хоры,
И с тихим трепетом в сердцах,
Склонив главы, потупя взоры,
Благоговейно пали в прах
Ряды молящихся густые,
И, прославляя бога сил,
Среди великой литургии
Епископ чашу возносил, —
Раздался шум. Невнятный ропот
Пронесся от открытых врат,

---

[1] Основанием этому отрывку служит следующая легенда: В 1250 году Раймунд Lullius, или Lulle, сенескалк Балеарских островов, проезжая верхом через площадь города Пальмы, увидел одну даму, входящую в собор. Красота ее так поразила его, что он, забыв всякое приличие и не сходя с лошади, последовал за нею. Такой соблазн наделал много шума, но с этой поры дон Раймунд не переставал преследовать своей любовью донью Элеонору (или, как называют ее другие, Амброзию De Castello). Чтобы от него избавиться, она обещала полюбить его, если он достанет ей жизненный эликсир. Дон Раймунд с радостью принял условие, сделался алхимиком, отправился в отдаленные края и обрекся целому ряду самых невероятных приключений.

В испуге вдруг за рядом ряд,
Теснясь, отхлынул, — конский топот,
Смятенье, давка, женский крик, —
И на коне во храм проник
Безумный всадник. Вся обитель,
Волнуясь, в клик слилась один:
«Кто он, святыни оскорбитель?
Какого края гражданин?
Египта ль он, Марокка ль житель
Или Гранады гордый сын,
Перед которою тряслися
Уж наши веси столько крат,
Иль не от хищного ль Туниса
К брегам причаливший пират?»

Но не языческого края
На нем одежда боевая:
Ни шлема с пестрою чалмой,
Ни брони с притчами Корана,
Ни сабли нет на нем кривой,
Ни золотого ятагана.
Изгибы белого пера
Над шапкой зыблются шелко́вой,
Прямая шпага у бедра,
На груди вышиты оковы,
И, сброшена с его плеча,
В широких складках величаво
Падет на сбрую епанча
С крестом зубчатым Калатравы.

Меж тем как, пеня удила,
Сердитый конь по звонким плитам
Нетерпеливым бьет копытом,
Он сам, не трогаясь с седла,
Толпе не внемля разъяренной
И как виденьем поражен,
Вперяет взор свой восхищенный
В толпу испуганную жен.
Кто ж он? И чьей красою чудной
Поступок вызван безрассудный?
Кто из красавиц этих всех
Его вовлек во смертный грех?
Их собралось сюда немало,
И юных женщин и девиц,

И не скрывают покрывала
Во храме божием их лиц;
И после первого смущенья
Участья шепот и прощенья
Меж них как искра пробежал,
Пошли догадка за догадкой,
И смех послышался украдкой
Из-за нарядных опахал.
Но, мыслью полная иною,
Одна, в сознанье красоты,
Спешила тканью кружевною
Покрыть виновные черты.

2

«Я сознаюсь в любви мятежной,
В тревоге чувств, в безумье дел —
Тому безумье неизбежно,
Кто раз, сеньора, вас узрел!
Пусть мой поступок без примера,
Пусть проклят буду я от всех —
Есть воле грань, есть силам мера;
Господь простит мой тяжкий грех,
Простит порыв мой дерзновенный,
Когда я, страстию горя,
Твой лик узнав благословенный,
Забыл святыню алтаря!
Но если нет уж мне прощенья,
Я не раскаиваюсь — знай, —
Я отрекаюсь от спасенья,
Моя любовь мне будет рай!
Я всё попру, я всё разрушу,
За миг блаженства отдаю
Мою измученную душу
И место в будущем раю!..
Сеньора, здесь я жду ответа,
Решите словом мой удел,
На край меня пошлите света,
Задайте ряд опасных дел, —
Я жду лишь знака, жду лишь взора,
Спешите участь мне изречь, —
У ваших ног лежат, сеньора,
Мой ум, и жизнь, и честь, и меч!»

Замолк. В невольном видит страхе
Она лежащего во прахе;
Ему ответить силы нет —
Какой безумцу дать ответ?
Не так он, как другие, любит,
Прямой отказ его погубит,
И, чтоб снести его он мог,
Нужны пощада и предлог.
И вот она на вызов страстный,
Склонив приветливо свой взор,
С улыбкой тихой и прекрасной:
«Вставайте, — говорит, — сеньор!
Я вижу, вами овладела
Любовь без меры и предела,
Любить, как вы, никто б не мог,
Но краток жизни нашей срок;
Я вашу страсть делить готова,
Но этот пыл, для мира новый,
Мы заключить бы не могли
В условья бренные земли;
Чтоб огнь вместить неугасимый,
Бессмертны сделаться должны мы.
Оно возможно: жизни нить
Лишь стоит чарами продлить.
Я как-то слышала случайно,
Что достают для этой тайны
Какой-то корень или злак,
Не знаю где, не знаю как,
Но вам по сердцу подвиг трудный —
Достаньте ж этот корень чудный,
Ко мне вернитесь — и тогда
Я ваша буду навсегда!»
И вспрянул он, блестя очами:
«Клянуся небом и землей
Исполнить заданное вами
Какою б ни было ценой!
И ведать отдыха не буду,
И всем страданьям обрекусь,
Но жизни тайну я добуду
И к вам с бессмертием вернусь!»

3

От берегов благоуханных,
Где спят лавровые леса,
Уходит в даль зыбей туманных
Корабль, надувши паруса.
На нем изгнанник молчаливый
Вдали желанный ловит сон,
И взор его нетерпеливый
В пространство синее вперен.
«Вы, моря шумного пучины,
Ты, неба вечного простор,
И ты, светил блестящий хор,
И вы, родной земли вершины,
Поля, и пестрые цветы,
И с гор струящиеся воды,
Отдельно взятые черты
Всецельно дышащей природы!
Какая вас связала нить
Одну другой светлей и краше?
Каким законом объяснить
Родство таинственное наше?
Ты, всесторонность бытия,
Неисчерпаемость явленья,
В тебе повсюду вижу я
Того же света преломленья.
Внутри души его собрать,
Его лучей блудящий пламень
В единый скоп всесильно сжать —
Вот Соломонова печать,
Вот Трисмегиста дивный камень!
Тот всеобъемлющий закон,
Которым всё живет от века,
Он в нас самих — он заключен
Незримо в сердце человека!
Его любовь, и гнев, и страх,
Его стремленья и желанья,
Всё, что кипит в его делах,
Чем он живит и движет прах, —
Есть та же сила мирозданья!
Не в пыльной келье мудреца
Я смысл ее найду глубокий —
В живые погрузить сердца
Я должен мысленное око!

Среди борьбы, среди войны,
Средь треволнения событий,
Отдельных жизней сплетены
Всечасно рвущиеся нити,
И, кто бессмертье хочет пить
Из мимолетного фиала,
Тот микрокосма изучить
Спеши кипящие начала!
Есть край заветный и святой,
Где дважды жизненная сила
Себя двояко проявила
Недостижимой высотой:
Один, в полях Кампаньи дикой,
Предназначением храним,
Стоит торжественный, великий,
Несокрушимый, вечный Рим.
К нему, к подобию вселенной,
Теперь держать я должен путь,
В его движенье почерпнуть
Закон движенья неизменный.
Лети ж, корабль крылатый мой,
Лети в безбрежном просторе,
А ты, под верною кормой,
Шуми, шуми и пенься, море. . .»

. . . .
. . . .
. . . .

⟨*1867*⟩

146. ПОРТРЕТ

Повесть в стихах

1

Воспоминаний рой, как мошек туча,
Вокруг меня снует с недавних пор.
Из их толпы, цветистой и летучей,
Составить мог бы целый я обзор,
Но приведу пока один лишь случай;
Рассудку он имел наперекор
На жизнь мою немалое влиянье—
Так пусть другим послужит в назиданье...

2

Известно, нет событий без следа:
Прошедшее, прискорбно или мило,
Ни личностям доселе никогда,
Ни нациям с рук даром не сходило.
То́му теперь, — но вычислять года
Я не горазд — я думаю, мне было
Одиннадцать или двенадцать лет, —
С тех пор успел перемениться свет.

3

Подумать можно: протекло лет со́ сто,
Так повернулось старое вверх дном;
А в сущности, всё совершилось просто,
Так просто, что, — но дело не о том!
У самого Ани́чковского моста
Большой тогда мы занимали дом:
Он был — никто не усумнится в этом, —
Как прочие, окрашен желтым цветом.

4

Заметил я, что желтый этот цвет
Особенно льстит сердцу патриота;
Обмазать вохрой дом иль лазарет
Неодолима русского охота;
Начальство также в этом с давних лет
Благонамеренное видит что-то,

И вохрятся в губерниях сплеча
Палаты, храм, острог и каланча.

5

Ревенный цвет и линия прямая —
Вот идеал изящества для нас.
Наследники Батыя и Мамая,
Командовать мы приучили глаз
И, площади за степи принимая,
Хотим глядеть из Тулы в Арзамас.
Прекрасное искать мы любим в пошлом —
Не так о том судили в веке прошлом.

6

В своем дому любил аристократ
Капризные изгибы и уступы,
Убра́нный медальонами фасад,
С гирляндами колонн ненужных купы,
На крыше ваз или амуров ряд,
На ворота́х причудливые группы.
Перенимать с недавних стали пор
У дедов мы весь этот милый вздор.

7

В мои ж года хорошим было тоном
Казарменному вкусу подражать,
И четырем или осьми колоннам
Вменялось в долг шеренгою торчать
Под неизбежным греческим фронтоном.
Во Франции такую благодать
Завел, в свой век воинственных плебеев,
Наполеон, в России ж — Аракчеев.

8

Таков и наш фасад был; но внутри
Характер свой прошедшего столетья
Дом сохранил. Покоя два иль три
Могли б восторга вызвать междометье
У знатока. Из бронзы фонари
В сенях висели, и любил смотреть я,
Хоть был тогда в искусстве не толков,
На лепку стен и форму потолков.

9

Родителей своих я видел мало;
Отец был занят; братьев и сестер
Я не знавал; мать много выезжала;
Ворчали вечно тетки; с ранних пор
Привык один бродить я в зал из зала
И населять мечтами их простор.
Так подвиги, достойные романа,
Воображать себе я начал рано.

10

Действительность, напротив, мне была
От малых лет несносна и противна;
Жизнь, как она вокруг меня текла,
Всё в той же прозе движась беспрерывно,
Всё, что зовут серьезные дела, —
Я ненавидел с детства инстинктивно.
Не говорю, чтоб в этом был я прав,
Но, видно, так уж мой сложился нрав.

11

Цветы у нас стояли в разных залах:
Желтофиолей много золотых
И много гиацинтов, синих, алых,
И палевых, и бледно-голубых;
И я, миров искатель небывалых,
Любил вникать в благоуханье их,
И в каждом запах индивидуальный
Мне музыкой как будто веял дальной.

12

В иные ж дни, прервав мечтаний сон,
Случалось мне очнуться, в удивленье,
С цветком в руке. Как мной был сорван он —
Не помнил я; но в чудные виденья
Был запахом его я погружен.
Так превращало мне воображенье
В волшебный мир наш скучный старый дом, —
А жизнь меж тем шла прежним чередом.

13

Предметы те ж, зимою, как и летом,
Реальный мир являл моим глазам:
Учителя ходили по билетам
Всё те ж ко мне: порхал по четвергам
Танцмейстер, весь пропитанный балетом,
Со скрипкою пискливой, и мне сам
Мой гувернер в назначенные сроки
Преподавал латинские уроки.

14

Он немец был от головы до ног,
Учен, серьезен, очень аккуратен,
Всегда к себе неумолимо строг
И не терпел на мне чернильных пятен.
Но, признаюсь, его глубокий слог
Был для меня отчасти непонятен,
Особенно когда он объяснял,
Чтó разуметь под словом «идеал».

15

Любезен был ему Страбон и Плиний,
Горация он знал до тошноты
И, чтó у нас так редко видишь ныне,
Высоко чтил художества цветы,
Причем закон волнообразных линий
Мне поставлял условьем красоты,
А чтоб система не пропала праздно,
Он сам и ел и пил волнообразно.

16

Достоинством проникнутый всегда,
Он формою был много озабочен.
«Das Formlose [1] — о, это есть беда!» —
Он повторял и обижался очень,
Когда себе кто не давал труда
Иль не умел в формальностях быть точен;
А красоты классической печать
Наглядно мне давал он изучать.

---

[1] Несовершенство формы (нем.). — *Ред.*

17

Он говорил: «Смотрите, для примера
Я несколько приму античных поз:
Вот так стоит Милосская Венера;
Так очертанье Вакха создалось;
Вот этак Зевс описан у Гомера;
Вот понят как Праксителем Эрос,
А вот теперь я Аполлоном стану», —
И походил тогда на обезьяну.

18

Я думаю, поймешь, читатель, ты,
Что вряд ли мог я этим быть доволен,
Тем более что чувством красоты
Я от природы не был обездолен;
Но у кого все средства отняты,
Тот слышит звон, не видя колоколен;
А слóва я хотя не понимал,
Но чуялся иной мне «идеал».

19

И я душой искал его пытливо —
Но чтó найти вокруг себя я мог?
Старухи тетки не были красивы,
Величествен мой не был педагог —
И потому, мне кажется, не диво,
Что типами их лиц я пренебрег,
И на одной из стен большого зала
Тип красоты мечта моя сыскала.

20

То молодой был женщины портрет,
В грацьозной позе. Несколько поблёк он,
Иль, может быть, показывал так свет
Сквозь кружевные занавесы окон.
Грудь украшал ей розовый букет,
Напудренный на плечи падал локон,
И, полный роз, передник из тафты
За кончики несли ее персты.

21

Иные скажут: «Живопись упадка!
Условная, пустая красота!»
Быть может, так; но каждая в ней складка
Мне нравилась, а тонкая черта
Мой юный ум дразнила как загадка:
Казалось мне, лукавые уста,
Назло глазам, исполненным печали,
Свои края чуть-чуть приподымали.

22

И странно то, что было в каждый час
В ее лице иное выраженье;
Таких оттенков множество не раз
Подсматривал в один и тот же день я:
Менялся цвет неуловимый глаз,
Менялось уст неясное значенье,
И выражал поочередно взор
Кокетство, ласку, просьбу иль укор.

23

Ее судьбы не знаю я поныне:
Была ль маркиза юная она,
Погибшая, увы, на гильотине?
Иль, в Питере блестящем рождена,
При матушке цвела Екатерине,
Играла в ломбр, приветна и умна,
И средь огней потемкинского бала
Как солнце всех красою побеждала?

24

Об этом я не спрашивал тогда
И важную на то имел причину:
Преодолеть я тайного стыда
Никак не мог — теперь его откину;
Могу, увы, признаться без труда,
Что по уши влюбился я в картину,
Так, что страдала несколько латынь, —
Уж кто влюблен, тот мудрость лучше кинь!

25

Наставник мой был мною недоволен,
Его чело стал омрачать туман;
Он говорил, что я ничем не болен,
Что это лень и что «wer will, der kann!».[1]
На этот счет он был многоглаголен
И повторял, что нам рассудок дан,
Дабы собой мы всё владели боле
И управлять учились нашей волей.

26

Был, кажется, поклонник Канта он,
Но в этот раз забыл его ученье,
Что «Ding an sich»,[2] лишь только воплощен,
Лишается свободного хотенья;
Я ж скоро был к той вере приведен,
Что наша воля плод предназначенья,
Зане я тщетно, сколько ни потел,
Хотел хотеть иное, чем хотел.

27

В грамматике, наместо скучных правил,
Мне виделся всё тот же милый лик;
Без счету мне нули наставник ставил —
Их получать я наконец привык,
Прилежностью себя я не прославил
И лишь поздней добился и постиг,
В чем состоят спряжения красо́ты.
О классицизм, даешься нелегко ты!

28

Всё ж из меня не вышел реалист —
Да извинит мне Стасюлевич это!
Недаром свой мне посвящала свист
Уж не одна реальная газета.
Я ж незлобив: пусть виноградный лист
Прикроет им небрежность туалета,
И пусть Зевес, чья сила велика,
Их русского сподобит языка!

---

[1] Кто хочет, тот сможет! (нем.) — *Ред.*
[2] Вещь в себе (нем.). — *Ред.*

29

Да, классик я — но до известной меры:
Я б не хотел, чтоб почерком пера
Присуждены все были землемеры,
Механики, купцы, кондуктора
Вергилия долбить или Гомера —
Избави бог! Не та теперь пора!
Для разных нужд и выгод матерьяльных
Желаю нам поболе школ реальных.

30

Но я скажу: не паровозов дым
И не реторты двинут просвещенье:
Свою к нему способность изощрим
Лишь строгой мы гимнастикой мышленья;
И мне сдается: прав мой омоним,
Что классицизму дал он предпочтенье,
Которого так прочно тяжкий плуг
Взрывает новь под семена наук.

31

Всё дело в мере... Впрочем, от предмета
Отвлекся я — вернусь к нему опять:
Те колебанья в линиях портрета
Потребностью мне стало изучать.
Ребячество, конечно, было это,
Но всякий вечер я, ложася спать,
Всё думал: как по螺миновaньи ночи
Мой встретят взор изменчивые очи!

32

Меня влекла их странная краса,
Как путника студеный ключ в пустыне.
Вставал я в семь, а ровно в два часа,
Отдав сполна дань скуке и латыне,
Благословлял усердно небеса.
Обедали в то время в половине
Четвертого. В час этот, в январе,
Уж сумерки бывают на дворе,

33

И всякий день, собрав мои тетради,
Умывши руки, пыль с воротничка
Смахнув платком, вихры свои пригладя
И совершив два или три прыжка,
Я шел к портрету наблюдений ради;
Само собой, я шел исподтишка,
Как будто вовсе не было мне дела,
Ка́к на меня красавица глядела.

34

Тогда пустой почти был темен зал,
Но беглый свет горящего камина
На потолке расписанном дрожал
И на стене, где виделась картина;
Ручной орган на улице играл;
То, кажется, Моца́рта каватина
Всегда в ту пору пела свой мотив,
И слушал я, взор в живопись вперив.

35

Мне чудилось в тех звуках толкованье
И тайный ключ к загадочным чертам;
Росло души неясное желанье,
Со счастьем грусть мешалась пополам;
То юности платил, должно быть, дань я.
Чего хотел, не понимал я сам,
Но что-то вслух уста мои шептали,
Пока меня к столу не призывали.

36

И, впечатленья дум моих храня,
Я нехотя глотал тарелку супа;
С усмешкой все глядели на меня,
Мое лицо, должно быть, было глупо.
Застенчивей стал день я ото дня,
Смотрел на всех рассеянно и тупо
И на себя родителей упрек
Не раз своей неловкостью навлек.

37

Но было мне страшней всего на свете,
Чтоб из больших случайно кто-нибудь
Заговорить не вздумал о портрете
Иль, хоть слегка, при мне упомянуть.
От мысли той (смешны бывают дети!)
Уж я краснел, моя сжималась грудь,
И казни б я подвергся уголовной,
Чтоб не открыть любви моей греховной.

38

Мне памятно еще до этих пор,
Какие я выдумывал уловки,
Чтоб изменить искусно разговор,
Когда предметы делались неловки;
А прошлый век, Екатеринин двор,
Роброны, пудра, фижмы иль шнуровки
И даже сам Державин, автор од,
Уж издали меня бросали в пот.

39

Читатель мой, скажи, ты был ли молод?
Не всякому известен сей недуг.
Пора, когда любви нас мучит голод,
Для многих есть не более как звук;
Нам на Руси любить мешает холод,
И, сверх того, за службой недосуг:
Немногие у нас родятся наги —
Большáя часть в мундире и при шпаге.

40

Но если, свет увидя между нас,
Ты редкое являешь исключенье
И не совсем огонь в тебе погас
Тех дней, когда нам новы впечатленья,
Быть может, ты поймешь, как в первый раз
Он озарил мое уединенье,
Как с каждым днем он разгорался вновь
И как свою лелеял я любовь.

41

Была пора то дерзостных догадок,
Когда кипит вопросами наш ум;
Когда для нас мучителен и сладок
Бывает платья шелкового шум;
Когда души смущенной беспорядок
Нам не дает смирить прибоя дум
И, без руля волнами их несомы,
Мы взором ищем берег незнакомый.

42

О, чудное мерцанье тех времен,
Где мы себя еще не понимаем!
О, дни, когда, раскрывши лексикон,
Мы от иного слова замираем!
О, трепет чувств, случайностью рожден,
Душистый цвет, плодом незаменяем,
Тревожной жизни первая веха́:
Бред чистоты с предвкусием греха!

43

Внимал его я голосу послушно,
Как лепетанью веющего сна...
В среде сухой, придирчивой и душной
Мне стало вдруг казаться, что *она*
К моей любви не вовсе равнодушна
И без насмешки смотрит с полотна;
И вскоре я в том новом выраженье
Участие прочел и ободренье.

44

Мне взор ее, казалось, говорил:
«Не унывай, крепись, настало время —
У нас с тобой теперь довольно сил,
Чтоб наших пут обоим скинуть бремя;
Меня к холсту художник пригвоздил,
Ты ж за ребенка почитаем всеми,
Тебя гнетут — но ты уже большой,
Давно тебя постигла я душой!

45

Тебе дано мне оказать услугу,
Пойми меня — на помощь я зову!
Хочу тебе довериться, как другу:
Я не портрет, я мыслю и живу!
В своих ты снах искал во мне подругу —
Ее найти ты можешь наяву!
Меня добыть тебе не трудно с бою —
Лишь доверши начатое тобою!»

46

Два целых дня ходил я как в чаду
И спрашивал себя в недоуменье:
«Как средство я спасти ее найду?
Откуда взять возможность и уменье?»
Так иногда лежащего в бреду
Задачи темной мучит разрешенье.
Я повторял: «Спасу ее — но как?
О, если б дать она могла мне знак!»

47

И в сумерки, в тот самый час заветный,
Когда шарманка пела под окном,
Я в зал пустой прокрался неприметно,
Чтобы мечтать о подвиге моем.
Но голову ломал себе я тщетно
И был готов ударить в стену лбом,
Как юного воображенья сила
Нежданно мне задачу разрешила.

48

При отблеске каминного огня
Картина как-то задрожала в раме,
Сперва взглянула словно на меня
Молящими и влажными глазами,
Потом, ресницы медленно склоня,
Свой взор на шкаф с узорными часами
Направила. Взор говорил: «Смотри!»
Часы тогда показывали три.

49

Я понял всё. Средь шума дня не смела
Одеться в плоть и кровь ее краса,
Но ночью — о, тогда другое дело!
В ночной тени возможны чудеса!
И на часы затем она глядела,
Чтоб этой ночью, ровно в три часа,
Когда весь дом покоится в молчанье,
Я к ней пришел на тайное свиданье.

50

Да, это так, сомнений боле нет!
Моей любви могущество без грани!
Коль захочу, я вызову на свет,
Что́ так давно мне видится в тумане!
Но только ночью оживет портрет —
Как я о том не догадался ране?!
И сладостно и жутко стало мне,
И бегали мурашки по спине.

51

Остаток дня провел я благонравно.
Приготовлял глаголы не тужа,
Долбил предлоги и зубрил исправно,
Какого каждый просит падежа;
Когда ходил, ступал легко и плавно,
Расположеньем старших дорожа,
И вообще старался в этот день я
Не возбудить чем-либо подозренья.

52

Сидели гости вечером у нас,
Я должен был, по принятой системе,
Быть налицо. Прескучная велась
Меж них беседа, и меня, как бремя,
Она гнела. Настал насилу час
Идти мне спать. Простившися со всеми,
Я радостно отправился домой —
Мой педагог последовал за мной.

53

Я тотчас лег и, будто утомленный,
Закрыл глаза, но долго он ходил
Пред зеркалом, наморща лоб ученый,
И свой вакштаф торжественно курил;
Но наконец снял фрак и панталоны,
В постелю влез и свечку погасил.
Должно быть, он заснул довольно сладко,
Меня ж трясла и била лихорадка.

54

Но время шло, и вот гостям пора
Настала разъезжаться. Понял это
Я из того, что стали кучера
Возиться у подъезда; струйки света
На потолке забегали; с двора
Последняя отъехала карета,
И в доме стихло всё. Свиданья ж срок —
Читатель помнит — был еще далек.

55

Теперь я должен — но не знаю, право,
Как оправдать себя во мненье дам?
На их участье потерял я право,
На милость их судьбу свою отдам!
Да, добрая моя страдает слава:
Как вышло то — не понимаю сам,
Но, в ожиданье сладостного срока,
Я вдруг заснул постыдно и глубоко...

56

Что видел я в том недостойном сне,
Моя лишь смутно память сохранила,
Но что ж могло иное сниться мне,
Как не она, кем сердце полно было?
Уставшая скучать на полотне,
Она меня забвением корила,
И стала совесть так моя тяжка,
Что я проснулся, словно от толчка.

57

В раскаянье, в испуге и в смятенье,
Рукой неверной спичку я зажег;
Предметов вдруг зашевелились тени,
Но, к счастью, спал мой крепко педагог;
Я в радостном увидел удивленье,
Что не прошел назначенный мне срок:
До трех часов — оно, конечно, мало —
Пяти минут еще недоставало.

58

И поспешил скорей одеться я,
Чтоб искупить поступок непохвальный;
Держа свечу, дыханье притая,
Тихонько вышел я из нашей спальной;
Но голова кружилася моя,
И сердца стук мне слышался буквально,
Пока я шел чрез длинный комнат ряд,
На зеркала́ бояся бросить взгляд.

59

Знал хорошо я все покои дома,
Но в непривычной тишине ночной
Мне всё теперь казалось незнакомо;
Мой шаг звучал как будто бы чужой,
И странно так от тени переломы
По сторонам и прямо надо мной
То́ стлалися, то на́ стену вспользали,—
Стараясь их не видеть, шел я дале.

60

И вот уже та роковая дверь —
Единый шаг — судьба моя решится, —
Но что-то вдруг нежданное теперь
Заставило меня остановиться.
Читатель-друг, ты верь или не верь —
Мне слышалось: «Не лучше ль воротиться?
Ты не таким из двери выйдешь той,
Каким войдешь с невинной простотой!»

61

То ангела ль хранителя был голос?
Иль тайный страх мне на ухо шептал?
Но с опасеньем страсть моя боролась,
А ложный стыд желанье подстрекал.
«Нет! — я решил — и на затылке волос
Мой поднялся. — Прийти я обещал!
Какое там ни встречу испытанье,
Мне честь велит исполнить обещанье!»

62

И повернул неверною рукой
Замкóвую я ручку. Отворилась
Без шума дверь: был сумрачен покой,
Но бледное сиянье в нем струилось;
Хрустальной люстры отблеск голубой
Мерцал в тени, и тихо шевелилась
Подвесок цепь, напоминая мне
Игру росы на листьях при луне.

63

И был ли то обман воображенья
Иль истина — по залу пронеслось
Как свежести какой-то дуновенье,
И запах мне почувствовался роз.
Чудесного я понял приближенье,
По телу легкий пробежал мороз,
Но превозмог я скоро слабость эту
И подошел с решимостью к портрету.

64

Он весь сиял, как будто от луны,
Малейшие подробности одежды,
Черты лица все были мне видны,
И томно так приподымались вежды,
И так глаза казалися полны
Любви, и слез, и грусти, и надежды,
Таким горели сдержанным огнем,
Как я еще не видывал их днем.

65

Мой страх исчез. Мучительно-приятно
С томящей негой жгучая тоска
Во мне в один оттенок непонятный
Смешалися. Нет в мире языка
То ощущенье передать: невнятно
Мне слышался как зов издалека,
Мне словно мир провиделся надзвездный —
И чуялась как будто близость бездны.

66

И думал я: нет, то была не ложь,
Когда любить меня ты обещала!
Ты для меня сегодня оживешь —
Я здесь — я жду — за чем же дело стало?
Я взор ее ловил — и снова дрожь,
Но дрожь любви, по жилам пробегала,
И ревности огонь, бог весть к кому,
Понятен стал безумью моему.

67

Возможно ль? Как? Недвижна ты доселе?
Иль взоров я твоих не понимал?
Иль, чтобы мне довериться на деле,
Тебе кажусь ничтожен я и мал?
Иль я ребенок? Боже! Иль ужели
Твою любовь другой себе стяжал?
Кто он? Когда? И по какому праву?
Пускай придет со мною на расправу!

68

Так проходил, средь явственного сна,
Все муки я сердечного пожара...
О бог любви! Ты молод как весна,
Твои ж пути, как мирозданье, стары!
Но вот как будто дрогнула стена,
Раздался шип — и мерных три удара,
В ночной тиши отчетисто звеня,
Взглянуть назад заставили меня.

69

И их еще не замерло дрожанье,
Как изменился вдруг покоя вид:
Исчезли ночь и лунное сиянье,
Зажглися люстры; блеском весь облит,
Казалось, вновь, для бала иль собранья,
Старинный зал сверкает и горит,
И было в нем — я видеть мог свободно —
Всё так свежо и вместе старомодно.

70

Воскресшие убранство и красу
Минувших дней узнал я пред собою;
Мой пульс стучал, как будто бы несу
Я кузницу в груди; в ушах с прибою
Шумела кровь — так в молодом лесу
Пернатых гам нам слышится весною;
Так пчел рои, шмелям гудящим в лад,
В июльский зной над гречкою жужжат.

71

Что ж это? Сон? И я лежу в постеле?
Но нет, вот раму щупает рука —
Я точно здесь — вот ясно проскрипели
На улице полозья... С потолка
Посыпалася известь; вот в панели
Как будто что-то треснуло слегка...
Вот словно шелком вдруг зашелестило...
Я поднял взор — и дух мне захватило.

72

Всё в том же положении, она
Теперь почти от грунта отделялась;
Уж грудь ее, свечьми озарена,
По временам заметно подымалась;
Но отрешить себя от полотна
Она вотще как будто бы старалась,
И ясно мне всё говорило в ней:
О, захоти, о, захоти сильней!

73

Всё, что я мог сосредоточить воли,
Всё на нее теперь я устремил,
Мой страстный взор живил ее всё боле,
И, видимо, ей прибавлялось сил;
Уже одежда зыблилась, как в поле
Под легким ветром зыблется ковыль,
И всё слышней ее шуршали волны,
И вздрагивал цветов передник полный.

74

«Еще, еще! Хоти еще сильней!» —
Так влажные глаза мне говорили;
И я хотел всей страстию моей —
И от моих, казалося, усилий
Свободнее всё делалося ей, —
И вдруг персты передник упустили —
И ворох роз, покоившихся в нем,
К моим ногам посыпался дождем.

75

Движеньем плавным платье расправляя,
Она сошла из рамы на паркет;
С террасы в сад, дышать цветами мая,
Так девушка в шестнадцать сходит лет;
Но я стоял, еще не понимая,
Она ли то передо мной иль нет,
Стоял, немой от счастья и испуга, —
И молча мы смотрели друг на друга.

76

Когда бы я гвардейский был гусар
Или хотя полковник инженерный,
Искусно б мой я выразил ей жар
И комплимент сказал бы ей примерный;
Но нé дан был развязности мне дар,
И стало так неловко мне и скверно,
Что я не знал, стоять или шагнуть,
А долг велел мне сделать что-нибудь.

77

И, мой урок припомня танцевальный,
Я для поклона сделал два шага;
Потом взял вбок; легко и натурально
Примкнулась к левой правая нога,
Отвисли обе руки вертикально,
И я пред ней согнулся как дуга.
Она ж, как скоро выпрямил я тело,
Насмешливо мне до полу присела.

78

Но между нас, теперь я убежден,
Происходило недоразуменье,
И мой она классический поклон,
Как видно, приняла за приглашенье
С ней танцевать. Я был тем удивлен,
Но вывести ее из заблужденья
Мешала мне застенчивость моя, —
И руку ей, конфузясь, подал я.

79

Тут тихо, тихо, словно издалёка,
Послышался старинный менуэт:
Под говор струй так шелестит осока,
Или, когда вечерний меркнет свет,
Хрущи, кружась над липами высоко,
Поют весне немолчный свой привет,
И чудятся нам в шуме их полета
И вьолончеля звуки и фагота.

80

И вот, держася за руки едва,
В приличном друг от друга расстоянье,
Под музыку мы двинулись сперва,
На цыпочках, в торжественном молчанье.
Но, сделавши со мною тура два,
Она вдруг стала, словно в ожиданье,
И вырвался из свежих уст ея
Веселый смех, как рокот соловья.

81

Поступком сим обиженный немало,
Я взор склонил, достоинство храня.
«О, не сердись, мой друг, — она сказала, —
И не кори за ветреность меня!
Мне так смешно! Поверь, я не встречала
Таких, как ты, до нынешнего дня!
Ужель пылал ты страстью неземною
Лишь для того, чтоб танцевать со мною?»

82

Чтó отвечать на это — я не знал,
Но стало мне невыразимо больно:
Чего ж ей надо? В чем я оплошал?
И отчего она мной недовольна?
Не по ее ль я воле танцевал?
Так что же тут смешного? И невольно
Заплакал я, ища напрасно слов,
И ненавидеть был ее готов.

83

Вся кровь во мне кипела, негодуя,
Но вот нежданно, в этот самый миг,
Меня коснулось пламя поцелуя,
К моей щеке ее примкнулся лик;
Мне слышалось: «Не плачь, тебя люблю я!»
Неведомый восторг меня проник,
Я обмер весь — она же, с лаской нежной,
Меня к груди прижала белоснежной.

84

Мои смешались мысли. Но не вдруг
Лишился я рассудка и сознанья:
Я ощущал объятья нежных рук
И юных плеч живое прикасанье;
Мне сладостен казался мой недуг,
Приятно было жизни замиранье,
И медленно, блаженством опьянен,
Я погрузился в обморок иль сон...

85

Не помню, как я в этом самом зале
Пришел в себя — но было уж светло;
Лежал я на диване; хлопотали
Вокруг меня родные; тяжело
Дышалось мне; бессвязные блуждали
Понятья врозь; меня — то жаром жгло,
То вздрагивал я, словно от морозу, —
Поблекшую рука сжимала розу...

86

Свиданья был то несомненный след —
Я вспомнил ночь — забилось сердце шибко,
Украдкою взглянул я на портрет:
Вкруг уст как будто зыблилась улыбка,
Казался смят слегка ее букет,
Но стан уже не шевелился гибкий,
И, полный роз, передник из тафты
Держали вновь недвижные персты.

87

Меж тем родные — слышу их как ныне —
Вопрос решали: чем я занемог?
Мать думала — то корь. На скарлатине
Настаивали тетки. Педагог
С врачом упорно спорил по-латыне,
И в толках их, как я расслышать мог,
Два выраженья часто повторялись:
Somnambulus и febris cerebralis...[1]

Зима 1872 — осень 1873

---

[1] Лунатик и мозговая горячка (лат.). — *Ред.*

147. ДРАКОН

Рассказ XII века
(С итальянского)

Посвящается Я. П. Полонскому

1

В те дни, когда на нас созвездье Пса
Глядит враждебно с высоты зенита,
И свод небес, как тяжесть, оперся

2

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжет без лучей, и бегают стада
С мычанием, ища от мух защиты,—

3

В те дни любил с друзьями я всегда
Собора тень и вечную прохладу,
Где в самый зной дышалось без труда

4

И где нам был, средь отдыха, отрадой
Разнообразной живописи вид
И полусвет, не утомлявший взгляда.

5

Одна купель близ входа там стоит,
Старинная, из камня иссечёна,
Крылатым столб чудовищем обвит.

6

Раз, отдыхом и тенью освежёны,
Друзья купель рассматривали ту
И чудный столб с изгибами дракона.

7

Хвалили все размеров красоту
И мастера затейную работу;
Но я сказал: «Я вымыслов не чту:

8

Меня смешит ваятеля забота
Такую ложь передавать резцом», —
И потрунить взяла меня охота.

9

Тут некий муж, отмеченный рубцом,
Дотоль стоявший молча возле двери,
Ко мне со строгим подошел лицом:

10

«Смеешься ты, художнику не веря, —
Так он сказал, — но если бы, как я,
Подобного ты в жизни встретил зверя,

11

Клянусь, прошла веселость бы твоя!»
Я ж отвечал: «Тебе я не в досаду
Сказал, что́ думал, мысли не тая;

12

Но если впрямь такого в жизни гада
Ты повстречал, то (коль тебе не в труд),
Пожалуй, нам всё расскажи по ряду!»

13

И начал он: «В Ломбардии зовут
Меня Арнольфо. Я из Монцы родом
И оружейник был до наших смут;

14

Когда ж совет в союз вошел с народом,
Из первых я на гибеллинов встал
И не одним горжусь на них походом.

15

Гиберто Кан стяг вольности держал;
То кондотьер был в битвах знаменитый,
Но близ Лугано, раненый, он пал.

16

Враги, наш полк преследуя разбитый,
Промчались мимо, и с вождем лишь я
Для помощи остался и защиты.

17

«Арнольфо, — мне сказал он, — смерть моя
Сейчас придет, — тебя ж надеждой рая
Молю: спеши в Кьявенну; пусть друзья

18

Ведут войска, минуты не теряя;
Они врасплох застанут вражью рать», —
И перстень свой в залог он, умирая,

19

Мне передал. Я времени терять
Не много мог, чтобы исполнить дело,
И, в помощь взяв господню благодать,

20

А мертвое плащом покрывши тело,
Проведать шел, где отдохнут враги
И много ли из наших уцелело.

21

Шум сечи смолк, и вóроны круги
Над трупами уже чертили с криком —
Как за собой услышал я шаги.

22

То Гвидо был. Ко мне с беспечным ликом
За повод вел он сильного коня,
Им взятого в смятенье том великом.

23

Учеником жил прежде у меня
Он в мастерской, и ныне, после боя,
Меня нашел, любовь ко мне храня.

24

Когда ж узнал, послание какое
Вождем убитым мне поручено,
Идти к друзьям он вызвался со мною.

25

Я, преданность ценя его давно,
Тому был рад и думал: вместе оба
Вернее мы достигнем цели — но,

26

Когда бы знал, как близко нас ко гробу
Он подведет отвагой молодой,
Его любви я предпочел бы злобу,

27

Я был верхом; он следовал пешой;
Нерадостен был путь, и не веселье
Моей владело сумрачной душой.

28

В стране кьявеннской не бывал досель я,
Но Гвидо был. И, ведомых путей
С ним избегая, в тесное ущелье

29

Свернули мы, где солнечных лучей
Не пропускали тени вековые,
Навстречу ж нам, шумя, бежал ручей.

30

Лишь тут снял шлем с усталой головы я
И в отдаленье ясно услыхал,
Как колокол звонил к «Ave Maria».[1]

---

[1] «Радуйся, Мария» (лат.). — *Ред.*

31

И тяжело средь этих мрачных скал,
И душно так, как бы в свинцовом скрине,
Мне сделалось. «О Гвидо, — я сказал, —

32

Недоброе предчувствие мне ныне
Сжимает грудь: боюся, что с пути
Собьемся мы тут, в каменной пустыне!»

33

«Маэстро, — мне ответил он, — прости:
Сюда свернув, ошибся я немного,
Иным ущельем было нам идти!»

34

И прежнюю отыскивать дорогу
Пустились мы; но, видно, взять у нас
Рассудок наш угодно было богу:

35

Куда ни направлялись, каждый раз
Ущелье мы, казалось, видим то же,
Их различать отказывался глаз,

36

Так меж собой они все были схожи:
Такая ж темь; такой же в ней ручей
Навстречу нам шумел в гранитном ложе;

37

И, чем мы путь искали горячей,
Тем боле мы теряли направленье;
Без отдыха и не сомкнув очей,

38

Бродили мы всю ночь в недоуменье.
Когда ж, для нас незримая, заря
На высотах явила отраженье,

39

«Довольно нам, — сказал я, — рыскать зря!
Взойдем сперва на ближнюю вершину,
Чтоб местность обозреть». Так говоря,

40

Сошел с коня я. К дикому ясмину
Его за повод Гвидо привязал,
И, брони сняв, мы темную долину

41

Покинули. Держась за ребра скал,
Мы лезли вверх и лишь на полдороги,
Среди уступа, сделали привал.

42

От у́стали мои дрожали ноги;
Меж тем густой, поднявшися, туман
Долину скрыл и горные отроги.

43

И стал я думать, грустью обуян:
«Нет, не поспеть мне вовремя в Кьявенну
И не повесть друзей на вражий стан!»

44

В тумане тут, мне показалось, стену
Зубчатую увидел я. Она,
Согнутая во многие колена,

45

С крутой скалы спускалася до дна
Ущелия, наполненного мглою,
И им была от нас отделена.

46

«Друг, — я сказал, — ты с этою страною
Давно знаком; вглядись и распознай:
Какой я замок вижу предо мною?»

47

А он в ответ: «Мне ведом этот край,
Но замка нет отсюда до Кьявенны
Ни одного. Обмануты мы, чай,

48

Игрой тумана. Часто перемены
Он странные являет между гор
И создает то башни в них, то стены».

49

Так он ко мне. Но, устремив мой взор
Перед собой, я напрягал вниманье,
Туман же всё редел с недавних пор;

50

И только он рассеялся — не зданье
Нам показал свободный солнца свет,
Но чудное в утесе изваянье:

51

Что́ я стеной считал, то был хребет
Чудовища, какому и примера,
Я полагал, среди живущих нет.

52

И я, глазам едва давая веру,
Ко Гвидо обратился: «Должен быть
Сей памятник, столь дивного размера,

53

Тебе известен; он, конечно, нить
Нам в руки даст, чтоб выбраться отсюда,
Спеши ж по нем наш путь сообразить!»

54

Но он в ответ: «Клянусь, сего я чуда
Не знал досель, и никогда о нем
Не слыхивал от здешнего я люда.

55

Не христианским, думаю, резцом
Зверь вытесан. Мы древнего народа
Узнаем труд, коль ближе подойдем».

56

«А не могла ль, — заметил я, — природа
Подобие чудовища создать,
Как создает она иного рода

57

Диковины?» Но только лишь сказать
Я то успел, сам понял, сколь напрасна
Такая мысль. Не случая печать

58

Являли члены гадины ужасной,
Но каждая отчетливо в ней часть
Изваяна рукой, казалось, властной:

59

Сомкнутая, поднявшись, щучья пасть
Ждала как будто жертвы терпеливо,
Чтоб на нее, отверзшися, напасть;

60

Глаза глядели тускло и сонливо;
На вытянутой шее поднята,
Костлявая в зубцах торчала грива;

61

Скрещенные вдоль длинного хребта,
Лежали, в складках, кожаные крылья;
Под брюхом лап виднелася чета.

62

Спинных чешуй казалось изобилье
Нескладной кучей раковин морских
Иль старой черепицей, мхом и пылью

63

Покрытою. А хвост, в углах кривых,
Терялся в темной бездне. И когда бы
Я должен был решить: к числу каких

64

Тот зверь пород принадлежит, то я бы
Его крылатой щукою назвал
Иль помесью от ящера и жабы.

65

И сам себя еще я вопрошал:
К чему мог быть тот памятник воздвигнут?
Как вдруг от страшной мысли задрожал,

66

Внезапным опасением постигнут:
«А что, — сказал я, — если этот зверь
Не каменный, но адом был изрыгнут,

67

Чтоб за грехи нас наказать? Поверь,
Коль гвельфов он, имперцам на потеху,
Прислáн терзать — он с нас начнет теперь!»

68

Но, ветрено предавшись Гвидо смеху,
«Немного же, — сказал, — получит ад
От своего создания успеху!

69

Смотри, как смирно ласточки сидят
На голове недвижной, а на гриве
Чирикает веселых пташек ряд —

70

Ужели их мы будем боязливей?
Смотри еще: со цветом этих скал
Цвет идола один; не схожей в ниве

71

Две полосы!» И громко продолжал
Смеяться он, как вдруг внизу тревожно
Наш конь, к кусту привязанный, заржал;

72

И видеть нам с уступа было можно,
Как бился он на привязи своей,
Подковами взметая прах подножный.

73

Я не сводил с чудовища очей,
Но жизни в нем не замечал нимало, —
Когда внезапно, молнии быстрей,

74

Из сжатых уст, крутясь, явилось жало,
Подобное мечу о двух концах,
На воздухе мелькая, задрожало —

75

И спряталось. Невыразимый страх
Мной овладел. «Бежим, — сказал я, — Гвидо,
Бежим, пока мы не в его когтях!»

76

Но, робости не показав и вида,
«Ты знаешь сам, маэстро, — молвил он, —
Какая то для ратника обида

77

Была бы, если б, куклой устрашен,
Он убежал. Я ж об заклад побьюся,
Что наяву тебе приснился сон;

78

Взгляни еще на идола, не труся:
Изваянный то зверь, а не живой,
И доказать я то тебе беруся!»

79

Тут, камень взяв, он сильною рукой
С размаха им пустил повыше уха
В чудовище. Раздался звук такой,

80

Так резко крякнул камень и так сухо,
Как если бы о кожаный ты щит
Хватил мечом. Тут втягиваться брюхо

81

Его как будто стало. Новый вид
Глаза прияли, тусклые дотоле:
Казалось — огнь зеленый в них горит.

82

Меж тем, сжимаясь медленно всё боле,
Стал подбираться к туловищу хвост,
Тащась из бездны словно поневоле.

83

Крутой хребет, как через реку мост,
Так выгнулся, и мерзостного гада
Еще страшней явился страшный рост.

84

И вот глаза зардели, как лампады, —
Под тяжестью ожившею утес
Затрепетал — и сдвинулась громада,

85

И поползла... Мох, травы, корни лоз —
Всё, что срастись с корой успело змея,
Всё выдернув, с собою он понес.

86

Сырой землей запахло; мы ж, не смея
Дохнуть, лежали ниц, покуда он
Сполз с высот, чем дале, тем быстрее;

87

И слышался под ним такой же стон,
Как если с гор, на тормозе железном,
Съезжал бы воз, каменьем нагружен.

88

Ответный гул по всем пронесся безднам,
И не могло нам в мысль уже прийти
Искать спасенья в бегстве бесполезном.

89

Равно ж как тормоз на своем пути
Всё боле накаляется от тренья,
Так, где дракон лишь начинал ползти,

90

Мгновенно сохли травы и коренья,
И дымный там за ним тащился след,
И сыпался гранит от сотрясенья.

91

«О Гвидо, Гвидо, сколько новых бед
Навлек на край неверьем ты упорным!» —
Так я к нему; а Гвидо мне в ответ:

92

«Винюся я в моем поступке вздорном,
Но вон, смотри: там конь внизу бежит,
За ним же змей ущельем вьется горным!»

93

Плачевный тут представился нам вид:
Сорвавшийся с поводьев, устрашенный,
Предсмертной пеной белою покрыт,

94

Наш конь скакал, спасаясь от дракона,
Скакал во всю отчаянную прыть,
И бились о бока его стремёна.

95

Но чудище, растянутое в нить,
Разинутою пастью норовило
Как бы ловчей бегущего схватить;

96

И вот оно, нагнав его, схватило
За самую за холку поперек
И со седлом и сбруей проглотило,

97

Как жаба муху. Судороги ног
Лишь видели мы в пасти на мгновенье —
И конь исчез. Едва дышать я мог,

98

Столь сильное на сердце впечатленье
То зрелище мне сделало. А там,
В ущелье, виться продолжали звенья

99

Змеиного хребта, и долго нам
Он виден был, с своею гривой странной,
Влекущийся по камням и кустам,

100

Свое меняя место беспрестанно,
То исчезая в темной глубине,
То вновь являясь где-нибудь нежданно.

101

И Гвидо, обращаяся ко мне,
Сказал: «Когда б я, столько виноватый,
Но столь в своей раскаянный вине,

102

Смел дать совет: мы, времени без траты,
Должны уйти туда, на выси гор,
Где дружелюбно будем мы приняты

103

От камнетесов, что́ с недавних пор
Выламывают мрамор, из него же
В Кьявенне новый строится собор;

104

А змей, по мне, не на вершинах ложе,
Но близ долин скорее изберет,
Где может жить, вседневно жертвы множа».

105

Я юноше доверился, и вот
Карабкаться мы кверху стали снова
И в полдень лишь достигли до высот.

106

Нигде кругом жилища никакого
Не видно было. Несколько озер
Светилося, одно возле другого;

107

Ближайшее на полускате гор
Раскинулось, пред нами недалёко;
Когда же вниз отвесно пал наш взор,

108

У наших ног, как в ендове глубокой,
Узнали мы поляну, где вчера
Нас жеребий войны постиг жестокий,

109

И поняли мы тут, что до утра
Всю ночь мы вкруг побоища плутали,
Пока нас тьмы морочила пора.

110

Разбросаны, внизу еще лежали
Тела друзей и кони между них
Убитые. Местами отблеск стали

111

Отсвечивал меж злаков полевых,
И сытые сидели птицы праздно
На кучах тел и броней боевых.

112

Вдруг крик меж них поднялся несуразный,
И началось маханье черных крыл
И перелет тревожный. Безобразный

113

То змей от гор извивы к ним влачил
И к полю полз, кровь издали почуя.
Тут жалости мне передать нет сил,

114

Объявшей нас, и слов не нахожу я
Сказать, какой нам холод сердце сжал,
Когда пришлось, бессильно негодуя,

115

Смотреть, как он немилосердно жрал
Товарищей и с ними, без разбора,
Тела коней издохших поглощал

116

Иль, вскинув пасть, стремительно и скоро
Хватал ворон крикливых на лету,
За трупы с ним не прерывавших спора.

117

Картину я когда припомню ту,
Набросить на нее хотел бы тень я,
Но в прежнем всё стоит она свету!

118

В нас с ужасом мешалось омерзенье,
Когда над кровью скорчившийся змей,
Жуя тела, кривился в наслажденье;

119

И с чавканьем зубастых челюстей
В безветрии к нам ясно долетали
Доспехов звяк и хрупанье костей.

120

Между людьми на свете есть едва ли,
Кто бы такое горе ощутил,
Как в этот час мы с Гвидо ощущали.

121

И долго ль зверь бесчестье наносил
Телам, иного ждавшим погребенья, —
Не ведаю. С утра лишенный сил,

122

На землю я упал в изнеможенье,
И осенил меня глубокий сон,
И низошло мне на душу забвенье.

123

Когда, рукою Гвидо разбужен,
Я поднялся, в долинах уж стемнело,
На западе ж багровый небосклон

124

Пылал пожаром. Озеро горело
В полугоре, как в золотом огне,
И обратился к другу я несмело:

125

«В какой, скажи, о Гвидо, мы стране?
Какое с нами горе иль обида
Случилися? Скажи мне всё, зане

126

В моей душе звучит как панихида,
Но в памяти нет мысли ни одной!»
И прежде, чем успел ответить Гвидо,

127

Я вспомнил всё: с имперцами наш бой,
И смерть вождя, и бегство от дракона.
«Где он? — вскричал я. — Где наш недруг злой?

128

Нам от него возможна ль оборона?
Иль нам бежать в ущелий тесноту
И спрятаться во глубь земного лона?»

129

Но Гвидо, палец приложа ко рту,
«Смотри, — шепнул мне с видом опасенья, —
Смотри сюда, на эту высоту!»

130

И, следуя руки его движенью,
Страшилище я снова увидал,
Как, медленно свои вращая звенья,

131

Оно вползало, меж померкших скал,
На верх одной, от прочих отделенной,
Что солнца луч последний освещал.

132

Свой гордо зев подняв окровавленный,
На острый верх взобравшийся дракон
Как некий царь с зубчатою короной

133

Явился там. Закатом озарен,
Как выкован из яркой красной меди,
На небе так вырезывался он.

134

Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медведи
Столь не страшны! Никто б не изобрел
Такую тварь, хотя б в горячке бредя!

135

Когда ж совсем исчез во мраке дол,
А ночь вверху лишь только наступала,
Свои он крылья по ветру развел,

136

И кожа их, треща, затрепетала,
Подобно как в руках у наших жен,
Раскрывшися, трепещут опахала.

137

Его хребет казался напряжен,
И, на когтях всё подымаясь выше,
Пуститься в лёт готовился дракон.

138

Меж тем кругом всё становилось тише
И всё темней. И вот он взвизгнул вдруг,
Летучие как взвизгивают мыши,

139

И сорвался. Нас охватил испуг,
Когда, носясь у нас над головами,
Он в сумерках чертил за кругом круг

140

И воздух бил угластыми крылами,
Не как орел, в поднебесье паря,
Но вверх и вниз метаяся зубцами,

141

Неровный лёт являл нетопыря,
И виден был отчетисто для ока
На полосе, где скрылася заря.

142

Нас поражал то близко, то далёко,
То возле нас, то где-нибудь с высот
Зловещий визг, пронзительно-жестокий,

143

Так не один свершал он поворот
Иль, крылья вдруг поджав, как камень веский,
Бросался вниз, и возмущенных вод

144

Средь озера нам слышалися всплески,
И он опять взлетал и каждый раз
Пускал опять свой визг зловеще-резкий.

145

Проклятый зверь чутьем искал ли нас
Или летал по воздуху без цели —
Не знали мы; но, не смыкая глаз,

146

Настороже всю ночь мы просидели,
Усталостью совсем изнурены
(Вторые сутки мы уже не ели!).

147

С рассветом дня спуститься с вышины
Решились мы, лишь голоду послушны;
А чудище исчезло ль из страны

148

Иль нет — к тому мы стали равнодушны,
Завидуя уж нищим и слепцам,
Что по миру сбирают хлеб насущный...

149

И долго так влачилися мы там,
Молясь: «Спаси, пречистая Мария!»
Она же, вняв, послала пищу нам:

150

Мы ягоды увидели лесные,
Алевшие по берегу ручья,
Что воды мчал в долину снеговые.

151

И речь того не выразит ничья,
Как укрепил нас этот дар нежданный,
А с ним воды холодная струя!

152

Сбиваяся с дороги беспрестанно,
По солнцу наш отыскивая путь,
Достигли поздно цели мы желанной;

153

Но что за вид стеснил тогда нам грудь!
В кьявеннские воткнуты были стены
Знамена гибеллинов! Проклят будь

154

Раздора дух, рождающий измены!
Не в приступе отчаянном взята
Врагом упорным крепкая Кьявенна —

155

Без боя гибеллинам ворота
Отверзли их сторонники! Без боя
Италия германцу отперта!

156

И, зрелище увидя мы такое,
Заплакали, и показалось нам
Пред ним ничтожно всё страданье злое,

157

Что мы доселе испытали. Срам
И жажда мести овладели нами.
Так в город мы пробралися к друзьям,

158

Но уж друзья теперь, во страхе, сами
Спасалися от мщения врагов
И вольности поднять не смели знамя.

159

Они родной сбирались бросить кров
И где-нибудь сокрыться в подземелье,
Чтобы уйти от казни иль оков.

160

Узнав от нас, что горные ущелья
Чудовищем ужасным заняты,
Подумали они, что мы с похмелья

161

То говорим, и наши тесноты,
И всё, что мы недавно испытали,
За выдумки сочли иль за мечты.

162

В неслыханной решились мы печали
Направиться обратно на Милан,
Но не прямой мы путь к нему держали:

163

Захваченных врагом минуя стран,
На Ко́лико мы шли, на Леньончино,
На Лекко и на Бе́ргамо, где стан

164

Немногих от рассеянной дружины
Оставшихся товарищей нашли
(Убито было боле половины,

165

Другие же, вблизи или вдали,
Неведомо скитались). Бергамаски,
Чьи консулы совет еще вели:

166

К кому пристать? — не оказали ласки
Разбитым гвельфам, их же в город свой
Не приняли; однако, без огласки,

167

Отправили от думы городской
Им хлеба и вина, из состраданья,
Не требуя с них платы никакой.

168

И тяжело и радостно свиданье
Меж нами было; а когда слезам,
Расспросам и ответам отдал дань я,

169

«Товарищи, — сказал я, — стыдно нам
Врозь действовать иль ждать сложивши руки,
Чтоб враг прошел по нашим головам!

170

Ломбардии невзгоды все и муки
Лишь от раздоров наших рождены
И от измены круговой поруке!

171

Хоть мало нас, поклясться мы должны,
Что гвельфскому мы не изменим стягу
И не примкнем к теснителям страны!»

172

Так прежнюю в них возбудив отвагу,
Я их в Милан с собой и с Гвидо звал,
Они ж клялись не отставать ни шагу.

173

Тут случай мне их испытать предстал:
Где через Ольо вброд есть переправа,
На супротивном берегу стоял

174

Маркезе Монферрато, нам кровавый
Прием готовя. Бога в помощь взяв
И вынув меч, я бросился на славу

175

В средину волн. За мной, кто вброд, кто вплавь,
Пустились все, пересекая воду,
И берега достигли. Но стремглав

176

На нас враги, вплоть подступя ко броду,
Ударили, и прежде, чем я мог
На сушу стать, их вождь, не дав мне ходу,

177

Лоб топором рассек мне поперек,
И навзничь я ударом опрокинут,
Без памяти, обратно пал в поток.

178

Пятнадцать лет весною ровно минут,
Что свет дневной я снова увидал.
Но, боже мой! Доселе жилы стынут,

179

Как вспомню, что́, очнувшись, я узнал
От благодушных иноков аббатства,
Меня которым Гвидо передал,

180

Сам раненный, когда он от злорадства
Имперцев жизнь мою чудесно спас
И сам искал убежища у братства!

181

Италии настал последний час!
Милан был взят! Сдалась без обороны
Германцам Брешья! Крема им сдалась!

182

С приветствием к ним консулы Кремоны
Пошли навстречу, лишь к ее стенам
Германские приблизились бароны!

183

Павия ликовала. Горе нам!
Не чуждыми — ломбардскими руками
Милан разрушен! Вечный стыд и срам!

184

Мы поняли теперь, зачем пред нами
Явился тот прожорливый дракон,
Когда мы шли Кьявеннскими горами:

185

Ужасное был знамение он,
Ряд страшных бед с ним предвещала встреча,
Начало долгих, горестных времен!

186

Тот змей, что, всё глотая иль увеча,
От нашей крови сам жирел и рос,
Был кесаря свирепого предтеча!

187

Милан пал в прах — над ним же вознеслось
Всё низкое, что пресмыкалось в прахе,
Всё доброе низвержено. Пришлось,

188

В ком честь была, тому скрываться в страхе,
Иль дни влачить в изгнании, как я,
Иль погибать, как многие, на плахе.

189

Проклятье ж вам, поддельные друзья,
Чтó языком клялись служить свободе,
Внутри сердец измену ей тая!

190

Из века в век вас да клянут в народе
И да звучат позором вековым
Названья ваши: Асти, Реджьо, Лоди!

191

Вы, чрез кого во прахе мы лежим, —
Пьяченца, Комо, Мантуа, Кремона!
Вы, чьи уста, из злобы ко своим,

192

Призвали в край германского дракона!» —
Ломбардец так рассказ окончил свой
И отошел. Им сильно потрясёны,

193

Молчали мы. Меж тем палящий зной
Успел свалить, и, вышед из собора,
На площади смешались мы с толпой,
Обычные там ведшей разговоры.

Весна — лето 1875

II

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

148

Как филин поймал летучую мышь,
Когтями сжал ее кости,
Как рыцарь Амвросий с толпой удальцов
К соседу сбирается в гости.
Хоть много цепей и замко́в у ворот,
Ворота хозяйка гостям отопрет.

«Что ж, Марфа, веди нас, где спит твой старик?
Зачем ты так побледнела?
Под за́мком кипит и клубится Дунай,
Ночь скроет кровавое дело.
Не бойся, из гроба мертвец не встает,
Что́ будет, то будет, — веди нас вперед!»

Под за́мком бежит и клубится Дунай,
Бегут облака полосою;
Уж кончено дело, зарезан старик,
Амвросий пирует с толпою.
В кровавые воды глядится луна,
С Амвросьем пирует злодейка жена.

Под за́мком бежит и клубится Дунай,
Над за́мком пламя пожара.
Амвросий своим удальцам говорит:
«Всех резать — от мала до стара!
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты впустила веселых гостей!»

Сверкая, клубясь, отражает Дунай
Весь за́мок, пожаром объятый;
Амвросий своим удальцам говорит:

«Пора уж домой нам, ребята!
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты впустила веселых гостей!»

Над Марфой проклятие мужа гремит,
Он проклял ее, умирая:
«Чтоб сгинула ты и чтоб сгинул твой род,
Сто раз я тебя проклинаю!
Пусть вечно иссякнет меж вами любовь,
Пусть бабушка внучкину высосет кровь!

И род твой проклятье мое да гнетет,
И места ему да не станет
Дотоль, пока замуж портрет не пойдет,
Невеста из гроба не встанет
И, череп разбивши, не ляжет в крови
Последняя жертва преступной любви!»

Как филин поймал летучую мышь,
Когтями сжал ее кости,
Как рыцарь Амвросий с толпой удальцов
К соседу нахлынули в гости.
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты впустила веселых гостей!

⟨1841⟩

149. БЛАГОВЕСТ

Среди дубравы
Блестит крестами
Храм пятиглавый
С колоколами.

Их звон призывный
Через могилы
Гудит так дивно
И так уныло!

К себе он тянет
Неодолимо,
Зовет и манит
Он в край родимый,

В край благодатный,
Забытый мною, —
И, непонятной
Томим тоскою,

Молюсь, и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого;

Далеко странствуя
Мечтой чудесною,
Через пространства я
Лечу небесные,

И сердце радостно
Дрожит и тает,
Пока звон благостный
Не замирает...

1840-е годы

150. ПУСТОЙ ДОМ

Стоит опустелый над сонным прудом,
    Где ивы поникли главой,
На славу Растреллием строенный дом,
    И герб на щите вековой.
Окрестность молчит среди мертвого сна,
На окнах разбитых играет луна.

Сокрытый кустами, в забытом саду
    Тот дом одиноко стоит;
Печально глядится в зацветшем пруду
    С короною дедовский щит...
Никто поклониться ему не придет —
Забыли потомки свой доблестный род!

В блестящей столице иные из них
    С ничтожной смешались толпой;
Поветрие моды умчало других
    Из родины в мир, им чужой.
Там русский от русского края отвык,
Забыл свою веру, забыл свой язык!

Крестьян его бедных наемник гнетет,
Он властвует ими один;
Его не пугают роптанья сирот —
Услышит ли их господин?
А если услышит — рукою махнет...
Забыли потомки свой доблестный род!

Лишь старый служитель, тоской удручен,
Младого владетеля ждет,
И ловит вдали колокольчика звон,
И ночью с одра привстает...
Напрасно! Всё тихо средь мертвого сна,
Сквозь окна разбитые смотрит луна,

Сквозь окна разбитые мирно глядит
На древние стены палат;
Там в рамах узорчатых чинно висит
Напудренных прадедов ряд.
Их пыль покрывает, и червь их грызет...
Забыли потомки свой доблестный род!

1849 (?)

151. ПОЭТ

В жизни светской, в жизни душной
Песнопевца не узнать!
В нем личиной равнодушной
Скрыта божия печать.

В нем таится гордый гений,
Душу в нем скрывает прах,
Дремлет буря вдохновений
В отдыхающих струнах.

Жизни ток его спокоен,
Как река среди равнин,
Меж людей он добрый воин
Или мирный гражданин.

Но порой мечтою странной
Он томится, одинок;
В час великий, в час нежданный
Пробуждается пророк.

Свет чела его коснется,
Дрожь по жилам пробежит,
Сердце чутко встрепенется —
И исчезнет прежний вид.

Ангел, богом вдохновенный,
С ним беседовать слетел,
Он умчался дерзновенно
За вещественный предел...

Уже, вихрями несомый,
Позабыл он здешний мир,
В облаках под голос грома
Он настроил свой псалтырь,

Мир далекий, мир незримый
Зрит его орлиный взгляд,
И от крыльев херувима
Струны мощные звучат!

1850

152

Пусто в покое моем. Один я сижу у камина,
Свечи давно погасил, но не могу я заснуть.
Бледные тени дрожат на стене, на ковре, на картинах,
Книги лежат на полу, письма я вижу кругом.
Книги и письма! Давно ль вас касалася ручка младая?
Серые очи давно ль вас пробегали, шутя?

Медленно катится ночь надо мной тяжелою тканью,
Грустно сидеть одному. Пусто в покое моем!
Думаю я про себя, на цветок взирая увядший:
«Утро настанет, и грусть с темною ночью пройдет!»
Ночь прокатилась, и весело солнце на окнах играет,
Утро настало, но грусть с тенью ночной не прошла!

15 января 1851

И у меня был край родной когда-то;
Со всех сторон
Синела степь; на ней белели хаты —
Всё это сон!

Я помню дом и пестрые узоры
Вокруг окон,
Под тенью лип душистых разговоры —
Всё это сон!

Я там мечтою чистой, безмятежной
Был озарен,
Я был любим так искренно, так нежно —
Всё это сон!

И думал я: на смерть за край родимый
Я обречен!
Но гром умолк; гроза промчалась мимо —
Всё было сон!

Летучий ветр, неси ж родному краю,
Неси поклон;
В чужбине век я праздно доживаю —
Всё было сон!

1854 (?)

154. КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет всё боле, — а цепи
Дорогу метут да метут...

1854 (?)

155—156. *СТРЕЛКОВЫЕ ПЕСНИ*

1

Слава на небе солнцу высокому!
Слава!
На земле государю великому
Слава!
Слава на небе светлым звездам,
Слава!
На земле государевым стрелкам
Слава!
Чтобы рука их была всегда тверда,
Слава!
Око быстрее, светлей соколиного,
Слава!
Чтобы привел бог за матушку-Русь постоять,
Слава!
Наших врагов за рубеж провожать,
Слава!
Чтобы нам дума была лишь о родине,
Слава!
Ину ж печаль мы закинем за синюю даль,
Слава!
Чтобы не было, опричь Руси, царства сильней,
Слава!

Нашего ласкова государя добрей,
Слава!
Чтобы не было русского слова крепчей,
Слава!
Чтобы не было русской славы громчей,
Слава!
Чтобы не было русской песни звучней,
Слава!
Да чтоб не было царских стрелков удалей,
Слава!

2

Уж как мо́лодцы пируют
Вкруг дубового стола;
Их кафтаны нараспашку,
Их беседа весела.
По столу-то ходят чарки,
Золоченые звенят.
Что же чарки говорят?
Вот что чарки говорят:
Нет! Нет!
Не бывать,
Не бывать тому,
Чтобы мог француз
Нашу Русь завоевать!
Нет!

1855

157

Да, братцы, это так, я не под пару вам:
То я весь в солнце, то в тумане,
Веселость у меня с печалью пополам,
Как золото на черной ткани.
Вам весело, друзья, пируйте ж в добрый час,
Не враг я песням и потехам,
Но дайте погрустить, и, может быть, я вас
Еще опережу неудержимым смехом!

Август 1856 (?)

158

Мой строгий друг, имей терпенье
И не брани меня так зло;
Не вдруг приходит вдохновенье,
Земное бремя тяжело;
Простора нет орлиным взмахам;
Как Этны темное жерло,
Моя душа покрыта прахом.
Но в глубине уж смутный шум,
И кратер делается тесен
Для раскалившихся в нем дум,
Для разгорающихся песен.
Пожди еще, и грянет гром,
И заклубится дым кудрявый,
И пламя, вырвавшись снопом,
Польется вниз звенящей лавой.

1857 или 1858

159

Растянулся на просторе
И на сонных берегах,
Окунувши морду в море,
Косо смотрит Аюдаг.

Обогнуть его мне надо,
Но холмов волнистый рой,
Как разбросанное стадо,
Всё толпится предо мной.

Добрый конь мой, долго шел ты,
Терпеливо ношу нес;
Видишь там лилово-желтый,
Солнцем тронутый утес?

«Добрый конь мой, ободрися,
Ускори ленивый бег,
Там под сенью кипариса
Ждет нас ужин и ночлег!»

Вот уж час, как в ожиданье
Конь удваивает шаг,
Но на прежнем расстоянье
Косо смотрит Аюдаг.

Тучи море затянули,
Звезды блещут в небесах,
Но не знаю, обогну ли
Я до утра Аюдаг?

Лето 1856

160

Как здесь хорошо и приятно,
Как запах дерев я люблю!
Орешника лист ароматный
Тебе я в тени настелю.

Я там, у подножья аула,
Тебе шелковицы нарву,
А лошадь и бурого мула
Мы пустим в густую траву.

Ты здесь у фонтана приляжешь,
Пока не минуется зной,
Ты мне улыбнешься и скажешь,
Что ты не устала со мной.

Лето 1856

161

Если б я был богом океана,
Я б к ногам твоим принес, о друг,
Все богатства царственного сана,
Все мои кораллы и жемчуг!
Из морского сделал бы тюльпана
Я ладью тебе, моя краса;
Мачты были б розами убраны,
Из чудесной ткани паруса!
Если б я был богом океана,
Я б любил тебя, моя душа;
Я б любил без бури, без обмана,

Я б носил тебя, едва дыша!
Но беда тому, кто захотел бы
Разлучить меня с тобою, друг!
Всклокотал бы я и закипел бы!
Все валы свои погнал бы вдруг!
В реве бури, в свисте урагана
Враг узнал бы бога океана!
Всюду, всюду б я его сыскал!
Со степей сорвал бы я курганы!
Доплеснул волной до синих скал,
Чтоб добыть тебя, моя циана,
Если б я был богом океана!

Лето 1856

162

Как селянин, когда грозят
Войны тяжелые удары,
В дремучий лес несет свой клад
От нападенья и пожара,

И там, во мрачной тишине,
Глубоко в землю зарывает,
И на чешуйчатой сосне
Свой знак с заклятьем зарубает, —

Так ты, певец, в лихие дни,
Во дни гоненья рокового,
Под темной речью хорони
Свое пророческое слово.

1858

163

Исполать тебе, жизнь — баба старая,
Привередница крикливая,
Что ты, лаючись, накликнулась,
Растолкала в бока добра молодца,
Растрепала его думы тяжкие!
Что ты сердца голос горестный
Заглушила бранью крупною!

Да не голос один заглушила ты —
Заглушила ты тот гуслярный звон,
Заглушила песни многие,
Что в том голосе раздавалися,
Затоптала все божьи цветики,
Что сквозь горести пробивалися!

Пропадай же, жизнь — баба старая!
Дай разлиться мне по поднéбесью,
Разлететься душой свободною,
Песней вольною, бесконечною!

⟨1859⟩

164

Во дни минувшие, бывало,
Когда являлася весна,
Когда природа воскресала
От продолжительного сна,
Когда ручьи текли обильно
И распускалися цветы,
Младое сердце билось сильно,
Кипели весело мечты, —
С какою радостию чистой
Я вновь встречал в бору сыром
Кувшинчик синий и пушистый
С его мохнатым стебельком;
Какими чувствами родными
Меня манил, как старый друг,
Звездами полный золотыми,
Еще никем не смятый луг!

Потом пришла пора иная,
И с каждой новою весной,
Былое счастье вспоминая,
Грустней я делался; порой,
Когда темнели неба своды,
Едва шептались тростники,
Звучней ручья катились воды,
Жужжали поздние жуки.

Казалось мне, что мне недаром
Грустить весною суждено,
Что неожиданным ударом
Блаженство кончиться должно.
. . . .
. . . .

До 1866

165

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа!

Ф. Тютчев

Одарив весьма обильно
Нашу землю, царь небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно.

Но чтоб падали селенья,
Чтобы нивы пустовали —
Нам на то благословенье
Царь небесный дал едва ли!

Мы беспечны, мы ленивы,
Всё у нас из рук вали́тся,
И к тому ж мы терпеливы —
Этим нечего хвалиться!

Февраль 1869

166

К Роману Мстиславичу в Галич послом
Прислал папа римский легата.
И вот над Днестром, среди светлых хором,
В венце из царьградского злата,
Князь слушает, сидя, посольскую речь,
Глаза опустив, опершися на меч.
И молвит легат: «Далеко́ ты,
О княже, прославлен за доблесть свою!
Ты в русском краю
Как солнце на всех изливаешь щедроты,

Врагам ты в бою
Являешься божиим громом;
Могучей рукой ты Царьград поддержал,
В земле половецкой не раз испивал
От синего Дона шеломом.
Ты храбр, аки тур, и сердит, аки рысь, —
Но ждет тебя бóльшая слава,
Лишь римскому папе душой покорись,
Святое признай его право:
Он может по воле решить и вязать,
На дом он на твой призовет благодать,
На недругов — божье проклятье.
Прими ж от него королевскую власть,
К стопам его пасть
Спеши — и тебе он отверзет объятья
И, сыном коль будешь его нареком,
Тебя опояшет духовным мечом!»
Замолк. И, лукавую выслушав речь,
Роман на свой меч
Взглянул — и его вполовину
Он выдвинул вон из нарядных ножон:
«Скажи своему господину:
Когда так духовным мечом он силен,
То он и хвалить его волен,
Но пусть он владеет по-прежнему им,
А я вот и этим, железным своим,
Доволен.
А впрочем, за ласку к Червонной Руси
Поклон ему наш отнеси!»

Начало 1870

167. ⟨И. А. ГОНЧАРОВУ⟩

Не прислушивайся к шуму
Толков, сплетен и хлопот,
Думай собственную думу
И иди себе вперед!

До других тебе нет дела,
Ветер пусть их носит лай!
Чтó в душе твоей созрело —
В ясный образ облекай!

Тучи черные нависли —
Пусть их виснут — черта с два!
Для своей живи лишь мысли,
Остальное трын-трава!

1870

168

Про подвиг слышал я Кротонского бойца:
Как, юного взвалив на плечи он тельца,
Чтоб силу крепких мышц умножить постепенно,
Вкруг городской стены ходил, под ним
согбенный,
И ежедневно труд свой повторял, пока
Телец тот не дорос до тучного быка.

В дни юности моей, с судьбой в отважном споре,
Я, как Милон, взвалил себе на плечи горе,
Не замечая сам, что бремя тяжело;
Но с каждым днем оно невидимо росло,
И голова моя под ним уж поседела,
Оно же всё растет без меры и предела.

Май 1871

169

Прозрачных облаков спокойное движенье,
Как дымкой, солнечный перенимая свет,
То бледным золотом, то мягкой синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Пора роскошных сил и мощных трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красота
Сменила прежнюю; ликующего лета
Лучами сильными уж боле не согрета,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины;
Кружася медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом;
Невольно я слежу за ними взором думным,

И слышится мне в их падении бесшумном:
«Всему настал покой, прими ж его и ты,
Певец, державший стяг во имя красоты;
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
По совести ль тобой задача свершена
И жатва дней твоих обильна иль скудна?»

Сентябрь 1874

170

Земля цвела. В лугу, весной одетом,
Ручей меж трав катился, молчалив;
Был тихий час меж сумраком и светом,
Был легкий сон лесов, полей и нив;
Не оглашал их соловей приветом;
Природу всю широко осенив,
Царил покой; но под безмолвной тенью
Могучих сил мне чуялось движенье.

Не шелестя над головой моей,
В прозрачный мрак деревья улетали;
Сквозной узор их молодых ветвей,
Как легкий дым, терялся в горней дали;
Лесной чебёр и полевой шалфей,
Блестя росой, в траве благоухали, —
И думал я, в померкший глядя свод:
Куда меня так манит и влечет?

Проникнут весь блаженством был я новым,
Исполнен весь неведомых мне сил:
Чего в житейском натиске суровом
Не смел я ждать, чего я не просил —
То свершено одним, казалось, словом,
И мнилось мне, что я лечу без крыл,
Перехожу, подъят природой всею,
В один порыв неудержимый с нею.

Но трезв был ум и чужд ему восторг,
Надежды я не знал, ни опасенья...
Кто ж мощно так от них меня отторг?
Кто отрешил от тягости хотенья?

Со злобой дня души постыдный торг
Стал для меня без смысла и значенья,
Для всех тревог бесследно умер я
И ожил вновь в сознанье бытия...

Тут пронеслось, как в листьях, дуновенье
И как ответ послышалося мне:
«Задачи то старинной разрешенье
В таинственном ты видишь полусне!
То творчества с покоем соглашенье,
То мысли пыл в душевной тишине...
Лови же миг, пока к нему ты чуток, —
Меж сном и бденьем краток промежуток».

Май — сентябрь 1875

171. ГАРАЛЬД СВЕНГОЛЬМ

His voice it was deep
like the wave of the sea.

Его голос звучал, как морская волна,
Мрачен взор был грозящих очей,
И была его длань, как погибель, сильна,
Сердце зыблемой трости слабей.

Не в кровавом бою он врагами убит,
Не грозою повержен он в прах,
Под могильным холмом он без раны лежит,
Сам себе разрушитель и враг.

Струны мощные арфы певец напрягал,
Струны жизни порвалися в нем,
И нача́тую песню Гаральд не скончал
И лежит под могильным холмом.

И сосна там раскинула силу ветвей,
Словно облик его хороша,
И тоскует на ней по ночам соловей,
Словно песню кончает душа.

172. В АЛЬБОМ

Стрелок, на той поляне
Кто поздно так бежит?
Что там в ночном тумане
Клубится и кипит?
Что значит это пенье,
И струн в эфире звон,
И хохот, и смятенье,
И блеск со всех сторон?

— Друзья, то вереница
Волшебниц и сильфид;
Пред ними их царица
Воздушная бежит;
Бежит глухой дорожкой,
Мелькает вдоль реки, —
Под маленькою ножкой
Не гнутся стебельки.

Ей нет красавиц равных,
Ее чудесен вид,
И много бардов славных
Любовью к ней горит;
Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

Когда луна златая
Глядит в зерцало вод,
В лучах ее играя,
Как сон она плывет;
Наступит ли денница,
Она спешит уж прочь;
Пушок — ей колесница,
Ее отчизна — ночь.

Лишь в сумерках застанет
В лесу она стрелка,
Зовет его и манит
К себе издалека;

Скользит над влагой зыбкой
Среди глухих болот
И странника с улыбкой
Над пропастию ждет.

Сильфид она всех краше,
Волшебниц всех милей;
Седые барды наши
Горят любовью к ней;
Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

2. САТИРИЧЕСКИЕ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

173

Исполнен вечным идеалом,
Я не служить рожден, а петь!
Не дай мне, Феб, быть генералом,
Не дай безвинно поглупеть!

О Феб всесильный! На параде
Услышь мой голос свысока:
Не дай постичь мне, бога ради,
Святой поэзии носка!

5 октября 1856

174. ВЕСЕННИЕ ЧУВСТВА НЕОБУЗДАННОГО ДРЕВНЕГО

Дождусь ли той истории,
Когда придет весна
И молодой цикории
Засветит желтизна!

Уже любовной жаждою
Вся грудь моя горит,
И вспрыгнуть щепка каждая
На щепку норовит.

Земля цветами новыми
Покрылася опять,
Пошли быки с коровами
В зеленый луг гулять,

И, силой обаятельной
За стадом их влеком,
Готов я бессознательно
Сам сделаться быком!

Февраль 1859

175. ⟨ВЕЛИКОДУШИЕ СМЯГЧАЕТ СЕРДЦА⟩

Вонзил кинжал убийца нечестивый
  В грудь Деларю.
Тот, шляпу сняв, сказал ему учтиво:
  «Благодарю».
Тут в левый бок ему кинжал ужасный
  Злодей вогнал,
А Деларю сказал: «Какой прекрасный
  У вас кинжал!»
Тогда злодей, к нему зашедши справа,
  Его пронзил,
А Деларю с улыбкою лукавой
  Лишь погрозил.
Истыкал тут злодей ему, пронзая,
  Все телеса,
А Деларю: «Прошу на чашку чая
  К нам в три часа».
Злодей пал ниц и, слез проливши много,
  Дрожал как лист,
А Деларю: «Ах, встаньте, ради бога!
  Здесь пол нечист».
Но всё у ног его в сердечной муке
  Злодей рыдал,
А Деларю сказал, расставя руки:
  «Не ожидал!
Возможно ль? Как?! Рыдать с такою силой? —
  По пустякам?!
Я вам аренду выхлопочу, милый, —
  Аренду вам!
Через плечо дадут вам Станислава
  Другим в пример.
Я дать совет царю имею право:
  Я камергер!
Хотите дочь мою просватать, Дуню?

А я за то
Кредитными билетами отслюню
Вам тысяч сто.
А вот пока вам мой портрет на память —
Приязни в знак.
Я не успел его еще обрамить —
Примите так!»
Тут éдок стал и даже горче перца
Злодея вид.
Добра за зло испорченное сердце
Ах! не простит.
Высокий дух посредственность тревожит,
Тьме страшен свет.
Портрет еще простить убийца может,
Аренду ж — нет.
Зажглась в злодее зависти отрава
Так горячо,
Что, лишь надел мерзавец Станислава
Через плечо, —
Он окунул со злобою безбожной
Кинжал свой в яд
И, к Деларю подкравшись осторожно, —
Хвать друга в зад!
Тот на пол лег, не в силах в страшных болях
На кресло сесть.
Меж тем злодей, отняв на антресолях
У Дуни честь,
Бежал в Тамбов, где был, как губернатор,
Весьма любим.
Потом в Москве, как ревностный сенатор,
Был всеми чтим.
Потом он членом сделался совета
В короткий срок...
Какой пример для нас являет это,
Какой урок!

1860 (?)

176. БУНТ В ВАТИКАНЕ

Взбунтовалися кастраты,
Входят в папины палаты:
«Отчего мы не женаты?
Чем мы виноваты?»

Говорит им папа строго:
«Это что за синагога?
Не боитеся вы бога?
    Прочь! Долой с порога!»

Те к нему: «Тебе-то ладно,
Ты живешь себе прохладно.
А вот нам так безотрадно,
    Очень уж досадно!

Ты живешь себе по воле,
Чай, натер себе мозоли,
А скажи-ка: таково ли
    В нашей горькой доле?»

Говорит им папа: «Дети,
Было прежде вам глядети,
Потеряв же вещи эти,
    Надобно терпети!

Жалко вашей мне утраты;
Я, пожалуй, в виде платы,
Прикажу из лучшей ваты
    Вставить вам заплаты!»

Те к нему: «На что нам вата?
Это годно для халата!
Не мягка, а жестковата
    Вещь, что нам нужна-то!»

Папа к ним: «В раю дам место,
Будет каждому невеста,
В месяц по два пуда теста.
    Посудите: вес-то!»

Те к нему: «Да что нам в тесте,
Будь его пудов хоть двести,
С ним не вылепишь невесте
    То, чем жить с ней вместе!»

«Эх, нелегкая пристала! —
Молвил папа с пьедестала, —
Уж коль с воза что упало,
    Так пиши: пропало!

Эта вещь, — прибавил папа, —
Пропади хоть у Приапа,
Нет на это эскулапа,
Эта вещь — не шляпа!

Да и что вы в самом деле?
Жили б вы в моей капелле,
Под начальством Антонелли,
Да кантаты пели!»

«Нет, — ответствуют кастраты, —
Пий ты этакий девятый,
Мы уж стали сиповаты,
Поючи кантаты!

А не хочешь ли для дива
Сам пропеть нам «Casta diva»?
Да не грубо, а пискливо,
Тонко особливо!»

Испугался папа: «Дети,
Для чего ж мне тонко пети?
Да и как мне разумети
Предложенья эти?»

Те к нему: «Проста наука,
В этом мы тебе порука,
Чикнул раз, и вся тут штука —
Вот и бритва! Ну-ка!»

Папа ж думает: «Оно-де
Было б даже не по моде
Щеголять мне в среднем роде!»
Шлет за Де Мероде.

Де Мероде ж той порою,
С королем готовясь к бою,
Занимался под горою
Папской пехтурою:

Все в подрясниках шелкóвых,
Ранцы их из шкурок новых,
Шишек полные еловых,
Сам в чулках лиловых.

Подбегает Венерати:
«Вам, — кричит, — уж не до рати!
Там хотят, совсем некстати,
Папу холощати!»

Искушенный в ратном строе,
Де Мерод согнулся втрое,
Видит, дело-то плохое,
Молвит: «Что такое?»

Повторяет Венерати:
«Вам теперь уж не до рати,
Там хотят, совсем некстати,
Папу холощати!»

Вновь услышав эту фразу,
Де Мероде понял сразу,
Говорит: «Оно-де с глазу;
Слушаться приказу!»

Затрубили тотчас трубы,
В войске вспыхнул жар сугубый,
Так и смотрят все, кому бы
Дать прикладом в зубы?

Де Мероде, в треуголке,
В рясе только что с иголки,
Всех везет их в одноколке
К папиной светелке.

Лишь вошли в нее солдаты,
Испугалися кастраты,
Говорят: «Мы виноваты!
Будем петь без платы!»

Добрый папа на свободе
Вновь печется о народе,
А кастратам Де Мероде
Молвит в этом роде:

«Погодите вы, злодеи!
Всех повешу за . . . , я!»

Папа ж рек, слегка краснея:
«Надо быть умнее!»[1]

И конец настал всем спорам;
Прежний при дворе декорум,
И пищат кастраты хором
Вплоть ad finem seculorum!..[2]

Февраль — март 1864

177

Угораздило кофейник
С вилкой в роще погулять.
Набрели на муравейник;
Вилка ну его пырять!
Расходилась: я храбра-де!
Тычет вдоль и поперек.
Муравьи, спасенья ради,
Поползли куда кто мог;
А кофейнику потеха:
Руки в боки, кверху нос,
Надседается от смеха:
«Исполати! Аксиос!
Веселися, храбрый росс!»
Тут с него свалилась крышка,
Муравьев взяла одышка,
Все отчаялись — и вот —
Наползли к нему в живот.
Как тут быть? Оно не шутки:
Насекомые в желудке!
Он, схватившись за бока,
Пляшет с боли трепака.

---

[1] Вариант для дам.

. . . .
А кастратам Де Мероде
Молвит в этом роде:

«Всяк, кто в этот бунт замешан,
Заслужил бы быть повешен!»
Папа ж рек, совсем утешен:
«Я один безгрешен!»

[2] До скончания веков (лат.). — *Ред.*

Поделом тебе, кофейник!
Впредь не суйся в муравейник,
Не ходи как ротозей,
Умеряй характер пылкий,
Избирай своих друзей
И не связывайся с вилкой!

Ноябрь (?) 1868

178. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ОТ ГОСТОМЫСЛА ДО ТИМАШЕВА

Вся земля наша велика и
обилна, а наряда в ней нет.

Нестор, Летопись, стр. 8

1

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

2

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.

3

И стали все под стягом
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить.

4

Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

5

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
«Придите, господа!

6

Мы вам отсыплем злата,
Что киевских конфет;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

7

Варягам стало жутко,
Но думают: «Что ж тут?
Попытка ведь не шутка —
Пойдем, коли зовут!»

8

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

9

«Ну, — думают, — команда!
Здесь ногу сломит черт,
Es ist ja eine Schande,
Wir müssen wieder fort». [1]

10

Но братец старший Рюрик
«Постой, — сказал другим, —
Fortgeh'n wär' ungebührlich,
Vielleicht ist's nicht so schlimm. [2]

---

[1] Ведь это позор — мы должны убраться прочь (нем.). — *Ред.*

[2] Уйти как-то неприлично, может быть, и обойдется (нем.). — *Ред.*

11

Хоть вшивая команда,
Почти одна лишь шваль;
Wir bringen's schon zustande,
Versuchen wir einmal». [1]

12

И стал княжить он сильно,
Княжил семнадцать лет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет!

13

За ним княжил князь Игорь,
А правил им Олег,
Das war ein großer Krieger [2]
И умный человек.

14

Потом княжила Ольга,
А после Святослав;
So ging die Reihenfolge [3]
Языческих держав.

15

Когда ж вступил Владимир
На свой отцовский трон,
Da endigte für immer
Die alte Religion. [4]

16

Он вдруг сказал народу:
«Ведь наши боги дрянь,
Пойдем креститься в воду!»
И сделал нам Иордань.

---

[1] Нам это под силу, давайте-ка попробуем (нем.). — *Ред.*
[2] Это был великий воин (нем.). — *Ред.*
[3] Такова была последовательность (нем.). — *Ред.*
[4] Тогда пришел конец старой религии (нем.). — *Ред.*

17

«Перун уж очень гадок!
Когда его спихнем,
Увидите, порядок
Какой мы заведем!»

18

Послал он за попами
В Афины и Царьград,
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадят,

19

Поют себе умильно
И полнят свой кисет;
Земля, как есть, обильна,
Порядка только нет.

20

Умре Владимир с горя,
Порядка не создав.
За ним княжить стал вскоре
Великий Ярослав.

21

Оно, пожалуй, с этим
Порядок бы и был,
Но из любви он к детям
Всю землю разделил.

22

Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:
Кто как и чем во что!

23

Узнали то татары.
«Ну, — думают, — не трусь!»
Надели шаровары,
Приехали на Русь.

24

«От вашего, мол, спора
Земля пошла вверх дном,
Постойте ж, мы вам скоро
Порядок заведем».

25

Кричат: «Давайте дани!»
(Хоть вон святых неси.)
Тут много всякой дряни
Настало на Руси.

26

Что день, то брат на брата
В орду несет извет;
Земля, кажись, богата —
Порядка ж вовсе нет.

27

Иван явился Третий;
Он говорит: «Шалишь!
Уж мы теперь не дети!»
Послал татарам шиш.

28

И вот земля свободна
От всяких зол и бед
И очень хлебородна,
А всё ж порядка нет.

29

Настал Иван Четвертый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.

30

Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьезный,
Солидный человек.

31

Приемами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завел порядок,
Хоть покати шаром!

32

Жить можно бы беспечно
При этаком царе;
Но ах! — ничто не вечно —
И царь Иван умре!

33

За ним царить стал Федор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд.

34

Борис же, царский шурин,
Не в шутку был умен,
Брюнет, лицом недурен,
И сел на царский трон.

35

При нем пошло всё гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка
В земле он не завел.

36

К несчастью, самозванец,
Откуда ни возьмись,
Такой задал нам танец,
Что умер царь Борис.

37

И, на Бориса место
Взобравшись, сей нахал
От радости с невестой
Ногами заболтал.

38

Хоть был он парень бравый
И даже не дурак,
Но под его державой
Стал бунтовать поляк.

39

А то нам не по сердцу;
И вот однажды в ночь
Мы задали им перцу
И всех прогнали прочь.

40

Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

41

Вернулися поляки,
Казаков привели;
Пошел сумбур и драки:
Поляки и казаки,

42

Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя как раки
Горюем на мели.

43

Прямые были страсти —
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далёко не уйдешь.

44

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.

45

И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Взвела на русский трон.

46

Свершилося то летом;
Но был ли уговор —
История об этом
Молчит до этих пор.

47

Варшава нам и Вильна
Прислали свой привет;
Земля была обильна —
Порядка ж нет как нет.

48

Сев Алексей на царство,
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тут новая пора.

49

Царь Петр любил порядок,
Почти как царь Иван,
И так же был не сладок,
Порой бывал и пьян.

50

Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец;
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!

51

Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!»
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.

52

Вернувшися оттуда,
Он гладко нас обрил,
А к святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил.

53

Но это, впрочем, в шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

54

Хотя силён уж очень
Был, может быть, прием;
А всё ж довольно прочен
Порядок стал при нем.

55

Но сон объял могильный
Петра во цвете лет,
Глядишь, земля обильна,
Порядка ж снова нет.

56

Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц.

57

Бирон царил при Анне;
Он сущий был жандарм,
Сидели мы как в ванне
При нем, daß Gott erbarm! [1]

---

[1] Боже упаси нас от такого! (нем.). — *Ред.*

58

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.

59

Какая ж тут причина
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

60

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветет, —
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот, —

61

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».

62

«Messieurs, — им возразила
Она, — vous me comblez», [1] —
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

63

За ней царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,
Но не совсем он правил
На рыцарский манер.

---

[1] Господа, вы слишком добры ко мне (франц.). — *Ред.*

64

Царь Александер Первый
Настал ему взамен,
В нем слабы были нервы,
Но был он джентльмен.

65

Когда на нас в азарте
Стотысячную рать
Надвинул Бонапарте,
Он начал отступать.

66

Казалося, ну, ниже
Нельзя сидеть в дыре,
Ан глядь: уж мы в Париже,
С Louis le Désiré.[1]

67

В то время очень сильно
Расцвел России цвет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет.

68

Последнее сказанье
Я б написал мое,
Но чаю наказанье,
Боюсь monsieur Veillot.[2]

69

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

---

[1] Людовик Желанный (франц.). — *Ред.*
[2] Мосье Вельо (франц.). — *Ред.*

70

Оставим лучше троны,
К министрам перейдем.
Но что я слышу? Стоны,
И крики, и содом!

71

Что вижу я! Лишь в сказках
Мы зрим такой наряд;
На маленьких салазках
Министры все катят.

72

С горы со криком громким
In corpore,[1] сполна,
Скользя, свои к потомкам
Уносят имена.

73

Се Норов, се Путятин,
Се Панин, се Метлин,
Се Брок, а се Замятнин,
Се Корф, се Головнин.

74

Их много, очень много,
Припомнить всех нельзя,
И вновь одной дорогой
Летят они, скользя.

75

Я грешен: летописный
Я позабыл свой слог;
Картине живописной
Противостать не мог.

---

[1] В полном составе (лат.). — *Ред.*

76

Лиризм, на всё способный,
Знать, у меня в крови;
О Нестор преподобный,
Меня ты вдохнови.

77

Поуспокой мне совесть,
Мое усердье зря,
И дай мою мне повесть
Окончить не хитря.

78

Итак, начавши снова,
Столбец кончаю свой
От рождества Христова
В год шестьдесят восьмой.

79

Увидя, что всё хуже
Идут у нас дела,
Зело изрядна мужа
Господь нам ниспосла.

80

На утешенье наше
Нам, аки свет зари,
Свой лик яви Тимашев —
Порядок водвори.

81

Что аз же многогрешный
На бренных сих листах
Не дописах поспешно
Или переписах,

82

То, спереди и сзади
Читая во все дни,
Исправи правды ради,
Писанья ж не кляни.

83

Составил от былинок
Рассказ немудрый сей
Худый смиренный инок,
Раб божий Алексей.

1868

179—180. ПОСЛАНИЯ К Ф. М. ТОЛСТОМУ

1

Вкусив елей твоих страниц
И убедившися в их силе,
Перед тобой паду я ниц,
О Феофиле, Феофиле!

Дорогой двойственной ты шел,
Но ты от Януса отличен:
Как государственный орел,
Ты был двуглав, но не двуличен.

Твоих столь радужных цветов
Меня обманывала присма,
Но ты возрек — и я готов
Признать тиранство дуализма;

Сомкнем же наши мы сердца,
Прости упрек мой близорукий —
И будь от буйного стрельца
Тобой отличен Долгорукий!

Декабрь 1868

2

Красный Рог, 14 января 1869 г.

В твоем письме, о Феофил
(Мне даже стыдно перед миром),
Меня, проказник, ты сравнил
Чуть-чуть не с царственным Шекспиром!

О Ростислав, такую роль,
Скажи, навязывать мне кстати ль?
Поверь, я понимаю соль
Твоей иронии, предатель!

Меня насмешливость твоя
Равняет с Лессингом. Ужели
Ты думал, что серьезно я
Поверю этой параллели?

Ты говоришь, о Феофил,
Что на немецком диалекте
«Лаокоона» он хвалил,
Как я «Феодора» в «Проекте»?

Увы, не Лессинг я! Зачем,
Глумясь, равнять пригорок с Этной?
Я уступаю место всем,
А паче братии газетной.

Не мню, что я Лаокоон,
Во змей упершийся руками,
Но скромно зрю, что осажден
Лишь дождевыми червяками!

Потом — подумать страшно — ах! —
Скажи, на что это похоже?
Ты рассуждаешь о властях
Так, что мороз дерет по коже!

Подумай, ведь письмо твое
(Чего на свете не бывает!)
Могло попасть к m-r Veillot,
Который многое читает.

Нет, нет, всё это дребедень!
Язык держать привык я строго
И повторяю каждый день:
Нет власти, аще не от бога!

Не нам понять высоких мер,
Творцом внушаемых вельможам,
Мы из истории пример
На этот случай выбрать можем:

Перед Шуваловым свой стяг
Склонял великий Ломоносов —
Я ж друг властей и вечный враг
Так называемых вопросов!

14 января 1869

181. ПЕСНЯ О КАТКОВЕ, О ЧЕРКАССКОМ, О САМАРИНЕ, О МАРКЕВИЧЕ И О АРАПАХ

1

Друзья, ура единство!
Сплотим святую Русь!
Различий, как бесчинства,
Народных я боюсь.

2

Катков сказал, что, дискать,
Терпеть их — это грех!
Их надо тискать, тискать
В московский облик всех!

3

Ядро у нас — славяне;
Но есть и вотяки,
Башкирцы, и армяне,
И даже калмыки́;

4

Есть также и грузины
(Конвоя цвет и честь!),
И латыши, и финны,
И шведы также есть;

5

Недавно и ташкентцы
Живут у нас в плену.
Признаться ль? Есть и немцы
Но это: entre nous! [1]

---

[1] Между нами! (франц.). — *Ред.*

6

Страшась с Катковым драки,
Я на ухо шепну:
У нас есть и поляки,
Но также: entre nous;

7

И многими иными
Обилен наш запас;
Как жаль, что между ними
Арапов нет у нас!

8

Тогда бы князь Черкасской,
Усердием велик,
Им мазал белой краской
Их неуказный лик;

9

С усердьем столь же смелым
И с помощью воды
Самарин тер бы мелом
Их черные зады;

10

Катков, наш герцог Алба,
Им удлинял бы нос,
Маркевич восклицал бы:
«Осанна! Аксиос!»

Апрель или май 1869

182

Сидит под балдахином
Китаец Цу-Кин-Цын
И молвит мандаринам:
«Я главный мандарин!

Велел владыко края
Мне ваш спросить совет:
Зачем у нас в Китае
Досель порядка нет?»

Китайцы все присели,
Задами потрясли,
Гласят: «Затем доселе
Порядка нет в земли,

Что мы ведь очень млады,
Нам тысяч пять лишь лет;
Затем у нас нет складу,
Затем порядку нет!

Клянемся разным чаем,
И желтым и простым,
Мы много обещаем
И много совершим!»

«Мне ваши речи милы, —
Ответил Цу-Кин-Цын, —
Я убеждаюсь силой
Столь явственных причин.

Подумаешь: пять тысяч,
Пять тысяч только лет!»
И приказал он высечь
Немедля весь совет.

Апрель (?) 1869

183—187. МЕДИЦИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Доктор божией коровке
Назначает рандеву.
Штуки столь не видел ловкой
С той поры, как я живу,
Ни во сне, ни наяву.
Веря докторской сноровке,
Затесалася в траву
К ночи божия коровка.

И, припасши булаву,
Врач пришел на рандеву.
У скалы крутой подножья
Притаясь, коровка божья
Дух не смеет перевесть,
За свою страшится честь.

Дщери нашей бабки Евы!
Так-то делаете все вы!
Издали́: «Mon cœur, mon tour», [1] —
А пришлось начистоту,
Вам и стыдно, и неловко;
Так и божия коровка —
Подняла внезапно крик:
«Я мала, а он велик!»
Но, в любви не зная шутки,
Врач сказал ей: «Это дудки!
Мне ведь дело не ново́,
Уж пришел я, так того!»

Кем наставлена, не знаю,
К чудотворцу Николаю
(Как то делалося встарь)
Обратилась божья тварь.
Грянул гром. В его компанье
Разлилось благоуханье —
И домой, не бе́гом, вскачь,
Устрашась, понесся врач,
Приговаривая: «Ловко!
Ну уж божия коровка!
Подстрекнул меня, знать, бес!»
Сколько в мире есть чудес!

Октябрь (?) 1868

2

Навозный жук, навозный жук,
Зачем, среди вечерней тени,
Смущает доктора твой звук?
Зачем дрожат его колени?

---

[1] Сердце мое, жизнь моя (франц.). — *Ред.*

О врач, скажи, твоя мечта
Теперь какую слышит повесть?
Какого ропот живота
Тебе на ум приводит совесть?

Лукавый врач, лукавый врач!
Трепещешь ты не без причины:
Припомни стон, припомни плач
Тобой убитой Адольфины!

Твои уста, твой взгляд, твой нос
Ее жестоко обманули,
Когда с улыбкой ты поднес
Ей каломельные пилюли...

Свершилось! Памятен мне день —
Закат пылал на небе грозном —
С тех пор моя летает тень
Вокруг тебя жуком навозным...

Трепещет врач — навозный жук
Вокруг него, в вечерней тени,
Чертит круги — а с ним недуг,
И подгибаются колени...

Ноябрь (?) 1868

3

«Верь мне, доктор (кроме шутки!), —
Говорил раз пономарь, —
От яиц крутых в желудке
Образуется янтарь!»

Врач, скептического складу,
Не любил духовных лиц
И причетнику в досаду
Проглотил пятьсот яиц.

Стон и вопли! Все рыдают,
Пономарь звонит сплеча —
Это значит: погребают
Вольнодумного врача.

Холм насыпан. На рассвете
Пир окончен в дождь и грязь,
И причетники мыслете
Пишут, за руки схватясь.

«Вот не ми́нули и сутки, —
Повторяет пономарь, —
А уж в докторском желудке
Так и сделался янтарь!»

Ноябрь (?) 1868

4

БЕРЕСТОВАЯ БУДОЧКА

В берестовой сидя будочке,
Ногу на ногу скрестив,
Врач наигрывал на дудочке
Бессознательный мотив.

Он мечтал об операциях,
О бинтах, о ревене,
О Венере и о грациях...
Птицы пели в вышине.

Птицы пели и на тополе,
Хоть не ведали о чем,
И внезапно все захлопали,
Восхищенные врачом.

Лишь один скворец завистливый
Им сказал как бы шутя:
«Что́ на веточках повисли вы,
Даром уши распустя?

Песни есть и мелодичнее,
Да и дудочка слаба, —
И врачу была б приличнее
Оловянная труба!»

Между 1868 и 1870

5

Муха шпанская сидела
На сиреневом кусте,
Для таинственного дела
Доктор крался в темноте.

Вот присел он у сирени;
Муха, яд в себе тая,
Говорит: «Теперь для мщенья
Время вылучила я!»

Уязвленный мухой больно,
Доктор встал, домой спеша,
И на воздухе невольно
Выкидает антраша.

От людей ночные тени
Скрыли доктора полет,
И победу на сирени
Муха шпанская поет.

Между 1868 и 1870

188. ОТРЫВОК

(РЕЧЬ ИДЕТ О БАРОНЕ ВЕЛЬО)

1

Разных лент схватил он радугу,
Дело ж почты — дело дрянь:
Адресованные в Ладогу,
Письма едут в Еривань.

2

Телеграммы заблуждаются
По неведомым путям,
Иль совсем не получаются,
Иль со вздором пополам.

3

Пишет к другу друг встревоженный:
«Твоего взял сына тиф!»
Тот читает, что таможенный
Изменяется тариф.

4

Пишет в Рыльск Петров к Сазонову:
«Наши цены поднялись» —
Телеграмма ж к Артамонову
Так и катится в Тифлис.

5

Много вышло злополучия
Через это и вреда;
Одного такого случая
Не забуду никогда:

6

Телеграфною депешею
Городничий извещен,
Что «идет колонной пешею
На него Наполеон».

7

Город весь пришел в волнение,
Всполошился мал и стар;
Запирается правление,
Разбегается базар.

8

Пошептавшись, Фекла с Домною
Испекли по пирогу
И за дверию огромною
Припасают кочергу.

9

Сам помощник городничего
В них поддерживает дух
И к заставе с рынка птичьего
Инвалидов ставит двух.

10

Вся семья купцов Ворониных
Заболела наповал,
Поп о древних вавилонянах
В церкви проповедь сказал.

11

Городничиха сбирается
Уж на жертву, как Юдифь,
Косметиком натирается.
Городничий еле жив.

12

Недоступна чувству узкому,
Дочь их рядится сама;
Говорит: «К вождю французскому
Я хочу идти с мамá!

13

Вместе в жертву, чай, с охотою
Примет нас Наполеон;
Ах, зачем пришел с пехотою,
А не с конницею он!»

14

И в заставу, бредя кровию,
Мать и дочь идут пешком.
Тащат старую Прасковию
За собой с пустым мешком.

15

До зари за огородами
Вместе бродят дочь и мать,
Но грядущего с народами
Бонапарта не видать.

16

Неудачею печалимы,
Приплелись они домой:
«Ни вождя не отыскали мы,
Ни колонны никакой!

17

Видно, все, и с квартирьерами,
Провалились на мосту,
Что построен инженерами
О великом о посту!»

18

Городничий удивляется:
«Что же видели вы там?»
— «Только видели: валяется
У заставы всякий хлам,

19

Да дорогой с поросятами
Шла Аверкина свинья;
Мы ее толкнули пятами
Мимоходом, дочь и я;

20

Да дьячок отца Виталия
С нами встретился, пострел,
Но и он-то нас, каналия,
Обесчестить не хотел!»

21

Городничий обижается:
«Вишь, мошенник, грубиян!
Пусть же мне не попадается
В первый раз, как будет пьян!

22

Но, однако же, вы видели
Аванпост или пикет?»
— «Ах, папаша, нас обидели,
И пикета даже нет!»

23

Городничий изумляется,
Сам в уезд летит стремглав
И в Конторе там справляется,
Что́ сдано на телеграф?

24

Суть депеши скоро сыскана,
Просто значилося в ней:
«Под чиновника Распрыскина
Выдать тройку лошадей».

Сентябрь (?) 1871

189. ОДА НА ПОИМКУ ТАИРОВА

Царицын луг, Солнце светит во всем своем блеске. Хор дворян, купечества, мещан и почетных граждан.

Хор

Таирова поймали!
Отечество, ликуй!
Конец твоей печали —
Ему отрежут нос!

Один дворянин

Близ лавок и трактиров,
Скрываясь там и сям,
Не раз злодей Таиров
Пугал собою дам.

Один купец 1-й гильдии

С осанкой благородной,
Бродя средь наших стен,
Таиров..........
Показывал нам ....!

Хор

Таирова поймали!
Отечество, ликуй!
Конец твоей печали —
Ему отрежут нос!

Купец 2-й гильдии

«Друзья мои,— к совету,
Вздохнув, Кокошкин рек,—
Здесь бегает по свету
Какой-то человек.

Забыл он, видно, веру,
Забыл, бездельник, стыд,
Начальство для примеру
Поймать его велит —

Не то, друзья,— на плаху
Нам всем назначен путь —
Нельзя ли хоть для страху
Поймать кого-нибудь?»

И вот велит он тайно
Подсматривать везде,
Не узрят ли случайно
Хоть чьи-либо ....

Напрасно! Бич злодеев,
Неукротим, как рок,
Полковник Трубачеев
Увидеть их не мог.

Близ лавок и трактиров,
Скрываясь там и сям,
По-прежнему Таиров
Пугал собою дам.

Мы все были готовы
Бежать куда кто знал...

Квартальный 2-й административной части

(перебивает купца 2-й гильдии)

Потише! Что вы? Что вы?
Услышит генерал!

Хор

(перебивает квартального 2-й административной части)

Таирова поймали!
Отечество, ликуй!
Конец твоей печали —
Ему отрежут нос!

Купец 3-й гильдии

(продолжает рассказ купца 2-й гильдии)

Близ лавок и трактиров,
Скрываясь там и сям,
По-прежнему Таиров
Пугал собою дам.

Однажды шел он важно
Вблизи Пяти углов,
Его узрел отважный
Сенатор Муравьев.

Узрел лишь и мгновенно
В полицью дал он знать:
Таиров дерзновенный
Явился-де опять.

Покинув тотчас съезжу,
Бегут они туда...

Квартальный 2-й административной части
(перебивает купца 3-й гильдии)

Вот я тебя уж съезжу,
Послушай, борода!

Хор
(перебивает квартального 2-й административной части)

Таирова поймали!
Отечество, ликуй!
Конец твоей печали —
Ему отрежут нос!

Один мещанин
(продолжает рассказ купца 3-й гильдии)

И тише сколь возможно,
Лишь кашляя слегка,
Подходят осторожно
Они издалека.

«Скажите, вы ль тот дерзкий,—
Все вместе вопиют,—
Который дамам мерзкий
Показывает . . .?»

«Одержим я истомой,—
Таиров им в ответ,—
И . . . хоть налицо мой,
Но всё равно что нет!

Да знает ваша шайка,
Что в нем едва вершок,
А сверх него фуфайка
И носовой платок!

Его без телескопа
Не узрят никогда,
Затем что он не...
Прощайте, господа!»

Один дворянин
(обращаясь к мещанину)

Уловка помогла ли?

Один купец
(обращаясь к дворянину)

Не думаю, навряд!

Один мещанин
(обращаясь к почетному гражданину)

Уловка-то? Едва ли!

Один гражданин
(обращаясь сам к себе)

Хитер ведь, супостат!

Хор почетных граждан

Таирова поймали,
Таирова казнят!

Хор купцов

Прошли наши печали,
Пойдемте в Летний сад!

Общий хор

Таирова поймали!
Отечество, ликуй!
Конец твоей печали —
Ему отрежут нос!

1871 (?)

190. ПОСЛАНИЕ К М. Н. ЛОНГИНОВУ О ДАРВИНИСМЕ

Я враг всех так называемых вопросов.
Козьма Прутков

Если у тебя есть фонтан, заткни его.
Один из членов Государственного совета

1

Правда ль это, что́ я слышу?
Молвят о́вамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?

2

Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ....,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.

3

Всход наук не в нашей власти,
Мы их зерна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошелся с Моисеем.

4

Ты ж, еврейское преданье
С видом нянюшки лелея,
Ты б уж должен в заседанье
Запретить и Галилея.

5

Если ж ты допустишь здраво,
Что вольны в науке мненья,—
Твой контроль с какого права?
Был ли ты при сотворенье?

6

Отчего б не понемногу
Введены во бытиё мы?
Иль не хочешь ли уж богу
Ты предписывать приемы?

7

Способ, как творил создатель,
Что́ считал он боле кстати —
Знать не может председатель
Комитета о печати.

8

Ограничивать так смело
Всесторонность божьей власти —
Ведь такое, Миша, дело
Пахнет ересью отчасти!

9

Ведь подобные примеры
Подавать — неосторожно,
И тебя за скудость веры
В Соловки сослать бы можно!

10

Да и в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга.

11

Но на миг положим даже:
Дарвин глупость порет просто —
Ведь твое гоненье гаже
Всяких глупостей раз вó сто!

12

Нигилистов, что ли, знамя
Видишь ты в его системе?
Но святая сила с нами!
Чтó меж Дарвином и теми?

13

От скотов нас Дарвин хочет
До людской возвесть средины —
Нигилисты же хлопочут,
Чтоб мы сделались скотины.

14

В них не знамя, а прямое
Подтвержденье дарвинисма,
И сквозят в их диком строе
Все симптомы атависма:

15

Грязны, неучи, бесстыдны,
Самомнительны и едки,
Эти люди, очевидно,
Норовят в свои же предки.

16

А что в Дарвина идеи
Оба пола разубрáны —
Это бармы архирея
Вздели те же обезьяны.

17

Чем же Дарвин тут виновен?
Верь мне: гнев в себе утиша,
Из-за взбалмошных поповен
Не гони его ты, Миша!

18

И еще тебе одно я
Здесь прибавлю, многочтимый:
Не китайскою стеною
От людей отделены мы;

19

С Ломоносовым наука
Положив у нас зачаток,
Проникает к нам без стука
Мимо всех твоих рогаток,

20

Льет на мир потоки света
И, следя, как в тьме лазурной
Ходят божии планеты
Без инструкции цензурной,

21

Кажет нам, как та же сила,
Всё в иную плоть одета,
В область разума вступила,
Не спросясь у Комитета,

22

Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой!

Конец 1872

191. РОНДО

Ах, зачем у нас граф Пален
Так к присяжным параллелен!
Будь он боле вертикален,
Суд их боле был бы делен!

Добрый суд царем повелен,
А присяжных суд печален,
Всё затем, что параллелен
Через меру к ним граф Пален!

Душегубец стал нахален,
Суд стал вроде богаделен,
Оттого что так граф Пален
Ко присяжным параллелен.

Всяк боится быть застрелен,
Иль зарезан, иль подпален,
Оттого что параллелен
Ко присяжным так граф Пален.

Мы дрожим средь наших спален,
Мы дрожим среди молелен,
Оттого что так граф Пален
Ко присяжным параллелен!

Herr, erbarm' dich unsrer Seelen!
Habe Mitleid mit uns allen, [1]
Да не будет параллелен
Ко присяжным так граф Пален!

Начало 1870-х годов

---

[1] Господи, сжалься над нашими душами! Имей сострадание ко всем нам (нем.). — *Ред.*

192

Боюсь людей передовых,
Страшуся милых нигилистов;
Их суд правдив, их натиск лих,
Их гнев губительно неистов;

Но вместе с тем бывает мне
Приятно, в званье ретроградa,
Когда хлестнет их по спине
Моя былина иль баллада.

С каким достоинством глядят
Они, подпрыгнувши невольно,
И, потираясь, говорят:
«Нисколько не было нам больно!»

Так в хату впершийся индюк,
Метлой пугнутый неучтивой,
Распустит хвост, чтоб скрыть испуг,
И забулдыкает спесиво.

Начало 1873

193. СОН ПОПОВА

1

Приснился раз, бог весть с какой причины,
Советнику Попову странный сон:
Поздравить он министра в именины
В приемный зал вошел без панталон;
Но, впрочем, не забыто ни единой
Регалии; отлично выбрит он;
Темляк на шпаге; всё по циркуляру —
Лишь панталон забыл надеть он пару.

2

И надо же случиться на беду,
Что он тогда лишь свой заметил промах,
Как уж вошел. «Ну,— думает,— уйду!»

Не тут-то было! Уж давно в хоромах
Народу тьма; стоит он на виду,
В почетном месте; множество знакомых
Его увидеть могут на пути —
«Нет,— он решил,— нет, мне нельзя уйти!

3

А вот я лучше что-нибудь придвину
И скрою тем досадный мой изъян;
Пусть верхнюю лишь видят половину,
За нижнюю ж ответит мне Иван!»
И вот бочком прокрался он к камину
И спрятался по пояс за экран.
«Эх,— думает,— недурно ведь, канальство!
Теперь пусть входит высшее начальство!»

4

Меж тем тесней всё становился круг
Особ чиновных, чающих карьеры;
Невнятный в зале раздавался звук;
И все принять свои старались меры,
Чтоб сразу быть замеченными. Вдруг
В себя втянули животы курьеры,
И экзекутор рысью через зал,
Придерживая шпагу, пробежал.

5

Вошел министр. Он видный был мужчина,
Изящных форм, с приветливым лицом,
Одет в визитку: своего, мол, чина
Не ставлю я пред публикой ребром.
Внушается гражданством дисциплина,
А не мундиром, шитым серебром.
Всё зло у нас от глупых форм избытка,
Я ж века сын — так вот на мне визитка!

6

Не ускользнул сей либеральный взгляд
И в самом сне от зоркости Попова.
Хватается, кто тонет, говорят,
За паутинку и за куст терновый.

«А что́,— подумал он,— коль мой наряд
Понравится? Ведь есть же, право слово,
Свободное, простое что-то в нем!
Кто знает? Что ж? Быть может! Подождем!»

7

Министр меж тем стан изгибал приятно:
«Всех, господа, всех вас благодарю!
Прошу и впредь служить так аккуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Ведь мысль моя, надеюсь, вам понятна?
Я в переносном смысле говорю:
Мой идеал полнейшая свобода —
Мне цель народ — и я слуга народа!

8

Прошло у нас то время, господа,—
Могу сказать: печальное то время,—
Когда наградой пота и труда
Был произвол. Его мы свергли бремя.
Народ воскрес — но не вполне — да, да!
Ему вступить должны помочь мы в стремя,
В известном смысле сгладить все следы
И, так сказать, вручить ему бразды.

9

Искать себе не будем идеала,
Ни основных общественных начал
В Америке. Америка отстала:
В ней собственность царит и капитал.
Британия строй жизни запятнала
Законностью. А я уж доказал:
Законность есть народное стесненье,
Гнуснейшее меж всеми преступленье!

10

Нет, господа! России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,

Который называется присущим
Всем временам; и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим
Открыть родник взаимного труда.
Надеюсь, вам понятно, господа?»

11

Раздался в зале шепот одобренья,
Министр поклоном легким отвечал,
И тут же, с видом, полным снисхожденья,
Он обходить обширный начал зал:
«Как вам? Что вы? Здорова ли Евгенья
Семеновна? Давно не заезжал
Я к вам, любезный Сидор Тимофеич!
Ах, здравствуйте, Ельпидифор Сергеич!»

12

Стоял в углу, плюгав и одинок,
Какой-то там коллежский регистратор.
Он и к тому, и тем не пренебрег:
Взял под руку его: «Ах, Антипатор
Васильевич! Что, как ваш кобелек?
Здоров ли он? Вы ездите в театор?
Что вы сказали? Всё болит живот?
Ах, как мне жаль! Но ничего, пройдет!»

13

Переходя налево и направо,
Свои министр так перлы расточал;
Иному он подмигивал лукаво,
На консоме другого приглашал
И ласково смотрел и величаво.
Вдруг на Попова взор его упал,
Который, скрыт экраном лишь по пояс,
Исхода ждал, немного беспокоясь.

14

«Ба! Что я вижу! Тит Евсеич здесь!
Так, так и есть! Его мы точность знаем!
Но отчего ж он виден мне не весь?

И заслонен каким-то попугаем?
Престранная выходит это смесь!
Я любопытством очень подстрекаем
Увидеть ваши ноги... Да, да, да!
Я вас прошу, пожалуйте сюда!»

15

Колеблясь меж надежды и сомненья:
Как на его посмотрят туалет,—
Попов наружу вылез. В изумленье
Министр приставил к глазу свой лорнет.
«Чтó это? Правда или наважденье?
Никак на вас штанов, любезный, нет?» —
И на чертах изящно-благородных
Гнев выразил ревнитель прав народных.

16

«Что это значит? Где вы рождены?
В Шотландии? Как вам пришла охота
Там, за экраном, снять с себя штаны?
Вы начитались, верно, Вальтер Скотта?
Иль классицизмом вы заражены?
И римского хотите патриота
Изобразить? Иль, боже упаси,
Собой бюджет представить на Руси?»

17

И был министр еще во гневе краше,
Чем в милости. Чреватый от громов
Взор заблестел. Он продолжал: «Вы наше
Доверье обманули. Много слов
Я тратить не люблю».— «Ва-ва-ва-ваше
Превосходительство! — шептал Попов.—
Я не сымал... Свидетели курьеры,
Я прямо так приехал из квартеры!»

18

«Вы, милостивый, смели, государь,
Приехать так? Ко мне? На поздравленье?
В день ангела? Безнравственная тварь!

Теперь твое я вижу направленье!
Вон с глаз моих! Иль нету — секретарь!
Пишите к прокурору отношенье:
Советник Тит Евсеев сын Попов
Все ниспровергнуть власти был готов.

19

Но строгому благодаря надзору
Такого-то министра — имярек —
Отечество спаслось от заговору
И нравственность не сгинула навек.
Под стражей ныне шлется к прокурору
Для следствия сей вредный человек,
Дерзнувший снять публично панталоны.
Да поразят преступника законы!

20

Иль нет, постойте! Коль отдать под суд,
По делу выйти может послабленье,
Присяжные-бесштанники спасут
И оправдают корень возмущенья;
Здесь слишком громко нравы вопиют —
Пишите прямо в Третье отделенье:
Советник Тит Евсеев сын Попов
Все ниспровергнуть власти был готов.

21

Он поступил законам так противно,
На общество так явно поднял меч,
Что пользу можно б административно
Из неглиже из самого извлечь.
Я жертвую агентам по две гривны,
Чтобы его — но скрашиваю речь, —
Чтоб мысли там внушить ему иные.
Затем ура! Да здравствует Россия!»

22

Министр кивнул мизинцем. Сторожа
Внезапно взяли под руки Попова.
Стыдливостью его не дорожа,

Они его от Невского, Садовой,
Средь смеха, крика, чуть не мятежа,
К Цепному мосту привели, где новый
Стоит, на вид весьма красивый, дом,
Своим известный праведным судом.

23

Чиновник по особым порученьям,
Который их до места проводил,
С заботливым Попова попеченьем
Сдал на руки дежурному. То был
Во фраке муж, с лицом, пылавшим рвеньем,
Со львиной физьономией, носил
Мальтийский крест и множество медалей,
И в душу взор его влезал всё далей.

24

В каком полку он некогда служил,
В каких боях отличен был как воин,
За что свой крест мальтийский получил
И где своих медалей удостоен —
Неведомо. Ехидно попросил
Попова он, чтобы тот был спокоен,
С улыбкой указал ему на стул
И в комнату соседнюю скользнул.

25

Один оставшись в небольшой гостиной,
Попов стал думать о своей судьбе:
«А казус вышел, кажется, причинный!
Кто б это мог вообразить себе?
Попался я в огонь, как сноп овинный!
Ведь искони того еще не бе,
Чтобы меня кто в этом виде встретил,
И как швейцар проклятый не заметил!»

26

Но дверь отверзлась, и явился в ней
С лицом почтенным, грустию покрытым,
Лазоревый полковник. Из очей
Катились слезы по его ланитам.

Обильно их струящийся ручей
Он утирал платком, узором шитым,
И про себя шептал: «Так! Это он!
Таким он был едва лишь из пелён!

27

О юноша! — он продолжал, вздыхая
(Попову было с лишком сорок лет),—
Моя душа для вашей не чужая!
Я в те года, когда мы ездим в свет,
Знал вашу мать. Она была святая!
Таких, увы! теперь уж боле нет!
Когда б она досель была к вам близко,
Вы б не упали нравственно так низко!

28

Но, юный друг, для набожных сердец
К отверженным не может быть презренья,
И я хочу вам быть второй отец,
Хочу вам дать для жизни наставленье.
Заблудших так приводим мы овец
Со дна трущоб на чистый путь спасенья.
Откройтесь мне, равно как на духу:
Что привело вас к этому греху?

29

Конечно, вы пришли к нему не сами,
Характер ваш невинен, чист и прям!
Я помню, как дитёй за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугам!
Нет, юный друг, вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же их нам!
Кто вольнодумцы? Всех их назовите
И собственную участь облегчите!

30

Что слышу я? Ни слова? Иль пустить
Уже успело корни в вас упорство?
Тогда должны мы будем приступить
Ко строгости, увы! и непокорство,
Сколь нам ни больно, в вас искоренить!

О юноша! Как сердце ваше черство!
В последний раз: хотите ли всю рать
Завлекших вас сообщников назвать?»

31

К нему Попов достойно и наивно:
«Я, господин полковник, я бы вам
Их рад назвать, но мне, ей-богу, дивно. . .
Возможно ли сообщничество там,
Где преступленье чисто негативно?
Ведь панталон-то не надел я сам!
И чем бы там меня вы ни пугали —
Другие мне, клянусь, не помогали!»

32

«Не мудрствуйте, надменный санкюлот!
Свою вину не умножайте ложью!
Сообщников и гнусный ваш комплот
Повергните к отечества подножью!
Когда б вы знали, что́ теперь вас ждет,
Вас проняло бы ужасом и дрожью!
Но дружбу вы чтоб ведали мою,
Одуматься я время вам даю!

33

Здесь, на столе, смотрите, вам готово
Достаточно бумаги и чернил:
Пишите же — не то, даю вам слово:
Чрез полчаса вас изо всех мы сил. . .»
Тут ужас вдруг такой объял Попова,
Что страшную он подлость совершил:
Пошел строчить (как люди в страхе гадки!)
Имен невинных многие десятки!

34

Явились тут на нескольких листах:
Какой-то Шмидт, два брата Шулаковы,
Зерцалов, Палкин, Савич, Розенбах,
Потанчиков, Гудим-Бодай-Корова,
Делаверганж, Шульгин, Страженко, Драх,

Грай-Жеребец, Бабков, Ильин, Багровый,
Мадам Гриневич, Глазов, Рыбин, Штих,
Бурдюк-Лишай — и множество других.

35

Попо̀в строчил сплеча и без оглядки,
Попались в список лучшие друзья;
Я повторю — как люди в страхе гадки:
Начнут как бог, а кончат как свинья!
Строчил Попов, строчил во все лопатки,
Такая вышла вскоре ектенья,
Что, прочитав, и сам он ужаснулся,
Вскричал: «Фуй! Фуй!» Задрыгал —
и проснулся.

36

Небесный свод сиял так юн и нов,
Весенний день глядел в окно так весел,
Висела пара форменных штанов
С мундиром купно через спинку кре́сел;
И в радости уверился Попов,
Что их Иван там с вечера повесил,—
Одним скачком покинул он кровать
И начал их в восторге надевать.

37

«То был лишь сон! О, счастие! О, радость!
Моя душа, как этот день, ясна!
Не сделал я Бодай-Корове гадость!
Не выдал я агентам Ильина!
Не наклепал на Савича! О, сладость!
Мадам Гриневич мной не предана!
Страженко цел, и братья Шулаковы
Постыдно мной не ввержены в оковы!»

38

Но ты никак, читатель, восстаешь
На мой рассказ? Твое я слышу мненье:
Сей анекдот, пожалуй, и хорош,
Но в нем сквозит дурное направленье.
Всё выдумки, нет правды ни на грош!

Слыхал ли кто такое обвиненье,
Что, мол, такой-то — встречен без штанов,
Так уж и власти свергнуть он готов?

39

И где такие виданы министры?
Кто так из них толпе кадить бы мог?
Я допущу: успехи наши быстры,
Но где ж у нас министер-демагог?
Пусть проберут все списки и регистры,
Я пять рублей бумажных дам в залог;
Быть может, их во Франции немало,
Но на Руси их нет — и не бывало!

40

И что это, помилуйте, за дом,
Куда Попов отправлен в наказанье?
Что за допрос? Каким его судом
Стращают там? Где есть такое зданье?
Что за полковник выскочил? Во всем,
Во всем заметно полное незнанье
Своей страны обычаев и лиц,
Встречаемое только у девиц.

41

А наконец, и самое вступленье:
Ну есть ли смысл, я спрашиваю, в том,
Чтоб в день такой, когда на поздравленье
К министру все съезжаются гуртом,
С Поповым вдруг случилось помраченье
И он таким оделся бы шутом?
Забыться может галстук, орден, пряжка —
Но пара брюк — нет, это уж натяжка!

42

И мог ли он так ехать? Мог ли в зал
Войти, одет как древние герои?
И где резон, чтоб за экран он стал,
Никем не зрим? Возможно ли такое?

Ах, батюшка-читатель, что́ пристал?!
Я не Попов! Оставь меня в покое!
Резон ли в этом или не резон —
Я за чужой не отвечаю сон!

Лето 1873

194. МУДРОСТЬ ЖИЗНИ

1

Если хочешь быть майором,
То в сенате не служи,
Если ж служишь, то по шпорам
Не вздыхай и не тужи.

2

Будь доволен долей малой,
Тщись расходов избегать,
Руки мой себе, пожалуй,
Мыла ж на ноги не трать.

3

Будь настойчив в правом споре,
В пустяках уступчив будь,
Жилься до́красна в запоре,
А поноса вспять не нудь.

4

Замарав штаны малиной
Иль продрав их назади,
Их сымать не смей в гостиной,
Но в боскетную поди.

5

Если кто невольным звуком
Огласит твой кабинет,
Ты не вскакивай со стуком,
Восклицая: «Много лет!»

6

Будь всегда душой обеда,
Не брани чужие щи
И из уха у соседа
Дерзко ваты не тащи.

7

Восхищаяся соседкой,
По груди ее не гладь
И не смей ее салфеткой
Потный лоб свой обтирать.

8

От стола коль отлучиться
Повелит тебе нужда,
Тем пред дамами хвалиться
Ты не должен никогда.

9

Коль сосед болит утробой,
Ты его не осуждай,
Но болящему без злобы
Корша ведомость подай.

10

Изучай родню начальства,
Забавлять ее ходи,
Но игривость до нахальства
Никогда не доводи:

11

Не проси у тещи тряпки
Для обтирки сапогов
И не спрашивай у бабки,
Много ль есть у ней зубов?

12

Помни теток именины,
Чти в кузинах благодать
И не вздумай без причины
Их под мышки щекотать.

13

Будь с невестками попроще,
Но приличия блюди
И червей, гуляя в роще,
Им за шею не клади.

14

Не зови за куст умильно
Дочерей на пару слов
И с племянницы насильно
Не тащи ее чулков.

15

На тебя коль смотрят люди,
Не кричи: «Катай-валяй!»
И кормилицыной груди
У дити не отбивай.

16

Всем девицам будь отрада,
Рви в саду для них плоды,
Не показывай им зада
Без особенной нужды.

17

Проводя в деревне лето,
Их своди на скотный двор:
Помогает много это
Расширять их кругозор;

18

Но, желаньем подстрекаем
Их сюрпризом удивить,
Не давай, подлец, быка им
В виде опыта доить.

19

Также было б очень гадко
Перст в кулак себе совать
Под предлогом, что загадка
Им дается отгадать,

20

Вообще знай в шутках меру,
Сохраняй достойный вид,
Как прилично офицеру
И как служба нам велит.

21

Если мать иль дочь какая
У начальника умрет,
Расскажи ему, вздыхая,
Подходящий анекдот;

22

Но смотри, чтоб ловко было,
Не рассказывай, грубя:
Например, что вот кобыла
Также пала у тебя;

23

Или там, что без потерей
Мы на свете не живем
И что надо быть тетерей,
Чтоб печалиться о том;

24

Потому что, если пылок
Твой начальник и сердит,
Проводить тебя в затылок
Он курьеру повелит.

25

Предаваясь чувствам нежным,
Бисер свиньям не мечи —
Вслед за пахарем прилежным
Ходят жадные грачи.

Вторая половина 1870

Козьма Прутков

195. ЭПИГРАММА № 1

«Вы любите ли сыр?» — спросили раз ханжу,
«Люблю,— он отвечал,— я вкус в нем нахожу».

⟨1854⟩

196. ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА

Греческое стихотворение

Я недавно приехал в Коринф...
Вот ступени, а вот колоннада!
Я люблю здешних мраморных нимф
И истмийского шум водопада!

Целый день я на солнце сижу,
Трусь елеем вокруг поясницы,
Между камней паросских слежу
За извивом слепой медяницы;

Померанцы растут предо мной,
И на них в упоенье гляжу я;
Дорог мне вожделенный покой,
«Красота, красота!» — всё твержу я...

А когда ниспускается ночь...
Мы в восторгах с рабынею млеем...
Всех рабов высылаю я прочь
И... опять натираюсь елеем...

⟨1854⟩

197. ИЗ ГЕЙНЕ

Вянет лист, проходит лето,
Иней серебрится.
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.

Погоди, безумный! Снова
Зелень оживится...
Юнкер Шмидт! Честно́е слово,
Лето возвратится.

⟨1854⟩

198. ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК

Люблю тебя, дева, когда золотистый
И солнцем облитый ты держишь лимон,
И юноши зрю подбородок пушистый
Меж листьев аканфа и белых колонн!
Красивой хламиды тяжелые складки
Упали одна за другой:
Так в улье шумящем вкруг раненой матки
Снует озабоченный рой.

⟨1854⟩

199. К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

(КОТОРЫЙ БУДЕТ ИЗДАН ВСКОРЕ ПРИ ПОЛНОМ СОБРАНИИ МОИХ СОЧИНЕНИЙ)

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг; [1]
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого власы подъяты в беспорядке,
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке,—
Знай — это я!

Кого язвят со злостью, вечно новой,
Из рода в род;
С кого толпа венец его лавровый
Безумно рвет;
Кто ни пред кем спины не клонит гибкой,—
Знай — это я:
В моих устах спокойная улыбка,
В груди — змея!..

⟨1856⟩

---

[1] Вариант: на коем фрак. — *Прим. Козьмы Пруткова.*

200. ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

(Как будто из Гейне)

Помню я тебя ребенком,—
Скоро будет сорок лет! —
Твой передничек измятый,
Твой затянутый корсет...

Было так тебе неловко!..
Ты сказала мне тайком:
«Распусти корсет мне сзади —
Не могу я бегать в нем!»

Весь исполненный волненья,
Я корсет твой развязал,—
Ты со смехом убежала,
Я ж задумчиво стоял...

⟨1860⟩

201

В борьбе суровой с жизнью душной
Мне любо сердцем отдохнуть,
Смотреть, как зреет хлеб насущный
Иль как мостят широкий путь.
Уму легко, душе отрадно,
Когда увесистый, громадный,
Блестящий искрами гранит
В куски под молотом летит!
Люблю подчас подсесть к старухам,
Смотреть на их простую ткань,
Люблю я слушать русским ухом
На сходках уличную брань!
Вот собрались. «Эй ты, не мешкай!»
— «Да ты-то что ж? Небось устал!»
— «А где Ермил?» — «Ушел с тележкой!»
— «Эх, чтоб его!» — «Да чтоб провал..!»
— «Где тут провал?» — «Вот я те, леший!»
— «Куда полез? Знай, благо пеший!»
— «А где зипун?» — «Какой зипун?»
— «А мой!» — «Как твой?» — «Эх, старый лгун!»
— «Смотри задавят!» — «Тише, тише!»
— «Бревно несут!» — «Эй вы, на крыше!»

— «Вороны!» — «Митька! Амельян!»
— «Слепой!» — «Свинья!» — «Дурак!» —
«Болван!»
И все друг друга с криком вящим
Язвят в колене восходящем.

Ну что же, родные?
Довольно ругаться!
Пора нам за дело
Благое приняться!

Подымемте дружно
Чугунную бабу!
Всё будет досужно,
Лишь песня была бы!

Вот дуются жилы,
Знать, чуют работу!
И сколько тут силы!
И сколько тут поту!

На славу терпенье,
А нега на сóром!
И дружное пенье
Вдруг грянуло хором:

«Как на сытном-то на рынке
Утонула баба в крынке,
Звали Мишку на поминки,
Хоронить ее на рынке,
Ой, дубинушка, да бухни!
Ой, зеленая сама пойдет!

Да бум!
Да бум!
Да бум!»

Вот поднялась стопудовая баба,
Всё выше, выше, медленно, не вдруг...
«Тащи, тащи! Эй, Федька, держишь слабо!»
— «Тащи еще!» — «Пускай!» И баба: бух!
Раздался гул, и, берег потрясая,
На три вершка ушла в трясину свая!
Эх бабобитье! Всем по нраву!
Вот этак любо работáть!

Споем, друзья, еще на славу!
И пенье грянуло опять:

«Как на сытном-то на рынке
Утонула баба в крынке» и пр.

«Тащи! Тащи!» — «Тащи еще, ребята!
Дружней тащи! Еще, и дело взято!
Недаром в нас могучий русский дух!
Тащи еще! — «Пускай!» И баба: бух!
Раздался гул, и, берег потрясая,
На два вершка ушла в трясину свая!

Начало 1860-х годов (?)

Коллективное

202. ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра,
Спит Эстремадура!

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.

Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколаду.

Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна.

За двумя решетками
Пусть меня клянет.
Пусть шевелит четками,
Старика зовет.

Слышу на балконе
Шорох платья... чу!
Подхожу я к донне,
Сбросил епанчу.

Погоди, прелестница,
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!

О сеньора милая!
Здесь темно и серо...
Страсть кипит унылая
В вашем кавальеро.

Здесь, перед бананами, —
Если не наскучу, —
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

И на этом месте,
Если вы мне рады, —
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире,

Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,
О тореадорах
И об Эскурьяле...

Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра,
Спит Эстремадура.

⟨1854⟩

203

(Подражание Гейне)

На взморье, у самой заставы,
Я видел большой огород:
Растет там высокая спаржа,
Капуста там скромно растет.

Там утром всегда огородник
Лениво проходит меж гряд;
На нем неопрятный передник,
Угрюм его пасмурный взгляд.

Польет он из лейки капусту,
Он спаржу небрежно польет,
Нарежет зеленого луку
И после глубоко вздохнет.

Намедни к нему подъезжает
Чиновник на тройке лихой;
Он в теплых, высоких галошах,
На шее лорнет золотой.

«Где дочка твоя?» — вопрошает
Чиновник, прищурясь в лорнет,
Но, дико взглянув, огородник
Махнул лишь рукою в ответ.

И тройка назад поскакала,
Сметая с капусты росу,
Стоит огородник угрюмо
И пальцем копает в носу.

⟨1854⟩

204. ОСАДА ПАМБЫ

(Романсеро. С испанского)

Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванью Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаясь.

И всё войско дона Педра —
Девять тысяч кастильянцев —
Все, по данному обету,
Не касаются мясного,
Ниже хлеба не снедают,
Пьют одно лишь молоко. . .
Всякий день они слабеют,
Силы тратя по-пустому,
Всякий день дон Педро Гомец
О своем бессилье плачет,
Закрываясь епанчою.
Настает уж год десятый, —
Злые мавры торжествуют,
А от войска дона Педра
Налицо едва осталось
Девятнадцать человек!
Их собрал дон Педро Гомец
И сказал им: «Девятнадцать!
Разовьем свои знамена,
В трубы громкие взыграем
И, ударивши в литавры,
Прочь от Памбы мы отступим!
Хоть мы крепости не взяли,
Но поклясться можем смело
Перед совестью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами данного обета:
Целых девять лет не ели,
Ничего не ели ровно,
Кроме только молока!»
Ободренные сей речью,
Девятнадцать кастильянцев,
Все, качаяся на седлах,
В голос слабо закричали:
«Sancto Jago Compostello! [1]
Честь и слава дону Педру!
Честь и слава Льву Кастильи!»
А каплан его Диего
Так сказал себе сквозь зубы:
«Если б я был полководцем,
Я б обет дал есть лишь мясо,
Запивая сантуринским!»

---

[1] Святой Иаков Компостельский! (лат.). — *Ред.*

И, услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом:
«Подарить ему барана —
Он изрядно подшутил!»

⟨1854⟩

205. ИЗ ГЕЙНЕ

Фриц Вагнер, студьозус из Иены,
Из Бонна Иеронимус Кох
Вошли в кабинет мой с азартом, —
Вошли, не очистив сапог.

«Здорово, наш старый товарищ!
Реши поскорее наш спор:
Кто доблестней — Кох или Вагнер?» —
Спросили с бряцанием шпор.

«Друзья! Вас и в Иене и в Бонне
Давно уже я оценил.
Кох логике славно учился,
А Вагнер искусно чертил».

Ответом моим недовольны,
«Решай поскорее наш спор!» —
Они повторяли с азартом
И с тем же бряцанием шпор.

Я комнату взглядом окинул
И, будто узором прельщен,
«Мне нравятся очень *обои*!» —
Сказал им и выбежал вон.

Понять моего каламбура
Из них ни единый не мог,
И долго стояли в раздумье
Студьозусы Вагнер и Кох.

⟨1854⟩

206. ЗВЕЗДА И БРЮХО

Басня

На небе вечерком светилася Звезда.
Был постный день тогда:
Быть может, пятница, быть может, середа.
В то время пó саду гуляло чье-то Брюхо
И рассуждало так с собой,
Бурча и жалобно и глухо:
«Какой
Хозяин мой
Противный и несносный!
Затем что день сегодня постный,
Не станет есть, мошенник, до звезды!
Не только есть! Куды!
Не выпьет и ковша воды!
Нет, право, с ним наш брат не сладит...
Знай бродит пó саду, ханжа,
На мне ладони положа...
Совсем не кормит — только гладит!»
Меж тем ночная тень мрачней кругом легла.
Звезда, прищурившись, глядит на край окольный:
То спрячется за колокольней,
То выглянет из-за угла,
То вспыхнет ярче, то сожмется...
Над животом исподтишка смеется.
Вдруг Брюху ту Звезду случилось увидать,
Ан хвать!
Она уж кубарем несется
С небес долой
Вниз головой
И падает, не удержав полета.
Куда ж? В болото!
Как Брюху быть! Кричит: ахти да ах!
И ну ругать Звезду в сердцах!
Но делать нечего! Другой не оказалось...
И Брюхо, сколько ни ругалось,
Осталось
Хоть вечером, а натощак.

Читатель! Басня эта
Нас учит не давать без крайности обета
Поститься до звезды,

Чтоб не нажить себе беды.
Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься для душеспасенья,
То мой совет —
Я говорю тебе из дружбы —
Спасайся! Слова нет!
Но главное: не отставай от службы!
Начальство, день и ночь пекущеесь о нас,
Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и скромный.
Тогда в день постный, в день скоромный,
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом,
Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?

1854

207. ЦЕРЕМОНИАЛ

ПОГРЕБЕНИЯ ТЕЛА В БОЗЕ УСОПШЕГО ПОРУЧИКА И КАВАЛЕРА ФАДДЕЯ КОЗЬМИЧА П...

Составлен аудитором вместе с полковым адъютантом 22-го февраля 1821 года, в Житомирской губернии, близ города Радзивиллова.

Утверждаю. Полковник[1]

1

Впереди идут два горниста,
Играют отчетисто и чисто.

2

Идет прапорщик Густав Бауер,
На шляпе и фалдах несет трауер.

3

По обычаю, искони заведенному,
Идет маиор, пеший по-конному.

---

[1] Для себя я, разумеется, места не назначил. Как начальник, я должен быть в одно время везде и предоставляю себе разъезжать по линии и вдоль колонны.

4

Идет каптенармус во главе капральства,
Пожирает глазами начальство.

5

Два фурлейта ведут кобылу.
Она ступает тяжело и уныло.

6

Это та самая кляча,
На которой ездил виновник плача.

7

Идет с печальным видом казначей,
Проливает слезный ручей.

8

Идут хлебопеки и квартирьеры,
Хвалят покойника манеры.

9

Идет аудитор, надрывается,
С похвалою о нем отзывается.

10

Едет в коляске полковой врач,
Печальным лицом умножает плач.

11

На козлах сидит фершал из Севастополя,
Поет плачевно: «Не одна во поле. . .»

12

Идет с кастрюлею квартирмейстер,
Несет для кутьи крахмальный клейстер.

13

Идет маиорская Василиса,
Несет тарелку, полную риса.

14

Идет с блюдечком отец Герасим,
Несет изюму гривен на семь.

15

Идет первой роты фельдфебель,
Несет необходимую мебель.

16

Три бабы, с флером вокруг повойника,
Несут любимые блюда покойника:

17

Ножки, печенку и пупок под соусом;
Все три они вопят жалобным голосом.

18

Идут Буренин и Суворин,
Их плач о покойнике непритворен.

19

Идет, повеся голову, Корш,
Рыдает и фыркает, как морж.

20

Идут гуси, индейки и утки,
Здесь помещенные боле для шутки.

21

Идет мокрая от слез курица,
Не то смеется, не то хмурится.

22

Едет сама траурная колесница,
На балдахине поет райская птица.

23

Идет слабосильная команда с шанцевым
струментом,
За ней телега с кирпичом и цементом.

24

Меж двух прохвостов идет уездный зодчий,
Рыдает изо всей мочи.

25

Идут четыре ветеринара,
С клистирами на случай пожара.

26

Гг. юнкера несут регалии:
Пряжку, темляк, репеёк и так далее.

27

Идут гг. офицеры по два в ряд,
О новой вакансии говорят.

28

Идут славянофилы и нигилисты,
У тех и у других ногти не чисты.

29

Ибо если они не сходятся в теории
вероятности,
То сходятся в неопрятности.

30

И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее
Русского безбожия и православия.

31

На краю разверстой могилы
Имеют спорить нигилисты и славянофилы.

32

Первые утверждают, что, кто умрет,
Тот весь обращается в кислород.

33

Вторые — что он входит в небесные угодия
И делается братчиком Кирилла — Мефодия.

34

И что черные вести оттудова
Получила сама графиня Блудова.

35

Для решения этого спора
Стороны приглашают аудито́ра.

36

Аудитор говорит: «Рай-диди-рай!
Покойник отправился прямо в рай».

37

С этим отец Герасим соглашается,
И погребение совершается...

*Исполнить, как сказано выше. Полковник ***.*

Примечание полкового адъютанта. После тройного залпа из ружей, в виде последнего салюта человеку и товарищу, г. полковник вынул из заднего кармана батистовый платок и, отерев им слезы, произнес следующую речь:

1

Гг. штаб- и обер-офицеры!
Мы проводили товарища до последней
квартиры

2

Отдадим же долг его добродетели:
Он умом равен Аристотелю.

3

Стратегикой уподоблялся на войне
Самому Кутузову и Жомини.

4

Бескорыстием был равен Аристиду —
Но его сразила простуда.

5

Он был красою человечества,
Помянем же добром его качества.

6

Гг. офицеры, после погребения
Прошу вас всех к себе на собрание.

7

Я поручил юнкеру фон Бокт
Устроить нечто вроде пикника.

8

Это будет и закуска, и вместе обед —
Итак, левое плечо вперед.

9

Заплатить придется очень мало,
Не более пяти рублей с рыла.

10

Разойдемся не прежде как ввечеру, —
Да здравствует Россия — ура!!

Примечание отца Герасима. Видяй сломицу в оке ближнего, не зрит в своем ниже бруса. Строг и свиреп быши к рифмам ближнего твоего, сам же, аки свинья непотребная, рифмы негодные и уху зело вредящие сплел еси. Иди в огонь вечный, анафема.

Примечание рукою полковника. Посадить Герасима под арест за эту отметку. Изготовить от моего имени отношение ко владыке, что Герасим искажает текст, называя сучец — сломицею. Это все равно, что если б я отворот назвал погонами.

Доклад полкового адъютанта. Так как отец Герасим есть некоторым образом духовное лицо, находящееся в прямой зависимости от Консистории и Св. Синода, то не будет ли отчасти неловко подвергнуть его мере административной посаждением его под арест, установленный более для проступков по военной части.

Отметка полковника. А мне что за дело. Все-таки посадить после пикника.

Примечание полкового адъютанта. Узнав о намерении полковника, отец Герасим изготовил донос графу Аракчееву, в котором объяснял, что полковник два года не был на исповеди. О том же изготовил он донос и к архипастырю Фотию и прочел на пикнике полковнику отпуски. Однако, когда подали горячее, не отказался пить за здоровье полковника, причем полковник выпил и за его здоровье. Это повторялось несколько раз, и после бланманже и суфле-вертю, когда гг. офицеры танцевали вприсядку, полковник и отец Герасим обнялись и со слезами на глазах сделали три тура мазурки, а дело предали забвению. При этом был отдан приказ, чтобы гг. офицеры и юнкера, а равно и нижние чины не смели исповедоваться у посторонних иереев, а только у отца Герасима, под опасением для гг. офицеров трехнедельного ареста, для гг. юнкеров дежурств при помойной яме, а для нижних чинов телесного наказания.

3. СТИХОТВОРНЫЕ ЗАПИСКИ. ЭКСПРОМТЫ. НАДПИСИ. БУРИМЕ

208. ⟨А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ⟩

Вхожу в твой кабинет,
Ищу тебя, бездельник,
Тебя же нет как нет,
Знать, нынче понедельник.

Пожалуй, приезжай
Ко мне сегодня с братом:
Со мной откушать чай
И утку с кресс-салатом.

Венгерское вино
Вас ждет (в бутылке ль, в штофе ль —
Не знаю), но давно
Заказан уж картофель.

Я в городе один,
А мать живет на даче,
Из-за таких причин
Жду ужину удачи.

Армянский славный край
Лежит за Араратом,
Пожалуй, приезжай
Ко мне сегодня с братом!

1854

209. ⟨Б. М. МАРКЕВИЧУ⟩

Где нет толку никакого,
Где сумбур и дребедень —
Плюнь, Маркевич, на Буткова
И явись как ясный день!

24 февраля 1859

210. ⟨К. К. ПАВЛОВОЙ⟩

Прошу простить великодушно,
Что я, как старый генерал,
В борьбе суровой с жизнью душной,
Моим посланьем опоздал!
(Сравненье здесь с главою рати,
Без предыдущего звена,
Хоть Вам покажется некстати,
Но рифма мне была нужна.)
Итак, без дальних отступлений,
Желаю Вам на Новый год
Поболе новых вдохновений,
Помене тягостных забот.
Для Вас дай бог, чтоб в этом годе
Взошла счастливая заря!

P. S.

Со мной о Вашем переводе
Из драмы «Фауст» говоря,
Упомянули Вы недавно
(Серебролукий Вас прости!),
Что всё бы шло довольно плавно,
Но трудно стих перевести,
Где Фауст, в яром озлобленье,
Кляня всё то, что deus vult, [1]
Вдруг говорит для заключенья:
«Und fluch' vor allem der Geduld»! [2]
Вращаясь в Фебовом синклите,
Быть может, стал я слишком лих,
Но как Вам кажется, скажите,
Нельзя ли тот строптивый стих
(Храня при том с почтеньем эха
Оригинала глубину)
Перевести не без успеха:
«Терпенье глупое кляну»?

Начало 1860-х годов (?)

---

[1] Бог хочет (лат.). — *Ред.*
[2] Перевод — в последней строке стихотворения.

211. ⟨М. Н. ЛОНГИНОВУ⟩

Очень, Лонгинов, мне жаль,
Что нельзя с тобой обедать —
Какова моя печаль,
То тебе нетрудно ведать.

1864

212. ⟨Б. М. МАРКЕВИЧУ⟩

Ты, что, в красе своей румяной,
Предмет восторженной молвы,
Всегда изящный, вечно рьяный,
Цветешь на берегах Невы,

Когда к тебе недавно, сдуру,
Я обратил наивный зов
Держать из дружбы корректуру
Моих неизданных стихов,

Едва их удостоив взгляда,
Должно быть полусонный, ты
С небрежной ленью Алкивьяда
Переворачивал листы.

Сменив Буткова на Каткова,
Отверг ты всякий ложный стыд.
Тебе смысл здравый не окова,
Тебя нелепость не страшит.

И я, тобою искаженный,
С изнеможением в кости,
Спешу, смиренный и согбенный,
Тебе спасибо принести;

Для каждого стиха errata [1]
С утра до вечера пишу,
С супружней кротостью Сократа
Твою ксантиппость я сношу.

---

[1] Отпечатки (лат.). — *Ред.*

Ругню, вранье, толчки, побои
Приняв, безропотно стою,
Смиренно под твои помои
Склоняю голову мою

И, в благодарности не шаток,
И твердо веря в связь сердец,
Плету тебе из опечаток
Неувядаемый венец.

Они, роскошные, как злаки,
Пестрят читающего путь —
Подобно им, отличья знаки
Твою да испещряют грудь,

И да цветут твои потомки,
На удивление стране,
Так многочисленны, так громки,
Так полновесны, как оне!

1 мая 1867

213. ⟨ГРАФУ Д. А. ТОЛСТОМУ⟩

Бисмарк, сидючи в Берлине,
Пишет Австрии устав,
Бонапарт, в своей рутине,
Непреклонный кажет нрав;
Говорят, что будто ныне
Кто настойчив, тот и прав;
И по этой-то причине,
Перед вами ниц упав,
Вновь молю вас: о Щербине
Не забудьте, милый граф!

1867

214. ⟨Ф. К. МЕЙЕНДОРФУ⟩

Барон, тебе, делившему
Дни римские с певцом,
Тебе, переломившему
Копье с святым отцом,

Тебе, в palazzo Geoli[1]
Привыкшему витать,
Не слишком будет смело ли
Поднесть сию тетрадь?

Но в скуки час томительный,
Признайся (хи, хи, хи!),
Ты сам, превосходительный,
Пописывал стихи?
Итак, мое послание
И дружеский поклон
До нашего свидания
Я шлю тебе, барон.

1867

215. ⟨А. Н. МАЛЬЦЕВОЙ⟩

Пью ль мадеру, пью ли квас я,
Пью ли сливки я коровьи,
За твое всегда, Настасья,
Выпиваю я здоровье.

Ныне «Тигра» пассажиры
Мне вручили полномочье,
Чтобы пил при звоне лиры
За твою младую дочь я.

Лиры нет у капитана,
Лишь бутылки да графины,
И при шуме урагана,
И при грохоте машины
Пью из этого стакана
За обеих именины!

29 октября 1869

216

Стасюлевич и Маркевич
Вместе побранились;
Стасюлевич и Маркевич
Оба осрамились.

---

[1] Во дворце Джоли (итал.). — *Ред.*

«Ты поляк, — гласит Маркевич, —
В этом я уверен!»
Отвечает Стасюлевич:
«Лжешь как сивый мерин!»

Говорит ему Маркевич:
«Судишь ты превратно!»
Отвечает Стасюлевич:
«То донос печатный!»

Размышляет Стасюлевич:
«Классицизм нам кстати ль?»
Говорит ему Маркевич:
«Стало, ты предатель!»

Октябрь (?) 1869

217

Как-то Карп Семенович
Сорвался́ с балкона,
И на нем суконные
Были панталоны.

Ах, в остережение
Дан пример нам оный:
Братья, без медления
Снимем панталоны!

22 декабря 1869

218

Рука Алкида тяжела,
Ужасны Стимфалидов стаи,
Смертельна Хирона стрела,
Широко лоно Пазифаи.

Из первых Аристогитон
С Гармодием на перекличке,
И снисходительно Платон
Их судит странные привычки.

Гомера знали средь Афин
Рабы и самые рабыни,
И каждый римский гражданин
Болтал свободно по-латыни.

22 декабря 1869

219

«Аминь, глаголю вам, — в восторге рек Маркевич,
Когда к Москве-реке, задумчив, шел Катков, —
Се агнца божья зрим!» Но злобный Стасюлевич
Возненавидел вес классических оков
И фарисейски плел, с враждою вечно новой,
Прилегши за кустом, ему венец терновый.

28 декабря 1869

220

Под шум балтийских волн Самарина фон Бок
Разит без умолку. Их битву петь возьмусь ли?
Ко матушке Москве решпект во мне глубок,
Но «Lieber Augustin»[1] мои играют гусли,
И, как ни повернусь, везде найду изъян:
Самарин — Муромец, фон Бок же — грубиян.

28 декабря 1869

221. ЭЛЕГИЯ

Где Майков, Мей, и Мин, и Марков, и Миняев,
И Фет, что́ девам люб?
Полонский сладостный, невидящий Ширяев
И грешный Соллогуб?
Передо мной стоят лишь голые березы
И пожелтевший дуб,
Но нет с кем разделить в бору холодном слезы
И насморк дать кому б!

11 января 1870

---

[1] «Милый Августин» (нем.). — *Ред.*

222

Всё забыл я, всё простил,
Всё меня чарует,
И приказчик стал мне мил,
Что доход ворует,

И бредущий ревизор
Там через плотину,
И свинья, что о забор
С хрюком чешет спину,

Сердце так полно мое,
Так я стал незлобен,
Что и самого Вельо
Я б обнять способен!

14 мая 1871

223

Я готов румянцем девичьим
Оттого покрыться,
Что Маркевич с Стасюлевичем
Долго так бранится.

Что б ему на Стасюлевича
Не грозиться палкой?
Стасюлевичу б Маркевича
Подарить фиалкой?

14 мая 1871

224. ⟨М. Н. ЛОНГИНОВУ⟩

Слава богу, я здоров,
Но ведь может же случиться,
Что к обители отцов
Мне придется отлучиться.

Если выйдет казус сей,
Что сведет мне поясницу,
Ты, прошу, жене моей
Выдай паспорт за границу.

Ты ей в том не откажи,
Ибо это будет верно,
Что стою я близ межи,
Преступить ее же скверно.

3 июля 1871

225. ⟨Б. М. МАРКЕВИЧУ⟩

В награду дружеских усилий,
Вам проложивших новый путь,
С сим посылается Василий
Помочь вам в Брянске чем-нибудь.

Коляска ждет на полдороге
Питомца ветреного муз —
Да покровительствуют боги
Ее давно желанный груз!

Наперсник легкой Терпсихоры
Да скачет цел и невредим,
Да не подломятся рессоры
Близ грязных Выгонич под ним!

Его румяные ланиты
И дорогие седины
Да увенчают и хариты,
И Рога Красного сыны!

28 июня 1872

226. ⟨М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ⟩

Скорее на́ небе луну
Заменит круг презренной ....,
Чем я хоть мысленно дерзну
Обидеть «Вестника Европы»!

18 ноября 1873

227. ⟨М. П. АРНОЛЬДИ⟩

Ропща на прихоти судеб
И в испытаньях малодушный,
Я ждал насушенный твой хлеб,
Как ожидают хлеб насущный.

Мой легкомысленный живот
С неблагодарностью кухарок
Винил в забвенье вас — и вот
Приносят с почты ваш подарок!

О, кто опишет, господа,
Его эффект животворящий!
Красней, красней же от стыда,
Мой всяку дрянь живот варящий!

Склони в смущении свой взор,
Живот, на этот короб хлебный
И пой вседневно с этих пор
Его творцу канон хвалебный!

«Да не коснется злая боль,
Ни резь его пищеваренья!
Да обретет он в жизни соль
И смысл в житейском треволненье!

Да посрамятся перед ним
Его враги ошибкой грубой!
Как этот хлеб несокрушим,
Да сокрушает их он зубы!

Его главы да минет рок,
И да живет он долговечен,
Как этот хлеб, что внукам впрок
Предусмотрительно испéчен!»

27 февраля 1875

228. ⟨В. А. АРЦИМОВИЧУ⟩

Ты властитель всех сердец,
Нам же дядя и отец!

3 апреля 1875

229. ⟨А. М. и Н. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЫМ⟩

Милые дети, вас просят обедать.
Дайте посланцу ответ;
Нужен ответ, чтобы повару ведать,
Сколько состряпать котлет.

230. ⟨А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ⟩

Мы тебя субботним днем
Заклинаем и зовем,
Причитая тако:
«Приезжай к нам, Алексей,
Приезжай с женой своей —
Будет кулебяка!

Будет также то и се,
Будет селери мусё,
Будут также сласти
И Елагина, чьи ты
Оценяешь красоты
Ради сладострастья!»

231. НАДПИСИ НА СТИХОТВОРЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА

ПОДРАЖАНИЕ

(«Я видел смерть: она сидела...»)

. . . .
Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!
Небес лазурная завеса,
Любимые холмы, ручья веселый глас,
Ты, утро — вдохновенья час,
Вы, тени мирные таинственного леса,
И всё — прости в последний раз!

Ты притворяешься, повеса,
Ты знаешь, баловень, дорогу на Парнас.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

. . . .
Приди, меня мертвит любовь!
В молчанье благосклонной ночи
Явись, волшебница! Пускай увижу вновь
Под грозным кивером твои небесны очи,
И плащ, и пояс боевой,
И бранной обувью украшенные ноги...
Не медли, поспешай, прелестный воин мой,
Приди, я жду тебя: здоровья дар благой
Мне снова ниспослали боги,
А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

По мне же, вид являет мерзкий
В одежде дева офицерской.

ИЗ ПИСЬМА

Есть в России город Луга
Петербургского округа.
Хуже б не было сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

Город есть еще один,
Называется он Мглин,
Мил евреям и коровам,
Стоит Луги с Новоржевым.

ДОРИДЕ

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

Томительна харит повсюду неизбежность.

ВИНОГРАД

Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

Мне кажется, тому немалая досада,
Чей можно перст сравнить со гроздом винограда.

ЖЕЛАНИЕ

(«Кто видел край, где роскошью природы...»)

. . . .
И там, где мирт шумит над тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные леса,
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?

Утихнут ли волненья жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой заснуть на лоне мирной лени?..

Пятьсот рублей я наложил бы пени
За урну, лень и миртовы леса.

На странице, где помещено обращенное к Е. А. Баратынскому четверостишие «Я жду обещанной тетради...», Толстой написал:

Вакх, Лель, хариты, томны урны,
Проказники, повесы, шалуны,
Цевницы, лиры, лень, Авзонии сыны,
Камены, музы, грации лазурны,
Питомцы, баловни луны,
Наперсники пиров, любимцы Цитереи
И прочие небрежные лакеи.

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник болотный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облако столь гневно гонишь?
. . . .

Как не наскучило вам всем
Пустое спрашивать у бури?
Пристали все: зачем, зачем? —
Затем, что то — в моей натуре!

ПРОРОК

. . . .
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Вот эту штуку, пью ли, ем ли,
Всегда люблю я, ей-же-ей!

ЗОЛОТО И БУЛАТ

«Всё мое», — сказало злато;
«Всё мое», — сказал булат;
«Всё куплю», — сказало злато;
«Всё возьму», — сказал булат.

«Ну так что ж?» — сказало злато;
«Ничего!» — сказал булат.
«Так ступай!» — сказало злато;
«И пойду!» — сказал булат.

В. С. ФИЛИМОНОВУ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОЭМЫ ЕГО «ДУРАЦКИЙ КОЛПАК»

. . . .
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

Сей Филимонов, помню это,
И в наш ходил когда-то дом:
Толстяк, исполненный привета,
С румяным ласковым лицом.

АНЧАР

. . . .
А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Тургенев, ныне поседелый,
Нам это, взвизгивая смело,
В задорной юности читал.

ОТВЕТ

. . . .
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! В Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

Когда бы не было тут Пресни,
От муз с харитами хоть тресни.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева над вечной струей вечно печальна сидит.

Чуда не вижу я тут. Генерал-лейтенант Захаржевский,
В урне той дно просверлив, воду провел чрез нее.

232. НЕОЖИДАННОЕ НАКАЗАНИЕ

Толстый юнкер Арапетов
В этот новый год,
Взявши дюжину браслетов,
К дядюшке несет.
Он к Арапову приходит:
«Дяденька, — браслет!»
Видя бронзу, тот находит,
Что родства-де нет.
Оробел наш Арапетов,
Услыхав ответ:
«Мой племянник лишь Бекетов».
— «Ну так я ваш внук?»
И вся дюжина браслетов
Выпала из рук...
«Внук ты мой? Так как же, сиречь —
Значит, я ваш дед?
Ну так я вас должен высечь
И принять браслет...»

233. ⟨Н. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ⟩

Горька нам, Николай,
Была б твоя утрата,
К обеду приезжай
И привези нам брата.
Отсутствием твоим
Отчасти поражен,
Вчера я был один
Урусовой пленен.
Сам храбрый Бирюлев
И звонкий Опочинин
Явились без штанов,
И вечер был бесчинен...

234. ПРОГУЛКА ПОД КАЧЕЛЯМИ

Вон тянется вдали колясок полоса,
И из одной из них, свой выставив чубук,
Лакей какой-то .... Всё мокро, как роса,
И древо мостовой сияет, будто бук.
Люблю я праздников невинное смятенье,
Вид пьяных мужиков мне просто утешенье!
Мне нравился всегда народных игр состав,
Поеду в балаган, поеду — решено!
Гостиных модных мне наскучил уж устав,
Дни юности я в них рассыпал, как пшено!

235. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ БАЛКАНСКИЕ ГОРЫ

Вершины закутала туч полоса.
Денщик, дай кисет и чубук!
Меня до костей промочила роса,
Здесь сыро — всё ольха да бук!
Вот выстрел! — Чу, что там вдали за смятенье?
Врагов ли господь нам послал в утешенье?
Цыганской ли шайки презренный состав
Нам встретить в горах решено?
Что б ни было, вспомним воинский устав,
Рассыпем врагов, как пшено!

236

Об этом я терзаюся и плачу
Зимой, весною, осенью и летом,
Печаль моя и жалобна и громка,
И скоро я красу свою утрачу,
Глядя порой, как с маленьким лафетом
Невинный твой в траве играет Фомка.

237. БАСНЯ ПРО РОМУЛА И РЕМА

Реин батюшка проспал,
Он прямая ижица!
Не видал, как генерал [1]
С его дочкой лижется, [2]
Как берет оделаванд
После с перекладины,
Которую Монферранд
Сделал среди впадины.

238. ПРОГУЛКА С ПОДРУГОЙ ЖИЗНИ

Покройся, юная девица,
С тебя покров стыдливый пал,
Закройся, юная девица,
Кратка дней красных вереница,
И ты состаришься, девица,
И твой прийдет девятый вал,
Закройся ж, юная девица,
С тебя покров стыдливый пал.

---

[1] Марс.
[2] От сего произошли Ромул и Рем.

1

Молчите! — Мне не нужен розмарин!
Я знаю вас, крамольная палата!
Теперь не вы, а я здесь властелин,
И русских грудь крепчайшие мне латы!
Я презираю вас и ваше злато,
Мне вас милей лабазник бородатый,
Ступайте ж лучше вы в отель «Берлин»,
Да осенит теперь орел крылатый
Гнездо измены, подлости и вин,
Я постелю матрасы вам без ваты!

2

И впредь, друзья, коль дорог вам живот —
Вы не забудьте, я какой детина!
Я вами поверну, как мышью кот,
Вам не поможет польская вся тина,
Я посажу к вам Федорова сына,[1]
Вы будете как в хрене осетрина,
В костелах будет греческий кивот,
Вблизи Варшавы желтая есть глина,
Паскевич вам замажет ею рот,
И верьте мне, что это не малина.

3

И на домах я не оставлю кровли,
Скорей с моих вы убирайтесь глаз,
Не разобьет молочник медный таз,
Не перегнет соломинка оглобли.

---

[1] Иван Федоров сын Паскевич.

Не приставай ко мне, Борис Перовский,
Ужасны мне любви твоей желанья,
К тебе любовию горит Маланья,
Зачем же к ней, Борис, ты не таковский?
Но ты, как древле старый Березовский,
Одной музыки созидаешь зданья,
Мила тебе котлета лишь баранья,
И лишь калач пленил тебя московский.

241. БЕГСТВО НАПОЛЕОНА ИЗ РОССИИ

Готова ль мне, готова ли карета?
Пешком бежать во Францию боюсь!
Я побежден, но да поглотит Лета
Меня, коль я от робости у. . . . .
Хрупка Фортуны ломкая пружина,
Но мне верна французская дружина!
Со мной языков было двадцать восемь,
Морозы их с пожарами сразили,
И так, как сено мы на нивах косим,
Нас косит смерть. Я возвращуся или. . .
Но нет, давайте мне скорее бриться,
Когда ж обреюсь, буду я молиться!

242. ПОЧЕМУ АЛЕКСАНДР I ОТКАЗАЛСЯ ОТ НАЗВАНИЯ ВЕЛИКОГО

Сенат! Почто меня трактуешь как янтарь?
Как редкое и вкусное варенье?
Сенат! Я не Зевес, я просто бедный царь,
Не я, а Саваоф унял крамол смятенье.
За пользу общую я рад пролить свой сок,
Но мир вам даровал не Александр, а рок.
Хоть долго я, друзья, не скидывал рейтузы,
Хотя среди тревог не спал недели три,
Учтивости своей, друзья, заприте шлюзы
И верьте, что мы все ерши — не осетры!

243

Часто от паштета корка
Наш ломает крепкий зуб,
Часто на прохожих зорко
Смотрит старый Соллогуб,
Смотрит зорко он, ей-ей,
Соловей, соловей, быстроногий соловей!

244. БАЛЛАДА

Аскольд плывет, свой сняв шелом,
Кругом ладьи разбитой доски —
Уносит ветр его паром,
Луна зашла — брега не плоски!
И видит в тумане, как в рясе чернец,
На брег его молотом манит купец,
А берега скаты не плоски!

245

Аскольд, зовет тебя Мальвина,
Забудь, что ты природный рос,
Твой щит давно взяла пучина,
Твой замок тернием порос.
Не обращай напрасно взóра
Туда, где юность проводил,
Мальвины ты страшись укóра,
Страшися ночи мрачных сил!

Коллективное

246. ⟨А. П. БОБРИНСКОМУ⟩

Когда ж окончишь ты нелепый свой устав
По всем его частям, отделам, парагрáфам?
Два графа здесь сошлись, ты тоже родом граф,
Теперь уж час ночной, и к чаю пора графам.

Когда, скажи ты мне, та выйдет колея,
Где встретятся с тобой забытые друзья,
Когда ж ты явишься к охрипшему соседу
И снова поведешь с ним длинную беседу?
Здесь ждут тебя давно, словам моим поверь,
Для дружбы и стихов приют у нас келейный,
А утомительный твой люд узкоколейный
Без всякой жалости толкай скорее в дверь!

Начало 1870-х годов

III
ПЕРЕВОДЫ

Джордж Гордон Байрон

247

Ассири́яне шли, как на стадо волки́,
В багреце их и в злате сияли полки,
И без счета их копья сверкали окрест,
Как в волнах галилейских мерцание звезд.

Словно листья дубравные в летние дни,
Еще вечером так красовались они;
Словно листья дубравные в вихре зимы,
Их к рассвету лежали развеяны тьмы.

Ангел смерти лишь на́ ветер крылья простер
И дохнул им в лицо, и померкнул их взор,
И на мутные очи пал сон без конца,
И лишь раз поднялись и остыли сердца.

Вот расширивший ноздри повергнутый конь,
И не пышет из них гордой силы огонь,
И, как хладная влага на бреге морском,
Так предсмертная пена белеет на нем.

Вот и всадник лежит, распростертый во прах,
На броне его ржа и роса на власах;
Безответны шатры, у знамен ни раба,
И не свищет копье, и не тру́бит труба.

И Ассирии вдов слышен плач на весь мир,
И во храме Ваала низвержен кумир,
И народ, не сраженный мечом до конца,
Весь растаял как снег перед блеском творца!

Сентябрь 1856

248

Неспящих солнце, грустная звезда,
Как слезно луч мерцает твой всегда,
Как темнота при нем еще темней,
Как он похож на радость прежних дней!

Так светит прошлое нам в жизненной ночи,
Но уж не греют нас бессильные лучи,
Звезда минувшего так в горе мне видна,
Видна, но далека — светла, но холодна!

Сентябрь 1856

Андре Шенье

249

Крылатый бог любви, склоняся над сохой,
Оратаем идет за взрезанной браздой;
Впряженные тельцы его послушны воле,
Прилежною рукой он засевает поле
И, дерзкий взгляд подняв, к властителю небес
Взывает: «Жатву ты блюди мою, Зевес!
Не то, к Европе страсть опять в тебе волнуя,
В ярмо твою главу мычащую нагну я!»

Осень 1856

250

Вот он, низийский бог, смиритель диких стран,
Со взглядом девственным и гроздием венчан,
Влекомый желтым львом и барсом многоцветным,
Обратный держит путь к садам своим заветным!

Осень 1856

251

Ко мне, младой Хромид, смотри, как я прекрасна!
О юноша, тебя я полюбила страстно.
Диане равная, когда, в закате дня,
Я шла, потупя взор, с восторгом на меня
Глядели пастухи, друг друга вопрошая:
«То смертная ль идет иль дева неземная?
Неэра, не вверяй себя морским волнам,
Не то богинею ты станешь, и пловцам
Придется в бурю звать, к стерну теряя веру,
Фетиду белую и белую Неэру!»

Осень 1856

252

Супруг блудливых коз, нечистый и кичливый,
Узрев, что к ним сатир подкрался похотливый,
И чуя в нем себе опасного врага,
Вздыбяся, изловчил ревнивые рога.
Сатир склоняет лоб — и стук их ярой встречи
Зефиры по лесам, смеясь, несут далече.

Осень 1856

253

Багровый гаснет день; толпится за оградой
Вернувшихся телиц недоеное стадо.
Им в ясли сочная навалена трава,
И ждут они, жуя, пока ты, рукава
По локоть засучив и волосы откинув,
Готовишь звонкий ряд расписанных кувшинов.
Беспечно на тебя ленивые глядят,
Лишь красно-бурой той, заметь, неласков взгляд;
В глазах ее давно сокрытая есть злоба,
Недаром от других она паслась особо;
Но если вместе мы к строптивой подойдем
И ноги сильные опутаем ремнем,
Мы покорим ее, и под твоей рукою
Польется молоко журчащею струею.

Осень 1856

254

Я вместо матери уже считаю стадо,
С отцом ходить в поля теперь моя отрада,
Мы трудимся вдвоем. Я заставляю медь
Весной душистою на пчельнике звенеть;
С царицею своей, услыша звук тяжелый,
Во страхе улететь хотят младые пчелы,
Но, новой их семье готовя новый дом,
Сильнее всё в тазы мы кованые бьем,
И вольные рои, испуганные нами,
Меж зелени висят жужжащими гроздами.

Осень 1856

Иоганн Вольфганг Гёте

255. БОГ И БАЯДЕРА

Магадев, земли владыка,
К нам в шестой нисходит раз,
Чтоб от мала до велика
Самому изведать нас;
Хочет в странствованье трудном
Скорбь и радость испытать,
Чтоб судьею правосудным
Нас карать и награждать.
Он, путником город обшедши усталым,
Могучих проникнув, прислушавшись к малым,
Выходит в предместье свой путь продолжать.

Вот стоит под воротáми,
В шелк и в кольца убрана,
С насурмленными бровями,
Дева падшая одна.
«Здравствуй, дева!» — «Гость, не в меру
Честь в привете мне твоем!»
— «Кто же ты?» — «Я баядера,
И любви ты видишь дом!»
Гремучие бубны привычной рукою,
Кружась, потрясает она над собою
И, стан изгибая, обходит кругом.

И, ласкаясь, увлекает
Незнакомца на порог:
«Лишь войди, и засияет
Эта хата, как чертог;
Ноги я твои омою,
Дам приют от солнца стрел,
Освежу и успокою,
Ты устал и изомлел».
И мнимым страданьям она помогает,
Бессмертный с улыбкою всё примечает,
Он чистую душу в упадшей прозрел.

Как с рабынею, сурово
Обращается он с ней,
Но она, откинув ковы,
Всё покорней и нежней,
И невольно, в жажде вящей
Унизительных услуг,
Чует страсти настоящей
Возрастающий недуг.
Но ведатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводит ее постепенно
Чрез негу, и страх, и терзания мук.

Он касается устами
Расписных ее ланит,
И нежданными слезами
Лик наемницы облит;
Пала ниц в сердечной боли,
И не надо ей даров,
И для пляски нету воли,
И для речи нету слов.
Но солнце заходит, и мрак наступает,
Убра́нное ложе чету принимает,
И ночь опустила над ними покров.

На заре, в волненье странном,
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвым, бездыханным
Видит с ужасом она.
Плач напрасный! Крик бесплодный!
Совершился рока суд,
И брамины труп холодный
К яме огненной несут.

И слышит она погребальное пенье,
И рвется, и делит толпу в исступленье.
«Кто ты? Чего хочешь, безумная, тут?»

С воплем ринулась на землю
Пред возлюбленным своим:
«Я супруга прах объемлю,
Я хочу погибнуть с ним!
Красота ли неземная
Станет пеплом и золой?
Он был мой в лобзаньях рая,
Он и в смерти будет мой!»
Но стих раздается священного хора:
«Несем мы к могиле, несем без разбора
И старость и юность с ее красотой!

Ты ж ученью Брамы веруй:
Мужем не был он твоим,
Ты зовешься баядерой
И не связана ты с ним!
Только женам овдовелым
Честь сожженья суждена,
Только тень идет за телом,
А за мужем лишь жена!
Раздайтеся, трубы, кимвалы, гремите,
Вы в пламени юношу, боги, примите,
Примите к себе от последнего сна!»

Так, ее страданья множа,
Хор безжалостно поет,
И на лютой смерти ложе,
В ярый огнь, она падет;
Но из пламенного зева
Бог поднялся, невредим,
И в его объятьях дева
К небесам взлетает с ним.
Раскаянье грешных любимо богами,
Заблудших детей огневыми руками
Благие возносят к чертогам своим.

17 (29) сентября 1967
Веймар

256. КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Из Афин в Коринф многоколонный
Юный гость приходит, незнаком,
Там когда-то житель благосклонный
Хлеб и соль водил с его отцом;
И детей они
В их младые дни
Нарекли невестой с женихом.

Но какой для доброго приема
От него потребуют цены?
Он — дитя языческого дома,
А они — недавно крещены!
Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены.

Вся семья давно уж отдыхает,
Только мать одна еще не спит,
Благодушно гостя принимает
И покой отвесть ему спешит;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлебом стол и яствами покрыт.

И, простясь, ночник ему зажженный
Ставит мать, но ото всех тревог
Уж усталый он и полусонный,
Без еды, не раздеваясь, лег,
Как сквозь двери тьму
Движется к нему
Странный гость бесшумно на порог.

Входит дева медленно и скромно,
Вся покрыта белой пеленой,
Вкруг косы ее, густой и темной,
Блещет венчик черно-золотой.
Юношу узрев,
Стала, оробев,
С приподнятой бледною рукой.

«Видно, в доме я уже чужая, —
Так она со вздохом говорит, —

Что вошла, о госте сем не зная,
И теперь меня объемлет стыд;
    Спи ж спокойным сном
    На одре своем,
Я уйду опять в мой темный скит!»

«Дева, стой, — воскликнул он, — со мною
Подожди до утренней поры!
Вот, смотри, Церерой золотою,
Вакхом вот посла́нные дары;
    А с тобой придет
    Молодой Эрот,
Им же светлы игры и пиры!»

«Отступи, о юноша, я боле
Непричастна радости земной;
Шаг свершен родительскою волей:
На одре болезни роковой
    Поклялася мать
    Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

И богов веселых рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит один незримый,
Одному распятому хвала!
    Агнцы боле тут
    Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!»

И ее он взвешивает речи:
«Неужель теперь, в тиши ночной,
С женихом не чаявшая встречи,
То стоит невеста предо мной?
    О, отдайся ж мне,
    Будь моей вполне,
Нас венча́ли клятвою двойной!»

«Мне не быть твоею, отрок милый,
Ты мечты напрасной не лелей,
Скоро буду взята я могилой,
Ты ж сестре назначен уж моей;
    Но в блаженном сне
    Думай обо мне,
Обо мне, когда ты будешь с ней!»

«Нет, да светит пламя сей лампады
Нам Гимена факелом святым,
И тебя для жизни, для отрады
Уведу к пенатам я моим!
Верь мне, друг, о верь!
Мы вдвоем теперь
Брачный пир нежданно совершим!»

И они меняются дарами:
Цепь она спешит златую снять, —
Чашу он с узорными краями
В знак союза хочет ей отдать;
Но она к нему:
«Чаши не приму,
Лишь волос твоих возьму я прядь!»

Полночь бьет — и взор доселе хладный
Заблистал, лицо оживлено,
И уста бесцветные пьют жадно
С темной кровью схожее вино;
Хлеба ж со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать запрещено.

И фиал она ему подносит,
Вместе с ней он ток багровый пьет,
Но ее объятий как ни просит,
Всё она противится — и вот,
Тяжко огорчен,
Пал на ложе он
И в бессильной страсти слезы льет.

И она к нему, ласкаясь, села:
«Жалко мучить мне тебя, но, ах,
Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:
Я как снег бледна,
Я как лед хладна,
Не согреюсь я в твоих руках!»

Но, кипящий жизненною силой,
Он ее в объятья заключил:
«Ты хотя бы вышла из могилы,
Я б согрел тебя и оживил!

О, каким вдвоем
Мы горим огнем,
Как тебя мой проникает пыл!»

Всё тесней сближает их желанье,
Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может разомкнуть;
Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть.

Между тем дозором поздним мимо
За дверьми еще проходит мать,
Слышит шум внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недуг,
Поцелуев звук,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаив дыханье,
Ждет она — сомнений боле нет —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бешеного бред:
«Скоро день — но вновь
Нас сведет любовь!»
— «Завтра вновь!» — с лобзаньем был ответ.

Доле мать сдержать не может гнева,
Ключ она свой тайный достает:
«Разве есть такая в доме дева,
Что себя пришельцам отдает?»
Так возмущена,
Входит в дверь она —
И дитя родное узнает.

И, воспрянув, юноша с испугу
Хочет скрыть завесою окна,
Покрывалом хочет скрыть подругу;
Но, отбросив складки полотна,
С ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подъемлется она.

«Мать, о мать! Нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
В мрак и холод снова гонишь прочь!
И с тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?

Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад,
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят:
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гроб не охладят!

Этот отрок именем Венеры
Был обещан мне от юных лет,
Ты вотще во имя новой веры
Изрекла неслыханный обет!
Чтоб его принять,
В небесах, о мать,
В небесах такого бога нет!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И, покончив с ним,
Я пойду к другим, —
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завять;
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих беру я прядь.
Ты их видишь цвет?
Завтра будешь сед,
Русым там лишь явишься опять!

Мать, услышь последнее моленье,
Прикажи костер воздвигнуть нам,

Свободи меня из заточенья,
Мир в огне дай любящим сердцам!
Там из дыма тьмы
В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!»

Сентябрь 1867
Веймар

257

Радость и горе, волнение дум,
Сладостной мукой встревоженный ум,
Трепет восторга, грусть тяжкая вновь,
Счастлив лишь тот, кем владеет любовь!

Август 1870

258

Трещат барабаны, и трубы гремят,
Мой милый в доспехе ведет свой отряд,
Готовится к бою, командует строю.
Как сильно забилось вдруг сердце мое.

Ах, если б мне дали мундир и ружье!
Пошла бы отважно я с другом моим,
По областям шла бы повсюду я с ним,
Врагов отражает уж наша пальба —
О, сколько счастлива мужчины судьба!

Август 1870

Генрих Гейне

259

У моря сижу на утесе крутом,
Мечтами и думами полный;
Лишь ветер, да тучи, да чайки кругом,
Кочуют и пенятся волны.

Знавал и друзей я, и ласковых дев —
Их ныне припомнить хочу я:
Куда вы сокрылись? Лишь ветер, да рев,
Да пенятся волны, кочуя.

Осень 1856 (?)

260

Безоблачно небо, нет ветру с утра,
В большом затрудненье торчат флюгера:
Уж как ни гадают, никак не добьются,
В которую сторону им повернуться?

Осень 1856 (?)

261

Из вод подымая головку,
Лилея в раздумье глядит;
С высот улыбаяся, месяц
К ней тихой любовью горит.

Лилея стыдливо склонила
Головку на зеркало вод —
А он уж у ног ее, бедный,
Трепещет и блеск свой лиет...

Осень 1856 (?)

262

Обнявшися дружно, сидели
С тобою мы в легком челне,
Плыли́ мы к неведомой цели
По морю при тусклой луне.

И виден, как сквозь покрывало,
Был остров таинственный нам,
Светилося всё, и звучало,
И весело двигалось там,

И так нас к себе несдержимо
Звало и манило вдали,
А мы — безутешно мы мимо
По темному морю плыли́.

(1868)

263. РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

В пустынной дубраве несется ездок,
В роскошном лесистом ущелье,
Поет, и смеется, и трубит он в рог,
В душе и во взоре веселье.

Он в крепкую бро́ню стальную одет,
Зна́ком его меч сарацинам, —
То Ричард, Христовых то воинов цвет,
И Сердцем зовут его Львиным.

«Здорово, король наш! — лепечут листы
И плюща зеленые стены, —
Здорово, король наш! Мы рады, что ты
Ушел из австрийского плена!»

Дышать на свободе привольно ему,
Он чует свое возрожденье,
И душную он вспоминает тюрьму —
И шпорит коня в упоенье.

(1868)

264

Nun ist es Zeit! [1]

Довольно! Пора мне забыть этот вздор,
Пора мне вернуться к рассудку!
Довольно с тобой, как искусный актер,
Я драму разыгрывал в шутку!

---

[1] Теперь самое время! (нем.). — *Ред.*

Расписаны были кулисы пестро,
Я так декламировал страстно,
И мантии блеск, и на шляпе перо,
И чувства — всё было прекрасно.

Но вот, хоть уж сбросил я это тряпье,
Хоть нет театрального хламу,
Доселе болит еще сердце мое,
Как будто играю я драму!

И что я поддельною болью считал,
То боль оказалась живая, —
О боже! Я, раненный насмерть, играл,
Гладиатора смерть представляя!

⟨1868⟩

Георг Гервег

265

Хотел бы я угаснуть, как заря,
Как алые отливы небосклона;
Как зарево вечернее горя,
Я бы хотел излиться в божье лоно.

Я бы хотел, как светлая звезда,
Зайти, блестя в негаснущем мерцанье,
Я утонуть хотел бы без следа
Во глубине лазурного сиянья.

Пускай бы смерть моя была легка
И жизнь моя так тихо уходила,
Как легкий запах вешнего цветка,
Как синий дым, бегущий от кадила.

И как летит от арфы слабый звон,
В пределах дальних тихо замирая,
Так, от земной темницы отрешен,
Я б улететь хотел к родному краю.

Нет, не зайдешь ты светлою звездой,
Ты не угаснешь, заревом пылая,
Не как цветок умрешь ты полевой,
Не улетишь, звеня, к родному краю.

Угаснешь ты, но грозная рука
Тебя сперва безжалостно коснется;
Природы смерть спокойна и легка —
На части сердце, умирая, рвется!

1856 или 1857 (?)

Из шотландского фольклора

266. ЭДВАРД

1

«Чьей кровию меч ты свой так обагрил,
Эдвард, Эдвард?
Чьей кровию меч ты свой так обагрил?
Зачем ты глядишь так сурово?»
— «То сокола я, рассердяся, убил,
Мать моя, мать,
То сокола я, рассердяся, убил,
И негде добыть мне другого!»

2

«У сокола кровь так красна не бежит,
Эдвард, Эдвард!
«У сокола кровь так красна не бежит,
Твой меч окровавлен краснее!»
— «Мой конь красно-бурый был мною убит,
Мать моя, мать,
Мой конь красно-бурый был мною убит,
Тоскую по добром коне я!»

3

«Конь стар у тебя, эта кровь не его,
Эдвард, Эдвард!
Конь стар у тебя, эта кровь не его —
Не то в твоем сумрачном взоре!»
— «Отца я сейчас заколол моего,
Мать моя, мать,
Отца я сейчас заколол моего,
И лютое жжет меня горе!»

4

«А грех чем тяжелый искупишь ты свой,
Эдвард, Эдвард?
А грех чем тяжелый искупишь ты свой?
Чем сымешь ты с совести ношу?»
— «Я сяду в ладью непогодой морской,
Мать моя, мать,
Я сяду в ладью непогодой морской,
И ветру все парусы брошу!»

5

«А с башней что будет и с домом твоим,
Эдвард, Эдвард?
А с башней что будет и с домом твоим,
Ладья когда в море отчалит?»
— «Пусть ветер и буря гуляют по ним,
Мать моя, мать,
Пусть ветер и буря гуляют по ним,
Доколе их в прах не повалят!»

6

«Что ж будет с твоими с детьми и с женой,
Эдвард, Эдвард?
Что ж будет с твоими с детьми и с женой
В их горькой, беспомощной доле?»
— «Пусть пó миру ходят за хлебом с сумой,
Мать моя, мать,
Пусть по миру ходят за хлебом с сумой,
Я с ними не свижуся боле!»

7

«А матери что ты оставишь своей,
Эдвард, Эдвард?
А матери что ты оставишь своей,
Тебя что у гру́ди качала?»
— «Проклятье тебе до скончания дней,
Мать моя, мать,
Проклятье тебе до скончания дней,
Тебе, что мне грех нашептала!»

Весна 1871

IV

СТИХОТВОРЕНИЯ НА НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Стихотворения на французском языке

267. ⟨Б. М. МАРКЕВИЧУ⟩

O Boleslas, ta tourterelle
Qui inspira sancta Rosa
Fut ni plus blanche ni plus belle
Que ta muse qui la rappelle,
Jacques, le saint de Compostelle
Onques mieux ne composa!

De ce saint tu mérites la niche
Où pour le moins le piédestal,
Tu serais Oswald, Markewiche,
Je te ferais don d'un caniche
Si j'étais madame de Staël.

Si nous vivions dans les campagnes
Où murissent les ananas,
De par tous les saints de l'Espagne
Nous jouerions à qui perd gagne,
En composant des cansonas! [1]

Конец 1856

---

[1] О Болеслав, твоя голубка, которая вдохновляла священную Розу, была не более бела и не более прекрасна, чем твоя муза, которая ее напоминает, сам святой Иаков Компостельский никогда не сочинял лучше!

От этого святого ты заслуживаешь келью или, по крайней мере, пьедестал, если бы ты, Маркевич, был Освальдом, а я госпожой де Сталь, я подарил бы тебе пуделя.

Если бы мы жили в краях, где созревают ананасы, со всеми святыми Испании мы играли бы в поддавки, сочиняя канцоны.

268

C'est donc vous, monsieur Veillot
(Honni soit qui mal y pense),
Qui remettez en maillot
Du pays l'intelligence?

C'est donc vous, l'austère chef
De l'index et de la poste,
Que monsieur de Timacheff
Pour notre bien nous apposte?

Vous qui fouillez les boyaux
De notre correspondance,
Laissez moi, monsieur Veillot,
Vous tirer ma révérence!

A l'instar des fabliaux,
Je finis comm' je commence,
Serviteur, monsieur Veillot,
Saluez bien son excellence! [1]

13 декабря 1868

269

Melpomène avec Clio,
Par vos soins logées en cage,
M'ont chargé, monsieur Veillot,
De vous mander leurs hommages! [2]

16 декабря 1868

---

[1] Так это вы, господин Вельо (позор тому, кто подумает об этом плохо), снова помещаете разум в пеленки?

Так это вы, суровый начальник списков запрещенных книг и почты, которого к нам приставил господин Тимашев для нашего блага?

Вам, который роется во внутренностях наших писем, позвольте, господин Вельо, выразить мое почтение!

По примеру фабльо, кончаю, как начал: слуга покорный, господин Вельо, кланяйтесь его превосходительству!

[2] Мельпомена с Клио, заточенные вами в темницу, поручили мне, господин Вельо, передать вам свое почтение!

Стихотворения на немецком языке

270. ⟨К. К. ПАВЛОВОЙ⟩

Hart wie Cäsar, hoch und hehr,
Unterjocht Ulrici,
Könntest sagen just wie der:
«Veni, vidi, vici!»

Denn dein Myrt ist ewig grün,
Wenn davon auch leiden
Der Herr Doktor Gustav Kühn'
Und Professor Schleiden.

Wer ist sonst in Pillnitz noch
Tauglich zum Verführen?
Spann' auch diesen in dein Joch,
Laß' dich zieh'n von vieren!

Peitschenknall und Schellenklang,
Und des Bürgers Grollen,
Wenn er hört die Elb' entlang
Die Quadriga rollen! [1]

1 (13) сентября 1869

---

[1] Непреклонная, как Цезарь, важная и величественная покорительница Ульрици, ты могла бы вслед за ним воскликнуть: «Veni, vidi, vici!»

Ибо твой миртовый венок вечно зелен, даже если от этого страдают господин доктор Густав Кюне и профессор Шлейден.

Кого можно было бы еще соблазнить в Пильнице? Запряги и того, пусть они вчетвером повезут тебя!

Щелкает бич, звенят бубенцы, и горожанин гневается, когда слышит, как вдоль Эльбы катится квадрига!

271

Stolz schreiten einher die Preußen,
Zu sehen ist's eine Lust:
Von hinten die Nacken gleißen,
Von vorn sind sie lauter Brust.

Und alle dabei Kallipygen,
Es steht im Zittern des Fetts
Geschrieben mit deutlichen Zügen:
Sadova und Königingrätz!

Und schreiben vor den Kodex
Und ändern die deutsche Geschicht'!
Und jeder preußische Podex
Sich hält für ein Gesicht. [1]

1 октября 1869

272

Wie du auch dein Leben lenkst,
Stets das Ziel gewahre:
Was du fühlst und was du denkst,
Ist allein das Wahre;

Und vor allem dieses merk':
Du bist Herr der Erde.
Denn die Schöpfung ist dein Werk,
Wenn du sagest: «Werde!» [2]

2 октября 1869

---

[1] Гордо шествуют пруссаки, видеть их — одно удовольствие: сзади сверкают их затылки, спереди — сплошные бюсты.

И притом все они — Каллипиги, а на их трясущемся жире отчетливо выписано: Садова и Кенигингрец!

Они навязывают нам свой кодекс и меняют немецкую историю! И каждая прусская задница считает себя персоной!

[2] Твой образ жизни проявляется в твоей цели: что ты чувствуешь и о чем ты думаешь — только это истинно;

И, прежде всего, заметь: ты господин земли, ибо всё создается тобою, если ты говоришь: «Стань им!»

Ja, ich fühl' mich frisch und munter,
Munter fühl' ich mich und frisch,
Denn ich tauche auf und unter,
Auf und unter, wie ein Fisch;

In dem leichten Elemente,
Das man Dichtersphäre nennt,
Wo so mancher Pinsel flennte,
Ruf' ich aus: «Potz Element!»

Teure Frau, so tut dasselbe,
Aus dem Sinne schlagt euch kühn
All'das leid'ge Schwarz-rot-gelbe
Und bekränzet euch mit Grün! [1]

15 декабря 1869

274. ⟨К. К. ПАВЛОВОЙ⟩

Was soll ich Ihnen nun sagen?
Mit dieser verfluchten Pflicht
Mag ich mich noch so viel plagen,
Ich taug' zu der Wirtschaft nicht!

Ich fühl' mich darin nicht zu Hause,
Und all' meine Müh' ist nichts nutz,
Ich wasche, und reibe, und lause,
Es bleibt derselbe Schmutz. [2]

---

[1] Да, я чувствую себя бодрым и свежим, я бодр и свеж, ибо ныряю вверх и вниз, вверх и вниз, как рыба;

В легкой стихии, называемой поэтической сферой, некоторые простофили хнычут, а я восклицаю: «Черт побери!»

Дорогая сударыня, поступайте так же, смело выбросьте из головы всё неприятное, что связано с черно-красно-желтым, — и украсьте себя зеленым венком!

[2] Что я могу сказать Вам теперь? Сколь бы я ни страдал из-за этой проклятой обязанности, всё же не гожусь для ведения хозяйства!

Я чувствую себя в нем не на месте, и все мои старания напрасны, я стираю, чищу, ищу вшей, но грязь по-прежнему остается.

Wie anders sieht es im Lande
Des Schwärmens und Dichtens aus!
Da bring' ich doch was zustande,
Darin bin ich zu Haus'!

Es zucken vor mir, im Dunkeln,
Der Vorwelt Lichter hell,
Die goldenen Kronen funkeln,
Das Meer schäumt Well' auf Well',

Die Schiffe der Normänner kommen,
Gerufen ins Russenland,
Willkommen, ihr Freunde, wilkommen,
Seid uns gegrüßt am Strand'!

Ich höre die Becher klingen,
Ich höre der Harfen Klang,
Ein fröhliches Lachen und Singen,
Es wird mir ums Herz so bang,

Umsonst, daß ich es verberge,
Ich fühle weiß selbst nicht was —
Das Haar steigt mir zu Berge,
Die Augen werden mir naß... [1]

26 декабря 1869

---

[1] А как по-другому выглядит всё в стране грез и поэзии! Там я могу быть полезен, там я чувствую себя на своем месте!

В темноте передо мной светятся огни прошлого, сверкают золотые короны, морские волны набегают друг на друга.

Плывут корабли норманнов, призванных на русскую землю. Добро пожаловать, друзья, добро пожаловать, приветствую вас на берегу!

Я слышу звон бокалов и звучание арф, слышу веселый смех и пение, но мне становится так страшно,

Напрасно я скрываю это, я сам не знаю, что чувствую, — волосы встают дыбом, мне хочется плакать...

275. ⟨К. К. ПАВЛОВОЙ⟩

Ich, der ich die Insel Rügen
Neuerdings vor Ihnen sang,
Hab' die Damen zu betrügen
Mir erlaubt mein Lebelang.

Wenn Sie darauf reflektieren,
In der Ordnung finden Sie's,
Daß die Stadt auf allen vieren
Diesen Morgen ich verließ.

Ich gesteh' es nur befangen,
Nur errötend mach' ich's kund,
Und die Ohren lass' ich hangen,
Miserabel wie ein Hund;

Denn in meinen Eingeweiden,
Doktor Seegen zum Gewinn,
Regen sich die alten Leiden
Und nach Karlsbad muß ich hin.

Da zur Hebung meines Sprossen
Ich Sie nun zu Hülfe rief,
Was zusammen wir beschlossen,
Ich bewahr's im Herzen tief;

Und ich weiß es, wir verrichten's,
Denn wir sind ja beide reich,
Sie, die Hefe meines Dichtens,
Ich, des Dichtens Sauerteig! [1]

---

[1] Я тот, кто воспевал Вам недавно остров Рюген, позволял себе обманывать дам на всем своем жизненном пути.

Если Вы задумаетесь об этом, то сочтете в порядке вещей, что я утром ползком покинул город.

Я робко признаюсь в этом, сообщаю это, краснея. Даже уши мои висят, как у провинившейся собаки.

Ибо во мне — на радость доктору Зеегену — ожили старые болезни, и я должен ехать в Карлсбад.

А так как я призвал Вас на помощь моему детищу, то все, что мы решили, я сохраню глубоко в сердце;

И я знаю, мы сделаем это, ведь мы оба богаты: Вы — дрожжи моей поэзии, а я — закваска ее.

P. S. Für Amalie einen Taler
Schließ ich hier ergebenst ein;
Als mein dankend Abschied strahl' er
Ihr für alle Müh' un Pein. [1]

3 (15) августа 1870

276. ⟨К. К. ПАВЛОВОЙ⟩

Nun bin ich hier angekommen,
Es ist ein hübscher Ort,
Doch was ich mir unternommen,
Es spukt mir im Kopfe fort.

Ich habe die Überzeugung
(Die haben Sie auch fürwahr!),
Daß bei der bekannten Zeugung
Apollo zugegen war.

Das Ding, dem wir das Leben
Und den poetischen Hauch
Im keuschen Beiwohnen gegeben,
Wird nimmermehr ein Schlauch.

Bei allen Himmeln und Erden,
Bei aller Fern' und Näh'
Ein Wechselbalg wird es nicht werden,
Per Jovem, oh ne, oh ne!

Vor kurzem begegnet' ich Laube,
Den Fedor besah er bei Licht,
Und meinte, die Bühne erlaube
Ein solches Thema nicht. [2]

---

[1] P. S. Я с почтением оставил талер для Амалии, он — символ моей благодарности за ее заботы и страдания.

[2] И вот я прибыл в это чудное местечко, но то, что я задумал, не дает мне покоя.

Я убежден (и Вы были со мной согласны), что при известном зачатии присутствовал и Аполлон.

То, чему мы дали жизнь и во что вдохнули поэзию в целомудренном зачатии, никогда не будет скверной.

Клянусь небом и землей, всем далеким и близким, ребенок не будет уродцем. Клянусь Юпитером, о нет, о нет!

Недавно я встретил Лаубе, он сказал, что, при внимательном рассмотрении, Федор для сцены неприемлем.

Er meinte, die deutsche Bühne,
Sie wolle nur stammfeste Leut',
Dabei eine hübsche Sühne
Und Liebe, ihr zum Geleit.

Der Fedor sei eine Verneinung
Im Herrschen gar nicht gewandt;
Ich teilte sogleich seine Meinung
Und drückte ihm die Hand.

Den falschen Demetrius hätt' er
Ganz glücklich zu Ende gebracht;
Ich sagte: «Ei, Donnerwetter!»
Und wünschte ihm gute Nacht,

Und dachte mit Dankbarkeit seiner,
Wie er bestrafte die List,
Denn zweifeln wird mehr keiner,
Daß falsch der Demetrius ist. [1]

5 (17) августа 1870

277

Da mir den Weg von vorn
Versperren Kanonen und Flinten
Bin ich, in meinem Zorn,
Zu Euch gekommen von hinten.

Weil Euch zu halten Schritt
War ich beflissen, oh Teure!
Ich bringe das Meine mit,
Gebt mir zum Besten das Eure! [2]

Июль — август 1870

---

[1] Он считает, что немецкой драме нужны герои с твердым характером, в ней обязательны и заслуженное наказание и любовь.

В Федоре же всё наоборот, он неспособен царствовать; я тотчас же согласился с ним и пожал ему руку.

Он сказал, что довел до счастливого конца Лжедмитрия, я же воскликнул: «Черт побери, здорово!» — и пожелал ему спокойной ночи,

И с благодарностью подумал, как он наказал коварство: ведь теперь уже больше никто не будет сомневаться, что Дмитрий насквозь лжив.

[2] В ярости пришел я к вам с тыла, потому что путь спереди закрыт для меня пушками и ружьями.

А так как мой долг, о дорогие, идти с вами в ногу, я принес с собой свое, а вы угостите меня вашим!

Zu einem Sängerkampf
(O Phöbus Apollo, helfe!)
Bringt morgen mich der Dampf
Nach Pillnitz um halb 12.[1]

Июль-август 1870

279. ⟨К. К. ПАВЛОВОЙ⟩

Die allerliebsten Zeilen
Vom 20ten August
(Die nicht sich mühten zu eilen)
Erhalt' ich mit Freuden just.

Empfangen Sie dagegen,
Zur Antwort und zum Dank,
Die Sprüche wahr und verwegen,
Die ich aus dem Sprudel trank.

KRAFTSPRÜCHE

1

Die ehelichen Bande
Sind ganz in der Natur;
Die Hirten auf dem Lande
Seh'n sie öfters auf der Flur.[2]

---

[1] На состязание певцов (о помоги мне, Феб-Аполлон!) пароход доставит меня завтра в Пильниц в половине двенадцатого.

[2] Ваши прелестные строчки от 20 августа (которые не жаждали поторопиться) я с радостью получил только что.

Примите от меня в знак благодарности и как ответ мои правдивые и дерзкие изречения, которыми напоил меня бьющий ключом источник.

Афоризмы

1

Брачные узы свойственны самой природе. Это часто видят деревенские пастухи на пастбищах.

2

Das Geld nützt jedem Stande,
Und wenn man keines hat,
So fühlt man's auf dem Lande,
Sowohl wie in der Stadt.

3

Das schöne Geschlecht zuweilen
Benimmt sich tapfer und kühn;
Wenn wir auf der Wiese weilen,
So seh'n wir's unter den Küh'n.

4

Laßt uns ihr Beispiel nützen,
Wir tun ja nicht zu viel,
Indem wir laufen und schwitzen,
Wenn unsre Ehr' im Spiel.

5

Es sagten einst die Griechen
Dem Xerxes rund heraus:
«Die Nas' ist da zum Riechen,
So geh' und riech' zu Haus!» [1]

2

[1] Деньги нужны каждому сословию, а если их нет, то это одинаково ощущается и в деревне, и в городе.

3

Прекрасный пол иногда ведет себя смело и отважно; прогуливаясь по лугам, мы видим это на примере стада коров.

4

Воспользуемся же их примером, ведь мы делаем не так уж много, бегая и потея, когда задета наша честь.

5

Греки откровенно сказали однажды Ксерксу: «Нос дан, чтобы нюхать, так иди и нюхай дома!»

6

Drauf aber sagte Xerxes:
«Ich wette was ich hab',
Tut ihr auch euer Ärgstes,
Ich geb' euch doch eine Schlapp!»

7

Da wurde gleich geschlagen
Die Schlacht von Salamis,
Worauf mit Unbehagen
Er Griechenland verließ.

8

Laßt uns sein Beispiel nützen,
Daß es zur Vorsicht ruft:
Will man im Ernste sitzen,
Man setze sich nicht auf Luft.

9

Ich aber wahrlich lügte,
Wenn ich nicht sagte Sie,
Dies alles sein die Früchte
Der Brunnenphantasie.[1]

6

[1] Но на это Ксеркс ответил: «Поспорю на всё, что я имею, если вы меня тронете, то сами затрещите!»

7

Тотчас же разгорелась битва при Саламине, после которой Ксеркс с неприятным чувством покинул Грецию.

8

Воспользуемся же его примером, он взывает к осторожности: хочешь по-настоящему сидеть — не садись на воздух.

9

Но я солгал бы, если бы не сказал Вам, что всё это — плоды курортной фантазии.

10

Die Hunde sind verwegen,
Dabei auch etwas dumm,
Sie laufen in dem Regen
Mit nassem Pelz herum.

11

Die Katzen sei'n gescheiter,
Sie sitzen heim gemach,
Und erst wenn das Wetter heiter,
Da steigen sie aufs Dach.

12

Laßt uns ihr Beispiel nützen,
Und wenn es regnet drein,
Nicht gehen in die Pfützen,
Zu Hause bleiben fein.

13

Ich aber wär' ein Halunke,
Gestünd' ich Ihnen nicht,
Daß in dem Sprudeltrunke
Entstanden diese Gedicht'.[1]

10

[1] Собаки отважны, но вместе с тем и глупы: они бегают под дождем с мокрой шкурой.

11

Кошки смышленее, они тихо сидят дома и лишь при ясной погоде лезут на крышу.

12

Воспользуемся же их примером, и, если на улице идет дождь, не будем ходить по лужам, а останемся дома.

13

Но я был бы негодяем, если бы не признался Вам, что питье минеральной воды родило эти стихи.

14

Man muß die Weisen loben,
Die heilig es geschwor'n,
Das Unten wäre nicht oben,
Das Hinten wäre nicht vorn.

15

Laßt uns ihr Beispiel nützen,
Nicht setzen auf unsern Kopf,
Statt würdiger Hüte und Mützen,
Den so unwürdigen Topf!

16

Doch wär' ich ein Lump, meine Gnäd'ge,
Wenn ich zu sagen vermied',
Daß ich meines Grams mich entled'ge,
Indem ich schreibe dies Lied.

17

Es war einmal ein Kapauner,
Der freit' eine Henn' im Land;
Die aber sagte: «Du, Gauner,
Es ist mir alles bekannt!» [1]

14

[1] Хвалы заслуживают мудрецы, которые поклялись всеми святыми, что низ — не наверху, а зад — не впереди.

15

Воспользуемся же их примером и не будем надевать на голову недостойный горшок вместо достойных шляп и шапок.

16

Но я прослыл бы подлецом, сударыня, если бы скрыл, что освобождаюсь от грусти, когда пишу эту песню.

17

Жил-был на свете каплун, который сватался к несушке, но та воскликнула: «Мошенник, мне всё известно!»

18

Laßt uns dieses Beispiel nützen,
Nicht sein wie's Federvieh —
Und nun bin ich auf den Spitzen
Der Brunnenphilosophie.

19

Gewiß, es war kein Geringes
So hoch zu steigen hinauf;
Von hier nur abwärts ging' es,
Drum hemm' ich meinen Lauf;

20

Doch will ich sogleich verrecken
Und heißen ein totes Rind,
Wenn nicht mir selber zum Schrecken,
Die Verse entstanden sind.[1]

11 (23) августа 1870

280. EINFACHE GESCHICHTE

Es liebt' eine junge Wanze
Einst einen kraftlosen Wanz,
Da lud er sie ein zum Tanze,
Schenkt ihr einen Jungfernkranz.[2]

18

[1] Воспользуемся же этим примером, чтобы не быть похожими на домашнюю птицу, и вот я на вершине своей курортной философии.

19

Конечно, это не пустяк — подняться так высоко. Отсюда путь ведет только вниз, поэтому я сдерживаю свой бег.

20

Но пусть я тотчас же сдохну и меня назовут дохлой скотиной, если эти строки не возникли к моему собственному ужасу.

[2] ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Молодая клопиха полюбила бессильного клопа. Он пригласил ее на танец и подарил ей девичий венок.

Drauf ließen sich beide trauen
Am Sonntag, just um zehn,
Von Pastor Moritz in Plauen —
'S war eklig anzusehn.

Der Wanz frohlockte, doch weinte
Ein bißchen die junge Braut,
Und die gesamte Gemeinde
Vor Rührung schluchzte laut.

Herr Moritz hielt eine Predigt,
Und sagt', es sei evident,
Daß wenn man die Steuer erledigt,
Man sich auch verheiraten könnt!

Drauf war nun nichts einzuwenden,
Man grüßte das Ehepaar
Und kratzte sich Rücken und Lenden
Da groß ihre Sippschaft war.

Sie gingen von Plauen nach Döbeln
Und mieteten fröhlich hier
Mit ganz passabelen Möbeln
Ein hübsches Sommerquartier.

So kamen die beiden Wanzen
An ihren Lebensziel
Und lebten glücklich im Ganzen
Und zeugten der Kinder viel.[1]

---

[1] Затем, в воскресенье, ровно в десять, состоялось венчание у пастора Морица в Плауэне — отвратительное было зрелище.

Клоп выглядел довольным, а юная невеста всплакнула, и все собравшиеся плакали от умиления.

Господин Мориц, читая проповедь, сказал, совершенно очевидно, если платят налоги, то могут и жениться!

Против этого возразить было невозможно, и, поздравив молодую чету, все стали чесать спины и бедра, ибо велика была родня у молодоженов.

Они переехали из Плауэна в Дебельн и сняли чудесную летнюю квартиру с вполне подходящей мебелью.

Таким образом, оба клопа пришли к своей цели, жили в целом счастливо и воспитали множество детей.

Aus dieser schlichten Geschichte
Will ich aber ziehen den Schluß:
Die Herzen nach dem Gesichte
Man niemals beurteilen muß.

Wie eklig die Wanzen auch waren,
Einander gefielen sie doch.
Und schwer ist's die Lieb' zu bewahren,
Wenn man gespannt ins Joch.

Oh, wenn diese beiden Insekten
Mit ihrem Beispiel so neu
Auch in den Menschen erweckten
Die eingeschlafene Treu'!

Doch da es einmal geschrieben,
So mag es auch halten stand!
Und so ist es nun geblieben
Zu meiner Reu' und Schand'!

Nun lassen wir aber das Alte,
Geschehen ist leider geschehen!
Wer kann eine Felsenspalte
Mit Zwirn zusammennäh'n?

Sie sehen, aus Bergen und Höhlen
Ich mir meine Beispiele nehm' —
Doch will auch was erzählen,
Wenn's Ihnen nur genehm. [1]

Август 1870

---

[1] Из этой простой истории я хочу сделать один лишь вывод: никогда не судите о сердце по лицу.

Как бы ни были отвратительны клопы, они нравились друг другу, а трудно сохранять любовь, если она в обузу.

О, если бы эти насекомые могли своим столь неожиданным примером разбудить в людях уснувшую верность!

Но раз уж это написано, то пусть так и останется. Так это и получилось, к моему смущению и стыду!

Но оставим прошлое! Что было, то, к сожалению, было! Кто сможет ниткой зашить расщелину в скале?

Видите, я беру свои примеры из гор и ущелий, но мне хочется Вам что-нибудь рассказывать, если только это Вам приятно.

281. ⟨К. К. ПАВЛОВОЙ⟩

Wohlan, es sei! Es lieg' in Banden
Von dieser Zeit der freche Spott,
Der aus dem Schmerze mir entstanden,
Da meine reinen Bilder schwanden
Und mir entfloh der helle Gott.

Die Wolkenschar, die immer trüber
Den heitern Himmel mir umzog,
Ich weiß es wohl, sie zieht vorüber,
Wohlan, es sei! So ist's mir lieber!
Und wenn die Sonne strahlet hoch,

Nicht mehr dem Witze kann ich fröhnen,
Der wie Zikadenschwirren schallt;
Aufs neue huldigend dem Schönen,
Nur ihm zu Ehren laß' ich tönen
Des Liedes heilige Gewalt! [1]

Сентябрь 1870

282. ⟨К. К. ПАВЛОВОЙ⟩

Behüte mich Gott, oh Dichterin,
Daß ich, was dein Geist dir geboten,
Was dein Aug' hat erschauet in Form oder Sinn,
Antaste mit meinen Pfoten! [2]

---

[1] Пусть будет так! Пусть с этого времени лежит в узах дерзкая насмешка, возникшая из моей боли, когда покинули меня чистые образы и сам светлый бог.

Облака, которые всё пасмурнее заволакивают ясное небо, я знаю, — пройдут. Пусть будет так! Так для меня лучше! И когда солнце сверху залучится,

я не смогу больше радоваться шутке, которая звенит, как цикады, но, вновь присягая на верность прекрасному, только в его честь позволю я звучать святому могуществу песни!

[2] Боже меня упаси, о поэтесса, чтобы я касался своими лапами того, что тебе открыла твоя душа, в чем твои глаза увидели смысл и форму.

Nein, nicht mein Eigentum ist es mehr!
Die Landschaft, die umgewandte,
Die, verklärt, sich spiegelt im blauen Meer,
Wie soll sie gehören dem Lande?

Das Schwere des Landes berühret sie nicht,
Sie lebt ihr eigenes Leben,
Sie lebt und atmet im Zauberlicht,
Das ihr dein Spiegel gegeben! [1]

24 июля (5 августа) 1871

283. DER ZEHNTE MANN

Ballade

Der Kaiser Barbarossa,
Auf Deutsch, der Rote Bart,
Sitzt, grollend, hoch zu Rosse,
Belagert eine Wart'.

Er spricht: «Wenn nicht erlangen
Die Wart' ich morgen kann,
Bei Gott! ich lasse hangen
Darin den zehnten Mann!»

Da senket sich die Brücke,
Es tritt ein Mann heran:
«Auf mich, Herr Kaiser, blicke,
Ich bin der zehnte Mann! [2]

---

[1] Нет, не моя это теперь собственность! Как может принадлежать земле пейзаж, который — преображенный и проясненный — отражается в голубом море?

Тяготы земли его не волнуют, он живет своей собственной жизнью, он живет и дышит волшебным светом, дарованным ему твоим зеркалом!

[2] ДЕСЯТЫЙ

Баллада

Император Барбаросса, по-немецки — Красная Борода, сидит, рассерженный, на коне, осаждая крепость.

Он говорит: «Если я до завтра не займу ее, клянусь богом, я прикажу повесить там каждого десятого».

Тогда опускается мост и выходит человек: «Посмотрите на меня, Ваше Величество, я и есть тот десятый!

Wir schlagen dein Verlangen
Rund ab, samt deiner Frist,
Doch kannst mich lassen hangen,
Wenn so dein Wille ist!»

Ob dieser Heldenworte
Der Kaiser schaut verdutzt;
Zieht ab von jenem Orte,
Wo man so kühn ihm trutzt.

Er sagt: «Bei meiner Ehre!
Ich hier nicht bleiben kann,
Gerühret hat zu sehre
Mich dieser zehnte Mann!

Man mach' ihn ohne Säumen
Im Heer zum Korporal!
Ein Pferd soll man ihm zäumen
Und satteln allzumal!

Er soll daraufen sitzen,
Und halten meine Fahn',
Und reiten an der Spitzen
Des Heers mit mir voran!»

Das Pferd es wird bereitet,
Der Kaiser obenan
Voran dem Heere reitet
Mit ihm der zehnte Mann; [1]

---

[1] Мы отклоняем твои требования со всеми твоими сроками, но ты можешь меня повесить, если уж такова твоя воля!»

Эти геройские слова смутили императора, и он отступил от крепости, где так храбро сопротивляются.

И он сказал: «Клянусь честью! Я не могу здесь больше оставаться, так взволновал меня этот десятый!

Пусть его без промедления произведут в капралы, взнуздают и оседлают для него коня!

Пусть он сядет на коня и держит мое знамя, пусть вместе со мной скачет во главе войска!»

Подают коня, император скачет во главе войска, а рядом с ним — десятый.

Kund wird die große Märe
Im ganzen deutschen Bahn,
Und jeder ruft: «Oh, wäre
Ich auch der zehnte Mann!»[1]

5 (17) августа 1871

284. PHILOSOPHISCHE FRAGE

Um einander hier zu lieben,
Haben wir nur zwei Geschlechter;
Doch wenn ihrer wären sieben —
Wär' es besser oder schlechter?

Nämlich, wenn, ein Kind zu machen,
Sieben müßten sich vereinen,
Wäre dies ein Stoff zum Lachen
Oder wohl ein Stoff zum Weinen?

Unbestreitig, wär' es beides,
Ja, so denk' ich heutzutage;
Sonsten tat ich mir ein Leides
Beim Ergrübeln dieser Frage.

Denn ich dachte an die Ehen,
An den Zuspruch all' der Eltern;
Ist doch heute oft aus Zween
Dieser schwer herauszukeltern![2]

---

[1] Этот великий сказ обошел все немецкие земли, и теперь каждый восклицает: «О, я бы тоже был десятым!»

[2] ФИЛОСОФСКИЙ ВОПРОС

Чтобы любить друг друга, созданы только два пола; а если бы их было семь — стало бы лучше или хуже?

То есть, чтобы произвести ребенка, семеро должны были бы собраться, был бы это материал для смеха или же для слез?

Бесспорно, было бы и то и другое; так думаю я сегодня; иначе я сам бы пострадал, разгадывая этот вопрос.

Ибо я подумал о браках, о согласии всех родителей; ныне, когда в браке только двое, и то часто трудно его заполучить!

Freilich, lehrt man vom Katheder,
Daß die Hindernisse würzig —
Doch wenn sieben hätte jeder,
Wär' der Eltern neunundvierzig!

Neunundvierzig Hindernisse,
Eine einz'ge Eh' zu schließen!
Eine meistens ungewisse!
Ja, es wär' zum Sicherschießen!

Ja, die schlechteste der Welten
Wär's für jene armen Seelen,
Denn, wenn sich auch sechse stellten,
Könnt' die siebente doch fehlen!

Sechse gingen dann beisammen,
Um die siebente zu finden,
Um zu löschen ihre Flammen
Und die Ehe zu verkünden.

Welcher Anblick! Nein, dem Himmel,
Mit emporgehob'nen Händen,
Dank' ich, daß im Weltgetümmel
Er's bei zweien ließ bewenden! [1]

6 (18) августа 1871

---

[1] Конечно, с кафедр нам твердят, что препятствия придают остроту, но если бы каждый брак состоял из семерых, то было бы сорок девять родителей!

Сорок девять препятствий, чтобы заключить единственный брак! И большей частью ненадежный! Оставалось бы только застрелиться!

Да, это был бы худший из миров для этих бедных душ! Потому что, собрав шестерых, можно было бы не найти седьмой.

Тогда все шестеро пошли бы искать седьмую, чтобы погасить свое пламя и объявить о браке.

Какова перспектива! Нет, я простираю руки к небу и благодарю его, что в этом хаосе оно позволяет ограничиваться двумя!

285. DER HEILIGE ANTON VON NOVGOROD

1

Zu Novgorod, im Kloster,
Bei frühem Glockenton,
Steht auf von seinem Lager
Der heilige Mönch Anton.

2

Und wie er greift zum Becken,
Um sich zu waschen rein,
Da sitzet auf dem Rande
Ein kleines Teufelein.

3

«Ei, schönen guten Morgen,
Du heiliger Mönch Anton!
Was hast denn du geträumet?
Erzähle mir doch davon! [1]

---

[1] СВЯТОЙ АНТОН НОВГОРОДСКИЙ

1

В Новгороде, в монастыре, при утреннем перезвоне колоколов, со своего ложа встал святой монах Антон.

2

И когда он взялся за рукомойник, чтобы умыться, то увидел, что на краю его сидит маленький чертик.

3

«Эй, доброе утро, святой монах Антон! Что снилось тебе? Расскажи-ка!

4

Denn diese Nacht, im Schlafe,
Sprachst viel von schönen Fraun;
Ich hört's und dachte bei mir:
„Es wär' ihm zu helfen, traun!"»

5

Dem Heiligen graut es ein wenig,
Jedoch er wanket nicht,
Er legt drei Finger zusammen,
Bekreuzet den kleinen Wicht.

6

Der purzelt sofort in den Becken
Und ruft mit jammerndem Ton:
«Zu Hülfe mir! Ich ertrinke!
Zu Hülfe, oh Mönch Anton!»

7

Der Heil'ge spricht aber: «Herre!
Bist wohl ein Kuppler gar?
Wart, daß ich dir versperre
Den Ausgang auf immerdar!» [1]

4

[1] Ведь этой ночью во сне ты много говорил о прекрасных женщинах; я слышал это и подумал: „Ему, право же, надо помочь!"»

5

Святой немного испугался, но не дрогнул, он сложил три пальца и перекрестил чертенка.

6

Тот кувыркнулся в рукомойник и завопил: «На помощь! Тону! Спаси меня, о монах Антон!»

7

Но святой ответил: «Господин! Ты, случаем, не сводник? Подожди, вот закрою тебе навсегда выход отсюда!»

8

Er spricht's und bekreuzet und segnet
Den Becken die Läng' und die Quer;
Der kleine Gott — sei — bei — uns
Drin keuchet und pustet sehr,

9

Und winselt: «Ich tu' es nie wieder!
Nur diesmal gib mir Pardon!
Will dir'n allem gehorchen,
Du heiliger Mönch Anton!

10

Bis heute war ich katholisch,
Doch geh' ich, bei meiner Treu,
Zur griechischen Kirche über
So du mich lassest frei!» [1]

8

[1] Он говорил это, а сам крестил и благословлял рукомойник вдоль и поперек. Маленький — боже сохрани нас — при этом страшно пыхтел и сопел.

9

И скулил: «Я больше не буду так делать! Прости меня на этот раз! Буду во всем тебя слушаться, святой монах Антон!

10

До сегодняшнего дня я был католиком, но клянусь моей верностью, что перейду в православие, если ты освободишь меня!»

11

Da lacht der Heil'ge: «Wir wissen,
Der Teufel bekehrt sich gar bald,
Doch wollen wir deinem Gewissen
Antuen keine Gewalt!

12

Du magst katholisch bleiben,
Sollst aber sofort indeß
Auf deinem Rücken mich tragen
Nach Kiew, zur frühen Mess'!

13

Da will ich beten und hören
Die heiligen Litanein,
Um Mittag aber schon wieder
Zurücke nach Hause sein! [1]

11

[1] Святой на это рассмеялся: «Мы знаем, что черт быстро становится оборотнем, но мы не хотим насиловать твою совесть!

12

Ты можешь оставаться католиком, но за это должен сей же час отвезти меня на своей спине в Киев, к заутрене!

13

Там я хочу помолиться и послушать святую службу, но к обеду мне надо быть дома!

14

Nun sattle dich selbst und zäume,
Und mach dich zum stattlichen Tier,
Daß ich den Dienst nicht versäume
Zu Mittag im Kloster hier!»

15

Da wird aus dem kleinen Teufel
Auf einmal ein schwarzer Bock,
Der Heil'ge darauf sich setzet,
Schürzt auf seinen langen Rock,

16

Und fort nun fliegen beide;
Dem heiligen Mönch Anton
Vergehet beinahe der Atem,
So eilig geht es davon.

17

Sie fahren im Flug über Wälder,
Und Wiesen, und Feld, und Morast,
Und Bäche, und Flüsse, und Seen,
Und Dörfer, und Städte in Hast. [1]

14

[1] А теперь оседлай и взнуздай себя сам, наберись силы, так чтобы я не пропустил обедню в монастыре!»

15

И вот маленький чертенок превратился в черного козла, святой сел верхом на него, подобрав полы своей рясы.

16

И они полетели; у святого монаха Антона едва дыхание не сперло, так быстро они неслись.

17

Они в спешке пролетали над лесами и лугами, полями и болотами, над ручьями, реками и озерами, над деревнями и городами.

18

Wie eine Windsbraut gehet
Der Ritt auf luftiger Bahn,
Des Heiligen Mantel wehet
Wie eine schwarze Fahn'!

19

Und wie über Kursk sie fliegen,
Fürst Wsewolod jagt derweil,
Und sieht den Bock in den Lüften,
Und schießt nach ihm einen Pfeil.

20

Der Pfeil fährt dem Bock durch die Lenden,
Der blöcket, schlägt aus, und gellt,
Der Mönch mit beiden Händen
Sich fest an den Hörnern hält.

21

Bald sehen sie Kiew vom Weiten,
Den schönen Sophia-Dom;
Die heiligen Glocken läuten,
Es glänzet der Dnjeperstrom; [1]

18

[1] Ураганом несся святой всадник по воздушной дороге, ряса его развевалась, как черное знамя!

19

А когда они пролетали над Курском, там охотился князь Всеволод, и, увидев в воздухе козла, он пустил в него стрелу.

20

Стрела вонзилась козлу в бедро, он заблеял, стал брыкаться, но монах крепко держался руками за его рога.

21

Вскоре они увидели вдалеке Киев, прекрасный Софийский собор; звонят священные колокола, блестит гладь Днепра;

22

Da sind sie in kurzer Weile
Am Eingang der Kirche schon;
Es steiget vom Bocke herunter
Der heilige Mönch Anton.

23

«Ich geh' nun zur frühen Messe
Mit allen den Pilgern fromm,
Du kannst hier grasen indessen,
Bis ich zurücke komm!»

24

Und wie er die Messe gehöret,
Tritt er aus der Kirchentür,
Es springt ihm freudig entgegen
Das arme höllische Tier. [1]

25

Es hatt' ihm geschienen so lange
Das Warten in Not und Pein,
Es war ihm so weh und so bange,
Zu hören die Litanein; [1]

22

[1] И вот они уже у входа в церковь; святой монах Антон спрыгнул с козла.

23

«Я пойду к заутрене вместе со всеми богомольцами. А ты можешь, пока я не вернусь, попастись!»

24

И когда после службы он показался в дверях церкви, ему навстречу радостно прыгнул бедный выходец из ада.

25

Ожидание казалось ему слишком долгим, тяжко и страшно было слышать все эти литании.

26

Und konnte auch gar nicht grasen,
Und still nicht stehen, traun!
Es brannt' ihm der heilige Rasen
Wie Glut die trippelnden Klau'n.

27

Nun schwinget sich ihm auf den Rücken
Aufs neue der heilige Mann,
Und beide entschwinden den Blicken
Im sausenden Orkan.

28

Und wiederum über die Wälder,
Und Städt', und Wies', und Morast,
Wie eine Windsbraut sie fliegen
Gen Novgorod in Hast.

29

Sie hören die Adler kreischen,
Sie hören heulen die Wölf';
Und wie ans Kloster sie kommen,
Da schlägt es eben zwölf. [1]

26

[1] Он не мог ни траву щипать, ни даже тихо стоять на месте: святая земля огнем жгла ему копыта.

27

Святой вновь забрался ему на спину, и оба ураганом исчезли с глаз.

28

И снова над лесами и городами, лугами и болотами как буря спешили они в Новгород.

29

Они слышали, как кричали орлы, как выли волки; и, когда прибыли к монастырю, пробило ровно двенадцать.

30

Aufs neue herunter steiget
Vom Bocke der heil'ge Anton,
Der Bock aber sagt: «Nun, Heil'ger!
Was willst du mir geben zum Lohn?

31

Ich hatte bei der Promnade
Mit dir meine liebe Not!»
Und rollet dabei zwei Augen,
Wie glühende Kohlen rot.

32

Der Heilige sagt: «Dich lohnen
Wär' sündlich, bei meiner Ehr'!
Du hast ja die schönsten Paar Augen,
Sag', Lieber, was willst du noch mehr?

33

Die Freiheit, die dir ich versprochen,
Kannst immerhin nehmen mit Dank!»
Da schwillt der Bock wie ein Bofist
Und platzt mit Schwefelgestank. [1]

30

[1] Святой Антон вновь спрыгнул на землю, а козел спросил: «Ну, святой, чем ты заплатишь мне?

31

В этой прогулке ты доставил мне много хлопот!» При этом он вращал глазами, красными, как горящие угли.

32

Святой ответил: «Заплатить тебе было бы грешно, клянусь честью, но у тебя ведь есть пара самых прекрасных глаз. Скажи, дорогой, чего же еще ты хочешь?

33

Свободой, которую я тебе обещал, можешь с благодарностью воспользоваться!» Тут козел раздулся, как гриб-дождевик, и лопнул, издав серный запах.

34

Der Heil'ge doch tritt in die Kirche,
Wo alle die Brüder schon steh'n,
Und betet ganz ruhig mit ihnen,
Als wäre ihm gar nichts gescheh'n.

35

Daß aber so alles gewesen,
Wie euch ich berichtet davon,
Könnt selber wahrhaftig ihr lesen
Im Kloster des heil'gen Anton. [1]

Август 1871

286. ⟨К. К. ПАВЛОВОЙ⟩

Ich war mit Ihnen grob
Und wähnte mich im Rechte.
Oh zürnen Sie darob
Nicht Ihrem treuen Knechte.

Ich suchte manchen Fleck
Zu finden in der Sonnen, —
Oh weh mir! Ich verreck,
Was hab' ich denn begonnen.

Oh weh! Oh harte Pein!
Oh jemine! Oh Zeter!
Ich selber mußte sein
Des ganzen Jammers Täter. [2]

34

[1] Святой вошел в церковь, где вся братия уже была в сборе, и помолился с ними совершенно спокойно, как будто ничего не произошло.

35

Что всё было именно так, как я вам рассказал, вы можете убедиться сами, прочитав об этом в монастыре святого Антона.

[2] Я был с Вами груб, но считал себя правым. О, не сердитесь из-за этого на Вашего верного слугу.

Я пытался найти на этом светиле какие-нибудь пятна — о, горе мне! Я подыхаю! Что же я затеял!

Увы! О, тяжкое мученье! О, боже мой! На помощь! Я сам виновник всего этого несчастья.

Nun ist das Gute weg —
Und vor mir liegt das Schlechte.
Es wär' wahrhaftig Dreck,
Das ich zu Markte brächte!

Как честный человек,
Ich will mich selbst bestrafen,
Ich stell' mich in die Eck',
Geh' weiden mit den Schafen.

Wenn Ihnen härt're Pein
Zu fordern nur geruh'te.
Ich geh' unter die Schwein',
Ich gebe mir die Rute!

Mein Herz verblutet vorn —
Befehlen Sie, o Gute,
Wenn sich nicht legt Ihr Zorn,
Daß ich von hinten blute. [1]

14 февраля 1875

287. ⟨Л. ГАРТМАНУ⟩

Sieh, ich fühl' mich frisch und munter,
Munter fühl' ich mich und frisch,
Denn ich tauche auf und unter,
Auf und unter wie ein Fisch —
In dem leichten Elemente,
Das man Dichtersphäre nennt,
Wo so mancher Dichter flennte,
Ruf ich aus: «Potz Element! [2]

---

[1] Хорошее ушло — и предо мной лежит лишь всё плохое. Было бы дрянью то, что я пустил бы на продажу.

Как честный человек, я хочу наказать себя сам, я ставлю себя в угол, иду пастись с овцами.

И если Вам нужно еще более тяжкое наказание, я пойду к свиньям, я высеку себя.

Мое сердце обливается кровью — повелевайте, о добрая, — если Ваш гнев не утихнет оттого, что я весь окровавлен.

[2] Посмотри, я чувствую себя бодрым и свежим, я бодр и свеж, ибо я ныряю вверх и вниз, вверх и вниз, как рыба, — в легкой стихии, называемой поэтической сферой, где некоторые поэты хнычут, а я восклицаю: «Черт побери!

Freund, wie ich stets munter bleibe,
Halte aufrecht Herz und Sinn,
Mach', als hättest du im Leibe
Stets ein Quäntchen von Morphin.
Lass' dabei dich nur errinern:
Herr vom Schicksal kannst du sein:
Unser Glück, es ist im Innern,
Was da draußen — ist nur Schein». [1]

12 июля 1875

---

[1] Друг, как я всегда остаюсь бодрым, оставь открытым сердце и разум, сделай так, как будто в теле твоем всегда есть какое-то количество морфия. Позволь только и напомнить тебе: ты можешь быть господином судьбы, наше счастье — оно внутри, всё, что извне, — лишь иллюзия».

V

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

288. СКАЗКА ПРО КОРОЛЯ И ПРО МОНАХА

Жил-был однажды король, и с ним жила королева,
Оба любили друг друга, и всякий любил их обоих.
Правда, и было за что их любить; бывало, как выйдет
В поле король погулять, набьет он карман пирогами,
Бедного встретит — пирог! «На, брат, — говорит, — на здоровье!»
Бедный поклонится в пояс, а тот пойдет себе дальше.
Часто король возвращался с пустым совершенно карманом.
Также случалось порой, что странник пройдет через город,
Тотчас за странником шлет королева своих скороходов.
«Гей, — говорит, — скороход! Скорей вы его воротите!»
Тот воротится в страхе, прижмется в угол прихожей,
Думает, чтó-то с ним будет, уж не казнить привели ли?
Ан совсем не казнить! Ведут его к королеве.
«Здравствуйте, братец, — ему говорит королева, — присядьте.
Чем бы попотчевать вас? Повара, готовьте закуску!»
Вот повара, поварихи и дети их, поваренки,
Скачут, хлопочут, шумят, и варят, и жарят закуску.
Стол приносят два гайдука с богатым прибором.
Гостя сажают за стол, а сами становятся сзади.
Странник садится, жует да, глотая, вином запивает,
А королева меж тем бранит и порочит закуску:
«Вы, — говорит, — на нас не сердитесь, мы люди простые.
Муж ушел со двора, так повара оплошали!»
Гость же себе на уме: «Добро, королева, спасибо!
Пусть бы везде на дороге так плохо меня угощали!»

Вот как жили король с королевой, и нечего молвить,
Были они добряки, прямые, без всяких претензий. . .
Кажется, как бы, имея такой счастливый характер,
Им счастливым не быть на земле? Ан вышло иначе!

Помнится, я говорил, что жители все королевства
Страх короля как любили. Все! Одного исключая!
Этот один был монах, не такой, как бывают монахи,
Смирные, скромные, так что и громкого слова не молвят.
Нет, куда! Он первый был в королевстве гуляка!
Тьфу ты! Ужас берет, как подумаешь, что за буян был!
А меж тем такой уж пролаз, такая лисица,
Что, пожалуй, святым прикинется, если захочет.
Дьяком он был при дворе; то есть если какие бумаги
Надобно было писать, то ему их всегда поручали.
Так как король был добряк, то и всех он считал добряками,
Дьяк же то знал, и ему короля удалося уверить,
Что святее его на свете нет человека.
Добрый король с ним всегда и гулял, и спал, и обедал,
«Вот, — говаривал он, на плечо опираясь монаха, —
Вот мой лучший друг, вот мой вернейший товарищ».
Да, хорош был товарищ! Послушайте, что он за друг был!
Раз король на охоте, наскучив быстрою скачкой,
Слез, запыхавшись, с коня и сел отдохнуть под дубочки.
Гаркая, гукая, мимо его пронеслась охота,
Стихли мало-помалу и топот, и лай, и взыванья.
Стал он думать о разных делах в своем королевстве:
Как бы счастливее сделать народ, доходы умножить,
Податей лишних не брать, а требовать то лишь, что можно.
Вдруг шорохнулись кусты, король оглянулся и видит,
С видом смиренным монах стоит, за поясом четки,
«Ваше величество, — он говорит, — давно мне хотелось
Тайно о важном деле с тобою молвить словечко!
Ты мой отец, ты меня и кормишь, и поишь, и кров мне
От непогоды даешь, так ка́к тебя не любить мне!»
В ноги упал лицемер и стал обнимать их, рыдая.
Бедный король прослезился: «Вставай, — говорит он, — вставай, брат!
Всё, чего хочешь, проси! Коль только можно, исполню!»
— «Нет, не просить я пришел, уж ты и так мне кормилец!
Хочется чем-нибудь доказать мне свою благодарность.
Слушай, какую тебе я открою дивную тайну!
Если в то самое время, как кто-нибудь умирает,
Сильно ты пожелаешь, душа твоя в труп угнездится,
Тело ж на землю падет и будет лежать без дыханья.

Так ты в теле чужом хозяином сделаться можешь!»
В эту минуту олень, пронзенный пернатой стрелою,
Прямо на них налетел и грянулся мертвый об землю.
«Ну, — воскликнул монах, — теперь смотри в оба глаза».
Стал пред убитым оленем и молча вперил в него очи.
Мало-помалу начал бледнеть, потом зашатался
И без дыхания вдруг как сноп повалился на землю.
В то же мгновенье олень вскочил и проворно запрыгал,
Вкруг короля облетел, подбежал, полизал ему руку,
Стал пред монаховым телом и грянулся о́ землю
мертвый.
Тотчас на ноги вспрянул монах как ни в чем не бывало —
Ахнул добрый король, и вправду дивная тайна!
Он в удивленье вскричал: «Как, братец, это ты сделал?»
— «Ваше величество, — тот отвечал, — лишь стоит
серьезно
Вам захотеть, так и вы то же самое можете сделать!
Вот, например, посмотри: сквозь лес пробирается серна,
В серну стрелой я пущу, а ты, не теряя минуты,
В тело ее перейди, и будешь на время ты серной».
Тут монах схватил самострел, стрела полетела,
Серна прыгнула вверх и пала без жизни на землю.
Вскоре потом упал и король, а серна вскочила.
То лишь увидел монах, тотчас в королевское тело
Он перешел и рожок поднял с земли королевский.
Начал охоту сзывать, и вмиг прискакала охота.
«Гей, вы, псари! — он вскричал. — Собак спустите со
своров,
Серну я подстрелил, спешите, трубите, скачите!»
Прыгнул мнимый король на коня, залаяла стая,
Серна пустилась бежать, и вслед поскакала охота.
Долго несчастный король сквозь чащу легкою серной
Быстро бежал, наконец он видит в сторонке пещеру,
Мигом в нее он влетел, и след его псы потеряли.

Гордо на статном коне в ворота въехал изменник,
Слез на средине двора и прямо идет к королеве.
«Милая ты королева моя, — изменник вещает, —
Солнце ты красное, свет ты очей моих, месяц мой ясный,
Был я сейчас на охоте, невесело что-то мне стало;
Скучно, вишь, без тебя, скорей я домой воротился,
Ах ты, мой перл дорогой, ах ты, мой яхонт бесценный!»
Слышит его королева, и странно ей показалось:
Видит, пред нею король, но что-то другие приемы.

Тот, бывало, придет да скажет: «Здравствуй, хозяйка!»
Этот же сладкий такой, ну что за сахар медович!
Дня не прошло, в короле заметили все перемену.
Прежде, бывало, придут к нему министры с докладами,
Он переслушает всех, обо всем потолкует, посудит,
Дело, подумав, решит и скажет: «Прощайте, министры!»
Ныне ж, лишь только прийдут, ото всех отберет он бумаги,
Бросит под стол и велит принесть побольше наливки.
Пьет неумеренно сам да министрам своим подливает.
Те из учтивости пьют, а он подливает всё больше.
Вот у них зашумит в голове, начнут они спорить,
Он их давай поджигать, от спора дойдет и до драки,
Кто кого за хохол, кто за уши схватит, кто за нос,
Шум подымут, что все прибегут царедворцы,
Видят, что в тронной министры катаются все на паркете,
Сам же на троне король, схватившись за боки, хохочет.
Вот крикунов разоймут, с трудом подымут с паркета,
И на другой день король их улицы мыть отсылает:
«Вы-де пьяницы, я-де вас научу напиваться,
Это-де значит разврат, а я не терплю-де разврата!»

Если ж в другой раз придет к нему с вопросом кухмейстер:
«Сколько прикажешь испечь пирогов сегодня для бедных?»
— «Я тебе дам пирогов, — закричит король в исступленье, —
Я и сам небогат, а то еще бедных кормить мне!
В кухню скорей убирайся, не то тебе розги, разбойник!»
Если же странник пройдет и его позовет королева,
Только о том лишь узнает король, наделает шуму.
«Вон его, — закричит, — в позатыльцы его, в позатыльцы!
Много бродяг есть на свете, еще того и смотри, что
Ложку иль вилку он стянет, а у меня их немного!»
Вот каков был мнимый король, монах-душегубец.
А настоящий король меж тем одинокою серной
Грустно средь леса бродил и лил горячие слезы.
«Что-то, — он думал, — теперь происходит с моей королевой!
Что, удалось ли ее обмануть лицемеру монаху?
Уж не о собственном плачу я горе, уж пусть бы один я
В деле сем пострадал, да жаль мне подданных бедных!»
Так сам с собой рассуждая, скитался в лесу он дремучем,

Серны другие к нему подбегали, но только лишь взглянут
В очи ему, как назад бежать они пустятся в страхе.
Странное дело, что он, когда был еще человеком,
В шорохе листьев, иль в пении птиц, иль в ветре сердитом
Смысла совсем не видал, а слышал простые лишь звуки,
Ныне ж, как сделался серной, то всё ему стало понятно:
«Бедный ты, бедный король, — ему говорили деревья, —
Спрячься под ветви ты наши, так дождь тебя не
замочит!»
«Бедный ты, бедный король, — говорил ручеек
торопливый, —
Выпей струи ты мои, так жажда тебя не измучит!»
«Бедный ты, бедный король, — кричал ему ветер
сердитый, —
Ты не бойся дождя, я тучи умчу дождевые!»
Птички порхали вокруг короля и весело пели.
«Бедный король, — они говорили, — мы будем стараться
Песней тебя забавлять, мы рады служить, как умеем!»

Шел однажды король через гущу и видит, на травке
Чижик лежит, умирая, и тяжко, с трудом уже дышит.
Чижик другой для него натаскал зеленого моху,
Стал над головкой его, и начали оба прощаться.
«Ты прощай, мой дружок, — чирикал чижик здоровый, —
Грустно будет мне жить одному, ты сам не поверишь!»
— «Ты прощай, мой дружок, — шептал умирающий
чижик, —
Только не плачь обо мне, ведь этим ты мне не поможешь,
Много чижиков есть здесь в лесу, ты к ним приютися!»
— «Полно, — тот отвечал, — за кого ты меня
принимаешь!
Может ли чижик чужой родного тебя заменить мне?»
Он еще говорил, а тот уж не мог его слышать!
Тут внезапно счастливая мысль короля поразила.
Стал перед птичкою он, на землю упал и из серны
Сделался чижиком вдруг, вспорхнул, захлопал крылами,
Весело вверх поднялся и прямо из темного леса
В свой дворец полетел.
Сидела одна королева;
В пяльцах она вышивала, и капали слезы на пяльцы.
Чижик в окошко впорхнул и сел на плечо к королеве,
Носиком начал ее целовать и песню запел ей.
Слушая песню, вовсе она позабыла работу.
Голос его как будто бы ей показался знакомым,

Будто она когда-то уже чижика этого знала,
Только припомнить никак не могла, когда это было.
Слушала долго она, и так ее тронула песня,
Что и вдвое сильней потекли из очей ее слезы.
Птичку она приласкала, тихонько прикрыла рукою
И, прижав ко груди, сказала: «Ты будешь моею!»
С этой поры куда ни пойдет королева, а чижик
Так за ней и летит и к ней садится на плечи.
Видя это, король, иль правильней молвить, изменник,
Тотчас смекнул, в чем дело, и говорит королеве:
«Что это, душенька, возле тебя вертится всё чижик?
Я их терпеть не могу, они пищат, как котенки,
Сделай ты одолженье, вели его выгнать в окошко!»
— «Нет, — говорит королева, — я с ним ни за что не расстанусь!»
— «Ну, так, по крайней мере, вели его ты изжарить.
Пусть мне завтра пораньше его подадут на закуску!»
Страшно сделалось тут королеве, она еще больше
Стала за птичкой смотреть, а тот еще больше сердитый.
Вот пришлось, что соседи войну королю объявили.
Грянули в трубы, забили в щиты, загремели в литавры,
С грозным оружьем к стенам городским подступил неприятель,
Город стал осаждать и стены ломать рычагами.
Вскоре он сделал пролом, и все его воины с криком
Хлынули в город и прямо к дворцу короля побежали.
Входят толпы во дворец, все падают ниц царедворцы.
Просят пощады, кричат, но на них никто и не смотрит,
Ищут все короля и нигде его не находят.
Вот за печку один заглянул, ан глядь! — там, прикрывшись,
Бледный, как тряпка, король сидит и дрожит как осина.
Тотчас схватили его за хохол, тащить его стали,
Но внезапно на них с ужасным визгом и лаем
Бросился старый Полкан, любимый пес королевский.
Смирно лежал он в углу и на всё смотрел равнодушно.
Старость давно отняла у Полкана прежнюю ревность,
Но, увидя теперь, что тащат его господина,
Кровь в нем взыграла, он встал, глаза его засверкали,
Хвост закрутился, и он полетел господину на помощь...
Бедный Полкан! Зачем на свою он надеялся силу!
Сильный удар он в грудь получил и мертвый на землю
Грянулся, — тотчас в него перешел трусишка изменник,
Хвост поджал и пустился бежать, бежать без оглядки.

Чижик меж тем сидел на плече у милой хозяйки.
Видя, что мнимый король обратился со страху в Полкана,
В прежнее тело свое он скорей перешел и из птички
Сделался вновь королем. Он первый попавшийся в руки
Меч схватил и громко вскричал: «За мною, ребята!»
Грозно напал на врагов, и враги от него побежали.
Тут, обратившись к народу: «Послушайте, дети, — он молвил, —
Долго монах вас морочил, теперь он достиг наказанья,
Сделался старым он псом, а я королем вашим прежним!»
— «Батюшка! — крикнул народ, — и впрямь ты король наш родимый!»
Все закричали «ура!» и начали гнать супостата.
Вскоре очистился город, король с королевою в церковь
Оба пошли и набожно там помолилися богу.
После ж обедни король богатый дал праздник народу.
Три дни народ веселился. Достаточно ели и пили,
Всяк короля прославлял и желал ему многие лета.

289. ВИХОРЬ-КОНЬ

В диком месте в лесу...
Из соломы был низкий построен шалаш.
Частым хворостом вход осторожно покрыт,
Мертвый конь на траве перед входом лежит.
И чтоб гладных волков конь из лесу привлек,
Притаясь в шалаше, ожидает стрелок.

Вот уж месяц с небес на чернеющий лес
Смотрит, длинные тени рисуя древес,
И туман над землей тихо всходит седой,
Под воздушной скрывает он лес пеленой.
Ни куста, ни листа не шатнет ветерок,
В шалаше притаясь, молча смотрит стрелок,
Терпеливо он ждет, месяц тихо плывет,
И как будто бы времени слышен полет.

Чу! Не шорох ли вдруг по кустам пробежал?
Отчего близ коня старый пень задрожал?
Что-то там забелело, туман не туман,
В чаще что-то шумит, будто дальний буран,
И внезапно стрелка странный холод потряс,
В шуме листьев сухих дивный слышит он глас:
«Вихорь-конь мой, вставай, я уж боле не пень,

Вихорь-конь, торопися, Иванов уж день!»
И как озера плеск и как полымя треск,
Между пний и кустов словно угольев блеск,
Что-то ближе спешит, и хрустит, и трещит,
И от тысячи ног вся земля дребезжит.
«Встань, мой конь, я не пень, брось, мой конь, свою лень!
Конь, проворней, проворней, в лесу дребедень!»
Страшен чудный был голос, конь мертвый вскочил,
Кто-то прыг на него, конь копытом забил,
Поднялся на дыбы, задрожал, захрапел
И как вихорь сквозь бор с седоком полетел,
И за ним между пнев, и кустов, и бугров
Полетела, шумя, стая гладных волков.

Долго видел стрелок, как чудесным огнем
Их мелькали глаза в буераке лесном
И как далей и далей в чернеющий лес
Их неистовый бег, углубляясь, исчез.
И опять воцарилась кругом тишина,
Мирно сумрачный лес освещает луна,
Расстилаясь туман над сырою землей,
Под таинственной чащу сокрыл пеленой.
И, о виденном диве мечтая, стрелок
До зари в шалаше просидел, одинок.
И едва на востоке заря занялась,
Слышен топот в лесу, и внимает он глас:
«Конь, недолго уж нам по кустам и буграм
Остается бежать, не догнать нас волкам!»
И как озера плеск и как полымя треск,
Между пнев и кустов, словно угольев блеск,
И шумит, и спешит, и хрустит, и трещит,
И от тысячи ног вся земля дребезжит.
«Конь, не долго бежать, нас волкам не догнать.
Сладко будешь, мой конь, на траве отдыхать!»
И, весь пеной покрыт, конь летит и пыхтит,
И за ним по пятам волчья стая бежит.
Вот на хуторе дальнем петух прокричал,
Вихорь-конь добежал, без дыханья упал,
Седока не видать, унялась дребедень,
И в тумане по-прежнему виден лишь пень.
У стрелка ж голова закружилась, и он
Пал на землю, и слуха и зренья лишен.
И тогда он очнулся, как полдень уж был,
И чернеющий лес он покинуть спешил.

290. ТЕЛЕСКОП

Баллада

Умен и учен монах Артамон,
И оптик, и физик, и врач он,
Но вот уж три года бежит его сон,
Три года покой им утрачен.
Глаза его впалы, ужасен их вид,
И как-то он странно на братий глядит.

Вот братья по кельям пошли толковать:
«С ума, знать, сошел наш ученый!
Не может он есть, не может он спать,
Всю ночь он стоит пред иконой.
Ужели (господь, отпусти ему грех!)
Он сделаться хочет святее нас всех?»

И вот до игумена толки дошли,
Игумен был строгого нрава:
Отца Гавриила моли не моли, —
Ты грешен, с тобой и расправа!
«Монах, — говорит он, — сейчас мне открой,
Что́ твой отравляет так долго покой?»

И инок в ответ: «Отец Гавриил,
Твоей покоряюсь я воле.
Три года я страшную тайну хранил,
Нет силы хранить ее доле!
Хоть тяжко мне будет, но так уж и быть,
Я стану открыто при всех говорить.

Я чаю, то знаете все вы, друзья,
Что, сидя один в своей келье,
Давно занимался механикой я
И разные варивал зелья,
Что силою дивных стекол и зеркал
В сосуды я солнца лучи собирал.

К несчастью, я раз, недостойный холоп,
В угодность познаний кумиру,
Затеял составить большой телескоп,
Всему в удивление миру.
Двух братьев себе попросил я помочь,
И стали работать мы целую ночь.

И множество так мы ночей провели,
Вперед подвигалося дело,
Я лил, и точил, и железо пилил,
Работа не шла, а кипела.
Так, ма́хина наша, честнейший отец,
Поспела, но, ах, не на добрый конец.

Чтоб видеть, как силен мой дивный снаряд,
Трубу я направил на гору,
Где башни и стены, белеясь, стоят,
Простому чуть зримые взору.
Обитель святой Анастасии там.
И что же моим показалось очам?

С трудом по утесам крутым на коне
Взбирается витязь усталом,
Он в тяжких доспехах, в железной броне,
Шелом с опущённым забралом,
И, стоя с поникшей главой у ворот,
Отшельница юная витязя ждет.

И зрел я (хоть слышать речей их не мог),
Как о́бнял свою он подругу,
И ясно мне было, что шепчет упрек
Она запоздалому другу.
Но вместо ответа железным перстом
На наш указал он отшельнице дом.

И кудри вилися его по плечам,
Он поднял забрало стальное,
И ясно узрел я на лбу его шрам,
Добытый средь грозного боя.
Взирая ж на грешницу, думал я, ах,
Зачем я не витязь, а только монах!

В ту пору дни на три с мощами к больным
Ты, честный отец, отлучился,
Отсутствием я ободренный твоим
Во храме три дня не молился,
Но до ночи самой на гору смотрел,
Где с юной отшельницей витязь сидел.

Помощников двух я своих подозвал,
Мы сменивать стали друг друга.

Такого, каким я в то время сгорал,
Не знал никогда я недуга.
Когда ж возвратился ты в наш монастырь,
По-прежнему начал читать я псалтырь.

Но всё мне отшельницы чудился лик,
Я чувствовал сердца терзанье,
Товарищей двух ты тогда же расстриг
За малое к службе вниманье,
И я себе той же судьбы ожидал,
Но, знать, я смущенье удачней скрывал.

И вот уж три года, лишь только взойдет
На небо дневное светило,
Из церкви меня к телескопу влечет
Какая-то страшная сила.
Увы, уж ничто не поможет мне ныне,
Одно лишь осталось: спасаться в пустыне».

Так рек Артамон, и торжественно ждет
В молчанье глубоком собранье,
Какому игумен его обречет
В пример для других наказанью.
Но, брови нахмурив, игумен молчит,
Он то на монаха, то в землю глядит.

Вдруг снял он клобук, и рассеченный лоб
Собранью всему показался.
«Хорош твой, монах, — он сказал, — телескоп,
Я в вражии сети попался!
Отныне игуменом будет другой,
Я ж должен в пустыне спасаться с тобой».

291. ПРОСТИ

Ты помнишь ли вечер, когда мы с тобой
Шли молча чрез лес одинокой тропой,
И солнышко нам, готовясь уйти,
Сквозь ветви шептало: «Прости, прости!»

Нам весело было, не слышали мы,
Как ветер шумел, предвестник зимы,

Как листья хрустели на нашем пути
И лето шептало: «Прости, прости!»

Зима пролетела, в весенних цветах
Природа, красуясь, пестреет, но, ах,
Далёко, далёко я должен идти,
Подруга, надолго прости, прости!

Ты плачешь? Утешься! Мы встретимся там,
Где радость и счастье готовятся нам,
Судьба нам позволит друг друга найти,
Тогда, когда жизни мы скажем «прости!»

292. МОЛИТВА СТРЕЛКОВ

Великий Губертус, могучий стрелок,
К тебе мы прибегнуть дерзнули!
К тебе мы взываем, чтоб нам ты помог
И к цели направил бы пули!
Тебя и отцы призывали и деды,
Губертус, Губертус, податель победы!

Пусть дерзкий безбожник волшебный свинец
В дремучем лесу растопляет,
Ужасен безбожнику будет конец,
Нас счастье его не прельщает:
Он в трепете вечном и в страхе живет,
Покуда час смерти его не пробьет.

Пусть Гакельберг ночью шумит и трубит
И грозно над бором несется,
Охотника доброго он не страшит,
Виновный пред ним лишь трясется,
И слышит, чуть жив, над главою своей
Лай псов, и взыванья, и ржанье коней.

Пусть яростный вепрь иль сердитый медведь
Лихого стрелка одолеет,
Уж если ему суждено умереть,
Он с верой погибнуть умеет.
Чья верой душа в провиденье полна,
Тому не бывает погибель страшна.

Великий Губертус, могучий стрелок,
К тебе мы прибегнуть дерзнули!
К тебе мы взываем, чтоб нам ты помог
И к цели направил бы пули!
Тебя кто забудет на помощь призвать,
Какого успеха тому ожидать!

293

Я верю в чистую любовь
И в душ соединенье;
И мысли все, и жизнь, и кровь,
И каждой жилки бьенье
Отдам я с радостию той,
Которой образ милый
Меня любовию святой
Исполнит до могилы.

1832

2. НЕЗАКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ. ОТРЫВКИ

294

Бегут разорванные тучи,
Луна задумчиво плывет,
От моря брызжет дождь летучий,
Шумя несется пароход.

[А там дворец с широкой крышей,
Там истуканов виден ряд,
Стоят, один другого выше,
Вослед печально мне глядят.

Простите вы, картины юга,
Прости, гитар веселый звон,
И песней пламенная вьюга,
И соблазнительный балкон!]

Увижу ль я страны другие,
Простор испаханных степей,
Страны, где волны золотые
Колышет ветер средь полей,

Где ночи зимние так долги
И где весна так молода,
И вниз по матушке по Волге
Идут тяжелые суда?

Увижу ль тройку удалую
Среди степей на всем бегу,
Гремушки, кованую сбрую
И золоченую дугу?

Бегите ж . . . тучи,
Луна, плыви над бездной вод,
От моря брызжи, дождь летучий,
Лети на север, пароход!

1840-е годы

295

Как часто ночью в тишине глубокой
Меня тревожит тот же дивный сон:
В туманной мгле стоит дворец высокий
И длинный ряд дорических колонн;
Средь диких гор от них ложатся тени,
К реке ведут широкие ступени.

И солнце там приветливо не блещет,
Порой сквозь тучи выглянет луна,
О влажный брег порой лениво плещет,
Катяся мимо, сонная волна,
И истуканов рой на плоской крыше
Стоит во тьме, один другого выше.

Туда, туда неведомая сила
Вдоль по реке влечет мою ладью,
К высоким окнам взор мой пригвоздила,
Желаньем грудь наполнила мою.
. . . .
. . . .

Я жду тебя. Я жду, чтоб ты склонила
На темный дол свой животворный взгляд,
Тогда взойдет огнистое светило,
В алмазных искрах струи заблестят,
Проснется замок, позлатятся горы
И загремят невидимые хоры.

Я жду, но тщетно грудь моя трепещет,
Лишь сквозь туман виднеется луна,
О влажный берег лишь лениво плещет,
Катяся мимо, сонная волна,
И истуканов рой на плоской крыше
Стоит во тьме, один другого выше.

1840-е годы

296. СЛОВА ДЛЯ МАЗУРКИ

Вон на кладбище белеют кресты.
Месяц взирает на них с высоты.

Там дремлют кости вельможного рода,
Рядом с гетма́ном лежит воевода.

«Скучно, панове, всё спать на погосте,
Се́длаем ко́ней, едемте в гости!

Вишь, серебром как дорога устла́на.
Едем на свадьбу до пана гетма́на!»

[Вот пошатнулись кресты и упали,
По́ полю мертвые вдаль поскакали.]

Там, над Двиною, напротив парома
Светятся окна вельможного дома.

Слышны в нем скрыпки, цимбалы да флейты,
«Ну же, маршалок, докладывай, гей ты!»

В страхе маршалок из рук бросил блюдо:
«Пане вельможный, случилося чудо!

От, далибуг же! До панскои мости
Прямо с кладби́ща приехали гости!»

«Брешешь ты, бестья, зараз изувечу!»
Встал и, ругаясь, идет к ним навстречу.

. .   . .

                                        . . . похоронный.
Так был наказан гетман коронный.

1840-е годы

297

Ты меня поняла не вполне,
И хоть сердце открылось.
. . . .
О, как хочется мне передать
. . . .
О, узнай же, как горестен я
. . . .
Мы друг друга никак не поймем

. . . .
Никогда мы себя не поймем?

. . . .
И души увядающий май
Ты пойми иль душой отгадай

. . . .
О, узнай мое горе, узнай!
И душою меня отгадай.

Лето 1856

298

Что за время, что за нравы!
Где вы, Генуи сыны!
По руинам Балаклавы
Ходят красные штаны!

Лето 1856

299

Войдем сюда; здесь меж руин
Живет знакомый мне раввин;
Во дни прошедшие, бывало,
Видал я часто старика;
Для поздних лет он бодр немало,
И перелистывать рука
Старинных хартий не устала.
Когда вдали ревут валы
И дикий кот, мяуча, бродит,
Талмуда враг и Каббалы,
Всю ночь в молитве он проводит.
Душистей нет его вина,
Его улыбка добродушна,
И, слышал я, его жена
Тиха, прекрасна и послушна;
Но недоверчив и ревнив
Седой раввин...
Он примет странников радушно,
Но не покажет им супруг
Своей чудесной половины
Ни за янтарь, ни за жемчуг,
Ни за звенящие цехины!

Лето 1856

300

Как вчера хорош у моря
Был наш русский самовар,
Шли мы долго вместе, споря,
Между саклями татар.

Лето 1856

301

О, не страшись несбыточной измены
И не кляни грядущего, мой друг,
Любовь души не знает перемены,
Моя душа любить не будет двух. . .
. . . .
И если я . . . . . . отчизной
. . . . . отдам остаток сил,
Не говори про друга с укоризной:
«Он для другой обетам изменил».
. . . .
Быть может, грусть, страдания и годы
. . . . вид.
Быть может, вихрь житейской непогоды
Меня с тобой надолго разлучит.
. . . .
. . . . не прокляну.
Я сквозь земной увижу оболочки
Твоей души бессмертную весну.

Осень 1856

302

Закревский так сказал пожарным:
«Пойдем, ребята, напролом!
На крыше, в свете лучезарном,
Я вижу Беринга, сидящего орлом!»

Осень 1856

303

Причину моего смятенья и испуга
Узнать желаешь ты, невинная подруга
Моих девичьих игр; послушай . . . .
. . . .
Ложились на спину участники их игр,
Ласкаясь, пестрый барс и полосатый тигр
. . . .
. . . . с румяными устами.
Лев морщится . . . .
. . . . душистый
Из фиговых ветвей венок широколистый
Мне жрица подала, и [пьяная] тогда,
Волненье подавив последнего стыда
И взор отворотив . . . .
. . . .
И трепетной рукой касаясь пьедестала,
Могучую красу я бога увенчала.

Осень 1856

304

И на крыльце по вечерам,
Внимая тихим разговорам,
Лягушек слушать дружный гам,
Вдали звенящий слитым хором.

1857 (?)

305

Друзья, вы совершенно правы,
Сойтися трудно вам со мной,
Я чту отеческие нравы,
Я патриот, друзья, квасной!

На Русь взирая русским оком,
А не насквозь ей чуждых присм,
Храню в сознании глубоком
Я свой квасной патриотисм.

Вы высшим преданы заботам,
Меня, который не за вас,
Квасным зовете патриотом,
Пусть будет так и в добрый час!

Хоть вам со мной стезя иная,
Но лишь одно замечу я:
Меня отсталым называя,
Вы ошибаетесь, друзья!

Нет, я не враг всего, что ново,
Я также с веком шел вперед.
Блюсти законов Годунова
Квасной не хочет патриот.

Конца семейного разрыва,
Слиянья всех в один народ,
Всего, что в жизни русской живо,
Квасной хотел бы патриот.

Уж так и быть, признаюсь в этом,
Я патриот, друзья, квасной:
Моя душа летит приветом
Навстречу вьюге снеговой.

Люблю я тройку удалую
И свист саней на всем бегу,
Гремушки, кованую сбрую
И золоченую дугу.

Люблю тот край, где зимы долги,
Но где весна так молода,
Где вниз по матушке по Волге
Идут бурлацкие суда.

Люблю пустынные дубравы,
Колоколов призывный гул
И нашей песни величавой
Тоску, свободу и разгул.

Она, как Волга, отражает
Родные степи и леса,
Стесненья мелкого не знает,
Длинна, как девичья коса.

Как синий вал, звучит глубоко,
Как белый лебедь, хороша,
И с ней уносится далёко
Моя славянская душа.

Люблю Москву, наш гор⟨од⟩ ц⟨арский⟩,
Люблю наш Киев, столь⟨ный⟩ гр⟨ад⟩,
Кафта⟨н⟩ . . . . боярский
. . . .

Я, признаюсь, беды не вижу
Ни от усов, ни от бород.
Одно лишь зло я ненавижу, —
Квасной, квасной я патриот!

Идя вперед родной дорогой,
Вперед идти жел⟨аю⟩ всем,
Служу цар⟨ю⟩ . . . . .
. . . .

Иным вы преданы заботам.
Того, кто к родине влеком,
Квасным зовете патриотом,
Движенья всякого врагом.

Нет, он не враг всего, что ново,
Он вместе с веком шел вперед,
Блюсти законов Годунова
Квасной не хочет патриот.

Нет, он успеха не поносит
И, честью русской дорожа,
О возвращении не просит
Ни языков, ни правежа.

Исполнен к подлости враждою,
Не хочет царск⟨их⟩ он шутов,
Ни, нам завещанных ордою,
Застенков, пыток и кнутов.

В заблудш⟨ем⟩ видя человека,
Не хочет он теперь опять
Казнить тюрьмой Максима Грека,
Костры скуфьями раздувать.

Но к братьям он горит любовью,
Он полн к насилию вражды,
Грустит о том, что русской кровью
Жиреют немцы и жиды.

Да, он грустит во дни невзгоды,
Родному голосу внемля,
Что на два разные народа
Распалась русская земля.

Конца семейного разрыва,
Слиянья всех в один народ,
Всего, что в жизни русской живо,
Квасной хотел бы патриот.

1857—1858 (?)

306

Барон

Святой отец, постой: тебе утру я нос,
Хотя б меня за то сослали и в Милос.

Папа

Не хочешь ли, барон, ты выпрыгнуть в оконце?
Пожалуй, подостлать велю тебе суконце!

Барон

Не прыгну ни за что! Не прыгну за мильон!

Папа
(в сторону)

Мне кажется, меня в досаду вводит он!

Барон
(в сторону)

Придет пора — и он, не знающий, что брак,
Румянцем от стыда покроется, как рак!

(Уходит.)

1866

307

В дни златые вашего царенья,
В дни, когда любящею рукой
Вы вели младые поколенья,
О созданья юности мирской,
Как иначе всё тогда являлось.

. . . .

И твои цветами, о Киприда,
Украшались алтари.

. . . .

Гелиос в величии спокойном
Колесницей правил золотой.

. . . .

Благородил вымыслом природу,
Прижимал к груди ее поэт,
И во всем . . . . . . народу
Божества являлся след!

Октябрь 1867

308

Желтобрюхого Гаврила
Обливали молоком,
А Маланья говорила:
«Он мне вовсе незнаком!»

9 декабря 1868

309

О, будь же мене голосист,
Но боле сам с собой согласен...

. . . .

Стяжал себе двойной венец:
Литературный и цензурный.

Декабрь 1868

310

Ища в мужчине идеала,
Но стыд храня,
Пиявка доктору сказала:
«Люби меня! . .»

1868 (?)

311

То древний лес. Дуб мощный своенравно
Над суком сук кривит в кудрях ветвей;
Клен, сока полн, восходит к небу плавно
И, чист, играет ношею своей.

15 декабря 1869

312

Теперь в глуши полей, поклонник мирных граций,
В деревне дедовской под тению акаций,
От шума удален, он любит в летний зной
Вкушать наедине прохладу и покой,
Степенных классиков всё боле любит чтенье
И дружеских бесед умеренные пренья,
Прогулки к мельнице иль к полному гумну,
Блеяние стадов, лесную тишину,
Сокровища своей картинной галереи
И мудрой роскоши полезные затеи,
И . . . .
И . . . .
[А осенью глухой, усевшись у камина,
Велит себе принесть он дедовские вина,
И старый эскулап, друг дома и знаток,
Бутылки пыльной с ним оценивает ток.]
[Блажен . . . .
Кто, просвещением себя не охладив,
Умел остепенить страстей своих порыв
И кто от оргии неистовой и шумной
Мог впору отойти, достойный и разумный.
Кто, верен и душе, и светлому уму,
Идет, не торопясь, к закату своему.]

Блажен, кто с оргии, неистовой и шумной,
Уходит впору прочь, достойный и разумный,
Кто, мужеством врагов упорных победив,
Умеет торжества удерживать порыв.
Блажен, кто каждый час готов к судьбы ударам,
Кто в суете пустой не тратит силы даром,
Кто, верный до конца спокойному уму,
Идет, не торопясь, к закату своему.

. . . .

Так в цирке правящий квадригою возница,
Соперников в пыли оставя за собой,
Умеривает бег звенящей колесницы
И вожжи коротит искусною рукой.
И кони мощные, прощаяся с ареной,
Обходят вкруг нее, слегка покрыты пеной.

Конец 1860-х годов

313

Честь вашего я круга,
Друзья, высоко чту,
Но надо знать друг друга,
Игра начистоту!

Пора нам объясниться —
Вам пригожусь ли я?
Не будем же чиниться,
Вот исповедь моя!

. . . .

И всякого, кто плачет,
Утешить я бы рад —
Но это ведь не значит,
Чтоб был я демократ!

. . . .

Во всем же прочем, братцы,
На четверть иль на треть,
Быть может, мы сойдемся,
Лишь надо посмотреть!

. . . .

Чтобы в суде был прав
Лишь тот, чьи руки черны,
Чьи ж белы — виноват,
Нет, нет, слуга покорный!

Нет, я не демократ!

. . . .

Чтоб вместо твердых правил
В суде на мненья шло?
Чтобы землею правил
Не разум, а число?

. . . .

Чтоб каждой пьяной роже
Я стал считаться брат?
Нет, нет, избави боже!
Нет, я не демократ!

. . . .

Барон остзейский ближе,
Чем русский казнокрад.

. . . .

Vox populi — vox Dei! [1]
Зипун — гражданства знак.
Да сгинут все злодеи,
Чтó носят черный фрак!

. . . .

Не филантроп я тоже

. . . .

И каждый гражданин
Имел чтоб позволенье
Быть нá руку нечист?
Нет, нет, мое почтенье!
Нет, я не коммунист!

. . . .

Чтоб всем в свои карманы
Дал руки запускать?

Сентябрь 1870

314

Но были для девы другие отрады,
Шептали о боге ей ночь и луна,
Лавровые рощи цветущей Эллады,
Залива изгибы и звезд мириады;
И в юном восторге познала она,
Молитвой паря в необъятном просторе,
Бездонной любови безбрежное море.

---

[1] Глас народа — глас божий! (лат.). — *Ред.*

Улыбка кроткая, в движенье каждом тихость,
Застенчивость в делах, а в помышленьях лихость,
Стремленье тайное к заоблачной отчизне,
Грусть безотчетная по неземной отчизне,
Меж тем уступчивость вседневной грубой жизни,
И мягкая коса, и стан изящно-гибкий,
И $\frac{\text{грусть}}{\text{смерть,}}$, застенчиво прикрытая улыбкой,
Порой $\frac{\text{восторженный}}{\text{встревоженный}}$, порой убитый взор,
И в сердце над собой всегдашний приговор.

3. АВТОПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЙ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

316

(«Что ни день, как полымя со влагой...»)

Täglich, wie das Wasser mit den Flammen,
Kämpfen Gram und Wagelust zusammen,
Nimmer aber Bahn das Leben findet.
In die Fern' bergauf, bergab sich windet,
Wie ein bunt Geflechte, die Gedanken
Von der Fröhlichkeit zur Sorge ranken,
Sonn' und Wolkenspiel zu jeder Stunde
Goldne Blumen webt auf schwarzem Grunde.

317

(«Острою секирой ранена береза...»)

Pflüger riß das Feld auf mit seinem Pflug,
Holzhauer den Baum mit dem Axte schlug;
Die Wunden vernarbten im Sonnenlicht —
Mir blutet das Herz und vernarbet nicht!

318

(Три побоища)

. . . .
Und wie nun die Fürstin berichtet den Traum,
Der Fürst aber Alles erwogen,
Da kommt auch die Githa, gerannt in den Raum,
Gar liederlich angezogen.

Sie ist dekoltiert im weitesten Sinn,
Und nicht zu reden sie säumet:
«Herr Schwager! — so ruft sie. — Frau Schwägerin!
Ich hab' von was Schlechtem geträumet!
. . . .

«Sie sitzen in Schiffen so vollgepropft,
Daß ihnen schmerzen die Nieren,
Der Wilhelm hat sie zusammengestopft,
Den Vater zu kujonieren!»
. . . .

Und wie sie, so schlotterburig, spricht,
Kommt angerannt ein Knappe:
«Herr Fürst, so säume doch länger nicht
Und nimm geschwind eine Wappe!

Es ziehen Feinde vom Süden her,
Die sehen aus wie Bestijen,
Du mußt zusammentrompeten dein Heer,
Und deine Stadt befest'gen».

319

(Песня о походе Владимира на Корсунь)

«S' ist gut, — sprach der Fürst, als der Mönch von Byzanz
Geendigt seine Predigt, —
Meine Seele hast du erschüttert ganz,
Dess' bin ich, Gottlob! entledigt!

Ich liebte Weiber und Saufgelag,
Ich liebte Balgen und Raufen,
Das alles zum Teufel nun fahren mag,
Nach Taurien segle ich gemach
Und lasse mich dorten taufen!»

Der Mönch ist hoch erfreut darob,
«Mein Fürst, — sagt er, — wenn künftig
Erwerben du willst der Kirche Lob,
Du darfst nicht dafür sein so grob,
Mußt milde sein und vernünftig!»

«Nun ja, — sagt der Fürst, — das will ich gern!
Ich will mir Milde erstreben!
Man gebe mir Schild und Morgenstern,
Wenn ich Lösegeld krieg' von den griechischen Herrn,
Ich lass' ihnen schon das Leben!»

Es segeln die Russen, Boot an Boot,
Sie landen im griech'schen Reviere,
Den Strand, der so viele Blumen bot,
Bedecken auf einmal die Schilder rot
Und die schwarzen Rabenpaniere.

320. HACO DER BLINDE

(Гакон Слепой)

«Noch fühl' ich im Arme die frühere Macht,
Bin stark und gesund im Gedränge;
Doch decket mein Aug' eine ewige Nacht —
Wer hilf mir, Genossen, zu haun in der Schlacht?
Ihr höret die kriegrischen Klänge?
So faßt meinen Rappen am Zaume geschwind,
Führt mich, wie der Wind,
Ins Waffengemenge!»

Und die Knappen entführen den König — und bald
Sind sie, wo die Schwerter blinken;
Da wütet der Blinde mit Sturmesgewalt,
Und wie vor dem Wetter der krachende Wald,
Vor ihm die Reisigen sinken;
Er schmettert drauf los wie der Donnerkeil
Und haut mit dem Beil
Zur Rechten und Linken.

321

(«Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...»)

Oh, glaub' mir nicht, in trüber Stund', in schlimmer,
Wenn ich dir sag', ich liebte dich nicht mehr!
Zur Ebbezeit glaub' nicht, es sei auf immer
Vom Land gewichen das bewegte Meer!
Schon sehn' ich mich, mit dir aufs neu zu teilen
Freud' oder Schmerz die ich mit dir empfand,
Und, brausend, schon aufs neu die Wellen eilen
Von fern zurück zu dem geliebten Strand.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся по порядку стихов в произведении. После номера стиха или строфы указывается сокращенное название источника, в котором находится вариант; если источник не указан, это означает, что он тот же, что и в предыдущем варианте.

Пропуски или перестановки стихов и строф в источниках не отмечаются.

3

после строфы 2 авториз. список ГБЛ	Вельмож суровых много И много важных дам На нас смотрели строго И чопорно из рам. Служившие когда-то Бояре при царях, С осанкой бородатой Иль в белых париках, Именьем щедро розным Даримые двором Иль павшие под грозным Курляндским топором...

4

15—16 Кондратьев, прилож.	Картины и редкие ткани Наследник скорей увезет,
после строфы 4	А жадная дворня растащит Скорей остальное добро, Растащит старинные бронзы И с древним гербом серебро

8

после строфы 2 авториз. список ГБЛ	Я пройду близ дикой вишни, Около плетня, У разрушенной кирпични Ты найдешь меня!
после строфы 3	Дергачи кричат по нивам, Перепел во ржи, Час настал нам быть счастливым, Друг, не откажи!

9

после строфы 6 ранняя ред. Кондратьев, прилож.	Ты знаешь край, в беде не гнувший выю, Где Святослав к дружине рек своей: «Умрем за честь, погибнем за Россию, Бо срама нет для тлеющих костей!» Они ж рекли: «Мы все умрем с тобою!» Туда, туда стремлюся я душою!
после строфы 6 С	Ты знаешь край, где древле наш Великий В открытом поле шумно пировал, Со звуком труб побед сливались клики И гордый швед в смятении бежал? Где наши деды все летели к бою... Туда, туда стремлюся я душою!
38—40	И груды тел легли среди полей? Где за царя, главу склонив у плахи, В последний раз молился Кочубей?
после строфы 8	Ты знаешь дом, где враг презренной лести, Родной земле отдав остаток сил, Последний гетман жизни, полной чести, Златой закат спокойно проводил? Ты знаешь дом и липы над горою? Туда, туда стремлюся я душою!

10

ранняя ред. список ГБЛ	Колокольчики мои, Цветики степные, Что звените вы в траве, Темно-голубые? Старину ль зовете вы? Будущие ль годы? Новагорода ль вам жаль? Дикой ли свободы?

Иль морских богатырей
И царевен пленных?
Иль увенчанных царей
В бармах драгоценных?

Иль соборов на Москве
Во святом синклите?
Колокольчики мои,
Звените, звените!

Колокольчики мои
В ковыле высоком!
Вы звените о былом
Времени далеком,

Обо всем, что отцвело,
Чего нет уж боле,
О боярах на Руси,
О козацкой воле!

Колокольчики мои,
В золотистом жите
О гетма́нщине лихой
Звените, звените!

Как лежит козак убит
В стороне немилой
И ракита говорит
Над его могилой!

Я прислушиваюсь к вам,
Цветики степные,
Русским людям передам
Я дела былые!

Гой ты, ветер, не шуми
В зеленой раките!
Колокольчики мои,
Звените, звените.

строфа из ранней ред. Лирондель

Вам тоски не заглушить,
Свет не сделать милым,
Старины не воротить
Говором унылым.

после строфы 10 последняя ред. авториз. список ГБЛ

На одних цвели полях
Древле наших деды,
Русс ⟨и⟩ чех, хорват и лях
Знали те ж победы!
Будь же солнцем наших стран
И княжи над нами!
Кто на бога и славян
С русскими орлами!

11

ранняя ред.
Лирондель

Коль смотреть — смотреть уж в оба,
Коли помнить, так до гроба,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой,
Коли плыть, так плыть, как гусь,
Коли гибнуть, так за Русь,
Коль кричать, так «С нами бог!»

12

1
список с авторской правкой ГБЛ

Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя Соня

4

[Много еще угадал я, чего ты и мне не сказала]

после 12

Врылися в недра земли глубоко мои крепкие корни,
[Много поет соловьев под тенью моей изумрудной,
Листья таинственно шепчут о том, что прекрасно и чисто]
Веют прохладой мои широко шумящие ветви,
Много поет соловьев под моей изумрудною тенью,
Ты прислушайся к ним, в них голос веселого детства,

13

вместо 5—9
список ГБЛ

За улыбку ли я люблю тебя?
Иль за речь твою соловьиную?
Иль за думушки, думы тяжкие,
Думы тяжкие, безотрадные!

И не знаю я, и не ведаю:
Ты сестра ли мне? Молода ль жена?
Или детище ты мне малое,
Дитя малое, бесприютное?

21

после 6
ОЗ

Уж ты нива моя, нивушка

после 9

Уж вы думы мои, думушки.

25

после 4
автограф ПД, С-67

О пожди, пожди еще немного,
Дай и мне уйти туда с тобой...
Легче нам покажется дорога —
Пролетим ее рука с рукой!..

ОЗ

Погоди, дитя, еще немного
Дай и мне уйти туда с тобой...
Легче нам покажется дорога —
Мы пройдем ее рука с рукой

28

черновые наброски зап. кн. ГПБ

Скоро галки встрепенутся,
Засверкает снежный путь,
Кабы мне совсем проснуться
Иль скорей совсем заснуть!

Жарко, душно, будто в бане,
Всё твердит о чем-то мне,
Я на кожаном диване
Забываюсь в полусне.

Пес в деревне вдруг залает,
Иль петух вспорхнет, крича,
И в шандале запылает
Догоревшая свеча.

Дней минувших впечатленья,
Дней грядущих темнота,
Ожиданья, сожаленья
И мяуканье кота.

Скучной мельницы болтанье,
Дружный говор топоров,
И луна, ⟨и⟩ дев лобзанья,
И жужжанье комаров.

30

варианты строфы 2 черновик ПД

1. И новых сил, и новой страсти полно,
Оно прихлынет, отдых позабыв,
И побегут с роптаньем тихим волны
Издалека в знакомый им залив.

2. Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Твоя любовь мне снова дорога,
И с ропотом вернувшиеся волны
Бегут обнять родные берега.

31

строфы 2—3 черновик ПД

Скорей, о сон, скорей! Спустися в час полночи
Беседовать со мной, единственный мой друг!
Давно затмения мои желают очи,
Забвения и тьмы тревожный просит дух.

Пытливость горькую у мысли он отымет,
Он скованной душе отдаст ее полет
И тихою рукой до утра приподымет
На сердце горестном всегда лежащий гнет.

34

после 8 автограф ПД

Когда прошу у бога возрожденья
Родной земли,
А все мои святые убежденья
Лежат в пыли

36

5—8 Кондратьев

Цепей житейских звон почуя,
Забыл обычную я лень,
И раздается, негодуя,
Мой голос вновь. Так в бурный день

37

2 автограф ПД, БдЧ

1. Воздух, которым мы дышим, исполнен был ими издавна;
2. В нем они вечно носились, незримые нашему оку.

после 5

Мягкий извив бороды и спокойное уст очертанье?

6—8

Гёте не собственной мыслью Фауста великого создал,
Фауста, что в средневековой красе, в человеческой правде,
Сходен с предвечным своим идеалом от слова до слова.

15

Много живет еще в воздухе форм и невидимых линий.

после 20

В темной души глубине бьет звонкий родник вдохновенья!

24 автограф ПД, БдЧ

1. Явственней вдруг выступают, глубокого полные смысла
2. Явственно вдруг выступают, глубокого полные смысла,
3. Так пред тобой, развиваясь в тумане, предстанут картины

44

вместо 1—5 черновой автограф ПД	Ой, след ли то молодцу лен прясти? Ой, честь ли то, братцы, девке в свайку играть? А и хвала ли старцу вприсядку пойти? А боярину кичку носить? Кузнецу-то коров доить? Воеводе по воду ходить? Гусляру-певуну во тюрьме сидеть? Во тюрьме сидеть, потолок коптить.

45

после 15 автограф ПД	А потом тебе же насмехается: «Ой, удал-силен, добрый молодец! Еще много ли на печи полежано? Богатырских дел понадумано? Да и станет подступать под сердце, Ретивое делить надвое.
19—20	Я за книгу сел — оно мухою Пред очами снует, извивается

46

строфа 1 черновой автограф ПД	Цветом розовым миндальное Деревцо уж убирается, В душу думушка печальная Поневоле пробирается

48

между 4 и 5 автограф, список ПД, С	С черных глаз твоих, о Лора, С загорелого лица, Не сводя до ночи взора, Я бы слушал без конца,
5	Как из камней вытекая

50

8 четыре автографа ПД	1. В руке забывалась рука 2. С рукою встречалась рука 3. [С рукою встречалась рука] Над нами плыли облака 4. Над нами плыли облака

55

12 два автографа ПД, С	С нахальным торжеством язвящие Россию
15—18 зап. кн. ГПБ	Вот опрокинут стол; вот мраморный камин, Разбитый вдребезги; вот древняя стату́я Изрублена кругом и, будто негодуя, Вперила на меня свой неподвижный взгляд, Вот здесь простреленных висит портретов ряд.

64

14—16 черновой автограф ПД	И ты сам меня под венец повел, Ты просил меня, уговаривал, За боярина приневоливал!
22 автографы ПД, ГБЛ, РБ	Меня с нашими разводчица
30—32	Перевил он два дуба крепкие, Что растут по обе сторонушки, И качается над быстрой водой

72

перед строфой 1 три автографа ПД, РВ	Ты знаешь, жизнь меня к себе не привлекала, На мир я никогда с любовью не глядел, Душа во мне не раз по воле тосковала И за вещественный стремилася предел.
1 два автографа ПД, РВ	Не раз в лазурный день, я за небесным сводом
7—8	И мимолетная души твоей печаль В моей душе всегда так отдается больно?

77

строфа из ранней ред. (?) Кондратьев	Сестра моей души, при каждом расставанье Всё сердце вслед тебе металось и рвалось, И уст твоих, заснув, я чувствовал дыханье И на моем челе игру твоих волос.

80

после строфы 1 РВ

Поверь, в стране лучей, из мира в мир влекома,
Средь пения светил
Ты будешь тосковать о горести знакомой,
Что я с тобой делил!

91

после 19 список ГБЛ РБ

Что направо ль идти, налево ли?

20

А не так пошел — воротится

после 30

Ни к чему, мол, не пригоден он

92

после 12 список ГБЛ, РБ

Кабы знала я, кабы ведала

93

после строфы 3 автограф ПД

Ты осенила благодатно
Поэта гусли свысока,
Да не коснется святотатно
Их струн враждебная рука.

97

1 РВ

Не от гонений, не от злобы

101

5—8 автограф ПД, РБ

Так. В беспредельное влекомый,
Вдали незримый чуя мир,
Под величавый голос грома
Не раз я строил свой псалтир.

13—15

Как ты, и я люблю природу
И быт родного мне народа;
Его стремленья с ним делю

105

две ранние ред. зап. кн.2 ПД

1. Ни тропинки нигде, что за польза в узде?
   Все пути темнота заградила,
Но к луке я приник, я скачу напрямик,
   Выноси меня, конская сила!

От лощин и полян, подымаясь, туман
   Застилает пути и дороги,
Я не знал, не гадал, я коня разнуздал,
   Я в бока ему втиснул остроги.

2. От лощин и полян густо всходит туман,
   Не видать ни дороги, ни поля.
Коль ни зги не видать, так не нужно гадать,
   Без гаданья же — волюшка-воля!

Я не ждал, не гадал, я коня разнуздал,
   Я в тумане скачу без дороги.
Я дал волю коню, лишь свищу и гоню
   Да в бока ему тисну остроги...

Что там — мост или гать? Косогор или гладь?..

111

после строфы 4 авториз. список ГБЛ

[Дитя побежало проворно
На голос манящих стрекоз,
Там ил был глубокий и черный
И тиною омут порос.

Стрекозы на пир поскорее
Приятелей черных зовут,
Из нор своих жадные раки
С клешнями к добыче ползут,

Впилися в ребенка и тащат,
И тащат на черное дно,
Болото под ним расступилось,
И вновь затянулось оно.

И вновь, где нагнулися лозы
От солнца палящих лучей,
Летают и пляшут стрекозы,
Зовут неразумных детей.]

112

окончание ст-ния авториз. список ГБЛ, Кондратьев, прилож.

Когда же на западе дальний,
Бледнея, скрывается день,
Сидит на кургане печально
Забытого витязя тень,

Сидит и вздыхает глубоко:
«Где слава, где слава моя?
Минувшие веки далеко,
Отторгнут от прошлого я!

О жизни своей вспомяну ли?
Всё было иначе тогда!
Певцы, вы меня обманули,
Венцов моих нет и следа!»

Так думает витязь, вздыхая,
На темном кургане сидит,
Доколе заря золотая
Пустынную степь озарит;

Тогда он обратно уходит,
В подземный уходит он дом,
А ветер по-прежнему бродит,
И грустно и пусто кругом.

после строфы 3 окончания ст-ния у Кондратьева еще одна строфа

«И если бы знал я, как скоро,
Как скоро увянут они,
Далеко от брани и спора
Я прожил бы мирные дни!»

113

строфа 3 автограф ПД

Жена ждет князя день и ночь
В высоких теремах,
Он по Днепру уехал прочь
С дружиной на ладьях.

строфа 9

И брата он обнять бы рад,
Зовет и брата он,
Но без забот пирует брат,
Дружиной окружен.

114

65—68 список ГБЛ

Вот царь отзвонил, в терема он спешит,
С ним грозных опричных собранье.
Вдруг видят: гонец запыленный летит,
В руке своей держит посланье.

73—76

Письмо от Андрюшки! От вора мово?
Письмо от злодея лихова?
Давно ли с творцом говорит вещество?
И что нам гласит его слово?

115

после строфы 11 автограф ПД, список ГБЛ

Так молвил князь Михаил и горько зарыдал,
Но царь Иван Васильевич от злобы задрожал:

строфа 12

«Старик! — вскричал он грозно. — В уме ты, знать, ослаб,
Смирися предо мною, молчи, строптивый раб!

116

после строфы 16 список ранней ред.

За то на них с любовию
Глядит небесный хор,
Они своею кровию
Литве дадут отпор!

117

строфа 3 список ГБЛ

Ко мне, молодцы удалые,
Ко мне, старики, поскорей!
Ко мне, горемычные люди!
Отведайте водки моей!

после строфы 26

Пошли меж крестьянами толки:
«Дошла ж и до нас череда!»
Толпою идут из деревни —
И сами не знают куда!

118

вместо 10—14 два списка ГБЛ, С

Кабы кривосудье по боку да к черту!
Да кабы голодный всякий день обедал!
Да кабы неправды человек не ведал!

120

1 автограф ПД

В колокол, мерно звучавший, с налету тяжелая бомба

121

набросок Лирондель

Этот дьяк, как⟨-то?⟩раз,
Из Москвы в Арзамас
К тет⟨к⟩е,
Взял с собою, злодей,
Для обмана, ей-ей,
Четки

122

после 9 авториз. список ГБЛ, РБ	А и как же то случилось, то сделалось, Что никто тебя не знает, не ведает? А и как же то случилось, то сделалось, Что тебя всяк толкует по-своему?
после 16	А увидим мы правду лицом к лицу, И вернемся на свою сторону, И расскажем, что сами видели.
после 19	И, подъехав, на правду дивилися: Кто увидел море синее, Кто, подъехав, увидел дремучий лес, Кто торговые города людные, Кто видел горы высокие, А кто голубую степь.

128

строфа 8 ВЕ	На север он бег повернул кораблей, И Русь уже сердцем он чует, Поет с удалою дружиной своей — А синее море бушует.

129

1—3 ВЕ	Сердито вздымалися воды Днепра, Над Киевом тучи гремели, Ярилася буря всю ночь до утра
строфа 26, 1—3	Там герцог Вильгельм одолел короля, Лежит там саксонец убитый, Пируют враги, его землю деля
строфа 30, 2—4	И солнцу сиять он мешает, Со враном слетается сызнова вран, Слетаяся, так вопрошает
строфа 37	Рыдает с обоими, громко стеня, Гаральда вдова, Ярославна, Рыдает: «О горе! Навеки меня Покинул Гаральд мой державный!»

130

строфа 20 автографы ПД	Там голову набожно князь преклоня: «Клянуся в священном синклите, Клянусь, — говорит, — быть от этого дня Я другом Царьграда! Крестите меня, Отцы-иереи, крестите».

135

окончание РВ

Но я слышу вопрос: «Для чего ж он плясал?
Да еще среди темной палаты?
И к чему вообще тут Владимира бал?»
Признаемся, кругом виноваты!
Но когда бы Потоку сперва не плясать,
То навряд ему так захотелось бы спать,
А морали когда еще надо —
То мораль: не плясать до упада.

заключительные строфы ПСС-82, т. 2

Впрочем, если внимательно всё разберем,
Доля правды есть в новом ученье;
Например, слово «почва» мне нравится в нем,
Я от «почвы» совсем в восхищенье.
Нет сомненья, что порет аптекарский рой
Вообще чепуху, — но бывают порой
И в навозе жемчужные зерна,
«Почва» ж гадит нам — это бесспорно.

Не довольно, во-первых, она горяча;
Во-вторых, не довольно кремниста;
Поискать бы другой, чтоб уж горе с плеча!..
«Стой! — я слышу. — Нечисто, нечисто!
Из былинного тона ты выпал давно!»
Ну, воротимся к тону, для нас всё равно,
По нутру нам полет соколиный —
Ах ты гой еси, наша былина!

Ах ты гой еси, Киев, родимый наш град,
Что лежит на пути ко Царьграду!
Зачинали мы песню на старый на лад,
Так уж кончим по старому ладу!
Ах ты гой еси, Киев, родимый наш град!
Во тебе ли Поток пробудиться не рад!
Али, почвы уж новые ради,
Пробудиться ему во Царьграде?

137

после строфы 20 РВ

Они, вишь, коммунисты,
Честнейшие меж всеми,
И на руку нечисты
По строгой лишь системе.

Системы их дешевле
Другая есть едва ли,
Станичниками древле
У нас их называли;

Они ж и реалисты,
Изящного не любят,
Знать, сами неказисты,
Затем красу и губят;

Они ж матерьялисты,
От имени прогресса
Кричат, что трубочисты
Суть выше Апеллеса.

строфы 21-22

«Не те ль то нигилисты, —
Невеста вопросила, —
В честь коих журналисты
Качают так кадила?»

«Те самые, о лада,
Так точно, нигилисты;
Ни толку в них, ни склада,
Но бойки и речисты».

139

после строфы 15
Лирондель

И царевна, негодуя,
Говорит ему в ответ:
«У тебя, Попович, вижу,
Ничего святого нет!

Все поповичи беспутны
И не верят ни во что!
Сердце их подобно камню,
Совесть их что решето!»

Но, смеясь, Попович молвит:
«Я, ей-богу, не из тех!
Как тебе меня, царевна,
С ними смешивать не грех!

Те поповичи все дики,
Гуслей звон для них беда!
Лишь в присутствии владыки
Козлогласят без стыда!

На мечах они не бьются,
Но примают всякий срам
И обидным не считают
Бить друг друга по щекам!

Сами ведая не много,
Любят мудрости учить;
Мудрость их: не верить в бога
И лягушек потрошить!

Я ж — боец и песнопевец!
Я лягушек не ловлю!
Я лишь именем Попович,
Я и верю и люблю!»

140

после строфы 17 РВ	Ты сам, чай, не ведаешь, что говоришь, Ты бредишь, о воле тоскуя! Не дам тебе воли я — вот тебе шиш! Добра твоего же хочу я!
строфа 47	Его ты испортил и мне досадил, Споткнулся я, гуслей не чуя, — Я первую грубость тебе отпустил, Второй отпустить не хочу я!

143

гл.1, 16-18 автограф ГПБ, РБ	О ненавистной дани Риму, Что правит с города Пилат, О кесаря посланье тайном,

144

гл.1, вместо 18 список ПД, РБ	Но грусть объемлет Иоанна; В своей темнице золотой
между 20 и 21	Когда он песен дар святой В младых летах приял от бога
33-35	Боец за честь святых икон, Как веры крепкая ограда, Был православными почтен
гл.4, вместо 59—60	В ней божий перст и божья благодать — Отныне глас мой не раздастся боле. Не сам ли я у господа просил Тернистый путь и крест послать мне свыше? И он теперь мольбу мою услышал, В твоих речах он волю проявил!

гл. 8 («Тропарь») заканчивается повторением ст. 6—9 из гл. 8

155

после 20 ОЗ	А эту песню мы святой Руси поем, Слава! Чтобы ее, православную, бог берег, Слава! Чтоб стрелок послужил ей один за трех, Слава!

156

после окончания ст-ния автограф ПД	Вот идут врагам навстречу Наши славные полки, Впереди густою цепью Государевы стрелки.

161

после 12
КО

Море гладко было б разостла́но,
День и ночь горело бы огнем
. . . .
Рыба-птица вместо капитана
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
И беда тому, кто захотел бы
Разлучить меня с тобою, друг.
Черной тучей встал и закипел бы,
Все валы свои подъял бы вдруг.
Затопил бы степи и курганы,
Доплеснул волной до синих скал,
Всюду, всюду я б тебя сыскал,
Если б я был богом океана.

169

после 14
пять черновых
вариантов
ПД

1. Шагая тихо там по жнивам, без тропы,
Уж свозят с них волы последние снопы,
И селянин, их шаг ленивый провожая,
Слагает уж в уме доходы урожая.

2. По желтым нивам там, шагая без тропы,
Везут четы волов последние снопы,
И пахарь, на гумно их тяжесть провожая,
Гадает уж путем о силе урожая.

3. Со жнива свозят там, шагая без тропы,
Ленивые волы последние снопы,
И пахарь, на гумно их тяжесть провожая,
Сверяет уж в уме доход от урожая.

4. Ленивые волы, шагая без тропы,
Со жнива свозят там последние снопы,
И пахарь, на гумно их тяжесть провожая,
В уме сличает труд с доходом урожая.

5. По жниву там волы, шагая без тропы,
Увозят на гумно последние снопы,
И пахарь, грузный воз досужно провожая,
Считает уж в уме обилье урожая.

170

1
автограф
ПД

Сирень цвела. В лугу, весной одетом

после строфы 5 черновой автограф ПД

Так дух весны, струясь как лунный свет,
Ко мне шептал, могуч и благодушен,
И тихо так звучал его ответ,
Что не был им мир сумерок нарушен;
В прозрачный пар казался он одет,
И образ был так легок и воздушен,
Что, сквозь него мой проникая взгляд,
Мог различить мерцание Плеяд...

182

2 ВЕ

Китаец Дзу-Кинь-Дзинь

185

строфа 5 РА

«Не прошли еще и сутки, —
Молвит грустно пономарь, —
А уж в докторском желудке,
Видно, сделался янтарь».

249

2 Кондратьев

Бразду глубокую взрывает за браздой

5

И гордое чело подняв к царю небес

8

Мычащую главу под иго преклоню я

251

8-10 автограф ПД

Богиней чтоб не быть, и не пришлось пловцам
К царице белой вод, в грозе хранящим веру,
На помощь призывать и белую Неэру!

254

6—9 два автографа ПД, БдЧ

Охотно на него летят младые пчелы,
Народу новому готовя новый дом,
Мы к дереву его цветущему зовем
И вольные рои, прикликанные нами

255

12—14 РВ

Вот его предстала взорам,
В ожерелье убрана,
Разрисована узором

16—17

«Дева, здравствуй!» — «Гость, чрез меру
Утомился ты, войдем».

21—22 Она, изгибаясь, трясет над главою
И поступью легкой обходит кругом.

34—39 И он требует покорства,
Он всё строже и мрачней,
Но уж раннее притворство
Стало истиною в ней.
И она в заботе вящей
И в радушии услуг.

53—54 Но небо темнеет и солнце заходит,
Он к ложу ее, ободряя, подводит

60—61 Не поможет крик бесплодный!
Знать, судьбы свершился суд

строфа 9 Так поют ряды с рядами,
И, прорвавшися вперед,
С распростертыми руками
В злую смерть она идет.
Но из пламенного зева
Юный бог исходит сам,
И в его объятьях дева
С ним взлетает к небесам.
Любовь расторгает отверженных сети,
Бессмертным не чужды заблудшие дети,
Раскаянье грешных приятно богам!

256

строфа 4 ВЕ Так снабдив пришельца, доброй ночи
До утра ему желает мать;
Но его смыкаются уж очи,
Он идет, ложится на кровать;
И уж дремлет он,
Как ему сквозь сон
Слышно: кто-то кра́дется, как тать.

строфа 5, 1 И в покой, он видит, полутемный

3—4 Входит дева поступию скромной
На челе с повязкой золотой.

строфа 17 «Нет, клянусь любовию моею,
Эта ночь недаром нас свела,
Я тебя в объятиях согрею,
Ты хотя б из гроба изошла!»
Он в разгаре сил
Деву охватил —
И она в блаженстве замерла.

строфа 25, 3—7 Но для новой, для жестокой веры
Ты святой нарушила обет!
Знай же, знай, о мать,
Дочь твою терзать
У тебя уж больше власти нет!

строфа 28, 4—7

В пепел дай разрушиться телам;
Так в дыму густом
Мы, сквозь огнь и гром,
К нашим прежним улетим богам!

263

строфа 1 Кондратьев

В роскошном просторе пустынных лесов
Ездок беззаботно несется.
Он весел душою, он телом здоров,
Он трубит, поет и смеется.

5—6

В броню он кольчатую крепко одет,
Но крепче он духом единым;

строфа 4

Привольно дышать на просторе ему,
Блестят возрождением взоры.
И душную он вспоминает тюрьму,
И в лошадь вонзает он шпоры.

265

после строфы 3 автограф ПД, РВ

Я бы хотел подняться, как роса,
Когда ее встречает солнце жадно,
И, как росу, пускай бы небеса
Испили дух больной и безотрадный.

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни А. К. Толстого вышло только одно издание его сочинений: Стихотворения, Спб., 1867. В него вошло 131 стихотворение — почти все, опубликованные к тому времени в различных периодических изданиях и сборниках. 16 стихотворений (№ 3, 15, 26, 46, 47, 59—61, 93, 115—117, 145, 248, 259, 261) впервые были напечатаны в этом издании, а 7, известных по журнальным публикациям (№ 64, 81, 124, 149, 150, 155, 163), в это издание не вошли; не было в нем также всех произведений, опубликованных ранее под именем Козьмы Пруткова.

С начала 1870-х гг. Толстой начал думать о новом издании своих стихотворений, летом 1874 г. начал подготовку его, но завершить работу не успел, и Полное собрание стихотворений в двух томах вышло в свет в апреле 1876 г. — чуть более чем через полгода после смерти поэта. В это издание полностью вошли все произведения из «Стихотворений» и 28 новых (№ 104—109, 127—133, 135—142, 146, 147, 169, 174, 257, 260, 266), написанных и опубликованных в 1867—1875 гг., одно стихотворение (№ 12) напечатано в этом издании впервые и три (№ 64, 81, 124) — из числа опубликованных в 1858—1861 гг., но не включенных в издание 1867 г. Кроме того, в конце второго тома под заголовком «Последние стихотворения. 1875» издателем были напечатаны еще два стихотворения (№ 169 и 170). Вместе с тем в издание не вошли два стихотворения (№ 154, 168), известные по журнальным публикациям 1867—1875 гг. Во вступительной заметке к Полному собранию стихотворений издатель его — М. М. Стасюлевич — писал, что это издание, «хотя и посмертное, является в свет тщательно просмотренное самим автором и с текстом не только исправленным им собственноручно, но местами и измененным сравнительно с изданием первого собрания и печатью в журналах. Первое собрание исправлено автором по печатному тексту карандашом, а новые стихотворения... были переписаны в особую тетрадь и проверены им самим, за исключением «Дракона», явившегося в печати почти в самый день смерти гр. А. К. Толстого» (ПСС-76, т. 1, с. IV). Однако, несмотря на такое заявление издателя, следует сказать, что новая правка текста в издании 1876 г. далека от кардинальной переделки стихотворений, известных по первому изданию «Стихотворений»; тексты же, опубликованные до этого только в журналах, действительно, были в ряде случаев переработаны весьма существенно (см. раздел «Другие редакции и варианты»).

После смерти Толстого (28 сентября 1875 г.) в журналах появилось довольно много его произведений, оставшихся в архиве поэта или отправленных им в письмах к своим корреспондентам. Часть из них была включена в первые два тома нового издания Полного собрания сочинений в 4-х томах (Спб., 1882—1883, под ред. Д. Н. Цертелева), которое в дальнейшем полностью или частично ежегодно переиздавалось до 1906 г.

Новое значительное пополнение корпуса стихотворений Толстого связано с выходом его Полного собрания сочинений в 4-х томах в издательстве А. Ф. Маркса (Спб., 1907—1908, под ред. П. В. Быкова).

Наконец, наиболее полным и текстологически наиболее авторитетным изданием стихотворений Толстого явилось его Полное собрание стихотворений, вышедшее в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1937, подготовка текста И. Г. Ямпольского). С тех пор все выходившие издания стихотворений Толстого в большей или меньшей степени ориентировались на тексты и примечания этого издания. Даже вышедшее в 1963—1964 гг. Собрание сочинений Толстого в 4-х томах (подготовка текста И. Г. Ямпольского, стихотворения занимают 1-й том), хотя и содержит несколько новых стихотворений поэта, по составу своему менее полное, чем издание 1937 г. Здесь необходимо отметить заслугу И. Г. Ямпольского, который начиная с 1937 г. вел плодотворную многолетнюю работу по разысканию, публикации и комментированию стихотворений Толстого, и с тех пор все более или менее серьезные издания произведений поэта выходили под его редакцией. В настоящем издании, естественно, учтены и использованы все эти разыскания без особых оговорок в каждом отдельном случае.

Изучение стихотворного наследия Толстого показывает, что Полное собрание его стихотворений, вышедшее в 1876 г., включает в себя основную массу произведений поэта. За пределами этого издания, из числа произведений, опубликованных при жизни Толстого, осталось лишь около 30 лирических стихотворений и все стихотворения Козьмы Пруткова, написанные Толстым единолично или в соавторстве с братьями Жемчужниковыми. Кроме того, в это издание не вошли все не опубликованные автором при жизни юмористические и сатирические стихотворения, в основном известные из его писем к различным адресатам, детские и юношеские произведения, стихотворные экспромты и шутки, несколько переводов, оригинальные стихи поэта на немецком и французском языках и, естественно, незаконченные произведения и наброски.

Исходя из этого, настоящее двухтомное издание полного собрания стихотворений Толстого построено по следующему принципу. Первый том открывается отделом, в котором помещены произведения, включенные самим автором в Полное собрание стихотворений 1876 г. Второй отдел составляют произведения, не входившие в это издание. Третий отдел — переводы, четвертый — стихотворения на немецком и французском языках. Заключается том отделом «Приложения» (детские и юношеские стихи, незаконченные произведения, автопереводы на немецкий язык). В соответствии с рубрикацией автора, в первом отделе выделены: «Лирика» (у автора этот раздел был назван «Песни, очерки»), «Былины. Баллады. Притчи», «Поэмы и повести в стихах». Состав каждого раздела полностью соответствует составу издания 1876 г., причем одноименные разделы, имеющиеся в 1-м и 2-м томах этого издания, слиты вместе, а внутри

разделов размещение стихотворений по алфавиту названий, явно принадлежащее редактору,[1] изменено на принятое в советских изданиях размещение в хронологической последовательности.

Второй отдел включает в себя: «Стихотворения», «Сатирические и юмористические стихотворения» (с выделением рубрики «Козьма Прутков»), «Стихотворные записки, экспромты, надписи, буриме». Наконец, в «Приложениях» выделены разделы «Детские и юношеские произведения», «Незаконченное, наброски, отрывки», «Автопереводы на немецкий язык». Замыкают корпус 1-го тома «Другие редакции и варианты».

Такое построение тома дает возможность выделить из общей массы написанных произведений те, которые автор считал возможным и нужным ввести в свое самое полное издание, наиболее ярко характеризующее его творческую деятельность. Естественно, что такой отбор не лишен известной субъективности, но для читателя субъективность автора все же несравненно ценнее «объективности» текстолога, по своему (тоже субъективному) разумению строящего издание. Естественно также, что некоторые интересные свои произведения автор не ввел в это самое полное свое издание по причинам, от него не зависящим. Речь идет прежде всего о блестящих сатирических произведениях Толстого: «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», «Сон Попова» и некоторых других. Отнесение этих произведений в особый отдел тома вовсе не означает их второстепенности: это просто отражение реальной исторической судьбы определенной части литературного наследия писателя.

Установление текста стихотворений Толстого особых сложностей не составляет: эволюция его творчества не знает крутых поворотов, решительного отказа от каких-то произведений в связи с коренным пересмотром идейно-художественных позиций. Тем не менее автор неоднократно правил стихотворения при переизданиях. В связи с этим источником основного текста в каждом отдельном случае выбирался тот, в котором отразился последний этап авторской работы по улучшению своего произведения. Для выявления этого источника было проведено сличение всех известных печатных и рукописных источников. Обнаруженные при этом ошибки, опечатки, пропуски, имеющиеся в источнике основного текста, исправлены и важнейшие из этих исправлений оговорены в примечаниях к отдельным стихотворениям.

Некоторую сложность составляет выявление источника основного текста произведений, не публиковавшихся автором при жизни. Некоторые из них дошли до нас в автографах и одновременно — в письмах Толстого к различным адресатам, причем текст, приведенный в письме, нередко отличается от текста автографа, и решить, являются ли эти отличия результатом дальнейшей доработки или они возникли вследствие записи по памяти, не всегда возможно. Еще более сложно обстоит дело с произведениями, известными только из неавторизованных посмертных публикаций или списков, раз-

---

[1] См. указание М. М. Стасюлевича во вступительной заметке к ПСС-76, что расположение в алфавитном порядке сделано «с целью доставить удобство без труда отыскать то или другое из более мелких стихотворений» (т. 1, с. V).

личной степени авторитетности. В обоих этих случаях приходилось проводить тщательный анализ текстов, имеющихся в них разночтений, устанавливать степень авторитетности публикаций и списков и только после этого выбирать источник основного текста.

Наконец, достаточно сложными являются вопросы датировки произведений Толстого. Автографы его, как правило, не датированы; при первых публикациях даты были проставлены автором лишь в единичных случаях (в настоящем издании они даны под стихотворениями в той форме, как это было сделано автором). Даты же подавляющего большинства стихотворений установлены на основе различных косвенных данных. В частности, был тщательно проанализирован так называемый «Альбом В. Жемчужникова», хранящийся в ГБЛ и содержащий автографы и писарские списки, часть из которых авторизована, 35 стихотворений Толстого. Анализ последовательности стихотворений в этом «Альбоме» позволил сделать вывод, что они расположены в нем в определенной хронологической последовательности. Так, первые 20 стихотворений «Альбома» относятся к произведениям 40-х годов. Исключение составляют лишь два стихотворения: «И у меня был край родной когда-то...» и «Коль любить, так не на шутку...». Оба эти стихотворения переписаны в «Альбоме» еще раз, ниже, на своем хронологическом месте, но здесь они зачеркнуты как повторно записанные. Далее в «Альбоме» следуют три стихотворения — «Пустой дом», «Богатырь» и «Поэт». Первые два А. Лирондель датировал 1849 г., а третье — 1850 г. Таким образом, они как бы заканчивают группу произведений, написанных в 1840-х гг. За ними идет зачеркнутое «Коль любить, так не на шутку...», но оно должно находиться именно здесь, и датировать его можно 1850—1851 гг., поскольку следующее за ним — «Средь шумного бала, случайно...» — датировано самим автором 1851 г. Этим же годом обычно датируются три идущих за ним в «Тетради» стихотворения: «С ружьем за плечами, один при луне...», «Ты не спрашивай, не распытывай...» и «Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!..» — как непосредственно связанные с первыми впечатлениями Толстого от встречи с С. А. Миллер, будущей женой поэта. Затем идет зачеркнутое стихотворение «И у меня был край родной когда-то...», но его место именно здесь, и датировать его можно 1854 г., поскольку в нем есть отклик на события этого года, связанные с Крымской войной. Эта датировка подкрепляется тем, что последнее стихотворение «Альбома» — «Поразмыслив аккуратно...» — вписано рукой Толстого и датируется по первой публикации также 1854 г. (в нем тоже есть отклик на события войны). Следовательно, пять стихотворений, находившихся между «И у меня был край родной когда-то...» и последним стихотворением «Альбома» («Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала...», «Уж ты нива моя, нивушка...», «Колодники», «Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньице...» и «Ходит Спесь, надуваючись...»), датируемых обычно по первой публикации 1856 г., тоже относятся скорее всего к 1854 г.

Но во многих случаях приходилось ориентироваться только на даты первых публикаций (они заключены в угловые скобки). Стихотворения, датировать которые не удалось, обычно помещены в конце соответствующих разделов без дат.

Орфография поэта приближена к современным нормам. Сохранены лишь те особенности ее, которые отражают лексические или

морфологические черты правописания того времени или своеобразие авторского произношения («скрып», «постеля», «ценсурный», «дарвинисм»); это же относится и к пунктуации.

Примечания к каждому стихотворению начинаются с указания на место первой публикации и отличительные особенности ее (с заголовком или без него, имеющиеся примечания и т. п.). Публикация только первых строк или строф, сделанная в чисто учетно-информационных целях,[1] в качестве первой публикации не учитывалась.

Если указана только первая прижизненная публикация, это означает, что стихотворение в дальнейшем печаталось без изменений; если же изменения были, то далее указывается издание, в котором напечатан измененный текст, и, наконец, текст, по которому стихотворение печатается в настоящем издании. Далее сообщаются сведения о наличии и месте хранения рукописных источников — автографов, авторизованных списков, иногда — корректур. Что касается стихотворений, впервые опубликованных по рукописям в Бп-37, то они печатаются по автографам без специальной оговорки в каждом отдельном случае.

В примечаниях, как правило, приводятся авторские отзывы о своем произведении и важнейшие отзывы современников. В необходимых случаях дается реальный комментарий. Из музыкальных произведений на текст А. К. Толстого отмечены лишь те, которые написаны наиболее известными композиторами.

Звездочка перед порядковым номером примечаний означает, что к этому стихотворению имеется материал в разделе «Другие редакции и варианты».

Прозаический перевод стихотворений поэта, написанных на немецком языке, выполнен Ю. П. Назаровым.

Второй том наст. издания содержит пьесы Толстого — драматическую трилогию («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис»), драматическую поэму «Дон Жуан» и незаконченную драму «Посадник».

Пьесы, составившие трилогию, при жизни автора печатались дважды — сначала в журналах, а затем выходили отдельными изданиями. В 1876 г. все три пьесы вышли одной книгой, но в ПСС-76 они не вошли. Впервые в состав собрания сочинений Толстого трилогия была включена в ПСС-82(83). «Дон Жуан» после журнальной публикации с изменениями вошел в С-67; с новыми изменениями — напечатан в ПСС-76. «Посадник» был напечатан в ПСС-76 без первой сцены. Более подробно о первых публикациях пьес говорится в примечаниях к каждой пьесе.

В 1939 г. трилогия была напечатана в Большой серии «Библиотеки поэта» (подгот. текста и прим. И. Г. Ямпольского). Все пять пьес печатались в издании «Библиотека драматурга» (М., «Искусство», 1959, подгот. текста и примеч. Е. И. Прохорова).

В наст. издании текст заново подготовлен по авторизованным прижизненным изданиям с проверкой по сохранившимся рукописям. Примечания содержат материал об истории создания пьес, данные

---

[1] Например, в изд.: Срезневский В. И., Автографы графа А. К. Толстого (Собрание Академии наук). — «Известия Отделения русского языка и словесности АН», 1905, т. 10, кн. 4 (отдельный оттиск: Спб., 1906).

о цензурной истории текста и отзывы о пьесах самого автора и его современников. Текстовые сопоставления стихов пьес с историческими источниками, использованными Толстым, см. в Бп-39. Из материалов о сценической истории пьес упомянуты только первые постановки и наиболее интересные последующие. В реальном комментарии раскрыта фактическая сторона пьес; пояснения архаизмов, иноязычной и малоупотребительной лексики вынесены в Словарь.

В «Приложении» к тому печатается «Проект постановки на сцену трагедии «Царь Федор Иоаннович»».

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

Авториз. — авторизованный.

Альбом В. Ж. — альбом ст-ний Толстого, принадлежавший В. М. Жемчужникову. На обложке альбома вытиснены буквы «В. Ж.» ГПБ).

Арх. Т. — остатки архива Толстого, хранящиеся в ПД, содержат две тетради, две записных книжки (см. ниже) и ст-ния на отдельных листах.

БдЧ — «Библиотека для чтения».

Берков — Берков П. Н., Козьма Прутков — директор пробирной палатки и поэт. К истории русской пародии. Л., Изд-во АН СССР, 1933.

Бес. — «Беседа».

Бп-37 — Толстой А. К., Полн. собр. соч. Вступ. статья, редакция и прим. И. Ямпольского, Л., «Сов. писатель», 1937 («Б-ка поэта», Большая серия).

Бп-39 — Толстой А. К., Драматическая трилогия. Ред и прим. И. Ямпольского. Л., «Сов. писатель», 1939 («Б-ка поэта», Большая серия).

ВЕ — «Вестник Европы».

ГБЛ — Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГПБ — Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Жирмунский — Жирмунский В., Гёте в русской литературе, Л., ГИХЛ, 1937.

Зап. кн. — Записные книжки Толстого, одна хранится в ГПБ, две — в ПД.

ИГР — Карамзин Н. М., История государства Российского, Спб., 1818, т. 1—3; Спб., 1821, т. 9; Спб., 1824, т. 10—11; Спб., 1829, т. 12.

Изд. Маркса — Толстой А. К., Полн. собр. соч., Спб., изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1907, т. I—IV.

ИВ — «Исторический вестник».

Кондратьев — Кондратьев А. А., Граф А. К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества, Спб., 1912.

Кондратьев, прилож. — так называемая «Тетрадь Смирновой», ныне утраченная. Тетрадь содержала копии ст-ний Толстого и была подарена им А. О. Смирновой, вероятно, в 1850 г. в Калуге. Ст-ния из этой тетради, полностью или в отрывках, напечатаны в приложении к указанной выше книге Кондратьева.

КО — Кондратьев А., «Крымские очерки» гр. А. К. Толстого. — «Современник», 1912, № 6.
Лирондель — Lirondelle A., Le poète Alexis Tolstoï. L'homme et l'œuv re, Paris, 1912.
Маркевич — Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щебальскому и др., Спб., 1888.
МВ — «Московские ведомости».
НВ — «Новое время».
Никитенко — Никитенко А. В., Дневник, М., Гослитиздат, 1955—1956, т. 1—3.
ОЗ — «Отечественные записки».
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (Ленинград).
ПСС-76 — Толстой А. К., Полн. собр. ст-ний, Спб., 1876, т. 1—2.
ПСС-82(83) — Толстой А. К., Полн. собр. соч., под ред. Д. Н. Цертелева, Спб., 1882—1883, т. 1—4.
РА — «Русский архив».
РБ — «Русская беседа».
РВ — «Русский вестник».
РЛ — «Русская литература».
РМ — «Русская мысль».
Р мир — «Русский мир».
РО — «Русское обозрение».
РС — «Русская старина».
Р совр. — «Русский современник».
С-67 — Стихотворения графа А. К. Толстого, Спб., 1867.
С — «Современник».
СПВ — «Санктпетербургские ведомости».
СС-63(64) — Толстой А. К., Собр. соч. В 4-х т., М., «Худож. лит.», 1963—1964.
Ст. — стих.
Стасюлевич — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, Спб., 1912, т. 2.
ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИАЛ — Центральный гос. исторический архив (Ленинград).

I
ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. ЛИРИКА

1. «Листок для светских людей», 1843, № 40, с. 1, под загл. «Серебрянка», вместо подписи: ***. Печ. по С-67, с. 13. Список ранней ред. — ГБЛ, альбом В. Ж. В текст внесено, вопреки традиции, одно исправление: не «в стране одинокой», а «бор... одинокий стоит», поскольку речь идет, конечно, об «одиноком», т. е. редком для Украины, сосновом бору. Ст-ние связано с воспоминаниями о времени, проведенном Толстым в имении матери Блистово, возле Кролевца, Черниговской губернии, о чем поэт писал С. А. Миллер в письме от 21 апреля 1852 г. Серебрянка — ручей в Блистове (Лирондель,

с. 13—14). В журнале ст-ние сопровождено рисунком Г. Г. Гагарина.

2. РВ, 1856, февраль, кн. 1, с. 485, под загл. «Цыганские песни»; С-67, с тем же загл. и одним исправлением. Печ. по ПСС-76, с. 304. Список ранней ред. — ГБЛ, альбом В. Ж. В тексте отзвуки ст-ния Лермонтова «Есть речи — значенье. . .».

* 3. С-67, с. 67. Авториз. список ранней ред. с тремя зачеркнутыми строфами после строфы 2 — ГБЛ, альбом В. Ж. *Мария* — М. В. Волкова, урожд. Львова (1833—1907), двоюродная сестра Толстого. Описываемая портретная галерея находилась в имении Львовых Спас-Телешово под Москвой. Львовы вели свой род от Рюрика.

* 4. ОЗ, 1856, № 5, с. 55. Печ. по С-67, с. 12. Авториз. список журнальной ред. — ГБЛ, альбом В. Ж.

5. С, 1856, № 2, с. 274. Печ. по С-67, с. 39. Список ранней ред. — ГБЛ, альбом В. Ж.; текст с одним отличием — Кондратьев, прилож., с. 99. После опубликования ст-ний 5 и 8 А. И. Кошелев писал из Москвы А. Н. Попову 2 апреля 1856 г.: «Мы все в восторге от стихов графа Толстого. Скажите... как его зовут? Кто он такой? Стихи его, помещенные в «Современнике», просто чудо. Хомяков, Аксаков их все наизусть знают. Хомяков... говорит: после Пушкина мы таких стихов не читали. И действительно, стихи чудесные» (РА, 1886, № 3, с. 358). Положено на музыку А. Г. Рубинштейном.

6. С, 1854, № 4, с. 130. Список — ГБЛ, альбом В. Ж., загл. «С моравского» обведено Толстым карандашом. Как и «Колокольчики мои. . .», ст-ние отражает идею объединения славян вокруг России: *«стоги»* — славянские народы, *«орел»* — Россия.

7. С, 1854, № 4, с. 132. Печ. по С-67, с. 20. Список журнальной ред. — ГБЛ, альбом В. Ж. «Вот картина, нарисованная верными и простыми красками, — писал Н. Н. Страхов, — сверх того, уловлено весьма тонкое душевное настроение... притом уловлено совершенно просто, без всякого подхода, без всякого напряжения. Стих так прост, что едва подымается над прозою; между тем поэтическое впечатление совершенно полно» («Критические заметки. (Стихи графа А. К. Толстого)». — ОЗ, 1867, № 6, с. 130—131). *Гребля* (укр.) — насыпь, дамба.

* 8. С, 1856, № 2, с. 272, без последней строфы. Печ. по С-67, с. 75. Список ранней ред. — ГБЛ, альбом В. Ж.; близкая к ней ред., с дополнительной строфой — Кондратьев, прилож., с. 101. Л. Н. Толстой, отрицательно относившийся к А. К. Толстому-лирику, но высоко ценивший его сатиру (см. прим. 193), 7 декабря 1876 г. писал А. А. Фету: «Толстой — ужасен. Я открыл его в разных местах, и одно хуже другого. Например, картина ночи: «Не скрипят в сенях ступени»». Отчего же не сказано, что не хрюкают в хлеве свиньи. И все в том же роде» (Толстой Л. Н., Полн. собр. соч., М., 1953, т. 62, с. 295). См. также прим. 5.

* 9. С, 1854, № 4, с. 134, ранняя ред. и с дополн. строфами. Печ. по С-67, с. 7. Ранняя ред., близкая к журнальной, — Кондратьев,

прилож., с. 92. Общепризнано, что ст-ние перекликается со ст-нием Гёте «Песня Миньоны» («Kennst du das Land...») из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». Однако это не перевод и не подражание, поскольку «Песня Миньоны» использована здесь только «как композиционная канва» (Жирмунский, с. 452). У Гёте — экзотический юг, роскошный дворец, суровые горы, у Толстого же этот романтический антураж заменен картинами родной Украины. *Пожня* — невспаханная земля, целина, залежь. *Сечь* — организация украинского казачества, сложившаяся в 1-й половине XVI в. в нижнем течении Днепра. *Стожар* — созвездие Большой Медведицы с Полярной звездой. *Палей* С. Ф. (ум. в 1710) — казацкий полковник, один из руководителей борьбы украинских крестьян против шляхетской Польши. *Сагайдачный* П. К. (ум. в 1622) — гетман украинского казачества, руководитель казацких походов на Турцию. При его активном участии на Украине была восстановлена православная иерархия. В 1620 г. отправил в Москву посланцев с просьбой о принятии украинского казачества в подданство России. *Мазепу клял упрямый Кочубей.* Кочубей В. Л. (1640—1708), украинский казацкий генеральный судья, заподозрил гетмана Левобережной Украины И. С. Мазепу (1644—1709) в измене России и сообщил об этом Петру I, который, доверяя Мазепе, выдал ему Кочубея, как клеветника. Казнив Кочубея, Мазепа в 1708 г. открыто перешел на сторону шведского короля Карла XII, стремясь отторгнуть Украину от России. *Дворца разрушенные своды* — выдающийся архитектурный памятник русского классицизма, дворец последнего украинского гетмана К. А. Разумовского в Батурине, бывшей столице Левобережной Украины и резиденции ее гетманов в 1669—1708 и 1750—1764 гг. Дворец строил в 1799—1803 гг. архитектор Ч. Камерон; после смерти Разумовского в 1803 г. работы были прекращены и дворец остался недостроенным. Посетивший в 1850-е гг. Батурин, Л. М. Жемчужников писал: «Построенный им каменный дворец на высоком берегу р. Сейма... стоял, печально разрушаясь. Полы и потолки провалились, в окна свободно летали птицы; внутри дома росли деревья; двор зарос травой и кустарником... а над разрушающейся крышей каркали вороны» («Мои воспоминания из прошлого (1830—1850)». — ВЕ, 1900, № 12, с. 519; см. также: Иноземцев И., Батуринские памятники. — ИВ, 1898, № 3, с. 1056—1057).

* **10.** С, 1854, № 4, с. 129, без строф 6—11. Печ. по С-67, с. 14. Список ранней ред., не совпадающей, кроме первых двух ст., с журнальной, — ГБЛ, альбом В. Ж.; авториз. список ред., близкой к тексту С-67, с одной дополнительной строфой после строфы 10 — там же; четверостишие, извлеченное из неизвестной ныне зап. кн. Толстого и не вошедшее в печатную ред., — Лирондель, с. 632. Ст-ние написано, по-видимому, в конце 1840-х гг. и тогда же переработано, в результате чего полностью изменилось его содержание: вместо только грустных воспоминаний о том, что «отцвело», появилась идея единения Украины, шире — всего славянства, под эгидой России. Однако в журнал Толстой отдал лишь лирическую часть ст-ния, сняв политически нацеленные строки. Сообщая 25 и 27 октября 1856 г. С. А. Миллер, которой, видимо, ст-ние не понравилось, отрицательный отзыв А. Д. Блудовой о сокращенной и положительный отзыв имп. Марии Александровны о полной редакции, Толстой заметил: «...а по-моему, это одна из моих самых удачных ве-

шей» (СС-64, IV, с. 88, 89). *Чепрак* — подстилка под седло, поверх потника, ковровая, меховая или просто расшитая. *Киргиз-кайсак* — устаревшее название казахов. *Кунтуш* — старинная украинская одежда типа кафтана с широкими откидными рукавами. *Чекмень* — верхняя мужская одежда — суконный полукафтан в талию со сборками сзади. *Булава* — эмблема власти украинских гетманов — жезл с серебряным (вызолоченным) шаром, убранным драгоценными камнями.

* **11.** С, 1854, № 4, с. 133. Печ. по С-67, с. 66. Отрывок ранней ред. из неизвестной ныне зап. кн. Толстого, принадлежавшей С. П. Хитрово, — Лирондель, с. 631; два списка журнальной ред. — ГБЛ, альбом В. Ж.; в ГБЛ среди писем Толстого к В. Д. Давыдову хранится список ст-ния под загл. «Русская душа (к Каткову не относится)», ст. 3—4 и 5—6 здесь переставлены. Автограф — ГПБ, альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, позднейшая запись журнального текста. «Как это просто и живо!» — отозвался об этом ст-нии Н. Н. Страхов («Критические заметки». — ОЗ, 1867, № 6, с. 129). Положено на музыку Ц. А. Кюи, А. Г. Рубинштейном, Р. М. Глиэром.

* **12.** ПСС-76, т. 2, с. 372. Авториз. список ранней ред. — ГБЛ, альбом В. Ж.; близкая ред. — Лирондель, с. 630. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

* **13.** Эротические стихотворения русских поэтов. Собрал Григорий Книжник, Спб., 1860, с. 102, с датой. Список ранней ред.— ГБЛ, альбом В. Ж. Положено на музыку А. С. Аренским, А. К. Лядовым.

14. ОЗ, 1856, № 5, с. 59, с датой. Печ. по С-67, с. 77. Авториз. список ранней ред. — ГБЛ, альбом В. Ж. Начиная с 1851 г. любовная лирика Толстого посвящена С. А. Миллер, с 3 апреля 1863 г. ставшей его женой. Толстой вместе с Тургеневым познакомился с ней в Петербурге на маскараде в декабре 1850 — январе 1851 г. (Толстой С., Тургенев в Ясной Поляне. — «Голос минувшего», 1919, № 1-4, с. 226). В ст-нии явственно ощутима перекличка со ст-нием Лермонтова «Из-под таинственной холодной полумаски...». По этому поводу Л. Н. Толстой заметил: «Хорошо. Но гораздо лучше стихи Лермонтова на тот же сюжет» (Волков К. В., «Наброски к воспоминаниям о Л. Н. Толстом». — Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, М., 1955, т. 2, с. 150). *В тревоге мирской суеты* — реминисценция ст-ния Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» («В тревогах шумной суеты»). Положено на музыку П. И. Чайковским.

15. С-67, с. 78. Список ранней ред. — ГБЛ, альбом В. Ж.

16. РВ, 1857, апрель, кн. 1, с. 427. Печ. по С-67, с. 84. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1.

17. РВ, 1858, май, кн. 2, с. 356. Печ. по С-67, с. 86. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым, А. Г. Рубинштейном, С. И. Танеевым.

18. РВ, 1858, май, кн. 2, с. 354. Печ. по С-67, с. 78. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. В ст-нии заметна тематическая, смысловая и

даже лексическая перекличка с «Пророком» Пушкина. *Горняя высь* — небо. *Твердь* — здесь: небо. *Слово* — здесь: бог.

19. С, 1854, № 4, с. 133, под загл. «Умеренность», без последней строфы, ст. 21: «Хоть сейчас пойду на турку» (намек на боевые действия русских войск против Турции в сентябре — ноябре 1853 г.); под загл. «Благоразумие» и дописанной строфой — С-67. Печ. по ПСС-76, с. 264. Автографы — ПД, арх. Т., тетр. 1, без загл., с журнальным вариантом ст. 21, но с последней строфой; ГБЛ, альбом В. Ж., в оглавлении альбома — загл.: «Немецкая служба». *Синклит* — здесь иронически: собрание сановников. *По-австрийски.* Австрия, союзница России, увидев, что соотношение сил на театре боевых действий складывается не в пользу русской армии, предъявила России ультиматум и потребовала вывода ее войск из Молдавии и Валахии, после чего сама их оккупировала.

20. РВ, 1856, апрель, кн. 1, с. 487. Печ. по С-67, с. 72. Список журнальной ред. — ГБЛ, альбом В. Ж. Д. Д. Языков считал, что в С-67 ст. «Потупляючи очи, краснеючи» (после ст. 22) выпал случайно и не восстановлен «по недоглядке издателей» («Материалы для полного собрания сочинений графа А. К. Толстого». — ИВ, 1885, № 10, с. 125). С нашей точки зрения, такое допущение произвольно (ср. ст-ние 21, где также пропущены два ст. рефрена). *Серым волком ли рыщешь по полю?* Отзвук «Слова о полку Игореве». *Гридни* — члены младшей дружины князя.

* 21. ОЗ, 1856, № 5, с. 58. Печ. по С-67, с. 38. Список журнальной ред. — ГБЛ, альбом В. Ж. Положено на музыку Ц. А. Кюи, С. В. Рахманиновым.

22. С, 1857, № 1, с. 9, под загл. «Волны». Печ. по С-67, с. 80. Автографы — ПД, арх. Т., тетр. 1, ГПБ, альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, позднейшая запись. Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым, С. И. Танеевым, М. Ф. Гнесиным.

23. С, 1857, № 1, с. 11. Печ. по С-67, с. 52. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. Положено на музыку Б. А. Асафьевым.

24. РВ, 1857, январь, кн. 1, с. 205. Печ. по С-67, с. 107. Автографы — ПД, арх. Т., тетр. 1; собр. Д. Н. Любимова, т. 1. Положено на музыку Ц. А. Кюи, С. В. Рахманиновым.

* 25. ОЗ, 1856, № 5, с. 56, с разночтениями и дополн. последней строфой; С-67. Печ. по ПСС-76, с. 285. Автограф журнальной ред. — ПД, арх. Т., тетр. 1.

26. С-67, с. 41. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. Положено на музыку Ц. А. Кюи, А. Г. Рубинштейном, Б. В. Асафьевым, Р. М. Глиэром.

27. ОЗ, 1856, № 5, с. 59. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, Ц. А. Кюи.

* 28. РБ, 1857, кн. 7, с. 146, под загл. «Станция». Печ. по С-67, с. 22. Черновые наброски — ГПБ, зап. кн.; автограф журнальной ред. — ПД, арх. Т., тетр. 1.

29. С, 1857, № 1, с. 11. Черновые наброски — ГПБ, зап. кн.; автографы — ПД, арх. Т., тетр. 1; ГПБ, альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, позднейшая запись. Несмотря на то что во всех трех автографах написано «вылечится», сохраняем чтение печатного источника как почти несомненную авторскую поправку: обращение к березе выдержано в одной грамматической форме — «не плачь», «не сетуй», «вылечишься», «будешь красоваться»; с другой стороны, можно сказать «сердце не залечит раны», но вряд ли правильно — «рана... вылечится к лету». Написано, по-видимому, под впечатлением резкого недовольства А. А. Толстой сближением сына с С. А. Миллер: в зап. кн., рядом с набросками ст-ния, написан черновик письма Толстого к матери, также связанный с С. А. Миллер. Л. М. Жемчужников, посетивший в это время Красный Рог, вспоминал, что А. А. Толстая «интересовалась узнать мое впечатление и мнение о Софье Андреевне», а Толстой «грустил, душа его разрывалась на части: он любил обеих... Он говорил, страдая и со слезами, о своем несчастье... Его глубоко огорчало, что мать бесконечно грустит, ревнует и предубеждена против С. А.» («Отрывки из моих воспоминаний о пятидесятых годах». — ВЕ, 1899, № 11-12, с. 260). Толстой сделал вольный перевод этого ст-ния на немецкий яз. (см. № 317). Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, М. М. Ипполитовым-Ивановым.

* 30. С, 1857, № 1, с. 9. Черновые наброски — ГПБ, зап. кн.; автографы — ПД, арх. Т., тетр. 1, и на отд. листе. Толстой перевел ст-ние на немецкий язык (см. № 321). Положено на музыку П. И. Чайковским, Н. А. Римским-Корсаковым, А. С. Танеевым, С. В. Рахманиновым.

* 31. РВ, 1858, май, кн. 2, с. 353. Печ. по С-67, с. 100. Черновые наброски — ГПБ, зап. кн.; автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым, А. Г. Рубинштейном, П. И. Чайковским.

32. РВ, 1857, январь, кн. 1, с. 204. Черновые наброски — ГПБ, зап. кн.; автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. Положено на музыку Б. В. Асафьевым.

33. РБ, 1857, кн. 7, с. 146. Печ. по С-67, с. 43. Черновой набросок — ГПБ, зап. кн.; автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. Положено на музыку Б. В. Асафьевым.

* 34. РВ, 1857, январь, кн. 1, с. 203. Печ. по С-67, с. 83. Черновой набросок — ГПБ, зап. кн.; автограф журнальной ред. — ПД, арх. Т., тетр. 1. По наблюдениям И. Г. Ямпольского, ст-ние представляет собой вариацию на мотивы ст-ния Гёте «Nähe des Geliebten» («Близость любимого»).

35. С, 1857, № 1, с. 10, с пометой: «(Из Сведенборга)». Печ. по С-67, с. 103. Черновые наброски — ГПБ, зап. кн.; автограф без ссылки на Сведенборга — ПД, арх. Т., тетр. 1.

* 36. РВ, 1858, май, кн. 2, с. 354; С-67, под загл. «К Б. М. Маркевичу» и с исправлениями. Печ. по ПСС-76, с. 398. Черновой набро-

сок — ПД, арх. Т., тетр. 2; автограф — там же, тетр. 1, под загл. «К приятелю». *Маркевич* Болеслав Михайлович (1822—1884) — писатель, крупный чиновник, один из ближайших знакомых Толстого, не разделявшего, однако, его эстетических и главное — крайне реакционных политических взглядов (их переписку см.: СС-64, IV; Письма Б. М. Маркевича к гр. А. К. Толстому, П. К. Щебальскому и др., Спб., 1888).

* 37. БдЧ, 1857, № 1, с. 9. Печ. по С-67, с. 30. Автографы, близкие журнальной ред., — ПД, арх. Т., тетр. 1; арх. БдЧ, с надписью: «Начать с этого стихотворения». 6 октября 1856 г. Толстой писал С. А. Миллер: «Я начал одну вещь, в которой я говорил об óбразах, витающих в воздухе... Очень странно развивать теорию в стихах, но я думаю, что это мне удастся. Так как этот сюжет требует много анализа, я выбрал гекзаметр — самые легкие стихи... а вместе с тем это стихотворение дает мне много труда, — так легко впасть в педантизм» (СС-64, IV, с. 86). Через несколько дней ст-ние было закончено, и 11 октября 1856 г. Толстой сообщил ей же: «Я окончил дидактическое стихотворение... я не знаю, удалось ли оно мне, но для любопытства я тебе пришлю черновые листы — они так перечеркнуты и перемараны... но мне хочется, чтобы ты была посвящена и принимала бы участие во всех тайнах моей мастерской» (изд. Маркса, IV, с. 82). Наконец, получив одобрительный отзыв С. А. Миллер, Толстой писал ей 6 декабря 1856 г.: «Я доволен и горд, и торжествую, что ты одобрила мои стихотворения, особенно дидактическое, к которому я приложил много старания и внимания и которое я люблю, несмотря на его «genre». Оно, конечно, массе не понравится, но оно понравится тем, которые, как я, художники в душе, и только художники» (там же, с. 90—91). *Олимпийского славного Зевса.* Подразумевается скульптура древнегреческого ваятеля Фидия (ум. ок. 432—431 до н. э.), созданная им для украшения храма Зевса в Олимпии.

38. РВ, 1857, январь, кн. 1, с. 204. Печ. по С-67, с. 93. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. 17 ноября 1856 г. Толстой сообщил С. А. Миллер: «Я еще написал маленькую вещь о Лоре: „Что ты голову склонила“» (СС-64, IV, с. 92). Лорой поэт в то время, видимо, называл С. А. Миллер.

39. РВ, 1857, апрель, кн. 1, с. 430, без последних 8-ми строк и с вариантами. Печ. по С-67, с. 32. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. В. И. Срезневский высказал мнение, что в ст-нии Толстого, как и в рассказе Л. Н. Толстого «Альберт», описана игра одного и того же музыканта — немецкого скрипача Г. Кизеветтера, который «силой своего таланта... высоко поднял творчество этих двух писателей, так далеко отстоящих друг от друга, таких между собой несходных: оба они одинаково подпали под его обаяние и каждый из них по-своему подошел к нему, изобразив те его черты, которые для каждого были более близки, более значительны» (Срезневский В. И., Георг Кизеветтер, скрипач петербургских театров. — В кн.: «Толстой. 1850—1860», Л., 1927, с. 42—43). Более того, Срезневский предполагал, что Толстые слушали игру Г. Кизеветтера вместе 5 января 1857 г. (там же, с. 52). *Жженка* — напиток из коньяка или рома с добавлением пережженного сахара, фруктов и пряностей.

40. РВ, 1858, май, кн. 2, с. 355. Черновой автограф — ПД, арх. Т.; беловой — там же, тетр. 1.

41. РВ, 1857, апрель, кн. 1, с. 428. Печ. по С-67, с. 46. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1.

42. РВ, 1857, апрель, кн. 1, с. 429. Печ. по С-67, с. 82. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. Положено на музыку Б. В. Асафьевым.

43. РБ, 1857, кн. 7, с. 149. Положено на музыку М. П. Мусоргским.

* 44. РБ, 1857, кн. 7, с. 149. Черновой автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1; ГПБ, альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, позднейшая запись. Положено на музыку В. С. Калинниковым, М. П .Мусоргским. *Кичка* — старинный головной убор замужней женщины.

* 45. РБ, 1857, кн. 7, с. 150. Печ. по С-67, с. 53. Два автографа ранней ред. с отличиями — ПД, арх. Т., театр. 1. *Фомина неделя* — первая неделя после Пасхи.

* 46. С-67, с. 44. Черновой и беловой автографы — ПД, арх. Т., тетр. 1. Ст-ние создавалось для цикла «Крымские очерки», но не было включено в него. Положено на музыку А. С. Танеевым, Б. В. Асафьевым.

* 47—60. 2 — С, 1856, № 11, с. 8, с дополн. строфой после ст. 4. 3, 5, 7, 11, 12 — С, 1856, № 11, с. 5—9. 6 — РБ, 1859, кн. 16, с. 5. 8 — РБ, 1859, кн. 16, с. 7, под загл. «Из Крымских очерков». 9 — С, 1856, № 11, с. 9, без ст. 22—25. 10 — С, 1856, № 11, с. 6, под загл. «Чуфуткале». Цикл в полном составе — С-67, с. 111. Черновые наброски 2, 3, 5, 7, 9—12 — ГПБ, зап. кн.; автографы — 2—14 — ПД, арх. Т., тетр. 1; 2, 4, 11, 12 — ПД, собр. Л. Б. Модзалевского; 2 — ПД, собр. Д. Н. Любимова, т. 1; 6, 8 — ГБЛ, в письме И. С. Аксакову от 15 апреля 1859 г.; авториз. списки 2, 3 — ПД, арх. М. М. Стасюлевича. Первоначально по замыслу автора к циклу должны были относиться также ст-ния № 46, 159, 160, 161, 299, но позже они остались за пределами цикла и, кроме первого из названных, не вошли в С-67 и ПСС-76. Цикл связан с поездкой Толстого вместе с С. А. Миллер по Крыму в мае — июне 1856 г. 6 октября 1856 г. Толстой писал ей: «У меня есть еще несколько вещей, относящихся к Крыму, которые я начал во время нашего путешествия. Одни хорошие, другие слабые, но они все добавляют цельность картины, и оттого я не решаюсь их уничтожить» (СС-64, IV, с. 85).

1. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, Ц. А. Кюи.
2. Положено на музыку Ц. А. Кюи.
3. 14 октября 1856 г. Толстой писал С. А. Миллер, что Б. М. Маркевич «очень восхищался» этим ст-нием (СС-64, IV, с. 86). *Чатырдах* (Чатырдаг) — горный массив в Крыму.
4. Отослав С. А. Миллер первую ред. ст-ния, названную им «Ветка акации», Толстой писал 5 октября 1856 г.: «Я слишком поспешил, посылая тебе «Ветку акации», я ее совсем переделал и посылаю ее теперь в новом виде» (изд. Маркса, IV, с. 80). Но уже на следующий день вновь писал: «Сегодня с утра я уже переменял

и изменял «Ветку акации» так много, что я уже не знаю, что надо оставить и что надо выбросить из разных вариаций, которые я написал» (СС-64, IV, с. 85). Наконец 14 октября 1856 г. Толстой сообщил тому же адресату: «Я читал Маркевичу мои последние вещи; он не любит „Ветку акации“» (там же, с. 86). Видимо, несмотря на большую работу над ст-нием, Толстой остался им неудовлетворенным и отложил печатание его. Только в августе 1859 г. Толстой послал ст-ние И. С. Аксакову (ВЕ, 1905, № 10, с. 442—443). Положено на музыку С. В. Рахманиновым.

5. *Ифигения* (греч. миф.) — дочь царя Агамемнона, принесшего ее в жертву богине Артемиде. Однако Артемида заменила девушку ланью и перенесла Ифигению в Тавриду (Крым), где она стала жрицей богини. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

6. 4 марта 1859 г. Толстой был избран членом Общества любителей российской словесности. Посылая И. С. Аксакову это ст-ние и ст-ние № 54 для передачи в Общество, председателем которого был А. С. Хомяков, Толстой писал 15 апреля 1859 г.: «...спешу... послать Вам для сообщения А. С. Хомякову кой-каких стихотворений, еще не напечатанных. Сожалею, что не могу теперь же представить Обществу чего-нибудь посолиднее. Оно есть, но требует ревизии. «Крымские очерки» были напечатаны когда-то в «Современнике», но не эти. Эти неизданные» («Памятники культуры. Новые открытия, 1979», Л., 1980, с. 99). *Байдарская долина* — котловина в юго-западной части Крыма, по ней идет дорога Севастополь — Ялта.

7. Д. Д. Минаев заметил, что в С ст. 8 читался иначе: «И мундиры англичан» («Из памятной книжки отставного майора Михаила Бурбонова». — «Искра», 1867, № 33, с. 407), но оба варианта («мундиры» — «фигуры») имелись уже в автографах, и Толстой колебался в их выборе. Н. С. Курочкин также писал об этой замене: «Это стихотворение из переделанных автором. Написано оно было в Крымскую войну... Понятно, что в то время вражеские мундиры и мозолили глаза и мешали жить каждому русскому, но как... могут быть противны самые фигуры... не понимаем». Он обратил также внимание, что это ст-ние напоминает ст-ние Пушкина «Город пышный, город бедный...» («Библиографическая параллель». — «Дело», 1868, № 1, с. 33—34). Положено на музыку Ц. А. Кюи.

8. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

9. А. А. Кондратьев писал, что, путешествуя по Крыму, «около двух недель Толстой и Софья Андреевна... прожили в именье Льва Перовского «Мелас». Усадьба несколько потерпела от союзных войск. Дом Перовского был разграблен... Дяде Льву Толстой послал упоминаемые в этом стихотворении скопированные им французские надписи» (Кондратьев, с. 40—41). В 1856 г. имение перешло по наследству Толстому. В ст-нии можно видеть некоторую перекличку с «Деревней» Пушкина («Приветствую тебя, пустынный уголок...»).

10. *То не аул... то целый город* — Чуфуткале, средневековый пещерный город-крепость в Крыму, развалины которого сохранились неподалеку от Бахчисарая. Возник в V—VI вв., разрушен в XIV в. литовским вел. кн. Витовтом, к середине XIX в. полностью оставлен жителями. *Скрижали* — здесь: священные предания. *Израиля сыны От ига чуждого бежали.* При египетском фараоне Рамсесе II Палестина находилась под властью Египта. Фараон для своих грандиозных построек согнал в Египет массу израильтян. Со-

гласно библейской легенде, пророк Моисей вывел израильтян из египетского плена в Малую Азию. *Горький плен Ерусалима.* В 722 г. до н. э. Иерусалим был захвачен и разрушен, а жители угнаны в вавилонский плен.

11. Ст-ние воссоздает облик древней эллинизированной части Тавриды (Крыма). *Кентавр* (греч. миф.) — фантастическое животное с торсом человека и туловищем лошади. *Тимпан* — древний музыкальный инструмент, род медных тарелок. *Грохочут вражьи барабаны.* После поражения России в Крымской войне на территории Крыма еще находились войска Англии, Франции, Турции.

12. Н. С. Курочкин в статье «Библиографическая параллель» заметил, что это ст-ние — «рабское подражание» Фету («Дело», 1868, № 1, с. 33). *Влюбленный бог* — Понт (греч. миф.), бог, олицетворявший море, от его союза с Геей (Землей) произошел морской бог Нерей и другие мифические существа. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

61. С-67, с. 42. Ст-ние было отослано И. С. Аксакову в начале 1858 г. вместе со ст-ниями № 87, 162. Судя по ответному письму И. С. Аксакова, в рукописи ст-ние имело загл. «Галифакс», и оно не понравилось издателю РБ: «„Галифакс" — должно признаться — мне не совсем по нутру. Странно как-то становиться под о д н о знамя, чтобы отстаивать ч у ж о е знамя. Положим, что Вы относитесь к Галифаксу совершенно объективно, становитесь на его точку зрения. Но стихи могут ввести в заблуждение и заставить предположить в Вас сочувствие к такой странной личности. Я просто считаю это стихотворение — в настоящем его виде, без выражения Вашего собственного на этот предмет воззрения — в р е д н ы м. Ваш авторитет может поощрить многих слабодушных и породить п е р е в е р т ы ш е й. Они не поймут Вашего стихотворения и употребят его во зло» (ВЕ, 1905, № 10, с. 442). Возможно, что загл. появилось под влиянием вышедшего в 1855 г. т. 4 «Истории Англии» Т. Маколея, в котором английскому политическому деятелю Д. Галифаксу (1633—1695) была дана в высшей степени апологетическая характеристика. Анонимный обозреватель С, оспаривая эту оценку Галифакса, привел следующее мнение о нем, взятое им из английской печати: это «самый ветреный и тщеславный из людей, человек, не сохраняющий своих убеждений и на шесть месяцев, которого жизнь прошла в непрерывном колебании и перемене партий, который переходил от ториев к вигам и от вигов к ториям» (С, 1856, № 3, «Заграничные известия», с. 110). Возможно, что замечания Аксакова и такое уточнение характера Галифакса критикой побудили Толстого снять загл. Вместе с тем оценка Галифакса Маколеем была для поэта только отправной точкой для формулирования его собственной позиции. К тому же вряд ли он не знал более ранних, но широко известных строк немецкого поэта Ф. Фрейлиграта: «Der Dichter steht auf einer höhern Warte, als auf der Linnen der Partei» («Из Испании», 1841), т. е.: «Поэт стоит на башне более высокой, чем вышка партии». В своем творчестве Толстой был верен этой позиции: не многие писатели в 1856—1858 гг. принимались одновременно редакциями и революционно-демократического «Современника», и славянофильской «Русской беседы», и органа «эстетической критики» — «Библиотеки для чтения», а в 1871—1873 гг. — и реакционного «Русского вестника», и либерального «Вестника Европы». А Толстой печатался в этих журналах, не поступаясь независимо-

стью своих взглядов. Именно честность и широта гуманистических убеждений позволили ему, человеку, совершенно не согласному со взглядами Н. Г. Чернышевского, высказать царю, что «русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского» (Захарьин-Якунин И., Гр. А. А. Толстая. Личные впечатления и воспоминания. — ВЕ, 1905, № 4, с. 634—635), хлопотать о возвращении из ссылки Т. Г. Шевченко, вступаться за И. С. Аксакова, отстраненного от редактирования газеты «День», за И. С. Тургенева, обвинявшегося в сношениях с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым и т. п. Много лет позже Толстой вновь подтвердил эту свою позицию и, заметив в письме к Б. М. Маркевичу от 3 ноября 1869 г.: «Дух партий мне незнаком» (СС-64, IV, с. 315), процитировал четыре последние строки этого ст-ния.

62. РБ, 1858, кн. 9, с. 89. Автографы — ГБЛ; ГПБ, альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, позднейшая запись. Положено на музыку Ц. А. Кюи, Н. А. Римским-Корсаковым, А. Г. Рубинштейном.

63. РБ, 1858, кн. 9, с. 90. Автографы — ГБЛ; арх. Т., тетр. 1. Положено на музыку М. П. Мусоргским.

* **64.** РБ, 1858, кн. 9, с. 88. Печ. по ВЕ, 1875, № 1, с. 157. Черновой, зачеркнутый автограф ранней ред. — ПД, арх. Т., тетр. 1; автограф первой журнальной ред. — ГБЛ.

65. РБ, 1858, кн. 9, с. 90. Печ. по С-67, с. 63. Автографы — ГБЛ; ГПБ, альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, позднейшая запись. Толстой перевел ст-ние на немецкий язык (см. № 316). Положено на музыку Б. В. Асафьевым.

66. РВ, 1858, май, кн. 2, с. 354. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. «Прелестное и нежное стихотворение, — писал Н. Н. Страхов, — ...Какая чистота чувства и какая сила» («Критические заметки». — ОЗ, 1867, № 6, с. 130). Положено на музыку Ц. А. Кюи.

67. РВ, 1858, май, кн. 2, с. 355. Печ. по С-67, с. 74. Автограф журнальной ред. — ПД, арх. Т., тетр. 1.

68. РВ, 1858, май, кн. 2, с. 356. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1.

69. РВ, 1858, май, кн. 2, с. 357. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1.

70. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 450. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. П. И. Чайковский писал к Н. Ф. фон Мекк 5 июня 1880 г.: «...я вчера приступил к сочинению маленьких вокальных пьес и начал с дуэта на слова А. Толстого «Минула страсть». А. Толстой — неисчерпаемый источник для текстов под музыку; это один из самых симпатичных мне поэтов» (Чайковский М., Жизнь П. И. Чайковского, М.—Лейпциг, 1901, т. 2, с. 392—393).

71. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 450. Печ. по С-67, с. 5. Черновой автограф — ПД, арх. Т.; автограф журнальной ред. — там же.

*72. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 451, ранняя ред. и с дополн. первой строфой. Печ. по С-67, с. 97. Автографы — черновой зачеркнутый и беловой — ПД, арх. Т., тетр. 1. и на отд. листе.

73. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 452. Печ. по С-67, с. 27. Автограф журнальной ред. — ПД, арх. Т., тетр. 1.

74. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 452. Печ. по С-67, с. 35. Автограф журнальной ред. — ПД, арх. Т., тетр. 1. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

75. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 453. Печ. по С-67, с. 98. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1.

76. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 453. Печ. по С-67, с. 56. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1.

*77. РВ, июнь, кн. 1, с. 453. Печ. по С-67, с. 106. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1.

78. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 454. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. *Глагол* — здесь: слово бога. Положено на музыку П. И. Чайковским.

79. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 455. Печ. по С-67, с. 64. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1.

*80. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 455, с дополн. второй строфой. Печ. по С-67, с. 102. Ср. последнюю строфу с монологом Дон Жуана:

Одно звено той бесконечной цепи,
Которая в связи со всей вселенной
Восходит вечно выше к божеству

(«Дон Жуан», ч. 1, сцена «Комната во дворце Дон Жуана»).

81. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 456, под загл. «La madonna della Seggiola». Печ. по ПСС-76, с. 369. *Голгофа* — холм в окрестностях Иерусалима, где был распят Христос.

82. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 456. Положено на музыку Ц. А. Кюи, Н. А. Римским-Корсаковым, А. Г. Рубинштейном.

83. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 457. Положено на музыку М. А. Балакиревым, Ц. А. Кюи, Н. А. Римским-Корсаковым, А. С. Танеевым.

84. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 457, ранняя ред., без ст. 6. Печ. по С-67, с. 76. Н. С. Курочкин назвал ст-ние этюдом, «весьма удачным по образу и по чисто русской манере выражения» («Библиографическая параллель». — «Дело», 1868, № 1, с. 32).

85. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 457. Печ. по С-67, с. 55.

86. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 458. Печ. по С-67, с. 34. Ст-ние можно рассматривать как вариацию на тему «Ангела» Лермонтова. *Лики* — здесь в старом значении: радостные возгласы, песни (отсюда — ликование). Положено на музыку Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргским, Н. А. Римским-Корсаковым, П. И. Чайковским.

87. РВ, 1858, июнь, кн. 1, с. 458. Печ. по С-67, с. 99. И. С. Аксаков писал Толстому 19 марта 1858 г., что это ст-ние «очень грациозно и могло бы весьма появиться в «Беседе», — но что же делать, Вы уже назначили его для „Вестника"» (ВЕ, 1905, № 10, с. 442). Н. Н. Страхов в статье «Критические заметки. (Стихи графа А. К. Толстого)» заметил: «Прелестное стихотворение... Тут слышится та чистая и глубокая нежность к женщине, которая, по справедливому замечанию одного критика, свойственна только русской поэзии» (ОЗ, 1867, № 6, с. 129). Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым.

88. РБ, 1858, кн. 11, с. 3. Автографы — ПД, арх. Т., тетр. 1; ГБЛ. Ст-ние близко по замыслу к ст-нию Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю...».

89. РБ, 1858, кн. 11, с. 4. Печ. по С-67, с. 62. Автограф журнальной ред. — ГБЛ.

90. РБ, 1858, кн. 11, с. 4. Печ. по С-67, с. 91. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1; авториз. список — ГБЛ. Н. С. Курочкин заметил, что это ст-ние «замечательно по правде мысли и по близости к тому направлению, которое достойно таланта А. К. Толстого» («Библиографическая параллель». — «Дело», 1868, № 1, с. 33). Положено на музыку С. В. Рахманиновым.

*91. РБ, 1858, кн. 11, с. 5, с дополн. ст. после ст. 9 и 20 и без ст. 32. Печ. по С-67, с. 47. Авториз. список журнальной ред. — ГБЛ. Д. Д. Языков в «Материалах для полного собрания сочинений графа А. К. Толстого» писал, что исчезновение в С-67 указ. выше строк является случайным пропуском (см.: ИВ, 1895, № 10, с. 128). Но для С-67 ст-ние явно правилось автором, о чем говорит появление ст. 32; поэтому восстанавливать опущенные ст. нет оснований. «Великолепно по форме», — отозвался о ст-нии Н. С. Курочкин («Библиографическая параллель». — «Дело», 1868, № 1, с. 37).

92. РБ, 1858, кн. 11, с. 6, с повторением ст. «Кабы знала я, кабы ведала» после ст. 12. Печ. по С-67, с. 70. Авториз. список журнальной ред. — ГБЛ. В ст-нии использованы мотив и отдельные строки народной песни: «Как бы знала я, как бы ведала...» (см.: «Песни русского народа», сост. И. Сахаров, Спб., 1839, ч. 4, с. 3—4). *Мурмолка* — старинная меховая или бархатная шапка, введенная в моду славянофилами. Положено на музыку А. Г. Рубинштейном, П. И. Чайковским.

*93. С-67, как посвящение, открывающее издание. Черновой автограф ранней ред. под загл. «Посвящение» — ПД, арх. Т., тетр. 1. 25 октября 1856 г. Толстой писал С. А. Миллер, что читал свои стихи императрице Марии Александровне: «Она очень меня поддержива-

ла и сказала мне, чтобы я ей посвятил весь сборник» (СС-64, IV, с. 88). В 1858 г. Толстой задумал выпустить сб-к своих стихов и к нему написал наст. посвящение, ранняя ред. которого более непосредственно связана с конкретным чтением у царицы и ее словами: «Я не хочу, чтобы цензура кромсала его» (там же). Однако издание сб-ка не состоялось.

94. РВ, 1866, № 9, с. 135. Автограф — ПД, в письме к А. А. Толстой от 25 января 1859 г. написано в ответ на замечание Н. М. Жемчужникова по поводу намерения Толстого поместить в качестве эпилога к «Иоанну Дамаскину» стихотворное послание к царице. «Прерываю мое письмо, — отвечал ему Толстой 19 января 1859 г., — получив твое насчет эпиграфа, скажу эпилога к «Иоанну Дамаскину»... Дай срок, и я буду тебе отвечать в стихах, как отвечал уже Аксакову по другому случаю» (изд. Маркса, IV, с. 286). Через несколько дней ст-ние было закончено и 25 января 1859 г. отослано Н. Жемчужникову: «...вот тебе ответ на хулы, изрыганные тобою в прошедшем письме» (там же, с. 288).

95. РБ, 1859, кн. 14, с. 5. Автограф — ПД, арх. Петровских.

96. РБ, 1859, кн. 14, с. 5. Автограф — ПД, арх. Петровских.

*** 97.** РВ, 1859, август, кн. 2, с. 600, ст. 1: «Не от гонений, не от злобы». Печ. по С-67, с. 96.

98. РБ, 1859, кн. 16, с. 4. Положено на музыку С. В. Рахманиновым, А. С. Танеевым.

99. РБ, 1859, кн. 16, с. 5. Печ. по С-67, с. 92. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

100. РБ, 1859, кн. 16, с. 5. Печ. по С-67, с. 94. Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым, П. И. Чайковским, М. М. Ипполитовым-Ивановым.

*** 101.** РБ, 1859, кн. 14, с. 6, ранняя ред.; С-67, с исправлениями и под загл. «К И. С. Аксакову». Печ. по ПСС-76, с. 279. Автограф журнальной ред. — ПД, арх. Петровских, загл. зачеркнуто красным карандашом и рукой И. С. Аксакова написано «К N. N.». Написано в ответ на критические замечания Аксакова о поэмах Толстого «Иоанн Дамаскин» и «Грешница» и послано адресату 10 января 1859 г.: «Вот Вам для почину маленькое послание и вместе с тем оправдание на Ваше обвинение в академисме» (ПД). Поскольку ст-ние предназначалось для журнала Аксакова, он хотел заменить свою фамилию в загл. буквами NN, на что 28 февраля 1859 г. возразил Толстой: «Послание мое печатайте как хотите, но жаль будет, если оно появится под литерами NN..., пожалуй, подумают, что я боюсь обращаться к Вам открыто, потому что Вы под опалой» (СС-64, IV, с. 111). В журнальной верстке загл. «К N. N.»; в сверке оно зачеркнуто и вписано «И. С. Аксакову», это же загл. сохранилось в печ. тексте. *Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886) — публицист, поэт, издатель РБ и ряда газет, лидер славянофильства в 1860—1870 гг. Толстой подружился с Аксаковым в конце 1850-х гг., но уже вскоре решительно отверг его славянофильскую трактовку

как истории России, так и подлинных интересов русского народа (см. прим. 124). *Псалтырь* — здесь: старинный музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого исполнялись псалмы. *И пляску с топаньем* и т. д. — строки из ст-ния Лермонтова «Родина».

102. «День», 1862, 3 февраля. Печ. по С-67, с. 105. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, Ц. А. Кюи, Н. А. Римским-Корсаковым, П. И. Чайковским, М. Ф. Гнесиным.

103. РВ, 1866, № 9, с. 184. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 284. *Твердь* — здесь: небо. Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым, А. Г. Рубинштейном.

104. РВ, 1867, № 6, с. 617. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 279 (ошибочно включено в раздел «Былины. Баллады. Притчи»). Это ст-ние — из серии программных выступлений Толстого (см. № 124, 135). Не случайно, утверждая в письме к Б. М. Маркевичу от 7 ноября 1869 г.: «Поэзия, прекрасное, любовь к красоте — это... не вопросы моды, не условность. Es liegt o r g a n i s c h in der Natur des Menschen»,[1] Толстой цитирует свое ст-ние в переводе К. К. Павловой (СС-64, IV, с. 319). И. Г. Ямпольский сообщает, что, намереваясь выпустить второй сб-к своих ст-ний, Толстой хотел открыть его этим ст-нием (Бп-37, с. 735). Поэт сам пропагандировал его. М. Е. Салтыков-Щедрин в письме к А. М. Жемчужникову от 22 июня 1870 г. писал, что на одном из публичных чтений «в пользу женских гимназий» Толстой «прочел стихотворение «Против течения». Думал, что его ошикают, а случилось напротив: много раз вызывали и заставляли повторить» (Салтыков-Щедрин М. Е., Собр. соч., М., 1976, т. 18, кн. 2, с. 47). Н. А. Котляревский позже писал в статье «Граф Алексей Толстой как сатирик»: «Это — прелестный гимн искусству в мажорном тоне, и именно в этом стихотворении раскрывается источник всего того раздражения, которое охватывало поэта, когда он присматривался к молодому поколению своего времени. Он был сердит на него как художник, как прирожденный, фанатичный эстетик и философ-идеалист, который боялся... за судьбу «бесконечных» начал в сердце и сознании человека, слишком занятого будничными практическими вопросами. Любопытно, что это стихотворение Толстого стало любимым нумером на программах разных литературно-музыкальных вечеров, устраиваемых молодежью» (ВЕ, 1906, № 7, с. 15). *Икон истребители* — движение иконоборцев в Византии VIII—IX вв., направленное против почитания икон. *Спаситель* — Христос. *Книжники* — враждебные Христу иудейские служители культа, толкователи религиозных книг. *Галилеяне* — жители Галилеи, исторической области в Сев. Палестине, откуда распространилось христианство, поэтому галилеянами стали называть христиан.

* **105.** ВЕ, 1873, № 1, с. 261. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 373. Черновой набросок — ПД, арх. Т., зап. кн. 2; автограф — ПД, в письме к Б. М. Маркевичу от 20 декабря 1870 г. Ст-ние было послано М. М. Стасюлевичу 1 декабря 1872 г. для ВЕ, «если годится», а 3 января 1873 г. Толстой признал, что ст-ние «так себе», посредственно (Стасюлевич, с. 359, 364).

---

[1] Это органически присуще человеческой натуре (нем.).

106. ВЕ, 1871, № 3, с. 11. Черновой набросок — ПД, арх. Т., зап. кн. 2; автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 20 декабря 1870 г. *Кордова* — город в Испании. О какой картине идет речь — не установлено.

107. РВ, 1871, № 3, с. 294. Печ. по ПСС-76, с. 366. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 25 декабря 1870 г.; позднейшая запись в альбоме О. Козловой датирована: «Сорренто, 10(22) апреля 1873 г.» («Album de madame Olga Kozloff», М., 1883, с. 53—54). Отсылая ст-ние Маркевичу, Толстой заметил: «...я Вам скажу стихотворение, написанное по предварению (par anticipation)», т. е. забегая вперед, в ожидании весны, и добавил: «Только что было 25° морозу» (изд. Маркса, IV, с. 234).

108. ВЕ, 1871, № 12, с. 603. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 20 мая 1871 г. В письме сказано: «Я посылаю Вам маленькую пастораль, переведенную из Гёте, прежде чем посмотреть и исправить ее» (Бп-37, с. 736). 10 июня 1871 г. Маркевич ответил: «...ваш якобы перевод из Шиллера прелестен по свежести, и, прочитав его, я отказываюсь верить в Вашу астму: надобно обладать юношескою ясностью духа, чтобы писать такие искренние, чудные и широкие стихи». Далее Маркевич сообщал, что со ст-нием познакомился Н. С. Лесков и воскликнул: «Боже мой! Как он растет и свежеет» (Маркевич, с. 125). Маркевич был прав, не признав ст-ния переводом («ваш якобы перевод»), да и Толстой хотел, видимо, сказать, что толчком к написанию ст-ния было какое-то ст-ние Гёте. Как уже отмечали исследователи, это было «Mailied» Гёте, ср. систему восклицаний в ст-нии Толстого и у Гёте: «O Erd', o Sonne, O Glück, o Lust! O Lieb', o Liebe» (см.: Жирмунский, с. 452). 1 октября 1871 г. ст-ние было послано М. М. Стасюлевичу для ВЕ (СС-64, IV, с. 374). Положено на музыку П. И. Чайковским.

109. ВЕ, 1871, № 12, с. 604. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 370. Автограф ранней ред. — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 14 мая 1871 г. Толстой писал Б. М. Маркевичу: «Не знаю, хорошо ли это, но это правдиво» (СС-64, IV, с. 368). Критик В. Г. Авсеенко отозвался о ст-нии: «Здесь почти каждый стих представляет картину, обрисованную простыми словами, в чем и состоит главная описательная прелесть новой поэзии. Этой тайной давно владеет граф А. Толстой, и потому-то так неприятно встречать у него иногда неопрятность стиха и прозаичность склада, разрушающие впечатление идеи, почти всегда поэтической». «На тяге» можно поставить наряду с лучшими произведениями русской поэзии» («Очерки текущей литературы». — Р мир, 1871, 18 декабря).

2. БАЛЛАДЫ. БЫЛИНЫ. ПРИТЧИ

110. С, 1856, № 2, с. 273, с подзаг. «Баллада». Печ. по С-67, с. 135. Два списка ранней ред. с отличиями — ГБЛ (один в альбоме В. Ж.). Лирондель относит это ст-ние к числу ранних произведений Толстого (Лирондель, с. 46). В «Обозрении современной литературы» К. С. Аксаков писал: «Всего замечательнее по своему, особому

какому-то, строю стиха баллада «Волки», а также «Ой, кабы Волга-матушка да вспять побежала...» и «Колокол». Хороши и стихи «Дождя отшумевшего капли...» ...Все это прекрасные стихотворения, полные мысли, мысли, которая рвется за пределы стиха, а в наше переходное время только такие стихотворения и могут иметь настоящее живое достоинство» (РБ, 1857, кн. 5, с. 11). Положено на музыку А. Г. Рубинштейном.

* **111.** РВ, 1856, апрель, кн. 1, с. 487. Печ. по С-67, с. 137. Авториз. список ранней ред. с зачеркнутыми четырьмя дополнительными строфами в конце стих. — ГБЛ, альбом В. Ж.; автограф позднейшей записи с датой: «20 января 1861, Дрезден» — ГПБ, альбом Б. А. Фитингоф-Шеля. По автографу и списку исправлено ошибочное чтение последнего ст., идущее с С-67: «песочное» на «песчаное». Как уже отмечалось (И. Г. Ямпольским), ст-ние в ранней ред. по мысли перекликалось со ст-нием Гёте «Лесной царь» в переводе В. А. Жуковского. Кроме того, между началом и концом ст-ния в этой ред. был слишком резкий контраст. Видимо, этими причинами объясняется отказ Толстого от второй половины ст-ния. Н. А. Римский-Корсаков на текст ст-ния написал трио «Стрекозы» для голоса и фортепьяно или оркестра; при этом в текст были внесены небольшие изменения.

* **112.** ОЗ, 1856, № 5, с. 56. Печ. по С-67, с. 141. Авториз. список ранней ред., в котором зачеркнуты пять дополн. строф в конце ст-ния, — ГБЛ, альбом В. Ж.; близкая ред., но с шестью дополн. строфами в конце — Кондратьев, прилож., с. 104—105. В ст-нии ощутимо (особенно в вычеркнутых строфах) влияние «Волшебного корабля» И.-Х. Цедлица в переводе Лермонтова.

* **113.** РВ, 1856, февраль, кн. 1, с. 483, с подзаг. «Баллада». Печ. по С-67, с. 138. Автограф ранней ред. под загл. «Речное дно» — ПД, арх. Г. Г. Гагарина; список журнальной ред. — ГБЛ, альбом В. Ж. При автографе хранится письмо Толстого к художнику Г. Г. Гагарину с просьбой сделать рисунок к ст-нию. В этой связи И. Г. Ямпольский высказал мысль, что Толстой намеревался напечатать ст-ние в «Листке для светских людей», где в 1843 г. было напечатано ст-ние № 1, тоже с рисунком Г. Г. Гагарина. В свою очередь, это подсказало возможную датировку: 1843—1844 гг. Предположение вполне оправданное, так как ст-ние Г. Гейне «König Harald Harfagar» («Король Гаральд Гарфагар»), влияние которого ощущается в ст-нии Толстого, впервые было опубликовано в 1842 г. В ранней ред. не было эпиграфа из «Слова о полку Игореве», не было имени Ростислава, а был романтический рассказ о безымянном воине, утонувшем в реке. В этой ред. ст-ние Толстого близко к «Русалке» Лермонтова. Эпиграф к ст-нию взят из текста «Слова» в том чтении, которое было принято в те годы. Сегодняшнее чтение: «...река Стугна... юношу князя Ростислава заключила. На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава» («Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, с. 73, перевод Д. С. Лихачева). *Посвист* — здесь: бог ненастья, бури. *Гридни* — см. прим. 20. Положено на музыку А. Г. Рубинштейном.

* **114.** РВ, 1858, сентябрь, кн. 1, с. 236, с подзаг. «Баллада». Печ. по С-67, с. 159. Список ранней ред. — ГБЛ, альбом В. Ж. Основные исторические источники, использованные Толстым, — ИГР и «Ска-

зания князя Курбского». Так, в ИГР говорится: кн. Курбский «сведал, что ему готовится погибель... ночью тайно вышел из дому... нашел двух оседланных коней, изготовленных его верным слугою, и благополучно достиг Вольмара, занятого литовцами. Там воевода Сигизмундов принял изгнанника как друга... Первым делом Курбского было изъясниться с Иоанном... В порыве сильных чувств он написал письмо к царю; усердный слуга, единственный товарищ его, взялся доставить оное и сдержал слово: подал запечатанную бумагу самому государю в Москве, на Красном крыльце, сказав: «От господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича». Гневный царь ударил его в ногу острым жезлом своим; кровь лилась из язвы; слуга стоял неподвижно, безмолвствовал. Иоанн оперся на жезл и велел читать вслух письмо Курбского... Иоанн выслушал чтение письма и велел пытать вручителя, чтобы узнать от него все обстоятельства побега, все тайные связи, всех единомышленников... Добродетельный слуга, именем Василий Шибанов (сие имя принадлежит истории), не объявил ничего; в ужасных муках хвалил своего отца-господина» (ИГР, т. 9, с. 59—60, 62). Самое письмо Курбского Грозному, также приведенное у Карамзина (см. ИГР, т. 9, с. 60—62), Толстому было известно и по «Переписке князя Курбского с царем Иоанном Грозным» («Сказания князя Курбского», Спб., 1833, ч. 2, с. 3—4). Г. В. Плеханов, не давая оценку ст-ния в целом, отметил письмо Курбского, «так художественно воспроизведенное гр. Толстым» (Плеханов Г. В., История русской общественной мысли, Спб., 1918, т. 1, с. 183). Как и обычно, Толстой допустил в ст-нии некоторые хронологические сдвиги: Курбский бежал в Литву в апреле 1564 г., проиграв одно из сражений в Ливонии и опасаясь кары за это; в это время опричнины еще не было, она — явление более позднее (с 1565 г.); молебствия Ивана IV с опричниками проходили не в Москве, а в Александровской слободе, куда Грозный переехал также в 1565 г. Ст-ние вызвало противоречивые отзывы. Одни увидели в образе Шибанова прославление «рабской преданности господину» («Литературные очерки» — НВ, 1876, 8(20) июля), другие — одобряли отражение «склада народного воззрения в отношении к идее власти» (Капнист П., Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие... Спб., 1865, с. 46). Ф. М. Достоевский обращался к читателям: «Помните ли вы, господа, «раба Шибанова»? ...А царь, когда стал потом отвечать письмом князю Курбскому, написал, между прочим: «Устыдися раба твоего Шибанова». Это значит, что он сам устыдился раба Шибанова» (Достоевский Ф. М., Дневник писателя. 1877, Спб., 1878, с. 317). По-иному взглянул на Шибанова Г. В. Плеханов: «Вспомните Василия Шибанова, так удивительно хорошо хранившего «рабскую верность». Он умер героем, несмотря на страшные пытки... А между тем этот рабский героизм оставляет холодным современного читателя, который вообще вряд ли даже способен понять, как возможна у «говорящего инструмента» самоотверженная преданность по отношению к своему владельцу» (Плеханов Г. В., Литература и эстетика, М., 1958, т. 1, с. 172). *Стремянный* — слуга-конюх, сопровождавший барина в походе или во время охоты. *Зазнобы* — здесь: печали, огорчения. *Смирная одежда* — траурная одежда. *Опричня* (опричнина) — введенная Иваном Грозным система репрессивных мероприятий, обеспечивших разгром княжеско-боярской оппозиции. Опричное войско обладало неограниченной властью в борьбе с «изменой», что привело к мас-

совым казням ни в чем не повинных людей. А. И. *Вяземский*, В. Г. *Грязной*, Г. Л. *Малюта*, А. Д. *Басманов* — наиболее известные опричники, фамилии которых сохранились в документах и преданиях того времени. *Окольные* — приближенные. *Писание* — священное писание. *Аз, иже* — я, который. *За тя* — за тебя. *Лиях* — лил. *Судья* — здесь: бог. *Заплечные... мастера* — палачи.

*** 115.** С-67, с. 156. Автограф ранней ред. — ПД; список другой ред. — ГБЛ, альбом В. Ж. Источник ст-ния — «Сказания князя Курбского», где рассказано о смерти Репнина («Сказания князя Курбского», Спб., 1833, ч. 1, с. 120—121; ср. ИГР, т. 9, с. 22). Для характеристики приемов использования Толстым исторических материалов интересно, что в ст-нии Грозный убивает Репнина лично, тут же на пиршестве, хотя все источники говорят, что это было через несколько дней и убили Репнина опричники в церкви, во время богослужения. Толстой, конечно, знал это, и об убийств. Репнина в «Князе Серебряном» рассказал в соответствии с источниками (см.: СС-64, III, с. 196), но в ст-нии нашел необходимым сдвинуть события. *Вечерня* — вечерняя церковная служба. *Личина, машкара* — маска. *Кравчий* — боярин, ведавший царским столом, придворный чин в XV—XVIII вв. *Тиуны* — в России XI—XVII вв. — наименование ряда должностных лиц, здесь: верные слуги.

*** 116.** С-67, с. 152. Список ранней ред. с иной последовательностью строф — ГБЛ, альбом В. Ж. В основе ст-ния лежит «Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы» монастырского келаря Авраамия Палицына или пересказ «Сказания» в ИГР. Осада монастыря 30-тысячным войском во главе с А. Лисовским (ок. 1575—1616) и Я. Сапегою (1559—1611) проходила во время польской интервенции, началась в сентябре 1608 г. и продолжалась 16 месяцев. Не добившись успеха, поляки вынуждены были отступить. У Палицына Карамзин взял основные сведения об осаде: «...многие постриглись, желая умереть в сане монашеском. Иноки... ежедневно обходили стены со святыми иконами» (ИГР, т. 12, с. 118), архимандрит уверял осажденных, что «ночью... невидимые лики ангелов поют над усопшими» (там же, с. 135) и т. д. Поляки же вели себя иначе: «Сапега готовился к первому решительному делу не молитвою, не покаянием, а пиром для всего войска» (там же, с. 118), готовясь 27 мая к новому приступу, «следуя своему обычаю, с утра начали веселиться, пить, играть на трубах» (там же, с. 135—136). Толстому, видимо, была известна статья Д. Д. Голохвастова «Замечания об осаде Троицкой лавры, 1608—1610, и описании оной историками XVII, XVIII и XIX столетий», в которой автор показал, что монастырь этот был настоящей боевой крепостью, с хорошо вооруженным и обеспеченным войском, состоящим из казаков, стрельцов, детей боярских, с опытными воеводами, и выразил сожаление, что все это было неизвестно Карамзину («Москвитянин», 1842, №№ 6, 7). *Покров* — церковный праздник, приходящийся на 1 октября ст. ст. *Вóлохи* — валахи, румыны. *Угры* — венгры. *Престол наш воевать.* Целью интервенции было возведение на русский престол польского ставленника Лжедимитрия II. *Стихарь* — длинное, с широкими рукавами облачение церковнослужителей. *Тафья* — маленькая круглая шапочка типа тюбетейки, которую обычно носили под шапкой. *Шестопёр* — старинное холодное оружие: булава с головкой из шести металлических перьев. *Станицы* — отряды.

*** 117.** С-67, с. 144. Список ранней ред., в котором отсутствуют строфы 7, 20—24, а строфы 9—19, 25—26 зачеркнуты карандашом, — ГБЛ, альбом В. Ж.; полный текст, близкий ранней ред., — Кондратьев, прилож., с. 107. По утверждению Лиронделя, ст-ние написано в 1849 г., в августе 1859 г. оно было отослано в РБ и запрещено цензурой (Лирондель, с. 55, 178). *Пенник* — крепкое хлебное вино, водка. *Орленый... штоф.* Поскольку изготовление и продажа вина были монополией государства, посуда с вином опечатывалась казенным клеймом. *Кистень* — оружие в виде короткой палки с подвешенным на конце ее на ремне или цепочке металлическим шаром или гирей. *Повытчик* — должностное лицо, ведавшее делопроизводством в повытье — отделении суда, приказа и т. п. *За двести мильонов Россия.* Реформой 1839—1843 гг. в России была введена система питейных откупов, по которой государство передавало право продажи водки частным торговцам-откупщикам, вносившим за это государству единовременную плату, часто не достигавшую и половины прибыли, полученной откупщиком. Среди откупщиков были знамениты барон Гинзбург, Горфункель, Бенардаки и др. В 1863 г. система откупов была отменена. *За тридцать серебряных денег.* По преданию, апостол *Иуда* предал Христа за тридцать сребреников. *Понтийский Пилат* — Понтий Пилат, римский наместник в Иудее (26—36 гг. н. э.). По преданию, Пилат утвердил смертный приговор Христу.

*** 118.** С, 1856, № 2, с. 274, без ст. 11—12. Печ. по С-67, с. 174. Автограф последней ред. — ПД, арх. Т., тетр. 1; три списка с небольшими разночтениями — ГБЛ (один в альбоме В. Ж.). *Полугар* — плохо очищенная водка, сивуха. *Приказный* — мелкий чиновник, канцелярист в приказе.

119. С, 1856, № 2, с. 275. Автограф — ПД; три списка с небольшими различиями — ГБЛ (один в альбоме В. Ж.). 7 сентября 1856 г. Толстой писал С. А. Миллер после встречи у А. С. Хомякова с К. С. Аксаковым и А. Н. Поповым: «Ты не можешь себе вообразить, как мое самолюбие было польщено всем тем, что они мне сказали насчет моих стихотворений... Хомяков мне сказал, что он, прочитав «Спесь» и «Колокол», хотел мне написать письмо, — и они прибавили: «Ваши стихи такие самородные, в них такое отсутствие всякого подражания и такая сила и правда, что, если бы Вы не подписали их, мы бы приняли их за старинные народные». Эти слова для меня — самая лучшая похвала, которую я мог бы пожелать, и они не эти только два стихотворения хвалили» (СС-64, IV, с. 83). Высокую оценку ст-нию дал и К. С. Аксаков в «Обозрении современной литературы»: «...особенно хорошо стихотворение, или, лучше, русская песня «Спесь». Она так хороша, что уже кажется не подражанием песне народной, а самою этою народною песнею. Чувствуешь, что вдохновение поэта само облеклось в эту народную форму, которая одела его как собственная одежда... в этой песне уже не слышен автор: ее как будто народ спел. Хотя слишком дерзко отдельному лицу решать дело за народ, но осмеливаемся сказать, что, кажется, сам народ принял бы песню «Спесь» за свою» (РБ, 1857, кн. 5, с. 11—12). Положено на музыку А. П. Бородиным, В. С. Калинниковым, М. П. Мусоргским.

*** 120.** С, 1856, № 2, с. 276. Автографы — ПД, арх. Т., тетр. 1. Посылая ст-ние С. А. Миллер 5 декабря 1855 г., Толстой сообщил:

«...я сегодня вечером написал маленькую вещицу, которая, может быть, очень ничтожна... Я хочу тебе ее написать» (СС-64, IV, с. 79, см. также с. 83). В газетах было отмечено, что ст-ние Толстого отражает действительный случай, происшедший во время Крымской войны (СПВ, 1875, 5 октября). См. также прим. 110. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

* 121. РБ, 1857, кн. 7, с. 147. Печ. по С-67, с. 170. Отрывок черновика ранней ред. под загл. «У Арбатских ворот» — Лиронделъ, с. 462; автограф — ПД, собр. Д. Любимова, т. 1. В ст-нии использован метрический рисунок эпиграфа к «Пиковой даме» Пушкина или песни К. Рылеева и А. Бестужева «Вдоль Фонтанки-реки. . .» *Приказ* — государственное учреждение в Московской Руси. *Дьяк* — приказный чиновник достаточно высокого ранга; дьяк, заседающий в думе, — думный дьяк — имел право голоса в решении вопросов, рассматривавшихся в боярской думе. *Тать* — вор. *Паче* — особенно.

* 122. РБ, 1858, кн. 11, с. 6, без загл. и с дополн. ст. Печ. по С-67, с. 172. Авториз. список журнальной ред.— ГБЛ. *Лыгано* — сказано лжи.

123. РБ, 1858, кн. 11, с. 8, без загл. Печ. по С-67, с. 105. Автограф журнальной ред. — ГБЛ. Источник ст-ния — рассказ Карамзина о конюшем И. П Федорове-Челяднине. Ему, а также князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому были тайно переданы грамоты польского короля Сигизмунда и литовского гетмана Ходкевича, в которых им предлагалось бежать от расправы Грозного. Федоров ответил Сигизмунду: «Как мог ты вообразить, чтобы я, занося ногу во гроб, вздумал погубить душу свою гнусною изменою?» Однако Грозный «объявил его главою заговорщиков, поверив или вымыслив, что сей ветхий старец думает свергнуть царя с престола и властвовать над Россиею. Иоанн спешил разрушить мнимый ужасный заговор; в присутствии всего двора... надел на Федорова царскую одежду и венец, посадил его на трон, дал ему державу в руку, снял с себя шапку, низко поклонился и сказал: «Здрав буди, великий царь земли Русския! Се принял ты от меня честь, тобою желаемую! Но, имея власть сделать тебя царем, могу и низвергнуть с престола!» Сказав, ударил его в сердце ножом» (ИГР, т. 9, с. 99, 100—101). *Бармы* — оплечья, т. е. надевавшаяся на плечи часть парадной одежды, богато расшитая и украшенная драгоценными камнями. *Се аз* — это я.

124. «День», 1861, 11 ноября. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 231. Список с небольшими отличиями — ГБЛ; автограф позднейшей записи с пометой: «Londres, 9 October 1865» — ПД. Ст-ние вызвало разноречивые отклики. Уже на следующий день после его публикации, 12 ноября, М. П. Погодин написал статью «Два слова графу А. К. Толстому в ответ на его песню о царе Петре Алексеевиче», в которой утверждал: «Правду сказали Вы, что каша, заваренная и замешанная царем Петром Алексеевичем, крута и солона, но, по крайней мере, есть что хлебать, есть чему сыту быть, а попади Карл XII на какого-нибудь Федора Алексеевича или Ивана Алексеевича, так пришлось бы, может быть, детушкам надолго и зубы положить на полку» (Барсуков Н. П., Жизнь и труды М. П. Погодина, Спб., 1904, кн. 18, с. 554). Самому Толстому И. С. Аксаков писал 15 ноября 1861 г.: «Успех Вашего экспромта или песни — таков, что начинает пугать и цензоров и меня. Цензора пропустили без малейшего за-

медления, но публика подхватила ее, выучила наизусть, увидела в ней намек на современное положение, на разрешение крестьянского вопроса, и — в восторге. Говорят, третьего дня в Дворянском клубе дворяне то и дело повторяли: «Палкою, матушка, палкою» или «Детушки, матушка, детушки» и т. д. ...О Петербурге еще не имею сведений. Цензоров я утешаю тем, что Ваше имя стоит en toutes lettres [1] — и что Вы их в обиду не дадите» (ВЕ, 1905, № 10, с. 444). Предчувствуя возможную реакцию Петербурга, И. С. Аксаков 14 ноября писал гр. А. Д. Блудовой, что в Москве «сильное впечатление производят стихи Толстого в 5 №, но, уверяю Вас, — ни я, ни Толстой не имели в виду никакого намека, а цензоры даже ни на минуточку не усомнились и подписали» («И. С. Аксаков в его письмах», Спб., 1896, ч. 2, т. 4, с. 211). А когда А. Д. Блудова сообщила И. С. Аксакову о неблагоприятном впечатлении, которое ст-ние произвело в придворных кругах Петербурга, он ответил 20 ноября: «Песня Толстого прекрасна в художественном отношении и может казаться балаганною только важным генералам, утопившим в своей генеральской важности все живое в себе. Кроме того — есть старинная народная песня той же формы» (там же, с. 205). Видимо, И. С. Аксаков имел в виду песню, построенную также в форме диалога:

«Государь ты наш, Сидор Карпович!
Сколько тебе летушек?»
— «Семьдесят, бабушка, семьдесят,
Семьдесят, Пахомовна, семьдесят».

(Шейн П. В., Великорусс в своих песнях, обрядах..., Спб., 1898, т. 1, ч. 1, с. 196.) В кругах, более или менее близких к славянофилам, ст-ние получило вполне положительную оценку, а опубликование его было поставлено в заслугу газете «День», некоторые органы перепечатали ст-ние целиком («Зритель», 1862, № 1; «Петербургский вестник», 1862, № 1). Однако из этих фактов не следует, что в ст-нии выражена четкая славянофильская позиция. Характерно, например, что и революционный демократ Д. И. Писарев в статье «Образованная толпа» отметил «поучительный разговор России с царем Петром Алексеевичем» в ст-нии Толстого («Дело», 1867, № 3, «Современное обозрение», с. 1). Да и сам поэт, как только И. С. Аксаков проявил себя как «русопет», становящийся «спиною к Европе», отмежевался от его позиции, написав М. М. Стасюлевичу 12 ноября 1869 г.: «Мой добрый приятель и глубоко уважаемый друг, Аксаков, должно быть, не подозревает, что Русь, которую он хотел бы воскресить, не имеет ничего общего с настоящей Русью... и Петр I, несмотря на его палку, был более русский, чем они, потому что он был ближе к дотатарскому периоду. Отрекаюсь торжественно от моей песни, которая в свое время имела большой успех: «Государь ты наш, батюшка...» ...Гнусная палка Петра Алексеевича была найдена не им. Он получил ее в наследство, но употреблял ее, чтобы вогнать Россию в ее прежнюю родную колею. Мир ему!» (СС-64, IV, с. 322). Таким образом, «отказ» Толстого от этого ст-ния следует понимать не как признание им своей неправоты, а как нежелание подавать повод для зачисления себя

---

[1] Полностью (франц.).

в ряды славянофилов. Именно в этом причина невключения ст-ния в С-67, а позже поэт ввел его в ПСС-76.

125. РВ, 1866, № 10, с. 673. Печ. по С-67, с. 167. Автограф журнальной ред. — ГБЛ. По мнению Толстого, Россия пережила три беды: *Ярослава горе* — раздробленность Руси после смерти Ярослава Мудрого и как результат — феодальные распри и междоусобицы; *татарское горе* — трехсотлетнее монголо-татарское иго; *Ивана Васильича горе* — расправа Грозного над самым сильным и независимым социальным слоем феодальной Руси — боярством. Все это, считал Толстой, привело к исторической трагедии Руси, свернувшей со своей национальной дороги. Анонимный обозреватель ОЗ писал: «В „Русском вестнике“ очень читались два стихотворения гр. Ал. Толстого — „Пантелей-целитель“ и „Чужое горе“. В наше время успех стихов — дело удивительное...» («Литературные новости». — ОЗ, 1867, № 1, с. 125). *В Софийском соборе спит киевский князь.* Ярослав Мудрый захоронен в киевском Софийском соборе.

126. РВ, 1866, № 9, с. 332, с пометой: «Рим, 20-го февраля 1866 г.». Печ. по С-67, с. 175. Автограф последней ред. — ГБЛ. Первая строка ст-ния восходит к народной песне «Пантелей-государь ходит по двору...», с которой Толстого познакомил Гоголь во время их совместного пребывания в 1850 г. в Калуге у А. О. Смирновой. В зап. кн., где записана песня, Толстой сделал помету: «Сообщено Гоголем» (Лирондель, с. 53; см. также: «Опыт биографии Н. В. Гоголя со включением до сорока его писем». Сочинение Николая М. (П. А. Кулиша), Спб., 1854, с. 175). Песня была использована Толстым в «Князе Серебряном» (СС-64, III, с. 189). По содержанию ст-ние совершенно не совпадает с народной песней. В консервативных и реакционных кругах оно было поднято на щит как прямой выпад против демократии в целом. Не случайно молодежь недолюбливала Толстого именно за «Пантелея-целителя» («Шестидесятые годы», М.—Л., 1933, с. 344). Такое же отношение к ст-нию сложилось и в радикальном лагере, где поэт получил насмешливое прозвище «автор Пантелея» (изд. Маркса, IV, с. 238). Пожалуй, только Н. С. Курочкин в статье «Библиографическая параллель» защищал Толстого: «...мы смотрели и смотрим на «Пантелея-целителя» как на ошибку, от которой даровитый его автор гляди-гляди и откажется, да и не может не отказаться во имя самоуважения к лучшей стороне своего духа» («Дело», 1868, № 1, с. 31—32). Положено на музыку С. В. Рахманиновым.

127. ВЕ, 1868, № 2, с. 425, ранняя ред., под загл. «Былина». Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 234. Черновой набросок строф 21—23 — ПД, арх. Т., зап. кн. 1; автограф — там же, арх. М. М. Стасюлевича. 5 января 1868 г. Стасюлевич писал жене, что он был у Толстого и слушал чтение «Былины»: «...публика пришла в восторг: действительно прелесть! Услужил и удружил мне этим немало!» (Стасюлевич, с. 304). По-видимому, после прочтения «Былины» Толстому были высказаны замечания о припеве, поэтому, отсылая ст-ние в ВЕ, он писал Стасюлевичу 7 января 1868 г.: «Я решился оставить припев, как он есть, т. е. «Ой ладо, ой ладушки-ладо!» Кроме того, что Лель или Дид выходят тяжеловесны и перетягивают весь балласт на конец строфы, я нахожу, что они слишком этнографичны и археологичны для такого стихотворения, где нет никакого притязания на

эти качества, а скорее напротив... Во всей этой пьесе сквозит современность, а потому я позволяю себе не быть строгим историком или археологом. До сих пор все были довольны ее направлением; ожидаю с нетерпением московской и нигилистической брани» (СС-64, IV, с. 222). Ознакомившись с корректурой, Толстой написал Стасюлевичу 9 января 1868 г.: «...я не нашел в ней никаких недостатков, но позволяю себе сделать Вам следующие предложения...: 1-е. Не будет ли лучше отделять каждый четвертый стих от припева штрихом (—), как это сделано в иных строфах, но не во всех? 2-е. Принимая в соображение неразвитость метрического уха у иных читателей, не найдете ли Вы полезным обозначить акцентом (ʹ) в 13-й строфе, в 5-м стихе, слово б ы л ó б ы? и в 17-й строфе, в 4-м стихе, слово к а л е н ó ю?» (Стасюлевич, с. 306). Первое предложение в ВЕ принято не было, а ударения поставлены. Вопреки ожиданиям Толстого, считавшего ст-ние «лучшею из своих баллад» (СС-64, IV, с. 427), оно не вызвало откликов в печати. *Царьград* — древнерусское название столицы Византийской империи Константинополя. *Их клятва: «Да будет мне стыдно!»* В «Проекте постановки на сцену трагедии „Царь Федор Иоаннович“» Толстой писал, «что в московский период нашей истории, особенно в царение Ивана Грозного», чувство чести «значительно пострадало или уродливо исказилось... Но в смысле долга, признаваемого человеком над самим собой и обрекающего его, в случае нарушения, собственному презрению, чувство чести, слава богу, у нас уцелело. Древняя юридическая формула: «Да будет мне стыдно!» — была отменена и забыта, но дух ее не вовсе исчез из народного сознания... Связь с Византией и татарское владычество не дали нам возвести идею чести в систему, как то совершилось на Западе, но святость слова осталась для нас столь же обязательною, как она была для древних греков и римлян» (СС-64, III, с. 531). *Поле* — здесь: поединок и место его проведения. *Каганская* — ханская. *Погост* — огороженное при церкви место с домом священника. *Поруху... класть* — разрушать, портить. *К обдорам* — на восток; обдорский край — ныне Ямало-Ненецкий автономный округ в РСФСР. *Сила* — много.

* 128. ВЕ, 1869, № 4, с. 789, первонач. ред., без строф 14—15. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 282. Посылая Б. М. Маркевичу «Песню», Толстой писал 7 февраля 1869 г.: «...занимаясь норманнским периодом нашей истории, я наткнулся на факт вполне известный, но весьма мало использованный, а именно — замужество дочерей Ярослава, и это побудило меня написать балладу, которую и прилагаю... У Ярослава было три дочери — Елизавета, Анна и Анастасия. Анна вышла за Генриха I, короля Франции... Третья дочь, Анастасия, стала женой короля Венгрии Андрея. К первой же, Елизавете, посватался Гаральд норвежский, тот самый, что воевал против Гаральда английского и был убит за три дня до битвы при Гастингсе, стоившей жизни его победителю. Звали его Гаральд Гардрад, и так как он тогда находился еще в ничтожестве, то и получил отказ. Сраженный и подавленный своей неудачей, он отправился пиратствовать в Сицилию, в Африку и на Босфор, откуда вернулся в Киев с несметными богатствами и стал зятем Ярослава. Вот сюжет баллады. Дело происходит в 1045 году, за 21 год до битвы при Гастингсе» (СС-64, IV, с. 257). В тот же день «Песня» была отослана М. М. Стасюлевичу, а в письме говорилось: «...я был приведен к этой балладе моим датским принцем в «Царе Борисе». Не могу сказать Вам, до чего доходит моя

симпатия к нашему норманнскому периоду и моя ненависть к московскому» (там же, с. 262). 19 февраля 1869 г. Толстой попросил Стасюлевича исправить строфу 10 (исправление не было сделано, оно вошло лишь в текст ПСС-76) и добавил, что писал балладу «не механически, а всем сердцем, сочувствуя всем сердцем нашему европейскому норманнскому периоду и ненавидя всем сердцем наш монгольский, московский период» (там же, с. 265—266). Получив балладу, Маркевич писал Толстому 15 февраля 1869 г.: «...у меня мурашки бегали по спине, когда я читал Вашу поэму, — так поразила она меня своим колоритом и формой. Никогда еще, милый друг, Вы не писали таким звучным и образным стихом, каким написана эта последняя вещь» (Маркевич, с. 92). Толстой ответил 26 марта: «Вы доставили мне большое удовольствие, удовольствие настоящее, одобрив балладу о Гаральде, тем более что Гончаров, получивший ее от Стасюлевича, пишет мне, что она — недостойна меня и совершенно посредственная, что она могла бы быть написана кем угодно и не носит ни малейшего индивидуального отпечатка... Вынужденный сделать выбор между этими двумя мнениями, я останавливаюсь на Вашем». И далее: «Закончив балладу о Гаральде, я выписал «Историю Дании» Дальмана и, к великой своей радости, нашел подтверждение некоторым деталям, написанным по интуиции. Оказывается, что они исторически оправданы». Приведя далее выписку из Дальмана, Толстой замечает, что Дальман ошибается, «приписывая скандинавам установление у нас свободы. Скандинавы не устанавливали, а нашли уже вполне установившееся вече. Заслуга их в том, что они его сохранили, в то время как гнусная Москва его уничтожила — вечный позор Москве!» (СС-64, IV, с. 270, 271). Толстой ценил эту балладу и в письмах не раз подчеркивал, что ее высоко оценила его жена, с мнением которой он очень считался (см. там же, с. 257, 262). Сохранилось также письмо Толстого к Стасюлевичу от 20 мая 1869 г., в котором, в частности, есть такое замечание: «Бью себя в грудь и кричу: «Mea culpa!»[1] относительно ошибки в 42-й строфе «Гаральда». Это с моей стороны непростительный lapsus calami,[2] тем более что в черновом списке у меня стоит так, как следует» (там же, с. 297). Но в печатном тексте «Песни» всего 24 строфы, и здесь Толстой допустил вторую описку, поскольку речь должна идти о 23-й строфе, в которой напечатано «И грозные замков вершины» вместо «твердыни»; ошибка исправлена в следующем номере ВЕ (1869, № 5, с. 471). Черновик баллады, о котором упоминает Толстой, не разыскан. *Гаральд Гардрад* — будущий норвежский король (конунг). Служил у Ярослава Мудрого, в начале 30-х гг. XI в. покинул Киев; воевал на Средиземном море; в 1038—1040 гг. разграбил Сицилию; в начале 40-х гг. женился на дочери Ярослава Елизавете и с ней возвратился в Норвегию. Убит в битве с английским королем Гаральдом Годвинсоном под Йорком в 1066 г. *Звезда ты моя, Ярославна.* Карамзин сообщает, что в походах Гаральд сочинил 16 песен, «из коих всякая заключалась воспоминанием о любезной дочери Ярославовой», и приводит пример одной из песен (ИГР, т. 2, прим., с. 23—24). *Мессина* — город на о. Сицилия. *Царьград* — см. прим. 127. *Пирей* — греческий порт, ныне часть Афин. *Сикилия* — Сицилия. *Понт* — Черное

---

[1] Моя вина! (лат.).
[2] Описка (лат.).

море. *Червленый* — темно-красный, багряный. *Хламида* — короткий плащ с застежкой на плече или груди. *Гридни* — см. прим. 20. *Отроки* — боярские дети, младшие члены княжеской дружины. *Веси* — селенья. *Вено* — выкуп за невесту, уплачиваемый женихом.

* **129.** ВЕ, 1869, № 3, с. 154, ранняя ред., под загл. «Песня о трех побоищах». Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 347. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 28 марта 1869 г. Отослав ст-ние № 128 Маркевичу, Толстой 7 февраля 1869 г. писал ему, что не может вернуться к «Царю Борису», пока не кончит «вторую норманно-русскую балладу, которая... в работе и по колориту противоположна первой, т. е. чрезвычайно мрачна» (СС-64, IV, с. 260). О работе над этой балладой Толстой сообщил и М. М. Стасюлевичу 10 февраля 1869 г.: «Как оно ни кажется странно для русской баллады, но сюжет ее: смерть Гаральда Гардрада норвежского в битве с Гаральдом Годвинсоном английским; смерть Гаральда английского в Гастингском сражении; разбитие Изяслава на Альте половцами. Эти три битвы случились: первые две в 1066, а последняя в 1068, но мне до этого нет дела, и я все три поставил в одно время». Далее Толстой рассказывает о родословных связях киевского князя Ярослава с царствующими домами Европы. «Я напоминаю Вам, — продолжал Толстой, — об этих родствах, чтобы объяснить весь норманнский тон моей баллады» (там же, с. 263). 10 марта баллада была отослана Стасюлевичу с такой оговоркой: «...простите один умышленный анахронизм: битва Изяслава с половцами произошла три года после Гастингской битвы, а что хуже всего, он был убит не в этой битве, а в другой. Все это я знаю, но позволил себе умышленную неточность... Цель моя была передать только колорит той эпохи, а главное, заявить нашу общность в то время с остальной Европой, назло московским русопетам... может быть, Вы найдете полезным указать в выноске на наши родства с Гаральдом норвежским, с Гаральдом английским, с Генриком I французским и с Андреем венгерским» (там же, с. 268). Такая выноска в ВЕ сделана не была. Познакомившись с балладой, Маркевич писал Толстому, что она «носит несомненную печать Вашего таланта и положительно великолепна! Это сближение трех благородных образов, погибающих один вслед за другим, на разных концах Европы, под ударами схожей судьбы, эти вороны, которые, выклевав у них глаза, разносят весть о смерти их, — все это поразительно по вымыслу и по художественной окраске» (Маркевич, с. 115). Толстой не согласился с такой оценкой и 5 мая 1869 г. ответил ему: «Я с Вами не согласен насчет «Трех побоищ». Эта вещь мне кажется слабее, чем «Песня о Гаральде и Ярославне»... Всегда, впрочем, приятно слышать одобрение от человека с чутьем и в к у с о м, и если форма в «Трех побоищах», форма с к л а д н я (кажется, называется по-гречески триптих или что-то в этом роде) не смущает Вас, — тем лучше» (СС-64, IV, с. 285). Толстой перевел отрывки из баллады на немецкий язык — см. № 318. *Княгиня* — жена Изяслава, дочь польского короля Болеслава. *Изяслав* — сын Ярослава Мудрого, погиб в битве с половцами в 1078 г. *Норская земля* — Норвегия. *Саксы* — англичане. *Гридни* — см. прим. 20. *Гаральд* — см. прим. 128; он приходился сватом брату Елизаветы. *Саксонец-Гаральд* — английский король Гаральд Годвинсон, потерпевший поражение и убитый в сражении с Вильгельмом Завоевателем (см. ниже) под английским городом Гастингсом в 1066 г. *Золовка сидит Ярославна.* Дочь Ярослава Мудрого Елизавета, жена

Гаральда Гардрада норвежского, приходилась золовкой жене брата Елизаветы. *Невестка их, Гида* — дочь Гаральда Годвинсона, жена Владимира Мономаха. Толстым допущен явный анахронизм: Гида стала женой Владимира Мономаха около 1070 г. и, следовательно, в описываемое время еще не жила в Киеве. *Бармица* — то же, что бармы, см. прим. 123. *Деверь* — брат мужа, поскольку, по Толстому, муж Гиды Владимир Мономах является братом Изяслава; на самом деле он был его племянником. *Франкская земля* — Франция. *Нормандские волны* — воды пролива Ла-Манш, омывающие нормандское побережье Франции. *Вильгельм* (1027—1087) — герцог Нормандии, с 1066 г. — английский король Вильгельм Завоеватель. В журнальной ред. он правильно был назван герцогом, но потом, видимо в целях сближения иностранного титула с русским, а значит — древней Руси с Европой, Толстой назвал его князем (см.: Ямпольский И., Середина века. Очерки о русской поэзии 1840—1870 гг., Л., 1974, с. 126). *На слуху* — на страже, прислушиваясь. *Йорк* — город в Англии; под Йорком англосаксы разбили в 1066 г. войска Гаральда норвежского (см. ниже: «Победно от Йорка шла сакская рать...»). *Брашно* — кушанья. *Мних* — монах. *Святой Георгий* — христианский святой Георгий Победоносец. *Софийский собор* — в Киеве, заложен в 1037 г. *Веси* — селения. *Взяты на щит* — взяты в плен. *Печерские иноки* — монахи Киево-Печерского монастыря. *Аллилуя* (Халлелуях) — хвалите Яхве, т. е. господа (др.-евр.), хвалебный припев в христианских церковных песнопениях.

* 130. ВЕ, 1869, № 9, с. 5, под загл. «Песня о походе Владимира», с эпиграфом: «Не по замыслу Боянову», без разделения на части и со сплошной нумерацией строф. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 289. Автографы ранней ред. — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 15 апреля 1869 г.; там же, арх. М. М. Стасюлевича; поправки к тексту — там же, в письме Стасюлевичу от 18 апреля 1869 г.; список — там же, бумаги К. К. Павловой. Источником ст-ния является рассказ Н. М. Карамзина о летописных свидетельствах крещения Владимира — о том, как, выслушав рассказ безымянного греческого монаха о сущности христианской веры, Владимир согласился креститься, но «гордость могущества и славы не позволяла... просить крещения: он вздумал, так сказать, з а в о е в а т ь веру христианскую» (ИГР, т. 1, с. 213). С огромным войском он в 989 г. осадил город Херсонес, находившийся в зависимости от Византии, и пригрозил жителям «стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся» (там же, с. 214). Город сдался, Владимир «еще больше возгордился своим величием и чрез послов объявил императорам Василию и Константину, что желает быть супругом сестры их, юной царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь» (там же, с. 215). Василий и Константин согласились, но заявили, что руку Анны он получит после крещения. Владимир же потребовал, чтобы Анну прислали ему в Херсонес. Анна прибыла к нему, здесь состоялось венчание, Владимир крестился, соорудил в Херсонесе церковь, отказался от своих завоеваний и вернулся с Анной в Киев, взяв с собой из Херсонеса только священников, церковные сосуды, «два истукана и четырех коней медных» (там же, с. 217). Таким образом, Толстой весьма точно следовал рассказу Карамзина. 26 марта 1869 г. Толстой, называя это ст-ние, как и в других письмах, «третьей балладой» (первая — № 128, вторая — № 129), сообщил Маркевичу, что баллада почти закончена, но С. А. Толстая «пророчит ей цензурное

вето или предупреждение журналу, где ее напечатают» (СС-64, IV, с. 270). В письме от 8 апреля, говоря о продолжении работы, Толстой передает уже иное мнение жены: теперь она «считает, что ни один журнал не отказался бы ее напечатать, и отдает ей предпочтение перед двумя первыми. Наконец она... сказала, как и Вы, что ничья подпись, кроме моей, не могла бы стоять под этой вещью» (там же, с. 274; ср. прим. 129). 15 апреля баллада была отослана Маркевичу, а 26 апреля ему же направлены были дополнения к тексту (строфы 12 и 16 второй части по окончательной нумерации — там же, с. 275, 281). 2 мая баллада была отослана Стасюлевичу для ВЕ, а в сопроводительном письме автор писал: «У меня в балладе два-три старинных выражения, между прочим: п т а с т в о, т. е. весь птичий люд, и п о л о з, что значит: киль лодки. Заявляю о них, чтобы наборщики не приняли их за описки» (там же, с. 284). В ответном письме от 10 мая 1869 г. Стасюлевич сообщил, что он получил балладу, когда у него был И. А. Гончаров: «Иван Александрович нам читал, мы — восхищались. Действительно прелестно! Бездна милого, неподдельного юмора и превосходный стиль! ... Иван Александрович просил непременно отдать на Ваше обсуждение одно его мнение относительно строфы 45... «Гребите же, други, гребите сильней, На весла дружней налегайте». Эти два стиха, он говорит, встречаются неожиданно после первых трех стихов и мало с ними гармонируют. Я нахожу, со своей стороны, одно только, что первый из этих двух стихов не совсем благозвучен, вследствие того, что повелительная форма от глагола «грести» неохотно употребляется» (Стасюлевич, с. 330—331). Толстой на это ответил 20 мая: «...с Иоанной Александровной (шуточное именование И. А. Гончарова. — *Е. П.*) я не согласен насчет гребите. Тут проглядывает старая грешница, которой намек я вполне понимаю... Пусть останется: гребите» (там же, с. 196). В ст-нии, как это нередко у Толстого, есть явные реминисценции из других поэтов: «Вы, отроки-други, спускайте ладьи» ср. «Вы, отроки-други, возьмите коня» («Песнь о вещем Олеге» Пушкина); «Дела стародавних далеких времен, Преданья невянущей славы» ср. «Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой» («Руслан и Людмила» Пушкина); «Народ, издалека их поезд узнав, Столпился на берег...» ср. «Народ, узрев с крутого берега Возврат своих полков» («Олег вещий» Рылеева). Сделанный Толстым перевод первых пяти строф баллады на немецкий язык (см. № 319) Лирондель приводит в своей книге по неизвестному ныне письму Маркевичу от 22 декабря 1869 г. (Лирондель, с. 608—609). *Мних* — см. прим. 129. *Велес* — славянское божество, покровитель скота. *Рогнеда* — жена Владимира до крещения, дочь полоцкого князя Рогволода, захваченная Владимиром после победы над половцами. *Херсонес* Таврический (Корсунь) — древний город в Крыму (ныне в черте Севастополя). Основан в 422—421 гг. до н. э. греками; в V—XI вв. — самый крупный город Северного Причерноморья, центр распространения христианства (см. с. 555). *Вертоград* — сад. *Черторой* — широкое и глубокое место на Днепре напротив Киева, известный днепровский вир (омут). *Струг* — старинное славянское речное судно. *Червленый* — см. прим. 128. *Константин* — византийский император Константин IX (по другим источникам — VIII или XI), в 975—1025 гг. правил совместно с братом *Василием* II (957—1025); за жестокость, проявленную в войне с болгарами (976—1019 гг.), прозван Болгаробойца. *Анна* — византийская принцесса, сестра Василия и Константина. Выдана за Владимира в 989 г.

Причт — духовенство данной церкви или прихода. *Стихарь* — см. прим. 116. *Корзно* — старинная верхняя одежда, род плаща. *Синклит* — собрание высших сановников. *Иереи* — священники. *Хиосское вино* — вино с о. Хиоса. *Фока* — Варда Фока, руководитель мятежа византийской землевладельческой знати в 987—989 гг.; провозгласил себя императором и подошел к самому Царьграду. Войска Владимира разгромили отряды Фоки и подавили мятеж. *Я построю вам храм.* По приказу Владимира в Херсонесе была сооружена церковь (см.: ИГР, т. 1, с. 216—217). *Зане* — так как. *Иконы мусийского дела* — мозаичные иконы. *Бо* — ибо. *Диадима* (диадема) — головное украшение, подобие короны, повязки или венца. *Демественный лад* — вид церковного одноголосного пения, исполняется обычно вне храма. *Канон* — торжественная церковная песнь. *Нуда* — принуждение.

131. ВЕ, 1871, № 3, с. 8. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 228. Автограф ранней ред. — ПД, в письме к К. К. Павловой без даты; под ст-нием помета: «Anno 1026», т. е. «Год 1026». Было отослано Б. М. Маркевичу в начале января 1870 г. для передачи в РВ М. Н. Каткова. 18 января Маркевич ответил: «Начинаю с благодарности за присланную Вами маленькую балладу, которую я уже отослал своему другу в Москву... Эта «безделка», как Вы, кажется, ее называете, — настоящая жемчужина, и по форме своей и достоинствам, по моему мнению, далеко превосходит эпическую поэму «Поход Владимира» — Ваше любимое детище. Я уверен, что друг мой оценит ее как писатель» (Маркевич, с. 116). Однако Катков продержал ст-ние неопубликованным около года, после чего Толстой передал его М. М. Стасюлевичу для ВЕ (Стасюлевич, с. 351). Первые две строфы и последнюю Толстой перевел на немецкий язык (см. № 320). В различных списках русских летописей (Лаврентьевском, Ипатьевском и др.) под 1024 г. рассказывается о варяжском князе Якуне, приглашенном Ярославом Мудрым на помощь после того, как его брат Мстислав отнял у него Чернигов: «Слышав же се, Ярослав посла за море по варяги; и прииде ему в помощь Якун слепый» (Полн. собр. рус. летоп., Спб., 1851, т. 1, с. 64). Однако ни в русских летописях, ни в скандинавских источниках нет никаких дополнительных сведений о столь необычном факте, как слепой предводитель наемной дружины. Это заставило русских историков поставить под сомнение слепоту Якуна. Так, еще В. Н. Татищев считал, что Якун был не слепой, а лишь «глазами слаб» (Татищев В. Н., История Российская с самых древних времен, М., 1773, кн. 2, с. 103); об этом же писал и Н. М. Карамзин (ИГР, т. 2, с. 23) и другие историки. В 1858 г. Н. П. Ламбин объяснил летописную запись о слепом Якуне простой опиской переписчика, под пером которого древнее указательное местоимение «съ» слилось с прилагательным «лепъ», т. е. вместо «бѣ Якунъ съ лѣпъ» (был Якун сей красив) появилось «бѣ Якунъ слѣпъ» (Н. Ламбин, О слепоте Якуна и его златотканой луде. — «Журнал министерства народного просвещения», 1858, № 5, с. 66, 74). Толстой, возможно, не знал этой статьи или забыл о ней к 1870 г.; к тому же его более интересовала романтическая легенда о слепом предводителе варягов. Поэтому он не поставил под сомнение данные летописи, более того, если там говорится, что в первой же битве при Листвене Якун был разбит и с остатками дружины ушел обратно в Скандинавию, то у Толстого он выходит из битвы победителем. *Шишак* — старинный воинский головной убор, род островерхого шлема.

132. «Беседа», 1871, № 1, с. 5. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 217. В ст-нии речь идет о крестовом походе немецких князей на балтийских славян в 1147 г., окончившемся неудачей для захватчиков. По наблюдениям И. Г. Ямпольского (Бп-37, с. 749), Толстой в ст-нии широко использовал материалы, имевшиеся в «Истории Дании» Ф. Дальмана, с которой он был хорошо знаком (см. прим. 128 и 141). Некоторые сведения Толстой мог взять у Н. М. Карамзина (ИГР, т. 1, с. 82—84) и у А. Гильфердинга («История балтийских славян», М., 1855, ч. 1, с. 48, 212—218 и др.). 29 декабря 1870 г. Толстой писал М. М. Стасюлевичу, что это ст-ние «из поморского быта» может «служить pendant[1] к „Ругевиту"» (Стасюлевич, с. 351). *Роскильда* — датский город, в то время — резиденция короля и епископа. *Папа* — Евгений III, папа римский. *Бодричане* (оботриты) — племя поморских славян, вокруг которого группировались и другие племена — вагры, полабцы, смоляне, варны и др. *Генрик Лев* (1129—1195) — герцог Саксонии и Баварии, один из главных организаторов крестового похода 1147 г. против славян. *Брунзовик* (позже Брунсвик) — ныне Брауншвейг, город в Германии. *Дони* (точнее — дани) — датчане. Толстой несколько преувеличил их роль в походе: главной силой его были саксонские войска во главе с Генриком Львом и Альбрехтом Медведем, датчане присоединились к ним позже. *Епископ Эрик.* В «Истории Дании» Ф. Дальмана упоминается не Эрик, а епископ Ануер, который бежал со своего военного корабля (см.: Бп-37, с. 749). *Свен* — датский король Свен III Граде Эстридсен. *Нилс* — сын Свена, а не наоборот, как получилось у Толстого. *Шишак* — см. прим. 131. *Кнут* — датский король Кнуд V из династии Эстридсенов. Кнуд и Свен боролись за королевский престол в Дании; они погибли не в походе 1147 г., как пишет Толстой, а в 1157 г. *Струг* — см. прим. 130. *Преподобный Егорий* — Георгий Победоносец, см. прим. 129. *Боривой* — вымышленный Толстым предводитель балтийских славян. *Аркона* — крепость и священный город на высоком, вдававшемся в море утесе острова Рана (ныне Рюген), религиозный и политический центр славян поморья, здесь находился храм Святовита, разрушенный саксами в 1168 г. *Волын* — город в южной части одноименного острова в Балтийском море (напротив устья Одры). *Щегла* — мачта, шест для укрепления знамени. *Косица* — суженный конец флага. *Лопать* — рвань, лохмотья. *Святовит* — верховное божество балтийских славян, бог — воин, победоносец, даронатель плодов земных; идол Святовита в Арконском храме имел четыре головы. *Гуменцо* — темя; бритое гуменцо (тонзура) — отличительный знак католических монахов. *Клобучье племя* — монахи, носившие клобук — высокую черную шапку. *Чернобог* — бог зла, враждебный человеку. *Ретра* — город в земле славянского племени лютичей, разрушен в начале XII в. германским императором Логарем. *Осна* — позже Оснабрюк, город в германском княжестве Ганновер. *Дубовик* — видимо, датский город Дубин или Добин; в «Истории Дании» Дальмана местонахождение его не установлено. *Перунова божница.* Перун — божество южных, киевских, а не поморских славян. следовательно «перуновой божницы» у них не было; здесь это выражение следует понимать как божница языческого бога — Святовита, Яровита, Радигоста и др. *Коло* — круг. *Клир* — духовенство.

---

[1] Параллелью (франц.).

133. ВЕ, 1871, № 3, с. 5. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 304. Источниками ст-ния являются, по-видимому «История Дании» Ф. Дальмана, а также русские материалы, приведенные Н. М. Карамзиным и А. Гильфердингом (см. прим. 132). В ст-нии рассказывается о победе датского короля Вольдемара I Великого в 1168 г. над полабскими славянами, захвате острова Рана (Рюгена) и разрушении храма в Арконе. *Ругевит* — бог, почитаемый в городе Кореница, лежавшем на о. Рана (Рюген). Саксон Грамматик указывал, что безобразный истукан этого бога был очень древний, грубо высеченный из дуба; его голова имела семь человеческих лиц (см.: А. Гильфердинг, История балтийских славян, М., 1855, ч. 1, с. 245—247). *Дони* — см. прим. 132. *Ветрило* — парус. *Руга* — в различных источниках остров называется по-разному — Рана, Руга, Руя, Руна, Рюген. *Король Владимир* — правнук Мономаха. По-видимому, Толстой соединил в одном персонаже двух Вальдемаров I, известных в истории Дании. Один был королем в 1147—1157 гг., когда после смерти Эрика Лама Дания была разделена между Кнудом V, Свеном III и Вальдемаром I. Именно этот Вальдемар был сыном Кнуда Лаварда и Ингеборн — дочери Мстислава, сына Мономаха. Таким образом, с материнской стороны Вальдемар был внуком Владимира Мономаха. А захват острова Рана и разрушение Арконы произошли в царствование Вальдемара I Великого, бывшего королем Дании в 1157—1182 гг. *Яромир* — ранский князь, после разгрома его войска Вальдемаром I подчинился датчанам и принял христианство. *Епископ Свен* — лицо не установленное. *Воспрянь, наш бог.* И. Г. Ямпольский усматривает в этих словах влияние рассказа Н. М. Карамзина о свержении идола Перуна в Киеве после крещения Владимира: «Перуна... привязали к хвосту конскому, били тростями и свергли с горы в Днепр... Изумленный народ не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы» (ИГР, т. 1, с. 217). А в прим. к этому месту Карамзин приводит отрывок из Киевского синопсиса: когда Перун «плыл рекою, суеверные язычники кричали: в и д и б а й! т. е. в ы п л ы в а й... Однако же христиане утопили идола, привязав к нему тяжелый камень» (там же, прим. с. 178).

134. ВЕ, 1871, № 3, с. 10. Черновой автограф — ПД, арх. Т., зап. кн. 2; автограф — там же, в письме Б. М. Маркевичу от 20 декабря 1870 г. Посылая ст-ние Маркевичу, Толстой писал, что оно — «плод моих занятий Новгородом для „Посадника“» (СС-64, IV, с. 359; о том же: Стасюлевич, с. 351). *Ушкуйник* — член вооруженных дружин, посылавшихся Новгородом в торговые или разбойные походы на ушкуях — плоскодонных лодках с парусом и веслами. *Дрочёное* — балованое. *Кораблики урманские.* В Архангельской губ. урманом называется густой хвойный лес. *Острог* — здесь: поселок, являющийся укрепленным пунктом.

* 135. РВ, 1871, № 7, с. 253, под загл. «Песня о Потоке-богатыре» и с дополн. последней строфой. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 268. Список (неполный) — ПД, арх. Блудовых. В марте 1871 г. ст-ние было послано в «Беседу». Как вспоминал И. Н. Захарьин, это ст-ние, «получившее потом громкую и вполне заслуженную известность», было возвращено Толстому, так как издатель «Беседы», С. А. Юрьев, понимая, что это — «чрезвычайно остроумная и злая поэма-шутка», признал ее слишком консервативною для «Беседы», так как в ней вышучивались и «девицы без кос», и «гласный суд», и «пьяницы-

мужики» (Захарьин И., Встречи и воспоминания, Спб., 1903, с. 287). Б. М. Маркевич, получив рукопись, широко знакомил публику со ст-нием и писал Толстому, что «Поток-богатырь» «здесь имеет громадный успех во всех слоях общества, и Ваша рукопись залоснилась от частой переписки. Катков говорит, что охотно напечатает «Поток»... Это удивительно схвачено и удивительно цельно, но должен Вам сознаться, что при чтении вслух я пропускаю четыре последние строфы, которые составляют совершенно ненужный и непонятный придаток. Решительно не понимаю, с какой стати Вы сочли нужным это прибавление» (Маркевич, с. 119). 8 мая Толстой ответил адресату: «...я принимаю его ⟨М. Н. Каткова⟩ предложение напечатать «Потока»... С Вашим мнением, что последние строфы ненужны, я согласен настолько, что зачеркнул их после того, как послал Вам стихотворение, но, может быть, следует опустить только три строфы, а не четыре. Решение вопроса оставляю на Ваше просвещенное мнение, только я пришлю Вам другой экземпляр, несколько пересмотренный и переделанный... Удивительно, какой успех эта шутка, ни на что не претендующая и казавшаяся мне пустячком, имела в Киеве и Одессе среди профессоров и в светском обществе» (СС-64, IV, с. 362). 14 мая Толстой отослал Маркевичу правленный экземпляр ст-ния, и М. Н. Катков с восторгом принял его к печати (см.: Градовский Г. К., Из минувшего. — РС, 1908, № 1, с. 85—86). Толстой позже согласился с Маркевичем снять четыре строфы, но в РВ было снято только три, о чем Толстой писал тому же адресату 3 октября 1871 г.: «Вы обвиняете меня в том, что я приделал рыбий хвост к «Потоку», тогда как я Вам ausdrücklich[1] написал: зачеркните или оставьте, по Вашему усмотрению, последнюю строфу» (ПД). Назвав «Потока-богатыря» «шуткой, ни на что не претендующей», Толстой вскоре переменил мнение о ст-нии, и 20 июля 1871 г. писал М. М. Стасюлевичу: «Не знаю, попадался ли Вам мой «Поток-богатырь»? Он ходит во многих списках, и в нем высказан мой credo[2]» (СС-64, IV, с. 371). А когда Стасюлевич отклонил ст-ния № 136, 138 и 139, Толстой заметил ему 14 сентября: «...быть может, мое имя, заявившее так бесцеремонно свое направление в «Потоке», уже не годится вообще в Ваш журнал» (там же, с. 374). Вместе с тем Толстой пытался объяснить свою позицию Стасюлевичу в письме от 1 октября 1871 г.: «...ни Вы, ни кто другой меня не упрекает за то, что в том же «Потоке» я выставил со смешной стороны раболепство перед царем в московский период. В других стихотворениях я писал сатиры на пьянство, на спесь, на взяточничество, на эгоисм и пр., и никому не приходило в голову этим возмущаться. Все это позволено, но нигилисма не смей касаться! Noli tangere![3] Что это за святыня? Что это за особенная привилегия такого учения, которого первый догмат отмена всех привилегий? ...Повторяю, я не понимаю, почему я волён нападать на всякую ложь, на всякое злоупотребление, но нигилисма, коммунисма, материалисма et tutti quanti[4] трогать не волен? ...Я хвалю то, что считаю хорошим, и порицаю то, что считаю дурным, не справляясь, в какой что лежит перегородке, в консерва-

---

[1] Ясно, категорически (нем.).

[2] Символ веры, убеждение (лат.).

[3] Не прикасайся! — слова из латинского перевода Нового завета (Евангелие от Иоанна, гл. 20, ст. 17).

[4] И тому подобного (итал.).

тивной или прогрессивной. Поэтому я отклоняю Ваше благоволительное и извиняющее предположение, что я не написал бы «Потока», если б наперед расчел, что он произведет такое-то действие... от «Потока» не отказываюсь и нисколько не сожалею, что его напечатал, равно и „Пантелея“» (там же, с. 377—378). Наконец, в письме к А. Губернатису от 20 февраля 1874 г. Толстой еще раз вспомнил о «Потоке» и заявил, что в нем «в сатирической форме изложены мои социально-политические взгляды. Оно имело огромный успех по всей России и навлекло на меня целую лавину оскорблений со стороны журналов» (там же, с. 427). Толстой несколько преувеличил, говоря о «лавине», так как отзывов было немного, и они были далеко не однозначными. Толстой справедливо заметил в письме к Стасюлевичу от 2 сентября 1871 г., что «Поток-богатырь» «вероятно, возбуждает негодование «П⟨етер⟩б⟨у⟩ргских ведомостей» и прочих, им подобных, что и требовалось доказать» (Стасюлевич, с. 354). Действительно, журналист В. П. Буренин подверг ст-ние беспощадной критике и напечатал на него пародию (СПВ, 1871, 1 сентября). Но и М. Е. Салтыков-Щедрин, охарактеризовав русскую литературу и журналистику этих лет как «царство мерзавцев», писал А. М. Жемчужникову 31 августа 1871 г.: «Прибавьте к этому забавы вольных художников вроде гр. А. К. Толстого, дающих повод своими «Потоками» играть сердцам во чреве наших обскурантов. Не знаю, как Вам, а мне особенно больно видеть, когда люди, которых почитал честными, хотя и не особенно дальновидными, вооружаются в защиту обскурантизма, призывая себе на помощь искусственную народность» (Салтыков-Щедрин М. Е., Собр. соч., М., 1976, т. 18, кн. 2, с. 90). Позже отношение к ст-нию несколько изменилось, и 5 декабря 1873 г. Толстой писал Маркевичу: «Вам также должно доставить удовольствие и то, что у «Потока» есть много приверженцев среди молодежи. Поверьте, что мы не последние могикане, но что С⟨уворин⟩, Буренин и прочие канальи — последние гуроны» (СС-64, IV, с. 418). Когда же злободневность ст-ния Толстого поблекла, оно подало повод к более сложному истолкованию авторской позиции. Н. А. Котляревский писал в статье «Граф Алексей Толстой как сатирик»: «Балладу эту нельзя считать чисто ретроградной по основной ее мысли... Деспотизм и консерватизм в ней осмеяны так же злостно и остроумно, как и крайности либерализма худого тона. Нельзя, в самом деле, обвинить автора в ретроградном образе мыслей только за то, что он не желает видеть в отъявленном негодяе страдающего меньшего брата, не желает согласиться с тем, что господь бог есть вид кислорода, не желает на брюхе лежать перед мужиком и в девицах-медичках желал бы найти больше внимания к их туалету. Обвинить уже потому нельзя, что... сам автор откровенно признает, что он — сторонник и суда присяжных, и мужика, который не пропивает урожая, и сторонник здравого русского веча» (ВЕ, 1906, № 7, с. 14—15). Интересно, что в 1930 г. в отзыве о плане издания художественной литературы М. Горький рекомендовал включить в план ст-ния Толстого «Сон Попова», «Историю государства Российского», «Поток-богатырь», заметив при этом, что «его „аристократический демократизм“ — не взвешен, а в названных произведениях он выразился особенно ярко» (М. Горький и советская печать. — «Архив А. М. Горького», М., 1964, т. 10, кн. 1, с. 82). А в 1935 г. в «Замечаниях к плану Детгиза» он же писал: «Полагал бы, что очень полезно включить в план и баллады А. Конст. Толстого „Поток-богатырь“, „Гакон ⟨Слепой⟩“, „Алешу ⟨Поповича⟩“ и т. д.» (там же, с. 385). *Поток* (Потык,

Потаня) — персонаж некоторых былин. *Гридни* — см. прим. 20. *Кимвал* — старинный музыкальный инструмент в виде двух медных тарелок или чаш. *Царьградские окна* — застекленные окна: до XIII в. Византия (Царьград) была центром стеклоделия. *Мостницы* — помост, возвышение. *На полтысячи лет засыпает.* Поскольку начало действия в ст-нии приходится на княжение Владимира Святославича (конец X — начало XI в.), то просыпается Поток в XVI в., во времена царствования Ивана Грозного. *Шеромыжник* — плут, попрошайка. По предположению В. И. Даля, слово произошло от франц. cher ami (дорогой друг) — обращения французских солдат, бежавших в 1812 г. из России, к русским крестьянам с просьбой о помощи. Таким образом, употребление этого слова в эпоху Грозного является анахронизмом Толстого. *Тулумбасы* — старинный музыкальный инструмент, род литавр. *Писание* — см. прим. 114. *Лет на триста еще засыпает* — т. е. до середины XIX в. *На другой на реке* — на Неве. *Со присяжными суд.* Суд с участием специальной коллегии заседателей, дававших присягу следовать своей совести при вынесении решения о виновности или невиновности обвиняемого, в России введен судебной реформой 1864 г. *В триста кун заплатил бы он виру.* Куна (куница) — денежная единица в древности, когда меха использовались как деньги; вира — штраф за убийство свободного человека по древнерусскому праву. *Общее... дело* — в публицистической терминологии тех лет это выражение обозначало, что борьба против самодержавия есть общее дело всех демократических кругов. Позже, в 1877 г., в Женеве стала выходить газета «Общее дело», стремившаяся объединить все оппозиционные силы и имевшая из-за этого очень расплывчатую программу. *Называют остзейским бароном.* Остзейские (прибалтийские) бароны — одна из наиболее реакционных групп российского дворянства. *Лысая гора* — в славянских сказках, былинах — место сбора всякой нечистой силы.

136. РВ, 1871, № 9, с. 218. Автограф — ПД, в письме к К. К. Павловой от 11 июля 1871 г. под загл. «Илья-богатырь». 11 июля 1871 г. Толстой писал жене: «Вчера я перечел m-me Павловой «Илью» и «Сватовство». Она еще более была довольна, чем в первый раз, и уверяет, что я сделал большой шаг вперед» (изд. Маркса, IV, с. 154). 2 сентября 1871 г. ст-ние было отослано М. М. Стасюлевичу вместе с №№ 138 и 139 и было им отвергнуто (см. прим. 139), после чего передано в РВ М. Н. Каткова. Во второй половине ст-ния (после строфы 8) отразились отношения Толстого ко двору. Первая же написана в соответствии с русскими былинами о ссоре Ильи Муромца с Владимиром, и, поскольку главной для Толстого была вторая половина, в первой конфликт дан упрощенно: все сведено к тому, что Илью обнесли чарой на княжеском пиру, что на первое место при князе выдвинулись молодые придворные богатыри. По наблюдению Б. А. Садовского, Толстой для этого ст-ния заимствовал метрический рисунок ст-ния А. А. Фета «Легенда» (Садовской Б., Ледоход, Пг., 1916, с. 58—59); содержание же этих двух ст-ний не имеет ничего общего. Критика одобрительно встретила «Илью Муромца»: ст-ние, писал В. Марков, «может служить удачным образцом исторических баллад, где свобода творчества соединяется с верным воспроизведением духа старины; это не из тех рифмованных переложений былинного стиха... мало полезных и представляющих большею частью неловкий пересказ подлинника» («Литературная летопись». — СПВ, 1876, 22 мая). В «Очарованном страннике» Н. С. Лесков, характе-

ризуя одного из своих героев в подряснике, сравнил его с «дедушкой Ильей Муромцем» в прекрасной картине Верещагина и в поэме графа А. К. Толстого. Казалось, что ему бы не в ряске ходить, а сидеть бы ему на «чубаром» да ездить в лаптищах по лесу и лениво нюхать, как «смолой и земляникой пахнет темный бор» (Р мир, 1873, 15 октября). В 1880 г. на литературных чтениях в Благородном собрании Достоевский прочел «Илью Муромца»: «Когда Федор Михайлович читал финальные стихи поэмы... одушевление его, казалось, достигло высшей степени, потому что заключительные слова... были произнесены им с такою удивительною силою выражения в голосе, что иллюзия от истинно художественного чтения произошла полная... Публика остолбенела» (Александров М., Ф. М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 гг. — РС, 1892, № 5 с. 321—322). В. Я. Брюсов, сравнивая ст-ние К. Д. Бальмонта «Отшествие Муромца» со ст-нием Толстого, отдает все предпочтения «здравым и ясным» стихам последнего: «У Ал. Толстого — тот «дедушка Илья», какого знают былины; у К. Бальмонта — ...без права узурпировавший чужое имя» («К. Бальмонт. Третья статья. Злые чары и Жар-птица». — «Весы» 1907, № 10, с. 50). *От царьградских от курений.* Царьград — см. прим. 127. Через Царьград на Русь поступали восточные товары, в том числе благовонные курения. *Скриня* — сундук, ларь.

* 137. РВ, 1871, № 10, с. 593, под загл. «Баллада с тенденцией», с дополн. строфами, без строф 23—24, 40. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 257. Ст-ние было отослано Б. М. Маркевичу для РВ М. Н. Каткова 28 июня 1871 г., причем Толстой писал: «Я охотно отдам его Вам для «Р. В.», если сначала будет напечатана «Песня о Потоке»... Я предпочитаю, чтобы Катков, а не Стасюлевич печатал эти вещи, потому что они более подходят к направлению этого журнала» (Лирондель, вклейка). Понимая злободневность своего ст-ния, Толстой 17 ноября 1871 г. просил Маркевича: «Скажите мне, какое впечатление произвела моя «Баллада с тенденцией» и все ругательства, которыми я ей обязан» (изд. Маркса, IV, с. 238). Но отзывов почти не было. Только А. П. Чебышев-Дмитриев неодобрительно отозвался о ст-нии за его тенденциозность («Журналистика и библиография». — «Голос», 1871, 2 декабря). В. П. Буренин напечатал на него пародию — «Баллада с полицейской тенденцией. Стихотворение генерала Алексея Толстого» («Искра», 1872, № 8, с. 120—121), а в «Дневнике провинциала в Петербурге» Салтыкова-Щедрина на рауте у председателя общества благих начинаний, отставного генерала Проходимцева, участники которого — «отставные провиантские чиновники, заявившие о необыкновенном усердии во время севастопольской кампании» (читай — казнокрады и спекулянты), читают «Балладу с тенденцией» и с восторгом принимают ее: «Прекрасно! Не в бровь, а прямо в глаз!», «Вот, наконец, настоящая-то сатира!», «Вот это я называю сатирой! Это отпор! Это настоящий, заправский отпор!» — таковы реплики участников раута (Салтыков-Щедрин, Собр. соч. в 20-ти т., М., 1970, т. 10, с. 314). Исследователи давно установили, что ст-ние имеет своим отправным пунктом предисловие Г. Гейне к французскому изданию сборника его статей «Лютеция» (Париж, 1856): из него Толстой взял и почти буквально повторил некоторые обороты и образы, как и всегда переделав их на русский лад (см.. Жинкин Н. П., А. К. Толстой и Г. Гейне.— В кн.: «Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова», Л., 1934,

с. 435). Так, в предисловии Гейне говорилось: «...грубыми руками беспощадно разобьют они все мраморные статуи красоты...; они опустошат мои лавровые рощи и посадят там картофель; лилии... будут вырваны... розы, эти праздные невесты соловья, подвергнутся такой же участи; соловьи, эти бесполезные певцы, будут изгнаны» (Гейне Г., Собр. соч. в 10-ти т., М., 1958, т. 8, с. 12). *Вертоград* — сад. *Два лада* — двое влюбленных. *Мурмолка* — см. прим. 92. *Червленый* — см. прим. 128. *Корзно* — см. прим. 130. *Понява* — одежда замужних женщин, род юбки, сшитой из трех полотнищ. *Лепо* — хорошо, красиво. *Медвежина* — кустарник, крушина ломкая. *Говяда* — скот. *Рафаил* — Рафаэль. *Форум* — центральная площадь в Риме, место массовых собраний. *In verba вожакорум* — словами вожаков; словообразование Толстого: к русскому слову «вожак» он присоединил латинское окончание родительного падежа множ. числа (-orum). *Повесить Станислава.* «Станислав», один из младших орденов в царской России, до 1855 г. давал право на потомственное дворянство. Этим «советом» Толстой как бы предугадал жизненный путь двух известных журналистов, печатавшихся в С: в молодости критик М. А. Антонович и публицист Ю. Г. Жуковский резко выступали с левых позиций, а позже, перейдя на государственную службу, дослужились до действительных статских советников, т. е. генералов. *Казне ж весьма доходно.* В дореволюционной России награжденные орденом вносили в казну определенную сумму.

138. РВ, 1871, № 9, с. 220. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 322. Вместе со ст-ниями № 136 и 139, было отослано М. М. Стасюлевичу в сентябре 1871 г. и тогда же возвращено им автору (см. прим. 139), после чего Толстой передал его в РВ. Б. М. Маркевич, познакомившись со ст-нием, видимо, отозвался о нем отрицательно, на что Толстой возразил 3 октября 1871 г.: «Вы находите, что «Сватовство» плохо? Может быть, но вообще оно имеет большой успех, и все, кому я его читал в России, как и в Германии, находят в нем большую удаль и откровенную веселость, так что Каролина ⟨Павлова⟩ начала переводить его по-немецки и обещает ему отличный прием» (изд. Маркса, IV, с. 237). Вместе с тем, Толстой колебался в оценке ст-ния. Так, 31 декабря 1871 г. в письме Маркевичу он заметил, что это ст-ние — «одно из наименее удачных моих вещей» (СС-64, IV, с. 390), о том же — в письме к А. М. Жемчужникову от 3 апреля 1872 г.: «А я очень рад, что тебе понравилось «Сватовство», в котором я до того сомневался, что готов был его уничтожить и читал его жене в Красном Рогу с боязнию. Оно отлично переведено по-немецки и немцам нравится» (там же, с. 401). Но еще раньше Толстой нашел нужным поспорить с А. Жемчужниковым по поводу замечаний последнего о языке ст-ния. 28 февраля 1872 г. поэт писал ему: «Ты сообщаешь мне два замечания, а именно: 1-е — якобы в смысле «веет» нельзя сказать: «пашет», а только «пахну́ло»; 2-е — якобы о двух человеках нельзя сказать, что они приехали сам-друг, а только о каждом из них порознь... даю тебе мое благородное слово... что существует два неокончательных глагола «паха́ть», из которых один значит бороздить землю оралом, а другой «сильно веять». Выражения: «пашет сеном, пашет дымом, пашет весной, пашет черемухой» — такие обыкновенные, что ты их каждый день можешь слышать из уст любого мужика... То же самое... и в отношении «сам-друг», сказанного о двух человеках; слово «вместе»... значит совсем не то же самое». И далее Толстой разъясняет, что, если двое

приехали вместе, это не исключает возможности, что с ними ехали и другие, а если приехали «сам-друг», то, значит, ехали только двое, никого больше не было рядом (СС-64, IV, с. 392—393). По воспоминаниям В. А. Рождественского, эту балладу высоко ценил С. Есенин: «Есть такая штучка у Толстого, «Сватовство»... Так я за эту штучку сердце отдам!» (Есенин С., Отчее слово, М., 1968, с. 47). Своеобразным переложением баллады Толстого можно считать былину М. С. Крюковой «Странники пришли ко князю Владимиру» (см.: Иванова Т., А. К. Толстой и русский Север. — «Север», 1974, № 5, с. 126). По словам М. С. Крюковой, она «переняла былину от приходящего мужика... Так вроде ссыльного или студента» («Былины М. С. Крюковой», М., 1939, т. 1, с. 614—622, 716). *Мочка* — пучок льна или конопли. *Кут* — угол. *Кокоры* — дерево, вырванное с корнем из земли, коряга, затонувшая в воде. *Брыньские стрелки.* В дремучих лесах вдоль реки Брыни (ныне в Калужской обл.) охотники промышляли много зверя и птицы. *Дром* — дремучий лес. *Чурило Пленкович, Дюк Степаныч* — персонажи русских былин. *Корсунская накидка* — парчовая накидка из г. Корсуня (см. прим. 130). *Коты* — род мужской обуви, надеваются поверх сапог. *Аксамит* — бархат. *Бёрца* — голень. *Обор* — завязка у лаптей или иной обуви. *Золотной* — златотканый. *Крыжатые мечи* — мечи с крестообразной рукоятью. *Зане* — потому что. *Оцеп* — длинный шест.

*** 139.** «Гражданин», 1872, 10 января, с. 46. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 209. В ст. 19 по первой публикации в текст внесено исправление: «взошла» вместо «вошла». Отсылая ст-ние, вместе со ст-ниями № 136 и 138, М. М. Стасюлевичу, Толстой писал 2 сентября 1871 г.: «В стихотворении «Алеша Попович» я обозначил синим карандашом шесть строф, которые предоставляю Вам сохранить или выпустить по Вашему усмотрению» (Стасюлевич, с. 354). Этот автограф неизвестен. В письме Б. М. Маркевичу Толстой привел полный текст ст-ния — письмо это сейчас также неизвестно, но его видел Лирондель, что позволило ему выявить 9 строф, две из которых были изменены в печатном тексте, а семь — отсутствуют в нем (см.: Лирондель, с. 633—634). Стасюлевич отказался печатать все три ст-ния в ВЕ, на что Толстой ответил ему 14 сентября 1871 г.: «Так как Вы возвращаете мне не одного «Поповича», но и две другие пиесы, то мне представляется, что Вы в Вашем письме из деликатности чего-то недосказали», и далее высказал предположение, что отказ Стасюлевича связан с опубликованием «Потока-богатыря» (СС-64, IV, с. 373—374). Ответ Стасюлевича неизвестен, но конфликт был улажен, и 1 октября Толстой отослал в ВЕ ст-ния № 108 и 109 (см. прим. к ним). После этого все три ст-ния были направлены Маркевичу для передачи в РВ М. Н. Каткова, причем 3 октября 1871 г. Маркевичу было дано указание: «...вымарывайте все, что касается нигилистов и лягушек в „Алеше Поповиче“» (ПД). Катков напечатал «Илью Муромца» и «Сватовство», но решительно отверг «Алешу Поповича» как ст-ние «безнравственное», о чем написал Маркевичу: «...всячески убеждаю и умоляю его (Толстого) придержать это стихотворение. Или я ничего не смыслю, или это самая неудачная пиеса из всего им написанного и совершенно недостойна его музы... Добрый молодец привел душу-девицу и не отпускает ее, пока она не «сдастся» ему, а по миновании надобности он ее отпустит, как в подобных случаях бывает... Приведенное к простому выражению, это было бы гадко, но в вычурных прикрасах, раздушенное, идеа-

лизированное, возвышенное к апофеозу, это становится гаже и возмутительнее» (ГБЛ). Маркевич сообщил это мнение Толстому, на что последний ответил, что не понимает, чем «Алеша Попович» «безнравственнее «Петера и Бендера» Гейне, «Коринфской невесты», некоторых стихотворений Полонского и почти всех — Щербины. Другое дело — Ваше весьма справедливое замечание, что строфы, выражающие тенденцию, не вяжутся с общим фоном». Но далее Толстой шутливо замечает, что, насколько ему удалось выяснить, ничего безнравственного не произошло: «Попович и девица, проплыв 25 минут на лодке, сошли на берег в деревне по названию Папсуевка... где их и повенчал добрый священник отец Герасим Помдамурский» (СС-64, IV, с. 379—380). После этого Толстой передал ст-ние в «Гражданин» В. П. Мещерского. 7 мая 1875 г. Толстой отослал сделанный К. К. Павловой перевод «Алеши Поповича» на немецкий язык К. Сайн-Витгенштейн в надежде, что Ф. Лист положит его на музыку. Адресат ответила: «Лист, вероятно, для этой баллады ничего не сочинит — это не в его духе», и объяснила: «Одно из затруднений написать музыку на Вашу балладу «Алеша Попович» составляет быстрое изменение и разнообразие сюжетов в его песне. Музыка не может догнать поэта... Мне даже кажется, что «Алеша Попович» почти потеряет в музыкальном сочинении» (ВЕ, 1906, № 1, с. 169—170). *Аир, купырь* — болотные растения. *Червленый* — см. прим. 123. *Летник* — летняя женская одежда в древней Руси. *Очеретянки* — очерет, т. е. камыш, тростник. *Купавки, певники, погремок, пестрец, шильник, болотная заря* — болотные растения.

* 140. РВ, 1873, № 1, с. 84, с дополн. строфами и без строф 36, 47. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 308. Подбирая себе сюжет для новой драмы, Толстой обратил внимание на былину о «Садко»: «„Садко" меня очень притягивает, — писал он Б. М. Маркевичу 21 декабря 1870 г., — но это сюжет более для балета, чем для драмы» (изд. Маркса, IV, с. 233). Однако тема не забылась, и почти через год, 17 ноября 1871 г., Толстой сообщил тому же адресату: «Я теперь в Берлине пишу другую балладу... которая называется «Садко». Это только картина, картина действия, с новгородским колоритом и некоторой распущенностью выражений, всунутой в очень строгие рамки. Контраст этот мне нравится, и мне кажется, что будет хорошо» (там же, с. 238—239). Видимо, в начале 1872 г. первая редакция баллады была написана (текст ее неизвестен), но она не удовлетворила Толстого: «Я пришлю тебе балладу «Садко» совсем переделанною, — писал он жене 28 марта 1872 г. — Она мне кажется хорошей тем, что она очень наивна. Первая версия была эпическая и потому гораздо ниже народного сказания. Эта версия лирико-драматическая. У нее нет претензии на рассказ — она только Situationsbild [1] — и передает только Stimmung. [2] Пусть тебе ее прочтут, и скажи мне, нравится ли она тебе» (СС-64, IV, с. 398). 3 апреля баллада была отослана А. М. Жемчужникову: «Посылаю тебе переделанную балладу «Садко», которую прошу тебя прочесть моей жене... тут тайны нет, а есть только картинка, так сказать, несколько аккордов. Кажется, теперь лучше, потому что нет рассказа, а стало быть, нет бесполезного и опасного соревнования с былиной, которая будет всегда выше переделки... Я ее в Венеции, было, размазал, и жаль

---

[1] Картинка, ситуация (нем.).

[2] Настроение (нем.).

было выкинуть много строф с новгородским местным цветом, а я все-таки их выкинул» (там же, с. 401). Судя по расчетам, приведенным Толстым в письме к жене от 28 марта, из баллады было вычеркнуто 48 строк (там же, с. 398). Сам Толстой считал ст-ние «очень удавшейся вещью» (там же, с. 407), однако, например, В. В. Стасов увидел в «Садко» «плохую балладу... неуклюжую, угловатую и шершавую, по-всегдашнему полную модернизации» («Прискорбные эстетики («Садко»)». — НВ, 1877, 8 января). *Софийские подвалы.* Софийский собор, заложенный Владимиром Ярославичем в 1045—1050 гг., выдающийся памятник древнерусской архитектуры в Новгороде. В подвалах Софии хранились городская казна и купеческие товары. *Овин* — помещение для сушки снопов перед обмолотом. *Медуница* — травянистое растение с душистыми цветками. *Обáпол* — вокруг. *Потылица* — затылок. *Вящие все уличане* — наиболее знатные жители улицы. *Венецейский* — из Венеции. *Степенный посадник* — выборный правитель Новгорода, занимающий эту должность в данное время; уйдя с этого поста, он продолжал называться посадником с прибавлением слова «старый». *Тысяцкий* — помощник посадника, ведающий войском. *Кончанские старосты* — древний Новгород делился на пять районов — «концов», во главе которых стояли старосты. *Чудская Емь* — финское племя, жившее на побережье Финского залива. *Балты* — общее название балтийских славян.

141. ВЕ, 1873, № 3, с. 249, с подзаг. «Легенда». Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 247. Посылая М. М. Стасюлевичу «Канута», Толстой писал 3 января 1873 г.: «Это незаконнорожденный плод моего блуда с Саксоном Грамматиком. К сожалению, я не отыскал в здешней библиотеке (во Флоренции) ни Адама Бременского, ни Дальмана. В истории Дании сего последнего говорится о сне княгини Ингеборн, жены Канута и дочери нашего Мономаха;[1] а Saxo Grammaticus хотя и приводит предостережение княгини, но умалчивает о сне, так что я более написал балладу на память. Это не эпический рассказ, а только eine Stimmung,[2] как говорят немцы» (Стасюлевич, с. 364). И. Г. Ямпольский приводит пересказ летописных легенд о гибели Канута, т. е. Кнуда Лаварда, изложенный в упоминавшейся выше «Истории Дании» Ф. Дальмана: «...распространилась весть, что Магнус хочет отправиться ко гробу господню и что перед этим в Зееланде состоится съезд всех членов семьи. Кнуд также был приглашен... поселился поблизости... Магнус посылает туда одного из своих сообщников... чтобы он пригласил Кнуда в соседний лес для беседы без свидетелей. Доверчиво, в сопровождении лишь двух рыцарей... и двух оруженосцев, едет герцог в лес, едва опоясав себя мечом — и то после напоминания. Тогда совесть стала мучить посланца. Это был сакс, по профессии певец, звали его Зивард. Он охотно предостерег бы Кнуда, но не нарушая клятвы, и... он запел о вероломстве прекрасной Кримгильды... Но это не подействовало. Ведь даже письмо оставшейся в Шлезвиге жены... о неблагоприятных приметах, сулящих ему опасность, не смогло поколебать веру в уже нарушенную верность» (Бп-37, с. 755). Далее Ямпольский указывает, что Дальман не упоминает о вещем сне жены Кнуда и

---

[1] Не дочери, а внучки: отцом ее был сын Владимира Мономаха Мстислав.

[2] Настроение (нем.).

решительно отвергает версию о том, что ее предостерегающее письмо пришло из России, поскольку она в это время жила в Шлезвиге (там же, с. 756). Тургенев одобрительно отозвался о ст-нии (см. изд. Маркса, IV, с. 172), а в письме Я. П. Полонскому он писал: «„Канут" графа А. Толстого действительно красивая вещь — едва ли не лучшая изо всего, что он написал» (Тургенев И. С., Полн. собр. соч. и писем. Письма, М.—Л., 1965, т. 10, с. 83). *Помин* — подарок. *Грамота... харатейная* — написанная на пергаменте. *Роскильда* — см. прим. 132. *Багрец* — темно-красный. *Шлык* — шапка с коническим верхом. *Бармы* — см. прим. 123. *Очёлок* — лобовой щиток на голове лошади.

142. ВЕ, 1873, № 5, с. 158. Закончив ст-ние, Толстой, проезжая через Дрезден, передал его К. К. Павловой для перевода: «...она в два дня уже перевела семь строф — великолепно, — писал Толстой К. Сайн-Витгенштейн 26 мая 1873 г., — как только перевод будет готов, она пошлет один экземпляр Листу» (СС-64, IV, с. 411—412). Пересылка задержалась почти на два года, и 17 февраля 1875 г. Толстой писал тому же адресату: «Я очень счастлив, что могу Вам послать «Слепого» в переводе г-жи Павловой; я сперва было отослал его ей обратно — в припадке кокетства, так как я его не нашел довольно хорошим, т. е. довольно достойным ее. С моей стороны это было Hochmut,[1] так как перевод недурен и иные строфы, первые, переведены великолепно... Я не нахожу слов, чтобы благодарить Листа за его желание употребить свой гений для изложения песни моего сердца, и честь, которую он хочет мне сделать, наполняет меня гордостью и радостью» (там же, с. 437). Упоминание Ф. Листа в этих письмах связано с тем, что он давно выразил желание написать музыку на слова Толстого, но присланный ему текст «Алеши Поповича» его не удовлетворил (см. прим. 139). Между тем посылка вновь задержалась, и только 28 мая 1875 г. Толстой известил своего адресата, что третьего дня отослал ей черновик перевода К. К. Павловой. В этом же письме Толстой возразил против предложенного К. Сайн-Витгенштейн немецкого загл. баллады «Sängers Segen» («Благословение певца»): «Откровенно говоря, я не хотел бы этого заглавия, потому что оно отняло бы у баллады ее самостоятельный характер и сделало бы из нее, в некотором роде, un pendant[2] или ответ на стихотворение Уланда «Sängers Fluch».[3] Мне кажется, что «Der Blinde» или «Der blinde Sänger»[4] подходит лучше и не содержит никакого полемического намерения» (СС-64, IV, с. 447). К. Сайн-Витгенштейн ответила Толстому 20 мая 1875 г.: «Меланхолия — не его ⟨Листа⟩ дело, если она не возвышена, как в «Слепом», высокой силой искусства... а в «Слепом»... образы гораздо шире (чем в «Алеше Поповиче». — *Е. П.*), занимая больший кругозор... к тому же сюжет разнообразен и легче поддается музыкальным выражениям» (ВЕ, 1906, № 1, с. 169—170). Ф. Лист действительно написал музыку к этому ст-нию, названному «Der Blinde». *Гридни* — см. прим. 20. *Полеванье* — охота. *Брашна* — кушанья, яства. *Рушать* — резать, делить. *Братина* — деревянный или

---

[1] Высокомерие (нем.).
[2] Параллель (франц.).
[3] «Проклятие певца» (нем.).
[4] «Слепой» или «Слепой певец» (нем.).

металлический сосуд, из которого ковшом наливают в чаши. *Градоимцы* — захватывающие города. *Хламида* — см. прим. 128. *Порскать* — натравливать криком гончих на зверя.

3. ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ В СТИХАХ

* **143.** РБ, 1858, кн. 9, с. 83, без разделения на главки. Печ. по С-67, с. 195. Автограф, близкий к журнальной ред., — ГБЛ. Прочитав «Грешницу» и «Иоанна Дамаскина», И. С. Аксаков высказал, видимо, какие-то замечания, на что Толстой ответил 31 декабря 1858 г.: «Не только не обижаюсь, но от души благодарю Вас за откровенное суждение об «Иоанне» и «Грешнице». Одно мне гадко, что Вы меня сравниваете с самым пакостным изо всех живописцев итальянской школы, Carlo Dolci. Я ненавижу этого лизуна, писавшего более языком, чем кистью, и, по чести, не нахожу в себе ни малейшего с них сходства. Признаюсь, что, когда я писал «Грешницу», передо мной носился отчасти Paolo Veronese... То, что Вы говорите об академисме, кажется мне более справедливым, а что я сделал un charmant Jésus,[1] в этом, воля Ваша, не признаюсь» (СС-64, IV, с. 101—102). При жизни Толстого поэма пользовалась широкой популярностью, хотя отзывов о ней в печати почти не было. Но после смерти Толстого Н. М. Соколов резко отозвался о ней: «...в высшей степени удивителен тот факт, что профессиональная критика ни разу не захотела справиться, насколько событие, в ней ⟨в поэме⟩ рассказанное, согласно с данными истории. Дело в том, что вся фабула поэмы от начала и до конца с точки зрения истории в высшей степени невероятна. В действительности и не было и не могло быть ничего подобного... Мало того, что блудница Толстого сидит среди почетных гостей на почетном месте... она стоит выше мужей и старцев, рядом с ней осушающих чашу, она не боится ничьей власти, она имеет свое «учение»... С исторической точки зрения все это просто смешно... Истории в поэме нет; у евреев не было таких блудниц; подробности обстановки события — продукт одного воображения поэта». И автор заканчивает разбор поэмы утверждением: «Поэт разрешил трудную задачу популяризации красоты в массе; его поэма — клад для издателей иллюстрированных журналов, лучшее упражнение в декламации на клубных и иных сценах» (Соколов Н. М., Иллюзии поэтического творчества. Эпос и лирика гр. А. К. Толстого, Спб., 1890, с. 89, 91, 101). В последнем критик не ошибся: широкой известностью пользовалась картина Семирадского «Грешница» по мотивам поэмы Толстого; в рассказах Чехова не раз встречаются упоминания о декламации «Грешницы» на различных любительских концертах и вечерах. А П. И. Чайковский записал в дневнике 28 февраля 1886 г.: «...за чаем вздумал читать Алексея Толстого, и его «Дамаскин» и «Грешница» заставили меня неожиданно пролить много слез» (Чайковский М., Жизнь Петра Ильича Чайковского, М.—Лейпциг, [1902], т. 3, с. 95—96). *Кимвал* — см. прим. 135. *Пилат* — см. прим. 117. *Законы Моисея* — законы иудейской религии, по легенде, данные евреям их мифическим вождем Моисеем. *По онпол Иордана* — по противоположному берегу реки Иордан в Палестине. *Йегова* — одно из имен бога в Ветхом завете.

---

[1] Прелестного Христа (франц.).

Фиал — кубок. *Иоанн*-евангелист — один из двенадцати апостолов. *Хитон* — одежда типа подпоясанной рубашки без рукавов.

* 144. РБ, 1859, кн. 13, с. 5; отд. изд. «Преподобный Иоанн Дамаскин», М., 1866. Печ. по С-67, с. 203. Авториз. список ранней ред. — ПД, арх. Петровских, в письме И. С. Аксакову от 27 ноября 1858 г.; список рукой Н. С. Лескова — ЦГАЛИ. Источник поэмы указан самим автором. Послав Б. М. Маркевичу поэму и получив, видимо, какие-то критические замечания от него, Толстой писал ему 4 февраля 1859 г.: «Те, кто говорит, что для своей песни он (Дамаскин) должен был бы взять иной мотив, нежели тот, какой он взял, просто не читали его жизни. Пусть они откроют «Четьи-Минеи» — они увидят, что все было точно так, как я описал. Если бы я написал иначе, я бы отступил от предания. Они также увидят, что речь богородицы была длиннее, чем сделано у меня». Возразив далее на упрек Тургенева в «хромых рифмах» и развив свое понимание рифмы в русской поэзии, Толстой продолжал: «Что же касается самой поэмы, то, как мне кажется, она могла бы с большим основанием вызвать справедливые нападки в других отношениях. Начало, например, представляется мне пресным и скучным, глава, написанная гекзаметрами, не вяжется с остальными» (СС-64, IV, с. 107, 108). Действительно, легенда о св. Иоанне Дамаскине изложена в «Четиях-Минеях» Дмитрия Ростовского под 4 декабря; именно к ней восходит замысел произведения и даже некоторые выражения (сопоставления см.: Бп-37, с. 770—771). Поэма была отослана И. С. Аксакову для РБ 27 ноября 1858 г. Предчувствуя возможность цензурного вмешательства, Толстой просил адресата напомнить цензору, что список поэмы он одновременно посылает императрице, которая уже знакома с ее содержанием (см. СС-64, IV, с. 97). С этой же целью Толстой намеревался дать в качестве эпилога к поэме ст-ние, посвященное императрице, но Н. М. Жемчужников высказал опасение, что это может быть превратно истолковано читателями. В ответном письме от 19 января 1859 г. Толстой не согласился с этим (см. прим. 93, 94), но поэма была напечатана без такого эпилога. Однако император Александр II поручил шефу жандармов В. А. Долгорукому обратить внимание цензуры на поэму, и выпуск журнала, под предлогом, что поэма не прошла специальной духовной цензуры, был задержан. В ответ И. Аксаков переслал корректурные листы поэмы министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому, в ведении которого находилась цензура, и министр, считая, что запрет поэмы будет оскорблением императрицы, дал о поэме положительный отзыв: «Не вижу причины, по которой следовало бы запретить это прекрасное стихотворение. Некоторые строфы, может быть двусмысленные, теряются в целом» (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 4734, л. 2; см. также: Долгорукий П. В., Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867, М., 1934, с. 178). Современники восприняли поэму как отражение личного стремления Толстого избавиться от придворной службы и связанных с нею обязанностей, чтобы остаться только поэтом, художником. Н. С. Лесков прямо сказал И. А. Шляпкину: «В Иоанне Дамаскине поэт изобразил самого себя» («К биографии Н. С. Лескова. Из дневника И. А. Шляпкина». — РС, 1895, № 12, с. 112). Но основной смысл поэмы воспринимался и более широко, как вообще борьба за свободу слова. Своеобразно выразил эту точку зрения А. Н. Майков:

Вот «Иоанн Дамаскин» Алексея Толстого: за автора больно —
Сколько погублено красок и черт вдохновенных задаром.
Свел житие он на что? На протест за «свободное слово»
Против цензуры, и вышел памфлет вместо чудной легенды.

(Сухомлинов М. И., Особенности творчества А. Н. Майкова, объясненные им самим. — РС, 1899, № 3, с. 493). Об этом же позже писал и Н. М. Петровский («Идея поэмы «Иоанн Дамаскин» гр. А. К. Толстого». — «Сборник статей в честь Д. А. Корсакова», Казань, 1913, с. 308—322). 1. *Калиф* (халиф) — духовный и светский глава в мусульманских государствах. Иоанн Дамаскин был первым министром дамасского халифа Абдал-Мелеха (VII в.). *Противу ереси безумной.* В журнальной ред. далее шли слова: «Что на иконы поднялась», т. е. имелось в виду движение иконоборцев (см. прим. 104). Исправление «икон» на «искусство» в С-67 изменило религиозный смысл выступлений Дамаскина, выдвинув на первый план защиту им права певца на свободное творчество. *Порфира* — пурпурная мантия, символ высшей власти. 3. *В утесах рытые пещеры.* Дамаскин нашел приют в небогатом монастыре Саввы Освещенного в Кедронской долине (Палестина). *Сарацины* — в средние века общее название арабов. 4. *Чернorизец* — монах. *Псалмы* — религиозные песни. 6. *Твердь* — здесь: небо. *Багрец* — здесь: нарядная придворная одежда. *Юдоль* — здесь: жизнь с ее заботами, мир горя. 8. *Тропарь* — молитвенное песнопение. Дамаскин написал тропарь «Какая сладость в жизни сей...», погребальный гимн на смерть одного из иноков. Этот тропарь и поныне поется при погребении. 10. *Епитимья* — церковное наказание. 12. *Хвалит в песнях Иоанн.* За свои гимны Дамаскин был прозван Златоструйным. Им созданы 64 канона, его октоих (восьмигласник) исполняется в христианской церкви. На текст поэмы С. И. Танеев написал кантату для солиста, хора и оркестра. П. И. Чайковским положены на музыку четыре первые четверостишия главы 2 (романс «Благословляю вас, леса...»).

145. С-67, с. 389. Набросок продолжения поэмы — ПД, арх. Т., зап. кн. 2. 1. *Раймунд Lullius (Луллий,* 1235—1315) — испанский поэт и философ, много путешествовал по арабскому миру, убит мусульманами. В XIX в. папа Пий IX причислил Луллия к лику святых. *Сенескалк* (сенешал) — глава административно-судебного округа. *Литургия* — христианское богослужение, сопровождаемое пением и музыкой. *Веси* — селения. *Ятаган* — кинжал с кривым лезвием у восточных народов. *Епанча* — старинная верхняя одежда в виде длинного и широкого плаща. *Крест... Калатравы* — знак испанского духовно-рыцарского ордена Калатравы, основанного в 1158 г. в Кастилии. 3. *Соломонова печать* — кольцо-печать легендарного иудейского царя Соломона, якобы обладающее волшебной силой. *Трисмегиста... камень.* По египетским преданиям, Гермес — Трисмегист (трижды великий Гермес), создав азбуку, некоторые свои поучения вырезал на каменных столбах. Собранные позже в книгах, они стали «теоретической» основой для алхимиков в их поисках превращения простых металлов в золото и т. п. *Микрокосм* — мир малых величин; здесь — внутренний мир человека, вмещающий в себя картину вселенной. *Кампанья* — область в Италии, на юго-западе Апеннинского полуострова.

146. ВЕ, 1874, № 1, с. 50, без подзаг. и строф 11—12. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 133. 21 марта 1873 г. Толстой писал М. М. Стасюле-

вичу: «Я... надеялся кончить начатую мною вещь и прислать ее Вам... но она затянулась и перевалилась за 500 стихов» (Стасюлевич, с. 367). Так как Толстой заболел, он вынужден был прекратить всякую работу и только 26 мая 1873 г. сообщил К. Сайн-Витгенштейн о некотором улучшении здоровья и своих планах: «Я думаю, что начну с того, что буду оканчивать маленькую поэму рифмованными октавами; я написал ее этой зимой во Флоренции... Сюжет немного идиллический. Это что-то вроде какой-то «Dichtung und Wahrheit»,[1] воспоминание детства, наполовину правдивое, любовь мальчика к картине» (СС-64, IV, с. 412). Однако поэма была выслана Стасюлевичу лишь 21 октября 1873 г.: «Если, паче чаяния, обращение к Вам в 26-й строфе Вам не по сердцу и найдете, что я призываю Ваше имя всуе, то не угодно ли будет Вам заменить этот стих следующим: «Да извинят читатели мне это». Если же вся 28-я строфа окажется неподходящею к Вашему направлению, то Вы могли бы опровергнуть ее в сноске» (Стасюлевич, с. 368). Толстой имел в виду ст. 2 строфы 28 и всю строфу 30. В журнале фамилия Стасюлевича была заменена на «С........ъ», а к строфе 30 никаких сносок сделано не было. 19 ноября 1873 г. Толстой послал Стасюлевичу просьбу сделать одно исправление: «...я очень прошу Вас последний стих 68-й строфы изменить так: вместо — «В июльский день и пр.» поставить — «В июльский зной над гречкою жужжать». Это безделица, но такого рода штрихи дают выпуклость картине» (там же, с. 369—370). Исправление было сделано (см. строфу 70). После выхода журнала Толстой писал тому же адресату: «Спешу поблагодарить Вас за сохранение, хотя и под вуалью, строф, заключающих в себе обращение к Вам. Вместе с тем, по принятой привычке, сообщаю Вам о некоторых опечатках, вкравшихся в эту пьесу, из которых, впрочем, только одна имеет некоторую важность». Приведя далее список из 9 опечаток (все они позже были исправлены в ПСС-76), Толстой вновь подчеркивает: «Все эти опечатки довольно незначительны, кроме находящейся в 39 строфе» (Стасюлевич, с. 370—371). Критик М. Вильде, похвалив изящество стиха и тонкую передачу детской психологии, неодобрительно отозвался о некоторых «эксцентрических» словах и выражениях («Литература и жизнь». — «Голос», 1874, 10 января, подпись: W.). Познакомившись с этим отзывом, Толстой заметил в письме Стасюлевичу от 30 января 1874 г.: «Некто W. обвиняет меня в незнании грамматики за то, что я сказал: движась вместо двигаясь. Сей невинный критик не знает, что есть два глагола: двигаться и движиться. Он же утверждает, что я позволил себе эту ошибку в угождение цесуре, а, как на беду, в этом-то стихе цесуры и нет. Он же находит противным грамматике стих: «Хотел хотеть иное, чем хотел». И вот такие господа поучают у нас авторов и публику. А придраться ко мне было можно, например, в стихе: «Не возбудить чье-либо подозренье» вместо чьего-либо или в стихе, где я употребил слово «развязанность» вместо „развязность“» (СС-64, IV, с. 420—421; обе ошибки исправлены в ПСС-76). Толстой не знал, видимо, что на последний промах указал и В. П. Буренин, назвавший содержание поэмы «анекдотцем», изложенным в «хромых и деревянных стихах, тщетно претендующих на легкость и юмор октав „Домика в Коломне“» («Журналистика». — СПВ, 1874, 12 января); отри-

[1] «Поэзия и правда» (нем.) — название книги Гёте.

цательный отзыв о поэме анонимного рецензента появился также в «Сыне отечества» (1874, 29 января). Это позволило Толстому написать К. Сайн-Витгенштейн 17 февраля 1875 г., что «Портрет» «имеет большой успех между литераторами-негазетчиками. Эти же последние, как всегда, забрызгали его пеной. Это своего рода знак уважения, который я принимаю с некоторой гордостью» (СС-64, IV, с. 438). Говоря о «литераторах», Толстой, видимо, имел в виду одобрение поэмы И. А. Гончаровым, Н. И. Костомаровым, К. Д. Кавелиным, Стасюлевичем, художником В. Е. Маковским (Кондратьев, с 80). В «Портрете» есть, как обычно у Толстого, стихи, перекликающиеся со стихами других поэтов: «Те дни, когда нам новы» и «В те дни, когда мне были новы» («Демон» Пушкина); «поклонник Канта» и «Поклонник Канта и поэт» («Евгений Онегин» Пушкина). Исследователи выявили особенно большое отражение в поэме и почти прямую цитацию повести А. Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» (см. Бп-37, с. 772). **3.** *Аничков мост* — мост в Петербурге через р. Фонтанку. **4.** *Вохра* — охра, краска желтого цвета. **7.** *Аракчеев* А. А. (1769—1834) — граф, временщик при Александре I. **13.** *Учителя ходили по билетам.* Приходящие учителя после каждого урока получали «билеты» — квитанции, по которым начислялась оплата. **15.** *Страбон* (ок. 63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) — древнегреческий географ и историк, автор труда «География» в 17 книгах. *Плиний* — видимо, Толстой имеет в виду Плиния Старшего (23—79 гг.) — древнеримского писателя и ученого, автора «Естественной истории» в 37 книгах. Его племянник — Плиний Младший (ок. 62— ок. 114) — был выдающимся писателем. **17.** *Пракситель* (IV в. до н. э.) — древнегреческий скульптор, создатель скульптуры «Эрот». **23.** *Маркиза юная... погибшая... на гильотине* — т. е. во время Французской буржуазной революции 1789—1794 гг. *Ломбр* (ломбер) — карточная игра. *Потемкинский бал* — на балах, даваемых богатейшим временщиком при Екатерине II Г. А. Потемкиным (1739—1791), собирался высший свет общества того времени. **26.** *Зане* — так как. **28.** *Да извинит мне Стасюлевич это.* Стасюлевич был решительным сторонником системы реального, а не классического образования (см. прим. 216, 223). **30.** *Реторты* — колбы. *Мой омоним* — здесь: однофамилец. Речь идет о министре народного просвещения Д. А. Толстом (1823—1889), насаждавшем систему классического образования. **38.** *Роброн* — широкое женское платье с округленным шлейфом. *Фижмы* — широкая юбка на пластинках из китового уса. **53.** *Вакштаф* — трубочный табак. **79.** *Хрущ* — майский жук.

147. ВЕ, 1875, № 10, с. 580, с подзаг.: «Рассказ XII-го века. С итальянского». Авториз. списки — ПД, арх. М. М. Стасюлевича; бумаги К. К. Павловой. 15 марта 1875 г. Толстой писал Б. М. Маркевичу: «Я немного начал писать и сейчас перевожу с итальянского старинное стихотворение в терцинах. Это довольно трудно, когда нет привычки, но я надеюсь довести это до конца» (СС-64, IV, с. 442). Сказав, что он переводит терцинами, Толстой и далее неоднократно повторял, что «Дракон» — это перевод, хотя 5 мая в письме К. Сайн-Витгенштейн написал: «Это «pastiche», [1] — якобы перевод с итальянского. Моя жена, у которой есть чутье к этим вещам и

[1] Подражание (франц.).

которая вообще очень строга ко мне, говорит, что это удалось». Пересказав далее сюжет поэмы, Толстой продолжал: «Все достоинство рассказа состоит в большом правдоподобии невозможного факта, которое моя жена, совершенно расходящаяся со мной в литературных взглядах, называет грандиозным. На мой вопрос, может ли это сойти за перевод поэмы, современной происшествию, моя жена ответила: да. Что касается меня, то мне оно нравится» (там же, с. 444—445). Этот вопрос, называть ли оригинальное произведение переводом с несуществующего подлинника, Толстой обсуждал с Тургеневым и Стасюлевичем. Последний вспоминал об этом в некрологе Толстого: «Пусть Анджело де Губернатис (известный профессор итальянской литературы во Флоренции и наш общий знакомый), — засмеялся весело Толстой, — поломает себе голову и пороется в старых изданиях, отыскивая оригинал. Однако автор все-таки нашел более удобным вычеркнуть слово перевод и оставил одно: «с итальянского», что в самом деле было почти верно: до такой степени поэт усвоил себе дантовскую манеру» (ВЕ, 1875, № 11, с. 438). Авториз. список поэмы был отослан Толстым из Карлсбада Стасюлевичу в Киссинген (курорт в Германии) около 15 июня, а 22 июня ему же было направлено письмо с просьбой «изменить первый стих 30-й строфы следующим образом: «Лишь тут снял шлем с усталой головы я». Шлем как-то проще, чем шелом». Далее Толстой высказал свои соображения о том, как печатать последний стих поэмы: «Терцинами писали в Италии и до Данта, но Дант первый стал заканчивать свои главы четвертым стихом, без которого или последняя строфа осталась бы без рифмы, или бы, по сложности и беспрерывности терцинной цепи, никогда нельзя было бы кончить... Я думаю, лучше выпустить последнюю цифру и примкнуть стих «Обычные там ведшей разговоры» к строфе 193-й... немного отступя» (СС-64, IV, с. 449). Но на этом работа над текстом не кончилась: «Экземпляр, посланный в Киссинген, не увидел печати, — вспоминал далее Стасюлевич. — Автор, возвратившись в Красный Рог, снова пересмотрел весь текст и переработал его... Через месяц было получено письмо от Толстого с просьбой истребить карлсбадскую рукопись; взамен ее была выслана из деревни новая, подписанная автором, но переписанная не им» (ВЕ, 1875, № 11, с. 438). Письмо это от 19 августа 1875 г. сохранилось в архиве ВЕ, в нем, в частности, автор просит «уничтожить первый, неудовлетворительный список» (Стасюлевич, с. 375). Видимо, это было исполнено: ранняя ред. поэмы остается неизвестной. На втором же списке имеется надпись Толстого: «Этот список окончательно исправлен для печати. Имеющийся у М. М. Стасюлевича не удовлетворителен». Номер журнала с «Драконом» вышел в свет уже после смерти Толстого (см.: СС-64, IV, с. 446). В целом критика довольно единодушно высоко оценила поэму, хотя и нельзя не отметить, что эта оценка в какой-то мере была вызвана недавней смертью поэта. Так, Тургенев, ценивший Толстого-человека и равнодушный к Толстому-поэту, писал в своем письме-некрологе: Толстой «был создателем нового у нас литературного рода — исторической баллады, легенды; на этом поприще он не имеет соперников — и в последней из них, помещенной в октябрьском № «Вестника Европы»... — он достигает почти дантовской образности и силы» (Тургенев И. С., Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т., М.—Л., 1967, т. 14, с. 225). И в то же время в личных письмах Тургенев высказывался гораздо более сдержанно. Так, он писал Я. П. Полонскому 13 октября 1875 г.: «В его

«Драконе»... есть отличные стихи» и П. В. Анненкову 25 октября 1875 г.: «Я не нахожу, как Вы, что «Дракон» нелеп; там есть отличные описания». Несколько позже, в рецензии на ПСС-76, В. В. Марков заметил, что «Дракон» «написан превосходными дантовскими терцинами» («Литературная летопись». — СПВ, 1876, 22 мая). Как обычно, отрицательно отозвался о поэме анонимный рецензент НВ: «„Дракон" внушен подражанием Данту и не имеет никакого другого смысла... Если хорошенько вникнуть в «Дракона», то мы увидим и тут обычную искусственность стихотворной формы, неточность образов, а главное — отсутствие мысли, увидим одно баловство рифмами» (1876, 8 июля). *Полонский* Я. П. (1819—1898) — поэт, близкий знакомый Толстого. **13.** *Монца* — город в области Ломбардия. **14.** *Гибеллины* — политическая группировка сторонников немецких императоров так называемой Священной римской империи в Италии XII—XV вв., боровшаяся против гвельфов. **15.** *Кондотьер* — предводитель наемных отрядов в Италии. *Лугано* — город в Ломбардских Альпах, на берегу одноименного озера. **17.** *Кьявенна* — город в Ломбардии, на реке Мера. **31.** *Скрин* — скрыня, сундук. **40.** *Ясмин* — жасмин. **67.** *Гвельфы* — политическая группировка сторонников римских пап в Италии XII—XV вв., боровшаяся против гибеллинов. *Имперцы* — сторонники императоров. **108.** *Ендова* — в древней Руси — большая широкая чаша для вина. **141.** *Нетопырь* — один из видов летучих мышей. **155.** *Италия германцу отперта.* В середине XII в. войска германского императора Фридриха Барбароссы вторглись в Ломбардию. **163.** *Колико, Леньончино, Лекко, Бергамо* — города, лежащие вдоль озера Комо в Ломбардии. **165.** *Бергамаски* — жители г. Бергамо. **173.** *Ольо* — река, текущая на восток от Милана. **174.** *Моферрато* — небольшое средневековое государство (маркизат), образовавшееся в конце X в. в Пьемонте. **181—183, 190—191.** *Брешья, Крема, Кремона, Павия, Асти, Реджьо, Лоди, Пьяченца, Комо, Мантуа* — города, лежащие в Ломбардии вокруг Милана, являвшегося политическим центром гвельфов.

II

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. СТИХОТВОРЕНИЯ

148. Упырь, Сочинение Красногорского, Спб., 1841, с. 31, в тексте этого рассказа Толстого.

149. РВ, 1856, апрель, кн. 1, с. 482. Список — ГБЛ, альбом В. Ж.

150. РВ, 1856, апрель, кн. 1, с. 486. Список — ГБЛ, альбом В. Ж.; ранняя ред., с небольшими отличиями — Кондратьев, прилож., с. 115. Лирондель датировал ст-ние 1849 г. (Лирондель, с. 55), что подтверждается его расположением в альбоме В. Ж. *Растреллием строенный дом.* Кондратьев писал, что речь идет о том же дворце гетмана К. Г. Разумовского в Батурине, что и в ст-нии 10. Однако Батуринский дворец строил не Растрелли, а Камерон, строи-

тельство его не было закончено, и он постепенно разрушался; никто из наследников гетмана к нему отношения не имел. Тем не менее, реалии ст-ния говорят, что в нем упоминается какой-то дворец именно Разумовских. Растрелли В. В. (1700—1771) — русский архитектор, итальянец по происхождению, крупнейший представитель барокко в архитектуре. *В блестящей столице иные из них.* Сын Разумовского Алексей был министром народного просвещения, жил в Петербурге. У него от М. М. Соболевской было 11 детей, среди них Анна Алексеевна — мать Толстого и Алексей Алексеевич — любимый дядя его, известный писатель, выступавший в литературе под псевдонимом «А. Погорельский». *Умчало других. Из родины.* Сыновья К. Г. Разумовского Григорий и Андрей выехали за границу — первый по собственному желанию в 1819 г., второй — как дипломат в 1790 г., и больше в Россию ни они, ни их наследники не возвращались. *Забыл свою веру.* Григорий Разумовский в Вене вместе с семьей принял протестантство; Андрей незадолго до смерти перешел в католичество. *Крестьян его... наемник гнетет.* К. Г. Разумовский, имевший огромные имения и тысячи крепостных, полностью передал управление ими наемным лицам.

151. Кондратьев, прилож., с. 108. Печ. по списку — ГБЛ, альбом В. Ж. Лирондель датирует ст-ние 1850 г. (Лирондель, с. 56), что подтверждается расположением ст-ния в альбоме В. Ж.

152. Кондратьев, с. 28, с отличиями. Печ. по автографу ПД, арх. Т., в письме к С. А. Миллер от 15 января 1851 г.; список — там же. Посылая ст-ние С. А. Миллер, Толстой написал: «Это — только затем, чтобы напомнить Вам греческий стиль, к которому Вы питаете привязанность» (СС-64, IV, с. 50).

153. А. К. Толстой, Стихотворения, Л., 1952, с. 111 («Б-ка поэта», М. с.). Печ. по списку — ГБЛ, альбом В. Ж. Ст-ние является своеобразной репликой в ответ на ст-ние Г. Гейне «Ich hatte einst ein schönes Vaterland...» (т. е. «Был у меня когда-то край родной»); Толстой отвечает на это: «И у меня был край родной когда-то», повторяет он и рефрен Гейне: «Es war ein Traum» — «Это был сон» (см.: Гейне Г., Собр. соч. в 6-ти т. М., 1980, т. 1, с. 273). Ст-ние Г. Гейне было опубликовано в 1844 г. в сб-ке «Новые стихотворения».

154. ВЕ, 1876, № 2, с. 710. Список без загл. — ГБЛ, альбом В. Ж. Известный революционер Г. А. Лопатин говорил: «Я люблю это стихотворение. Кто знает этапы, тот поймет, как верна эта картина» (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, М.—Л., 1930, с. 128). Современники вспоминают, что это ст-ние было одной из популярнейших песен политических каторжан, любимой песней В. И. Ленина (см.: Виноградская С., Первые шаги.— «Новый мир», 1957, № 10, с. 46. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым.

* 155—156. 1 — ОЗ, 1855, № 8, с. 315, под загл. «Песня стрелков императорской фамилии», с тремя дополн. двустишиями после ст. 20. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. Печ. по автографу. Первое упоминание о ст-нии — в письме С. А. Миллер от 16 июня 1855 г.: «всякий день поют „Славу“» (изд. Маркса, IV, с. 68). 3 июля Толстой сооб-

щил тому же адресату: «Царю и царице очень понравилась „Слава" и „Чарочка". Царица хочет, чтобы я ей списал „Славу"» (там же, с. 78). Что касается упомянутой здесь «Чарочки», которая начиная с 1907 г. (изд. Маркса, I, с. 438) и до Бп-37 (с. 90) печаталась как ст-ние Толстого, то А. К. Бабореко нашел письмо В. М. Жемчужникова от 26 июля 1882 г., в котором сказано: «...Вам неверно сообщили песню графа Алексея Толстого: «Слава»; в ней смешано сочинение А. Толстого... с текстом чисто народной песни: „Чарочка моя" и пр.» («Новые сведения о стихотворениях А. К. Толстого». — РЛ, 1959, № 3, с. 200).

2 — Кондратьев, с. 35, без ст. 8. Печ. по автографу ПД, арх. Т., тетр. 1. Другой автограф (там же) на отд. листе, с дополн. четверостишием. Лирондель указывал, что «в полку Толстой был поставщиком песен, причем нередко он приспосабливал старые песни к новым ситуациям. Так, в знаменитую «Дубинущку» он ввел текст о неприятельских «дружинах», пришедших из-за «океана» без приглашения «матушки России» и сброшенных в воду ее смелыми «детьми», которые обещают дойти до Парижа; иногда это были шуточные стихи из смеси французских и русских слов в манере «Сенсаций и замечаний госпожи Курдюковой dans l'étranger»[1] Мятлева и т. п.» (Лирондель, с. 109). Судя по тому, что Лирондель подает отдельные слова и выражения из песен Толстого как цитаты, он имел возможность видеть подлинники этих произведений, до нас не дошедших.

157. КО, с. 383. Печ. по беловому автографу зап. кн. ГПБ. Черновой набросок — там же.

158. Кондратьев, с. 44. Печ. по беловому автографу ПД, арх. Т., тетр. 1. Черновой автограф — там же.

159. Кондратьев, с. 40. Печ. по автографу ПД, арх. Т., тетр. 1 (текст зачеркнут). Черновые наброски — ГПБ, зап. кн. Ст-ние, как и № 160, 161, 299, создавалось одновременно со ст-ниями, составившими цикл «Крымские очерки» (№ 47—60), но не вошло в него. *Аюдаг* — Медведь-гора в Крыму.

160. КО, с. 377, по черновому автографу. Печ. по первой публикации с исправлениями строфы 1 по беловому автографу ПД, собр. Д. Любимова, т. 1 (текст зачеркнут): «Как здесь хорошо и приятно» вм. «Как в этом ущелье приятно» и «настелю» вм. «постелю». Черновые наброски — ГПБ, зап. кн.

* **161.** КО, с. 376, черновая ред.; Бп-37, с. 95. Печ. по беловому автографу ПД, собр. Д. Любимова, т. 1 (текст зачеркнут). Черновой набросок — ГПБ, зап. кн. *Циана* — декоративное растение семейства лилий.

162. ВЕ, 1882, № 1, с. 36, под загл. «Певцу. Из последних стихотворений (Сообщил кн. Д. Н. Цертелев)». Печ. по списку (рукой Д. Цертелева) ПД, арх. М. М. Стасюлевича. Указание Цертелева в подзаг., что это ст-ние «из последних», неверно: оно было написано в 1858 г. и отослано И. С. Аксакову в марте этого года. 19 марта

---

[1] За границей (франц.).

Аксаков ответил Толстому: «Вчера вечером получил я письмо Ваше... Из стихотворений, в Вашем письме помещенных, очень хорошо второе... т. е. „Как селянин, когда грозят Войны тяжелые удары“». Но далее Аксаков замечает, что ст-нием он «не очень доволен, т. е. не стихом, а содержанием. Вы даете совет не мужественный — «хоронить под темной речью восторженное слово». Нет, не хорошо, не держи светильника под столом, а дерзай, обличай, гласи, проповедуй, вопий, несмотря ни на что. Я готов допустить Ваше стихотворение в смысле горькой иронии, но ирония-то эта не слишком сильна» (ВЕ, 1905, № 10, с. 442). Возможно, что под влиянием такого отзыва Толстой отказался от публикации ст-ния.

163. РБ, 1859, кн. 18, с. 4. *Исполать* —хвала.

164. РВ, 1892, № 1, с. 403, без ст. 1 и со строкой точек после ст. 4 (в журнале — ст. 3). Печ. по ПСС-82, т. 2, с. 282; под ст-нием помета, относящаяся также к № 162, 171, 172 и 295, что эти ст-ния «написаны, по всему вероятию, ранее 1866 г.».

165. Стасюлевич, с. 327. Печ. по автографу ПД, в письме М. М. Стасюлевичу от 19 февраля 1869 г. Зимой 1868—1869 гг. в Красном Роге был очень сильный голод, и Толстой, посылая ст-ние Стасюлевичу, писал ему: «Если б Вы знали, какой я плохой хозяин! Ничего не понимаю, а вижу, что все идет плохо. Это сознание внушило мне следующий ответ на известное стихотворение Тютчева» (СС-64, IV, с. 266). Первые строки из него приведены в качестве эпиграфа к ст-нию Толстого.

166. «Всемирная иллюстрация», 1870, т. 3, № 68, с. 290. Печ. по этой публикации с исправлением по автографу ГПБ (альбом Н. В. Гербеля, без загл.): «Днестр» вместо «Днепр». Ст-ние напечатано в анонимной статье «Граф Алексей Константинович Толстой», в которой, в частности, сказано, что ст-ние «Роман Галицкий» написано специально для вечера в пользу Славянского благотворительного комитета и прочитано на вечере, состоявшемся 1 апреля 1870 г. в помещении Мариинского театра. Источник ст-ния — ИГР, где говорится о прибытии к галицкому князю Роману Мстиславичу посла папы римского Иннокентия III (ИГР, т. 3, с. 111). *Роман Мстиславич* (ум. 1205) — князь Галицкий с 1199 г. Владея Галицко-Волынским княжеством, был одним из сильнейших князей Руси. *Галич* — древнерусский город, в XI—XII вв. — столица Галицкого княжества. *Легат* — папский посол. *Решить и вязать* — отпускать или не отпускать грехи. *Червонная Русь* — историческое название земель, расположенных на сев. склонах Карпат и в прилегающих долинах; позднее — Галичина (Галиция).

167. Бп-37, с. 186. Автограф — надпись на переплетенном экз. трилогии, подаренном Толстым И. А. Гончарову. Ст-нию предшествуют слова: «Ивану Александровичу Гончарову в знак самого искреннего сочувствия и признательности за его дружбу». Где в наст. время находится этот экземпляр — не установлено. *Не прислушивайся к шуму.* Речь идет о резких критических выступлениях печати по поводу «Обрыва» И. А. Гончарова (см.: Салтыков-Щедрин М. Е., Уличная философия. — Собр. соч. в 20-ти т., М., 1970, т. 9; Скабичевский А. М., Старая правда. — ОЗ, 1869, № 10; Шелгу-

нов Н. В., Талантливая бесталанность. — «Дело», 1869, № 8; Окрейц С. С., Новые романы старых романистов. — «Дело», 1869, № 9; Ларош Г. А., Новый роман Гончарова. — РВ, 1869, № 7).

168. ВЕ, 1873, № 1, с. 260; ВЕ, 1894, № 5, с. 154, ранняя ред. с небольшими отличиями и под загл. «Неизданное стихотворение гр. А. К. Толстого». Печ. по первой публикации. Автограф ранней ред. — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 9 мая 1871 г.; черновой автограф, близкий к последней ред., — там же, арх. Т. Посылая стихи Маркевичу, Толстой писал, что намерен включить их только в будущий сб-к ст-ний, потому что С. А. Толстая «утверждает, что это выпад против нее. Мысль об этом не пришла бы мне в голову, но поскольку она может прийти в голову другим, я не хочу печатать стихотворение отдельно». Однако 1 декабря 1872 г. Толстой отослал ст-ние М. М. Стасюлевичу (см.: Стасюлевич, с. 359), хотя в след. письме от 3 января 1873 г. сам признал его посредственным (там же, с. 364). *Кротонский боец* — Милон из Кротоны (VI в. до н. э.), знаменитый древнегреческий атлет.

*** 169.** ВЕ, 1875, № 1, с. 158. Уже после смерти Толстого ст-ние было помещено (вместе с № 170) в конце 2-го тома ПСС-76 под загл. «Последние стихотворения. 1875». Черновой автограф — ПД, арх. Т.; автограф — ЦГАЛИ; авториз. список журнальной ред. — ПД, арх. М. М. Стасюлевича. Об истории создания ст-ния Толстой писал К. Сайн-Витгенштейн 5 февраля 1875 г.: «...во время моей большой болезни в деревне... я как-то ночью принялся писать маленькое стихотворение, которое мне пришло в голову. Я уже написал почти страницу, когда вдруг мои мысли смутились, и я потерял сознание. Пришедши в себя, я хотел прочесть то, что я написал; бумага лежала передо мной, ...а вместе с тем я не узнал ни одного слова в моем стихотворении... Пришлось признаться, что писал бессознательно... Стихотворение, которое я написал совершенно бессознательно... недурно... В том, что я написал, есть какого-то рода предчувствие — близкой смерти» (СС-64, IV, с. 436—437).

*** 170.** «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины», Спб., 1876, с. 34, под загл. «Последнее стихотворение графа А. К. Толстого» и с пометой о месте и времени написания; ПСС-76, т. 2, с. 413. Черновые наброски — ПД, арх. Т.; черновой и беловой автографы — там же. Печ. по первой публикации с исправлением ошибки: «горней» вместо «горной» (см.: Кондратьев, с. 82). При первой публикации к ст-нию было дано прим., в котором, в частности, говорилось: «Это стихотворение графа А. К. Толстого написано им весною 1875 года, во Флоренции, когда жизнь его уже близилась к концу. После этого произведения он не писал ничего». Эти сведения подтверждает А. Н. Цертелев в письме М. М. Стасюлевичу от 3 ноября 1875 г.: «Последнее и ненапечатанное стихотворение его «Земля цвела» он доделывал, диктуя во время болезни» (Стасюлевич, с. 405). И. А. Гончаров писал А. А. Краевскому в ноябре 1875 г. об этом ст-нии: «Его можно было бы назвать «Лебединая песнь»... Посмотрите, какая это прелесть! В этих нежных, тихих, как шепот, звуках, в неуловимых, навеянных весною ощущениях, в последнем вздохе умирающего поэта высказывается творческая тайна его души. Как это глубоко таинственно и обаятельно» (РС, 1912, № 6, с. 516—517).

171. РВ, 1877, № 1, с. 394, с пометой: «Стихотворение это, написанное карандашом, найдено в бумагах покойного поэта». Источник эпиграфа — не установлен (в ст. 1 дан его перевод), поэтому неизвестно, оригинальное это ст-ние или переводное.

172. РВ, 1881, № 9, с. 309, с пометой: «Неизданное стихотворение гр. А. К. Толстого». *Сильфида* (герм. миф.) — один из четырех духов природы — дух воздуха.

2. САТИРИЧЕСКИЕ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

173. «Новый путь», 1904, № 1, с. 194. Печ. по автографу ПД, арх. Т., в письме к С. А. Миллер от 5 октября 1856 г. Толстой писал жене: «Посылаю тебе еще маленькую вещицу-шутку, которая не для печати, но которая выражает мою всегдашнюю мысль. Я ее написал сегодня утром». *Поэзия носка.* Одной из основных «красот» парадного прохождения войск во времена Николая I была высоко поднятая нога с вытянутым носком. «Тяни носок» — команда, сопровождавшая строевую муштровку.

174. ВЕ, 1895, № 10, с. 631, без ст. 7—8, 13—16; полностью — Бп-37, с. 344. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 24 февраля 1859 г. «У нас уже начинается весна, и это внушило мне следующее стихотворение», — писал Толстой Маркевичу (СС-64, IV, с. 110).

175. Книжки «Недели», 1900, № 1, с. 161, без загл., в составе статьи В. С. Соловьева «Три разговора». Печ. по первой публикации, с исправлением загл. и «царю» вместо «властям» в ст. 31 — по списку ПД, арх. А. Н. Пыпина. Списки — ГПБ, арх. А. Н. Майкова. Ст-ние было воспринято как мистификация публикатора, являвшегося большим мастером стихотворной пародии. Но известно, что Соловьев подолгу жил в Красном Роге и Пустыньке, его связывала дружба с вдовой Толстого и любовь к ее племяннице С. П. Хитрово, оставшейся после смерти С. А. Толстой наследницей рукописей Толстого. Поэтому в его руках могло оказаться неопубликованное ст-ние Толстого. Кроме того, авторство Толстого подтверждается и альбомом иллюстраций к ст-нию, выполненных художником Ф. Л. Соллогубом, на обложке альбома есть надпись: «Писал граф Толстой, рисовал граф тоже не худой». Г. А. Гуковский писал, что «в комической пьеске А. К. Толстого о Деларю» отразилась сентиментальная баллада В. А. Жуковского «Алина и Альсим» (1814), являющаяся близким к оригиналу переводом романса «Alix et Alexis» (Гуковский Г. А., Пушкин и русские романтики, М., 1965, с. 72). Л. Чертков в статье «Об источнике одной пародии А. К. Толстого» («Quinquagenario. Сб. статей молодых филологов к 50-летию Ю. М. Лотмана», Тарту, 1972) предположил, что источником ст-ния Толстого скорее могла быть баллада Л. Снегирева «Милостыня» (БдЧ, 1834, т. 7, с. 16), написанная тем же размером:

Но если б сердце девы страстной
Ты воспламенил
И, честь похитя у прекрасной,
Ей изменил...

(ср. у Толстого: «...отняв... у Дуни честь...»); кроме того, в том же томе журнала были напечатаны три ст-ния русского поэта М. Д. Деларю (1811—1868). Тем же размером написано Толстым под именем Козьмы Пруткова ст-ние «К моему портрету» (см. № 203). Возможно, что ст-ние оставалось неопубликованным до 1900 г. потому, что в основе его лежат какие-то конкретные факты (СС-63, I, с. 769), мешавшие опубликованию его ранее. Возможно также, что, как и некоторые другие ст-ния «прутковского» периода, оно оставалось в архиве Жемчужниковых, с которыми был дружен Соловьев, и было позже передано ему. Кстати, в том же 1900 г. с предисловием Соловьева вышло отдельное издание «Упыря» Толстого. Ст-ние было использовано Соловьевым в статье «Три разговора» как довод в выступлении против учения Л. Н. Толстого о «непротивлении злу насилием». Интересно, что в том же смысле воспринял ст-ние М. Горький. А. Е. Богданович вспоминал, что в 1900—1901 гг. Горький вошел к нему в комнату, говоря: «Занятная книжка... вот посмотрите, как здесь «о прощении обид» трактуется, — и прочитал... шуточное стихотворение А. К. Толстого о «камергере Деларю»... — Ловко, — сказал он в заключение. — Это один Толстой в пику другому» (Богданович А., Страницы из жизни М. Горького, Минск, 1965, с. 58). На самом же деле ст-ние не имело никакого отношения к учению Л. Н. Толстого, потому что было написано до того, как оно сложилось в его произведениях. *Аренда* — предоставление во временное владение государственного имения или денежная прибавка к жалованию на некоторое время. *Станислав* — см. прим. 137. *Камергер* — придворный чин IV класса. *Совет* — Государственный совет.

176. «Русский гражданин», Берлин, 1879, № 6-7. Печ. по автографу ЦГИАЛ в письме Б. А. Перовскому от 12 марта, последняя строфа (приписанная, видимо, позже) — по изд. Маркса, I, с. 492. Распространение № 6-7 «Русского гражданина» в России было запрещено цензурой, потому что, как писал цензор, ст-ние «чрезвычайно цинично и неблагопристойно и крайне оскорбительно для римского первосвященника» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1879, ед. хр. 3). Начало ст-ния в ранней ред. — ЦГИАЛ, в письме Б. А. Перовскому от 29 февраля 1864 г.; списки — ГБЛ, арх. Н. С. Тихонравова, ПД — арх. А. Н. Пыпина, арх. РС. *Приап* (греч. миф.) — бог чувственных наслаждений. *Эскулап* — врач; у древних римлян именем Эскулап назывался бог врачевания. *Антонелли* Джакомо (1806—1866) — кардинал, глава Государственного совета, фактический правитель Папской области, существовавшей до 1870 г. *Кантаты* — церковные песнопения. *Пий IX* — папа римский в 1846—1878 гг. *«Casta diva»* — «Пречистая дева», католическая молитва. *Де Мероде* Фридрих-Ксаверий (1820—1874) — военный министр Папской области в 1860—1865 гг. *Пехтура* — пехота. *Одноколка* — легкий двухколесный экипаж.

177. ИВ, 1916, № 1, с. 166, в тексте статьи Е. В. Матвеевой «Несколько воспоминаний о графе А. К. Толстом и его жене». Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 27 декабря 1868 г. Печ. по автографу. *Исполати* — хвала тебе. *Аксиос!* — формула при возведении в священнический сан, означающая: «Достоин!». *«Веселися, храбрый росс!»* — строка из ст-ния Г. Р. Державина «Гром победы раздавайся...» (1791), исполнявшегося в торжественных случаях.

178. РС, 1883, № 11, с. 481, под загл. «Русская история от Гостомысла. 862—1868» и с ошибками; поправки к этой публикации — РС, 1883, № 12, с. 717; 1884, № 1, с. 198; НВ, 1883, 23 ноября. Печ. по Бп-37, с. 293. В литературе есть сведения, что еще в 1880 г. «История» была издана на гектографе Казанским народническим кружком («Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века», изд. 2-е, доп. и перераб., ч. 2, М., 1982, с. 114). Списки — ПД, собр. П. Я. Дашкова; арх. М. Н. Лонгинова; арх. А. В. Никитенко; арх. С. П. Хитрово; ГБЛ, арх. Н. С. Тихонравова; ЦГИАЛ; ЦГАЛИ. Несмотря на наличие довольно большого числа списков, появившихся еще при жизни Толстого, не существует одного какого-то источника, который давал бы полный и достоверный текст ст-ния. Поэтому при первой публикации его в Бп-37 И. Г. Ямпольскому пришлось провести серьезный критический анализ источников. В целом эту работу можно признать вполне доброкачественной. Сложнее вопрос с загл. ст-ния, которое у Толстого приводится по-разному: «L'histoire de Russie» («История России»), «Сокращенная русская история», «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева». В первой публикации загл. явно было дано редактором; в поправке, напечатанной в НВ, сказано, что загл. ст-нию дано самим автором такое: «Сокращенная русская история от Гостомысла до Т. .». Это же загл., с расшифровкой «Т» как «Тимашева» привел Б. М. Маркевич, ссылаясь на имеющийся у него, ныне неизвестный, «список руки самого Толстого» («Гражданин», 1883, 11 декабря, с. 12). В изд. Маркса загл. было иное: «Русская история от Гостомысла, с 9 по 19 век (862—1868)». И. Г. Ямпольский пришел к выводу, что наиболее правильным является загл., приведенное Толстым в письме М. М. Стасюлевичу от 12 ноября 1869 г.: «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (см. СС-64, IV, с. 321), в котором «ощущается как фон название «Истории» Карамзина» (Бп-37, с. 759). В 1959 г. А. К. Бабореко опубликовал ранее неизвестное письмо В. М. Жемчужникова, из которого следует, что он был автором заметки, напечатанной в НВ. Поэтому Бабореко высказал мнение: «На основании письма Жемчужникова вопрос о заглавии сатиры А. К. Толстого, который до сих пор был спорным, решается теперь вполне определенно и окончательно» («Новые сведения о стихотворениях А. К. Толстого». — РЛ, 1959, № 3, с. 201). Свидетельства двух близких автору лиц — В. М. Жемчужникова и Б. М. Маркевича — достойны внимания, но все же мы считаем, что приводимое ими загл. — лишь один из авторских вариантов. Поскольку же последнее, бесспорно авторское, загл. неизвестно, а введенное И. Г. Ямпольским в Бп-37 загл. стало уже традиционным, мы сохраняем его в наст. изд. Ст-ние было написано в 1868 г.; возможно, что на замысел его оказали влияние два ст-ния, опубликованных в сб-ке «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861, с. 291—294, 297): анонимная «Сказка» («Я когда-нибудь сберусь. . .») и ст-ние М. А. Дмитриева «Когда наш Новгород великий. . .». 7 февраля 1869 г. Толстой писал Маркевичу: «Кстати: я не казался себе преступником, когда писал историю России до Тимашева, но если Борис Петровский, и Вы, и Александрина ⟨Толстая⟩ думаете, что к ней нужен громоотвод в виде чтения, предназначенного для августейшего слуха, то я ничего не имею против, делайте, как найдете нужным» (СС-64, IV, с. 260). Ст-ние быстро распространилось в списках (см.: Стасюлевич, с. 331). Сразу же после смерти Толстого В. И. Семевский намеревался опубликовать

его в PC: сохранились гранки январского номера журнала за 1876 г., в которых строфы 68—74 и 79—80 зачеркнуты, и верстка с надписью корректора: «Читал 3-ю корректуру 21 декабря 1875» (ПД). Но ст-ние не было опубликовано, безусловно, по цензурным причинам. Стасюлевич, видимо, предложил С. А. Толстой включить его в очередное издание Полн. собр. ст-ний Толстого, на что С. А. Толстая ответила: «...мне кажется, что это изменит характер книги; хотелось бы мне лучше издать особенной маленькой брошюрой эти две ⟨«История...» и «Сон Попова»⟩ и еще несколько, — которых также могла бы пропустить цензура» (Стасюлевич, с. 394). И хотя Стасюлевич ей возразил, она осталась при мнении, что Толстой не согласился бы включить эти произведения в свое собр. соч. (там же, с. 394). По-видимому, из цензурных соображений Стасюлевич рискнул издать отдельной брошюрой только «Сон Попова», и то — за границей (см. прим. 193). Когда в 1883 г. ст-ние печаталось в PC, издатель дал к нему предисловие, в котором, в частности, говорилось: «Отрывки из этого стихотворения являлись уже в печати, но полного текста, сколько помним, еще не было издано. Чтобы устранить возможность дальнейшего его распространения в списках малограмотных и неточных, мы приводим здесь текст этой шутки, внимательно проверив его по нескольким исправным копиям». И. Г. Ямпольский резонно предположил, что ссылка на будто бы публиковавшиеся «отрывки» была сделана только для цензуры. *Гостомысл* (ок. первой половины IX в.) — полулегендарный первый новгородский посадник или князь, якобы завещавший призвать варягов на Русь. *Тимашев* А. Е. (1818—1893) — один из самых реакционных государственных деятелей России, в 1856—1861 гг. — управляющий III Отделением, с 1868 г. — министр внутренних дел. *Нестор* — монах Киево-Печерского монастыря, летописец, составитель «Повести временных лет» (1113), крупнейшего произведения древнерусской исторической литературы. *Пришли три брата.* По русскому летописному преданию, варяжскую дружину, приглашенную в 862 г. на Русь для прекращения междоусобиц, возглавляли три брата — Рюрик, Синеус и Трувор. Легенда о том, что варяги якобы основали древнерусское государство, опровергается многочисленными историческими источниками. *Иордань* (Иордан) — река в Палестине, в которой, по преданию, крестился Иисус Христос. *Кисет* — здесь: кошелек. *Всю землю разделил.* По завещанию Ярослава, земли великого княжества были разделены между его сыновьями, что привело к большим междоусобным распрям, ослабившим Русь. *Многих жен супруг.* Иван Грозный был женат на Анастасии Захарьиной, Марии Темрюковне, Марфе Собакиной, Анне Колтовской, Анне Васильчиковой, Василисе Мелентьевой и Марии Нагой. *Имярек* — по имени. *Трезвонить лишь горазд.* Одним из любимых занятий царя Федора Иоанновича (1557—1598) была игра на церковных колоколах, государственными же делами он занимался мало. *С невестой* — дочерью польского магната Ежи Мнишека, Марией Мнишек (ок. 1588— после 1614); в 1606 г. она была коронована в Москве как жена Лжедмитрия I, после его убийства в 1608 г. отказалась от титула царицы. *Вернулися поляки.* Во главе польского войска с новой интервенцией на Русь пришел авантюрист Лжедмитрий II (ум. 1610 г.). В Тушине (под Москвой) он создал правительство, но был разбит. *Но был ли уговор* — т. е. были ли обусловлены заранее ограничения власти Михаила в пользу избравших его бояр. *Алексей* Михайлович (1629—1676) — царь с 1645 г. *Святки* — праздничные дни от Рожде-

ства до Крещения. *Уехал в Амстердам.* В 1697 г. Петр I под именем урядника Петра Михайлова выехал в Зап. Европу, изучал морское дело в Голландии и Англии, работал на верфях. *Гладко нас обрил.* По возвращении из Европы Петр издал указ, запрещавший носить бороды. *В голландцев нарядил.* Тогда же Петр ввел ношение европейской одежды вместо старых русских одежд. *Бирон* Эрнст-Иоганн (1690—1772) — курляндский дворянин, фаворит *Анны* Ивановны (1693—1740), фактический правитель государственными делами России. *Писали ей... Вольтер и Дидерот.* Стремясь создать себе репутацию просвещенной монархини, Екатерина II переписывалась с выдающимися философами Вольтером и Дидро, которые доверчиво отнеслись к ее словам о «заботе о благе народном» и даже прославляли ее. *Прикрепила Украинцев к земле.* В 1775 г. была ликвидирована Запорожская сечь и закрепощены украинцы, указом от 3 мая 1783 г. крепостничество было юридически оформлено на Левобережной Украине. *Мальтийский кавалер.* Павел I (1754—1801) был гроссмейстером духовно-рыцарского католического ордена, резиденция которого находилась на о. Мальта. *Louis le Désiré* (Людовик Желанный) — прозвище Людовика XVIII (1755—1824), короля Франции в 1814—1824 гг., возведенного на престол при содействии Александра I. *Veillot* — И. О. Вельо (1830—1899) — директор почтового департамента министерства внутренних дел в 1868—1880 гг., организатор перлюстрации (тайного прочтения) почтовой переписки. *Норов* А. С. (1785—1869) — в 1854—1858 гг. — министр народного просвещения. *Путятин* Е. В. (1804—1883) — граф, в 1861 г. — министр народного просвещения. *Панин* В. Н. (1801—1874) — граф, министр юстиции в 1841—1862 гг. *Метлин* Н. Ф. (1804—1884) — управляющий морским министерством. *Брок* П. Ф. (1805—1875) — министр финансов в 1852—1858 гг. *Замятнин* Д. Н. (1805—1881) — министр юстиции в 1862—1867 гг. *Корф* М. А. (1800—1876) — барон, председатель департамента законов Государственного совета в 1864—1872 гг. *Головнин* А. В. (1821—1886) — министр народного просвещения в 1861—1866 гг. *Столбец* — старинная форма рукописи. *Зело* — очень. *Не дописах поспешно... Исправи правды ради* — типичная форма обращения к читателю русских летописцев и переписчиков рукописей, например у Нестора: «Отцы и братия! Иже где переписах или недописах, чтите исправляя бога для, а не кляните».

179—180. 1 — ВЕ, 1895, № 10, с. 650. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 27 декабря 1868 г. Автограф ст. 1—8 — ПД, в письме М. М. Стасюлевичу от 13 декабря 1868 г. В письме Маркевичу говорится: «Я снова берусь за перо, чтобы сказать Вам, что Феофил, который, конечно, первый получил мое послание в стихах, прислал мне оправдание на четырех страницах, которое меня так огорчило, что я отправил ему следующее послание» (изд. Маркса, IV, с. 203). *Толстой* Феофил Матвеевич (1810—1881) — литератор, композитор, музыкальный критик, со второй половины 1860 г. — член совета Главного управления по делам печати. Хороший знакомый А. К. Толстого. Участвовал в рассмотрении на заседании Совета пьесы А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» и, обещая автору поддержку, проголосовал за запрещение пьесы. А. К. Толстой писал Б. М. Маркевичу в середине ноября 1868 г.: «Мне стало известно, что Феофил, когда председательствовал в Совете по делам печати... подал оба свои голоса против «Федора Иоанновича», ратуя в то же время в качестве литератора за разрешение этой пьесы.

Это вдохновило меня на послание к Феофилу, которое я Вам и посылаю» (СС-64, IV, с. 244). Однако при письме этого послания нет и из него известны лишь четыре строки (см. № 309). Получив это послание, Ф. М. Толстой «обиделся на заключавшиеся в стихотворении эпитеты «трехипостатный» и «двуличный» и послал поэту длинное письмо в свою защиту. Там он, между прочим, указывал, что неразвитая часть публики, посещающая театр, могла бы не понять ангельского добродушия царя Федора и проникнуться презрением к слабости воли последнего, почему он, Ф. М. Толстой, в качестве чиновника, дающего свой отзыв о пьесе, не считал себя в праве скрывать свои опасения» (Кондратьев, с. 68). Вместе с тем, утверждал Ф. М. Толстой, как литератор, он понимал серьезные литературные достоинства пьесы (см. также: Лирондель, с. 262). *Янус* — древнелатинское божество входов и выходов, изображался с двумя лицами, обращенными в разные стороны, здесь — олицетворение двойственности. *И будь от буйного стрельца* — перифраза строк Пушкина в «Стансах» («В надежде славы и добра...»): «И был от буйного стрельца Пред ним отличен Долгорукий». *Долгорукий* (Долгоруков) Я. Ф. (1639—1720) — сподвижник Петра I, его советник и доверенное лицо.

2 — РС, 1887, № 7, с. 144. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от середины января 1869 г. Список — ПД, арх. РС. Посылая ст-ние Маркевичу, Толстой сообщил, что это — «третье послание к Феофилу, в ответ на одно из его посланий, которое отзывается провокацией» (изд. Маркса, IV, с. 203, с уточнением по подлиннику). *Ты сравнил... с Шекспиром!* Письмо Ф. М. Толстого не разыскано. *Ростислав* — псевдоним Ф. М. Толстого. *«Лаокоона» он хвалил.* Видимо, в письме Ф. М. Толстого приводится эпизод, раскрытый И. Г. Ямпольским (см. СС-63, I, с. 765—766): после выхода «Лаокоона» Г. Лессинга (1729—1781), филолог и журналист Х.-А. Клотц послал автору письмо, в котором льстиво хвалил произведение и высказал некоторые критические замечания. Лессинг ответил на это «Письмами антикварного содержания», в которых показал недобросовестность и некомпетентность Клотца в суждениях о литературе. Подобно Клотцу и Ф. М. Толстой, похвалив «Царя Федора Иоанновича» и проголосовав против него, получил от автора ответ, который дискредитирует его. *«Проект»* — «Проект постановки на сцену трагедии „Царь Федор Иоаннович"» (см. наст. изд., т. 2). *Во змей упершийся руками.* В знаменитой скульптурной группе родосских ваятелей Агесандра, Атенодора и Полидора жрец Лаокоон изображен борющимся с двумя змеями. *Veillot* — Вельо, см. прим. 178. *Шувалов* И. И. (1727—1797) — государственный деятель, оказывавший покровительство ученым, в том числе Ломоносову, который посвятил ему несколько произведений. *Враг Так называемых вопросов* — цитата из «Проекта: о введении единомыслия в России» Козьмы Пруткова: «Истинный патриот должен быть враг всех так называемых „вопросов"!»

* **181.** РС, 1886, № 10, с. 233, под загл. «Единство» и с датой: 1868; поправка к тексту — РС, 1886, № 12, с. 734. Печ. по автографу ГБЛ. Другие автографы — ПД, в письме Ф. М. Толстому от 16 мая 1869 г.; в письме М. М. Стасюлевичу от 20 мая 1869 г., в конце ст-ния — приписка: «Сохранить entre nous»; список и корректура — ПД, арх. РС. История появления этого ст-ния такова. Б. М. Маркевич, как и его ближайший друг М. Н. Катков, стоял на крайних

позициях великодержавного шовинизма, против которых не раз высказывался Толстой. 14 марта 1869 г. в английском клубе Одессы был дан обед в честь приезда Толстого. Отвечая на приветствия, поэт предложил тост «за благоденствие всей русской земли, за все русское государство, во всем его объеме, от края и до края, и за всех подданных государя императора, к какой бы национальности они ни принадлежали» (изд. Маркса, IV, с. 302). Этот тост вызвал бурную реакцию Маркевича, написавшего Толстому 17 апреля 1869 г., что все истинные патриоты России против него. Например, Н. Ф. Щербина заявил: «...разных национальностей в могущественном государстве допустить нельзя» (Маркевич, с. 109). В письме Маркевич восклицал: «А Вы провозглашаете тосты за процветание... национальностей! Остается предположить, что Вы желаете для своего отечества судьбы Австрии — иначе я не могу понять Вашего символа веры» (там же, с. 110). Толстой ответил на это 26 апреля 1869 г.: «Милые дети! Посмотрите в лексикон! Что такое национальности? Вы смешиваете государства с национальностями! ...не от вас зависит, допустить или не допустить национальностей! Армяне, подвластные России, будут армянами, татары татарами, немцы немцами, поляки поляками!» (СС-64, IV, с. 279). Ст-ние родилось как поэтический отклик на эту дискуссию. В письме Ф. М. Толстому ст-ние предваряется словами: «Хитрово... сообщил мне, что Маркевич читает везде мои послания к Вам. Надобно ему отомстить. Вот оружие, которое спешу Вам вручить». *Катков* М. Н. (1818—1887) — идеолог крайнего национализма, редактор РВ и «Московских ведомостей». *Черкасский* В. А. (1824—1878) — главный директор правительственной комиссии внутренних дел в Польше. *Самарин* Ю. Ф. (1819—1876) — общественный деятель, славянофил, вместе с Черкасским разрабатывал проект положения об устройстве крестьян в царстве Польском с позиций русского национализма. *Недавно и ташкентцы.* В 60-е годы было образовано туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. *Герцог Алба* (Альба) (1507 — 1582) — испанский военачальник, губернатор Нидерландов, проводил политику ограбления страны и полного подчинения ее Испании. *Осанна!* — молитвенный возглас: «Спаси! Охрани!» *Аксиос!* — см. прим. 177.

182. ВЕ, 1895, № 10, с. 657, под загл. «Баллада». Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 15 апреля 1869 г. Автографы других ред. — ПД, в письмах М. М. Стасюлевичу от 20 мая 1869 г. и К. К. Павловой от 10 октября 1869 г. «Китайское» имя Дзун-Кин-Дзын было впервые приведено в рецензии В. Г. Белинского на роман Д. Н. Бегичева «Ольга», опубликованной в ОЗ, 1840, № 10, с. 49—51 (см.: Белинский В. Г., Полн. собр. соч., М., 1954, т. 4, с. 313).

*** 183—187. 1** — Р совр., 1924, № 1, с. 220, под загл. «Божия коровка. (На доктора А. И. Кривского)». 2 — ВЕ, 1895, № 10, с. 649. 3 — РА, 1889, № 9, с. 134, ранняя ред. 4 — изд. Маркса, I, с. 510. 5 — СС-63, I, с. 465. Автографы: 1, 3 — ПД, арх. М. Н. Лонгинова; 2 — там же, в письме Б. М. Маркевичу от середины ноября 1868 г.; список 4 — ПД, арх. П. В. Быкова, в письме А. И. Кривского от 12 февраля 1907 г. Печ. 1, 2, 3 — по автографам, 4 — по списку, 5 — по СС-63, I, с. 465. «Медицинскими» назвал эти ст-ния сам Толстой в письме Б. М. Маркевичу от середины ноября 1868 г. (изд.

Маркса, IV, с. 202). Упоминаемый в них доктор А. И. Кривский служил в имении Толстого в 1868—1870 гг. Видимо, ст-ний было больше, но не все дошли до нас. Из письма А. Кондратьева к П. В. Быкову от 11 февраля 1907 г. известны четыре строки из неразысканного ст-ния о пиявке (см. № 310).

1. *Рандеву* (франц.) — свидание.

2. *Каломельные пилюли* — дезинфицирующее и слабительное средство.

3. *Причетник* — в православной церкви младший церковнослужитель. *Мыслете Пишут.* Писать мыслете — ходить заплетающейся походкой, обычно так говорят о пьяном; мыслете — древнерусское название буквы «М».

5. *Муха шпанская* — небольшой жучок; высушенный и растертый в порошок, он применялся ранее для медицинских пластырей. *Антраша* — здесь: замысловатый прыжок.

188. Р совр, 1924, № 1, с. 217. Автограф — ЦГИАЛ, арх. А. А. Перовского. Печ. по автографу. «Есть у меня... хорошее стихотворение о пагубных последствиях дурного управления Почтовым ведомством», — писал Толстой М. Н. Лонгинову 24 сентября 1871 г. («Памятники культуры. Новые открытия. 1979», Л., 1980, с. 108). *Вельо* — см. с. 584. *Разных лент схватил он радугу* — т. е. был награжден многими орденами, имевшими цветные ленты для ношения. *Юдифь* — по библейской легенде, молодая иудейская вдова, проникшая в лагерь вавилонского полководца Олоферна, осадившего ее родной город: когда он уснул, она отрубила ему голову и этим спасла город от разорения. *Квартирьеры* — офицеры, обеспечивающие размещение войск в походе.

189. Бп-37, с. 386. Автограф — ЦГИАЛ, арх. А. А. Перовского, список — там же. Возможно, об этом ст-нии Толстой писал М. М. Стасюлевичу 3 июля 1871 г.: «Есть у меня «Баллада для немногих». Я прислал бы ее Вам, но она уж очень игрива, вроде „Бунта в Ватикане“» (СС-64, IV, с. 369—370). *Царицын луг, Пять углов* — название площадей Петербурга. *Съезжая* — помещение при полиции для арестованных, полицейский участок.

190. РО, 1892, № 1, с. 291, с отличиями. Печ. по автографу ГПБ. Черновой автограф строф 14—22 — ПД, арх. Т.; автограф — ПД, в письме М. М. Стасюлевичу от 1 декабря 1872 г.; список рукой М. Н. Лонгинова — ПД, собр. Л. Б. Модзалевского. На автографах — шутливые надписи: «Читать осторожно, сиречь не все громко» (ГПБ); «В печать не назначается, яко для оной неудобное» (ПД). В первой публикации имелось прим. редакции: «Послание это написано было по поводу слуха о запрещении у нас сочинений Дарвина. М. Н. Лонгинов отвечал также стихотворением, оканчивающимся следующей строфой:

Виновен пред тобою
Я безо всяких вин,
Досель не тронут мною
Был господин Дарвин».

1 декабря 1872 г. Толстой писал Стасюлевичу: «Посылаю Вам четыре стихотворения, из которых три, если годятся, для «В⟨естника⟩

Е⟨вропы⟩», а четвертое: «Послание к Лонгинову» для приятного чтения. К нему самому оно уже послано» (Стасюлевич, с. 359). А через два дня Толстой сообщил тому же адресату: «Сегодня получил ответ Лонгинова на мое послание. Он отрекается от преследования Дарвина. Тем лучше, но и прочего довольно» (там же, с. 364). *Лонгинов* Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф и историк литературы, с 1871 г. — начальник Главного управления по делам печати, в 1872 г. ввел новый цензурный устав. *Я враг всех так называемых вопросов* — см. прим. 180. *Если у тебя есть фонтан* — изречение из «Плодов и раздумий» Козьмы Пруткова. *Овамо и семо* — там и тут. *Моисей* — см. прим. 143. В первой книге Моисеевой «Бытие» излагается геоцентрическая система мира, по которой Солнце и все светила обращаются вокруг Земли. Коперник же создал гелиоцентрическую систему, по которой в центре мироздания находится Солнце. *В Соловки сослать.* Монастырь на Большом Соловецком острове в Белом море, являлся местом заточения и политической ссылки. *Шматина глины* — кусок глины, из которой, по преданию, бог создал Адама. *Бармы* — см. прим. 123. *Комитет* — цензурный комитет, находившийся в ведении М. Н. Лонгинова.

191. «Красная новь», 1926, № 4, с. 110. Печ. по автографу ЦГИАЛ, арх. А. А. Перовского. Противопоставление слов «параллелен» и «вертикален» Толстой явно заимствовал из ст-ния А. Ф. Вельтмана, процитированного им в письме Б. М. Маркевичу от 11 июля 1869 г. (ПД.):

Вы свет, а я похож на тьму,
Вы веселы, а я печален,
Вы параллельны ко всему,
А я, напротив, — вертикален.

(Вельтман А., Странник, М., 1831, ч. 2, с. 44). *Граф Пален* К. И. (1833—1912) — министр юстиции в 1867—1878 гг. *К присяжным параллелен* — т. е. поддерживает суд присяжных.

192. РВ, 1900, № 11, с. 201, две первые строфы, с отличиями, в составе статьи Д. Н. Цертелева «Граф А. К. Толстой в его стихотворениях»; Бп-37, с. 398. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от начала 1873 г. Толстой писал ему из Флоренции: «Приезжающие сюда русские рассказывают мне, что меня продолжают ругать в разных газетах. Я же —

Боюсь людей передовых...» и т. д.

193. Сон статского советника Попова. Сатирическая поэма графа А. К. Толстого, Берлин, B. Behr's Buchhandlung (E. Bock), 1878, издание М. М. Стасюлевича. По сообщению М. К. Лемке, издание было арестовано, но по суду снова выпущено в Германии в продажу (Стасюлевич, с. 369). Гектографический оттиск — ГБЛ, фонд В. Я. Брюсова; корректура — ПД, арх. PC. Печ. по PC, 1882, № 12, с. 701, где имеется прим.: «От редакции. Текст поэмы «Сон Попова» тщательно проверен нами по рукописи, просмотренной самим автором незадолго до смерти, и подписан им собственноручно с просьбой не давать веры другим спискам, какие могут ходить по рукам публики. Эта рукопись была подарена графом А. К. Толстым одному

из его друзей, у которого она и сохраняется по настоящее время. 20-го ноября 1882 г. М. С⟨емевский⟩». Вероятно, Семевский имел в виду Б. М. Маркевича: И. А. Шляпкин записал слова Н. С. Лескова, что он «читал «Сон Попова», автограф которого сохраняется у Маркевича» («К биографии Н. С. Лескова. Из дневника И. А. Шляпкина». — РС, 1895, № 12, с. 112). Разночтений между первой публикацией и РС нет, но дата, проставленная в журнале, — «1874» — неверна: еще 25 сентября 1873 г. Б. М. Маркевич писал Толстому, что он уже знает ст-ние, читал его, будучи в Москве, и добавил: «В „Сне Попова" Вы достигли необыкновенного совершенства в технике» (Маркевич, с. 129). Это одно из немногих ст-ний Толстого, которое единодушно получило восторженную оценку. Даже Л. Н. Толстой, который, как известно, отрицательно относился к поэзии А. К. Толстого, неоднократно высказывался очень одобрительно: «Это превосходно», «Это бесподобно!» — сообщает отзывы Л. Н. Толстого П. А. Сергиенко («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», М., 1955, т. 2, с. 94); «Ах, какая это милая вещь, вот настоящая сатира, и превосходная сатира» (там же, с. 351). А. Б. Гольденвейзер приводит интересное наблюдение Л. Н. Толстого, связанное с этим ст-нием: «Во сне... когда сознание работает не так последовательно и логично», как наяву, состояние человека «сказывается соответствующим чувством, часто без всякого внешнего повода. Например, во сне часто бывает невыразимо стыдно, а когда проснешься и увидишь, что штаны спокойно висят на стуле, чувствуешь радость необыкновенную. Вот поэтому я и люблю так «Сон Попова». Так удивительно изображено это состояние стыда во сне, и кроме того прекрасно описаны все лица. Несмотря на форму шутки — это истинно художественное произведение» (Гольденвейзер А. Б., Вблизи Толстого. (Записи за пятнадцать лет), М., 1922, т. 1, с. 104—105). Как сообщил поэт жене в ноябре 1874 г., Тургенев «говорил с большой хвалой о моем «Кануте» и о «Попове», которого Фет... ему прочел наизусть с большой maestria [1] — так он говорит» (изд. Маркса, IV, с. 172). Толстой был доволен успехом ст-ния. «Я очень рад, — писал он Стасюлевичу 18 ноября 1873 г., — что «Сон Попова» Вам нравится; вообще ему очень везет; я потерял счет всем спискам, которые с него сняты» (СС-64, IV, с. 414). Естественно, у автора не могло быть надежды опубликовать ст-ние в России, а когда Д. Н. Цертелев предложил напечатать его за границей, Толстой ответил, что «для него это невозможно по личным его отношениям к государю, который, если бы остался этим недоволен, мог бы попросить его на будущее время не писать ничего подобного» (Цертелев Д. Н., Юмористические и шуточные стихотворения гр. А. К. Толстого. — СПВ, 1907, 23 июня). Еще при жизни автора современники пытались определить, какой именно министр изображен в ст-нии. Цертелев в указанной выше статье писал, что «Толстому успели наскучить даже попытки лиц, знавших «Сон Попова» в рукописи, непременно наклеить какое-нибудь имя на министра». Однако постепенно сложилось довольно прочное мнение, что изображенный министр — П. А. Валуев, министр внутренних дел, а позже — государственных имуществ (см.: «Одесские новости», 1900, 28 сентября; эта версия проникла даже в «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона — см. т. 9 [Спб., 1911], стлб.

[1] Мастерством (итал.).

423). Действительно, есть основания видеть в образе министра некоторые черты, присущие Валуеву (см.: Бп-37, с. 766), но безусловно и то, что Толстой вовсе не думал давать в ст-нии портрета какого-то конкретного деятеля своего времени. Он обобщил черты, свойственные разным лицам этого круга, и создал художественный образ, далеко выходящий за рамки возможного прототипа. *Статский советник* — чиновник V класса. *Регалии* — знаки отличия, ордена. *Темляк* — кисть на рукоятке холодного оружия, украшалась лентой ордена, которым награжден носящий (например, георгиевский темляк). *Экран* — передвижная заслонка возле камина, защищающая от жара, обычно украшенная вышивкой или рисунком (см. ниже: «заслонен каким-то попугаем»). *Экзекутор* — чиновник, ведавший хозяйственными делами и надзором за внешним порядком. *Визитка* — одежда для утренних визитов особого покроя (род полуфрака). *Коллежский регистратор* — чиновник последнего, XIV класса. *Консоме* — крепкий бульон. *В Шотландии* — имеется в виду шотландская национальная одежда у мужчин — род юбки чуть ниже колен. *В день ангела* — в день именин. *Третье отделенье* — Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии, управление жандармской полицией, занимавшейся политическим сыском. *Гривна* — здесь: гривенник (10 коп.), от названия серебряного слитка, служившего на Руси денежной единицей. *К Цепному мосту* — у Цепного моста (ныне — мост Пестеля) в Петербурге помещалось Третье отделение. *Мальтийский крест* — особой формы крест Мальтийского ордена (см. прим. 178). *Не бе* — не было. *Лазоревый полковник*. Форма жандармов была голубого цвета. *Санкюлот* — презрительная кличка, данная французскими аристократами городской бедноте, носившей длинные брюки в отличие от дворянских коротких, до колен, штанов (culotte). *Комплот* — заговор (от франц. complot). *Ектенья* — моление, содержащее обычно просьбу, сопровождалось пением певчих; здесь — в ироническом смысле. *Пряжка* — здесь: знак отличия, выдававшийся за непорочную службу.

194. Р совр, 1924, № 1, с. 213. Печ. по автографу ПД арх. М. Н. Лонгинова. Черновой набросок — арх. Т., зап. кн. 2. Ст-ние по общему замыслу и построению близко ст-нию Г. Гейне «Guter Rat» («Добрый совет») (см.: Федоров А., Русский Гейне. — В кн.: Русская поэзия XIX в., Л., 1929, с. 274). *Боскетная* — комната, украшенная зеленью; здесь в смысле: комната, где можно спрятаться, где нет людей. *Корша ведомость* — газета СПВ, выходившая в 1862—1874 гг. под ред. В. Ф. Корша. *Вслед за пахарем... грачи* — строки из ст-ния А. А. Фета «Первая борозда».

Козьма Прутков

Образ Козьмы Пруткова и все его сочинения были созданы группой друзей: братьями Жемчужниковыми — Алексеем (1821—1908), Владимиром (1830—1884) и Александром (1826—1896) Михайловичами и их двоюродным братом А. К. Толстым. Одним из первых серьезный историко-литературный и текстологический анализ произведений Козьмы Пруткова дал П. Н. Берков, по мнению которого «центральной фигурой среди творцов Пруткова был Вл. М. Жемчужников»: он был «полным творцом, либо соучастником в составлении 30 вещей». Что же касается Толстого, то ему «принадлежат

наиболее художественные вещи Пруткова... имеющие преимущественно пародический характер» (Берков, с. 169). Изучение сохранившейся части архива Козьмы Пруткова, писем и помет В. Жемчужникова на копиях первопечатных текстов (в наст. время хранящихся в ЦГАЛИ, арх. Жемчужниковых) и других документов позволило Беркову и последующим исследователям выявить, что именно внес каждый из создателей Козьмы Пруткова в общий фонд его сочинений. Безусловно, Толстой мог принимать участие в создании и других произведений Козьмы Пруткова, но убедительных атрибуционных доказательств его авторства у нас нет. Все прутковские произведения Толстого печ. по первым публикациям, так как позднейшая доработка текстов принадлежит В. Жемчужникову.

195. С, 1854, № 2, «Литературный ералаш», тетр. 1, с. 5. Список первопечатного текста с указанием авторства Толстого — ЦГАЛИ.

196. С, 1854, № 2, «Литературный ералаш», тетр. 1, с. 14, без последней строфы. Список первопечатного текста с указанием авторства Толстого и добавлением строфы четвертой — ЦГАЛИ; эта же строфа вписана М. Н. Лонгиновым в принадлежавший ему экземпляр «Литературного ералаша» (ПД). Пародия на ст-ние Н. Ф. Щербины «Письмо» («Я теперь не в Афинах, мой друг...»). *Истмийский водопад* — водопад на Коринфском перешейке. *Паросские камни* — знаменитый белый мрамор с о. Парос в Эгейском море. *Медяница* — безногая ящерица, похожая на змею. *Померанцы* — апельсиновые деревья. *«Красота, красота!»* Ст-ние Щербины заканчивалось строками: «Красота, красота, красота! Я одно лишь твержу с умиленьем».

197. С, 1854, № 2, «Литературный ералаш», тетр. 1, с. 14. Список первопечатного текста с указанием авторства Толстого — ЦГАЛИ; об этом же см.: СПВ, 1874, 6 февраля. А. В. Федоров заметил, что, хотя «прототипом ст-ния является «Das Fräulein stand am Meere...» Г. Гейне, все же в этом и других ст-ниях «из Гейне» пародируется не сам Гейне, а его переводчики и подражатели» (Федоров А., Русский Гейне (40-е — 60-е годы). — В кн.: «Русская поэзия XIX в.», Л., 1929, с. 274). Еще раньше подобное замечание высказал Н. А. Добролюбов: «Сущность поэзии Гейне, по понятиям тогдашних стихотворцев наших, состояла в том, чтобы сказать с рифмами какую-нибудь бессвязицу о тоске, любви и ветре» (Добролюбов Н. А., Полн. собр. соч., М., 1935, т. 2, с. 594).

198. С, 1854, № 4, «Литературный ералаш», тетр. 3, с. 50. Список первопечатного текста с указанием авторства Толстого — ЦГАЛИ. *Аканф* (акант) — травянистое декоративное растение (русское название — «медвежья лапа»). *Хламида* — см. прим. 128.

199. С, 1860, № 3, «Свисток», № 4, с. 44. Список первопечатного текста с указанием авторства Толстого — ЦГАЛИ. Датируется 1856 г., поскольку в «Заметках петербургского туриста» Ивана Чернокнижникова (А. В. Дружинина), напечатанных в СПВ (1856, 22 февраля), говорится о встрече с Козьмой Прутковым и упоминается его «неровный шаг» и «чело мрачнее туманного Казбека».

200. С, 1860, № 3, «Свисток», № 4, с. 45. Список первопечатного текста с указанием авторства Толстого — ЦГАЛИ. П. Н. Берков

высказал предположение (Берков, с. 108), что в основе пародии лежит ст-ние В. Г. Бенедиктова «Я помню» («Я помню: была ты ребенком...»).

201. Козьма Прутков, Полн. собр. соч., Спб., 1884, с. 175, ст. 1—18, под загл. «Родное. (Из письма московскому приятелю)» и с разночтениями; РЛ, 1963, № 1, с. 172, в статье И. Г. Ямпольского «Новонайденные строки Козьмы Пруткова». Печ. по автографу ПД, в письме К. К. Павловой от начала 1860-х гг. Список рукой Л. С. Аксаковой с разночтениями и указанием авторства Толстого — ПД, арх. Аксаковых. В письме К. К. Павловой Толстой писал: «Вот, сударыня, фрагмент пародии, о которой я Вам говорил. Мы оба любим и уважаем писателя, который послужил объектом для нее, и вот почему я не колеблясь сообщаю его Вам». При первой публикации было прим.: «Здесь помещается только отрывок недоконченного стихотворения, найденного в сафьяновом портфеле Козьмы Пруткова, имеющем золоченую печатную надпись: „Сборник неоконченного (d'inachevé) № 2“». Во втором издании Полн. собр. соч. Козьмы Пруткова (Спб., 1885) в подзаг. был указан адресат пародии: «Отрывок из письма И. С. Аксакову». Действительно, ст-ние представляет собой пародию на поэму И. С. Аксакова «Бродяга», оставшуюся незаконченной. В частности, рассказ о постройке дороги связан с отрывком из поэмы, носящим название «Шоссе». *Сóром* — срам.

Коллективное

202. С, 1854, № 2, «Литературный ералаш», тетр. 1, с. 15. Список первопечатного текста с указанием авторства Толстого и Алексея Жемчужникова — ЦГАЛИ; в этот список рукой В. Жемчужникова вписаны три строфы после строфы 9 и три строфы — после 12. Как и «Осада Памбы», ст-ние представляет собой пародию на многочисленные ст-ния, связанные с испанской романтической экзотикой. В частности, П. Н. Берков высказал предположение, что это пародия на ст-ние А. Н. Плещеева «Гидальго». *Альямбра* (Альгамбра) — старинная мавританская крепость в Гренаде. *Эстремадура* — провинция в Испании. *Два вершка булату* — кинжал из булатной стали. *Дуэнья* — в Испании — пожилая женщина, в обязанности которой входит наблюдение за нравственностью, поведением девушки. *Епанча* — см. прим. 198. *Кавальеро* (кабальеро) — рыцарь, дворянин. *Качуча* — испанский танец с кастаньетами. *Гвадалквивир* — река в Испании. *Эскурьял* (Эскуриал) — замок-монастырь под Мадридом.

203. С, 1854, № 3, «Литературный ералаш», тетр. 2, с. 33. Список с цензурным разрешением 1859 г. и зачеркнутыми загл.: «Подражание Гейне. Обычное», «Подражание Гейне. Обыденное», «Из Гейне». Список первопечатного текста с указанием авторства Толстого и В. Жемчужникова — ЦГАЛИ.

204. С, 1854, № 3, «Литературный ералаш», тетр. 2, с. 36. Список с цензурным разрешением 1859 г.; список первопечатного текста с указанием авторства Толстого и Алексея Жемчужникова — ЦГАЛИ. Ст-ние было воспринято как пародия на стихи В. А. Жуковского: видимо, имелись в виду «Отрывки из испанских романсов о Сиде»

(«Пантеон», 1854, № 4, с. 33, «Петербургский вестник»). В «Селе Степанчикове и его обитателях» Ф. М. Достоевского целая сцена в гл. 3 части 2 повести построена на чтении «Осады Памбы». *Кастильянцы* — жители испанской провинции Кастилии. *Ниже* — даже. *Епанча* — см. прим. 145. *Jago Compostello.* В городе Компостельо находится гробница апостола Иакова, который считается покровителем Испании. *Каплан* (капеллан) — католический священник. *Сантуринское* — вино, изготовляемое в Португалии, округ Санторен. *«Он изрядно подшутил!»* — строка из «Романсов о Сиде» в переводе П. А. Катенина:

«Четверик ему пшеницы
Дать, — сказал король, — а ты
Обойми его, Химена,
Он изрядно пошутил».

На основании этого Б. В. Томашевский высказал предположение, что перевод Катенина также являлся объектом пародирования (см.: СС-63, I, с. 771).

205. С, 1854, № 4, «Литературный ералаш», тетр. 3, с. 52. Список первопечатного текста под загл. «Из Гейне № 2» и с указанием авторства Толстого и Алексея Жемчужникова — ЦГАЛИ. *Студьозус из Иены* — студент Иенского университета.

206. НВ, 1881, 18 октября, в фельетоне Алексея Жемчужникова «Защита памяти Косьмы Петровича Пруткова», с разночтениями. Печ. по одному из двух списков рукою А. Жемчужникова ЦГАЛИ, в тетради 1855 г., где имеются его пометы: «1854 (с гр. Ал. Толстым)», «Не отд⟨ано⟩ в п⟨ечать⟩». Ст-ние не было напечатано в свое время в С, по-видимому, по цензурным причинам. Во вступ. заметке к публикации сказано: «И. И. Панаев не напечатал некоторых творений, переданных ему для печати. Он говорил, что в этом препятствовали цензурные условия; но Косьма Петрович, сам действительный статский советник и кавалер, не верил этому. Для примера приведу следующую басню, которую бедный Косьма Петрович так и не дождался видеть в печати при своей жизни». По поводу разночтений между первой публикацией и списком В. М. Жемчужников писал, что в газете басня «напечатана не вполне верно» (см. письмо В. М. Жемчужникова А. Н. Пыпину от 6 февраля 1883 г. — Берков, с. 197).

207. РА, 1884, № 4, с. 478, без строф 30—36 и заключительных прим., под загл. «Церемониал погребения поручика и кавалера Фаддея Кузьмина» и с искажениями в тексте, авторство Толстого не указано; «Голос минувшего», 1922, № 2, с. 36, полностью и с исправлениями по рукописи Л. М. Жемчужникова, ныне утраченной. Печ. по Полн. собр. соч. Козьмы Пруткова, [Л.,] 1949, с. 90. Машинописная копия — ГБЛ, арх. Алексея Жемчужникова. Вопрос об авторстве Толстого не может быть признан до конца решенным. Наиболее существенным является свидетельство Д. Н. Цертелева, близкого Толстому, утверждающее его авторство (см.: «Отношение графа Алексея Константиновича Толстого к Пушкину». — СПВ, 1913, 15 августа), однако скорее всего здесь следует видеть коллективное авторство Вл. и Алексея Жемчужниковых и Толстого. *Аудитор* — во-

енно-судебный чиновник. *Пеший по-конному* — строевые занятия кавалеристов без лошадей, но с соблюдением правил конного строя. *Каптенармус* — унтер-офицер, заведующий хозяйством. *Капральство* — унтер-офицеры. *Фурлейт* — рядовой-обозник. *Квартирьеры* — см. прим. 188. *Повойник* — женский головной убор. *Буренин, Суворин, Корш* — упоминание этих фамилий связано со следующим эпизодом. В 1869 г. В. В. Крестовский опубликовал «антинигилистический» роман «Панургово стадо». В. П. Буренин, в то время — либеральный журналист, написал на него резкую рецензию, появившуюся в СПВ, причем задел «офицерское звание» Крестовского. Последний вызвал на дуэль редактора газеты В. Ф. Корша, но он был за границей и газету вел секретарь редакции А. С. Суворин. Тогда Крестовский вызвал на дуэль его и автора рецензии. Оба от дуэли отказались и предложили вынести конфликт на третейский суд (см.: СПВ, 1870, 16 января, 28 марта; «Голос», 1870, 27 марта). *Здесь помещенные боле для шутки* — несколько измененные строки из басни Козьмы Пруткова «Незабудки и запятки». *Шанцевый инструмент* — саперные инструменты — лопата, кирка, топор и т. п. *Прохвост* — просторечная форма слова «профос» — солдат, исполнитель телесных наказаний. *Регалии* — см. прим. 193. *Темляк* — см. прим. 193. *Репеёк* — колесико в шпоре. Братство *Кирилла — Мефодия* — общество по распространению православия на Волыни, организованное в г. Остроге славянофильской деятельницей А. Д. *Блудовой*. *Жомини* А. (1779—1869) — французский генерал и военный писатель, в 1813—1855 гг. с перерывами — на русской службе. *Аристид* (ок. 540—467 до н. э.) — один из влиятельнейших афинских политических деятелей, полководец. *Герасим искажает текст, называя сучец — сломицею.* В Евангелии от Матфея (гл. 7, ст. 3) сказано: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?» Сучец — сучок, сломица — соломина. *Консистория* — церковное учреждение при архиерее по управлению епархией. *Св. Синод* — высший церковный орган в России. *Донос... Аракчееву, донос и к архипастырю Фотию.* Упоминая А. А. Аракчеева (1769—1834) и архимандрита Фотия (1792—1838), авторы как бы относят события, описанные в «Церемониале», в далекое прошлое, но другие события связывают его с 1860-ми гг. *Отпуск* — второй экземпляр отосланного письма. *Бланманже* — желе из сливок. *Суфле-вертю* — воздушный пирог. *Иереи* — священники.

3. СТИХОТВОРНЫЕ ЗАПИСКИ. ЭКСПРОМТЫ. НАДПИСИ. БУРИМЕ

208. Бп-37, с. 653. Автограф — ЦГАЛИ, арх. Жемчужниковых. *Жемчужников* А. М. — см. прим. на с. 590. *Кресс-салат* — овощное растение, листья которого употребляются для приготовления салата.

209. Бп-37, с. 654. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 24 апреля 1860 г. Автограф двух последних ст. с подписью «А. Пушкин» — ПД, в письме Маркевичу от 24 февраля 1859 г. *Маркевич* — см. прим. 36. *Бутков* В. П. — управляющий делами Главного комитета по крестьянскому делу, позже государственный секретарь, в канцелярии которого служил Маркевич в конце 1850-х гг. *И явись как ясный день* — строка из ст-ния Пушкина «Ночной зефир...» (у Пушкина — «как яркий день»).

210. СС-63, I, с. 652. Печ. по автографу ПД, бумаги К. К. Павловой. *Павлова* Каролина Карловна (1807—1893) — русская поэтесса, писавшая также на немецком языке; в 1856 г. уехала в Германию, где жила до конца жизни. Познакомилась с Толстым в Дрездене в начале 1860-х гг. *В борьбе суровой* и т. д. — автоцитата из ст-ния № 201. *О Вашем переводе Из драмы «Фауст»*. Перевод «Фауста», выполненный К. Павловой, неизвестен. Довольно много отрывков из него перевел сын поэтессы — И. Н. Павлов. *Серебролукий* — Аполлон; серебряный лук — один из его постоянных атрибутов. *Фебов синклит* — люди, причастные к поэзии, искусству.

211. Бп-37, с. 660. Автограф — ПД, в письме М. Н. Лонгинову без даты. Датируется по упоминанию в письме имени А. А. Фета, с которым Толстой познакомился не ранее 1864 г. *Лонгинов* М. Н. — см. прим. 190.

212. Кондратьев, с. 61, ранняя ред.; Десницкий В., На литературные темы, М.—Л., 1933, с. 312, беловая ред. Печ. по Бп-37, с. 350. Черновой автограф — ПД, арх. Т.; беловой с загл. «Болеславу Михайловичу Маркевичу, камергеру и члену разных увеселительных обществ — от благодарного автора» и датой: «Пустынька, 1-го мая 1867» — находился в собрании Десницкого. Ст-ние связано с небрежной корректурой С-67, которую, по просьбе автора, вел Б. М. Маркевич. Большой список опечаток, составленный Толстым, приложен к изданию. *Алкивьяд* — Алкивиад (451—404 до н. э.), афинский политический деятель и полководец, обладал большими способностями, но был крайне легкомыслен, самолюбив и своенравен. *Сменив Буткова на Каткова.* О Буткове см. прим. 209. В 1860-х гг. Маркевич стал решительным сторонником реакционного журналиста М. Н. Каткова. *С изнеможением в кости* — строка из ст-ния Ф. И. Тютчева «Как птичка раннею весною. . .». *Ксантиппость* — слово, образованное от имени жены Сократа Ксантиппы, известной своим вспыльчивым и сварливым характером.

213. «Российская библиография», 1881, № 83(7), с. 154. Надпись на экземпляре С-67, подаренном министру народного просвещения Д. А. *Толстому* (см. прим. 146), книга не сохранилась. *Бисмарк. . . Пишет Австрии устав.* В 1866 г. Австрия была разгромлена Пруссией. По мирному договору, разработанному министром-президентом Пруссии О. фон Бисмарком, был упразднен Германский союз, в котором руководящая роль принадлежала Австрии, и образован Северо-Германский союз во главе с милитаристской Пруссией. *Бонапарт* — Наполеон III (1808—1873), французский император в 1852—1870 гг., вел многочисленные захватнические войны. *О Щербине не забудьте.* Поэт Н. Ф. Щербина (1821—1869), с которым Толстой находился в приятельских отношениях, был очень болен (см. СС-64, IV, с. 243).

214. СС-63, I, с. 655. Надпись на экземпляре С-67, утраченном в годы войны. *Мейендорф* Феликс Казимирович (ум. 1870) — русский дипломат. *Делившему Дни римские с певцом.* Толстой встречался с Мейендорфом в Риме в 1866 г. *Переломившему Копье с святым отцом.* До 1866 г. Мейендорф занимал должность старшего секретаря русской миссии в Ватикане и фактически исполнял обязанности посла. На аудиенции 15 декабря 1865 г. у него произошло резкое

столкновение с папой Пием IX, в результате чего были разорваны дипломатические отношения между Россией и Ватиканом и аннулирован конкордат (соглашение) 1847 г. Этому событию посвящен также публикуемый впервые набросок Толстого (см. № 306).

215. ВЕ, 1895, № 11, с. 169. Печ. по автографу — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 3 ноября 1869 г. *Мальцева* Анастасия Николаевна (1820—1894) — жена крупного заводчика С. И. Мальцева, приятельница царицы. *«Тигр»* — пароход Черноморского флота, на котором императрица, Толстой, Мальцева и др. плыли из Ливадии в Одессу во время сильной качки. Маркевичу Толстой писал: «Все в большей или меньшей степени страдали от морской болезни... и когда императрица выразила желание — услышать стихи в честь г-жи Мальцевой и ее дочери, которые в тот день были именинницы, я тут же смог написать нижеследующее... По несчастью, тост не мог состояться, так как г-жа Мальцева и ее дочь Анастасия предавались стенаниям в своих каютах» (СС-64, IV, с. 316).

216. Бп-37, с. 377. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 3 ноября 1869 г. Посылая ст-ние Маркевичу, Толстой писал: «Ваше препирательство с Стасюлевичем тоже вдохновило меня на куплеты, но я их показал только жене и сразу же уничтожил, так как шутка там местами — дурного тона. Я даже и забыл эти куплеты — помню только, что начинались они так». Приведя ст-ние, Толстой заключает: «И так далее; остальное я забыл» (СС-64, IV, с. 315). Таким образом, нам известна только часть ст-ния. Говоря о препирательстве, Толстой имеет в виду дискуссию, развернувшуюся между М. М. Стасюлевичем и Б. М. Маркевичем по поводу школьной реформы: последний был решительным сторонником классических гимназий, Стасюлевич же отстаивал необходимость реальных училищ (см.: Стасюлевич М., Маневр противников нашей школьной реформы. — ВЕ, 1869, № 5; Маркевич Б., Господин Стасюлевич и его диалектические и иные приемы. — «Совр. летопись», 1869, № 18; Стасюлевич М., Письмо в редакцию о господине Каткове. — СПВ, 1869, 23 мая; его же: Московские компрачикосы. — ВЕ, 1869, № 6; Маркевич Б., Письмо в редакцию «Моск. ведомостей» о господине Стасюлевиче. — «Совр. летопись», 1869, № 20 и др. статьи). Будучи также сторонником классического образования, Толстой вместе с тем выступает в ст-нии не за сохранение его, а против того тона, в котором шла дискуссия: «В с е наши полемисты, — писал он Маркевичу 26 мая 1869 г., — Катков в первую очередь, Стасюлевич, Аксаков и ignobile pecus [1] фельетонистов не умеют полемизировать, так как не аргументируют, а бранятся. Стасюлевич всякое мнение, не согласное с его собственным, называет д о н о с о м, Катков — п р е д а т е л ь с т в о м» (СС-64, IV, с. 301).

217. Лирондель, с. 607. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 22 декабря 1869 г. Ст-ние связано с той же полемикой, что и № 216. В письме Маркевичу ст-нию предшествуют слова: «Редактор „Вестника Европы“ говорит в последнем номере своего журнала, что падение Афин и Рима доказывает, как неудовлетворителен был классицизм. Это очень хорошо, и я думаю напи-

---

[1] Простой скот (лат.).

сать по этому поводу песню. Пока что я могу только набросать эти несколько неудовлетворительных стихов». Толстой имеет в виду полемическое прим. Стасюлевича к статье С. М. Соловьева «Наблюдения над исторической жизнью народов»: «Древняя цивилизация, выразившаяся в произведениях ее философов, поэтов, историков, оказалась бессильною, чтобы спасти свое общество... Если же классическая литература, классическая философия оказались бессильными воспитательными началами даже у себя дома, на родной почве, то как понять то общеобразовательное значение, какое хотят придать классической литературе в наше время» (ВЕ, 1869, № 12, с. 540).

218. Лирондель, с. 607. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 22 декабря 1869 г. В письме ст-ние отделено от предыдущего признанием: «Что до меня, то я откровенный классик, я люблю греческий мир, и все греческое мне нравится». После ст-ния Толстой иронически замечает: «Это было прекрасное время, однако античный мир уступил место христианскому миру, ergo нехорошо быть классиком», и восклицает: „Снимем панталоны!“» Ст-ние показывает, что Толстой действительно великолепно знал древнегреческую мифологию. *Алкид* (греч. миф.) — по преданию, настоящее имя Геракла. *Стимфалидов стаи* (греч. миф.) — птицы с медными крыльями, когтями и клювами, питавшиеся человеческим мясом; перья, которые они роняли, убивали, как стрелы. Геракл истребил этих птиц (пятый подвиг героя). *Хирон* (греч. миф.) — по одному из вариантов мифа, мудрый кентавр Хирон нечаянно ранил себя отравленной стрелой Геракла. *Пазифая* (греч. миф.) — жена Миноса, мифического царя о. Крит. *Аристогитон* и *Гармодий* — двое афинских юношей; оскорбленные тираном Гиппархом во время панафинейского праздника в 514 г. до н. э., убили его. Гармодий был заколот телохранителями, Аристогитон — пойман и казнен. После упразднения тирании в 510 г. до н. э. юноши считались «возобновителями свободы», их потомкам оказывались полуритуальные почести.

219. Бп-37, с. 655. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 28 декабря 1869 г. «Мне не хочется кончить письмо без какого-нибудь четверостишия, — писал Толстой, — но ничего не приходит в голову. Попробуем буриме. Буду — честное слово! — писать наудачу, и если получится глупо, то это будет не нарочно» (СС-64, IV, с. 337). Ст-ние связано с полемикой между Стасюлевичем и Маркевичем о классическом образовании (см. прим. 216).

220. Бп-37, с. 656. Печ. по автографу ПД, в письме к Б. М. Маркевичу от 28 декабря 1869 г. «Попробуем-ка еще, благо есть место», — писал Толстой, закончив предыдущее ст-ние. Ю. Ф. *Самарин* (см. прим. 181) в своем труде «Окраины России» (Спб., 1868) утверждал, что на окраинах очень сильно антирусское движение, которому, к сожалению, не придается должного внимания правительством. В возникшей полемике Самарин обвинял В. Б. *фон Бокка* (1816—1903) в антирусской пропаганде в Прибалтийском крае (Самарин Ю., Ответ гг. фон Бокку и Ширрену по поводу «Окраины России», Берлин, 1870). *Решпект* — уважение, почтение. *«Lieber Augustin»* — песенка, популярная среди немцев, живших в России.

221. ВЕ, 1895, № 11, с. 176. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 11 января 1870 г. *Майков* А. Н. (1821—1897) —

поэт, много писавший на темы исторического прошлого России. *Мей* Л. А. (1822—1862) — поэт, занимался переложением фольклора и летописных сказаний, автор драм: «Царская невеста» и «Псковитянка». *Мин* Д. Е. (1818—1885) — поэт и переводчик. *Марков* — видимо, Е. Л. Марков (1835—1903) — писатель и этнограф. *Миняев* (Минаев) Д. Д. (1835—1889) — поэт-сатирик. *Ширяев* Г. И. — автор книг о путешествиях к «святым местам», был слепой. *Соллогуб* В. А. (1813—1882) — прозаик и поэт.

222. Лирондель, с. 610. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 14 мая 1871 г. «Если бы не наступила уже весна и не пели соловьи, — писал Толстой Маркевичу, — я написал бы ругательное письмо Тимашеву (что, впрочем, собираюсь сделать), но мягкая погода и меня делает кротким» (СС-64, IV, с. 364). *Вельо* — см. с. 584.

223. Лирондель, с. 611. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 14 мая 1871 г. Закончив предшествующее ст-ние, Толстой добавил: «Я хотел бы, чтобы такие же чувства Вы питали к Стасюлевичу», и далее написал наст. ст-ние. *Долго так бранится.* После первых резких статей, которыми обменялись Стасюлевич и Маркевич (см. прим. 216), дискуссия продолжалась: по-видимому, Маркевич был автором статьи «Митральеза в войне за реальное образование» (РВ, 1871, № 4, подпись: Русский гражданин), Стасюлевич ответил статьей «По поводу полемики о реальном образовании» (ВЕ, 1871, № 5).

224. Бп-37, с. 656. Автограф — ПД, в письме М. Н. Лонгинову от 3 июля 1871 г. Письмо начинается: «Друг Лонгинов, слава богу, я здоров» и т. д. После строфы второй — вставка: «т. е. если она попросит тебя прислать ей таковой паспорт». Лонгинов был в это время орловским губернатором, а имение Красный Рог, где жили Толстые, находилось на границе Черниговской и Орловской губерний. О М. Н. *Лонгинове* см. прим. 190.

225. Бп-37, с. 657. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 28 июня 1872 г. *Василий* — видимо, кучер в имении Толстого *Красный Рог. Помочь вам в Брянске.* При поездке в Красный Рог в Брянске нужно было делать пересадку на *Выгоничи. Коляска ждет на полдороги.* От Выгоничей до Красного Рога 25 км ехали на лошадях. *Терпсихора* (греч. миф.) — муза танца. *Хариты* (греч. миф.) — богини красоты, олицетворение женственности.

226. Стасюлевич, с. 368. Печ. по автографу ПД, в письме М. М. Стасюлевичу от 18 ноября 1873 г. Написано в связи с тем, что Толстой предложил ВЕ поэму «Портрет» в виде подарка, бесплатно, а Стасюлевич на это обиделся. «Прихлопни меня на этом месте анафема, если я мог думать, что предлагаемый мною дар заключает в себе что-либо обидное для Вашего журнала!» — писал Толстой.

227. РС, 1882, № 3, с. 824, в составе письма к М. П. Арнольди от 27 февраля (11 марта) 1875 г. из Флоренции. «Многоуважаемый Михаил Петрович, — писал Толстой, — сердечно благодарю тебя за

ржаные сухари, которые только что получил... в самый вечер полученья от него (сушеного хлеба. — *Е. П.*) не осталось и следа: мы его сокрушили с жадностью акулы и горько сожалели, что ты не прислал боле» (изд. Маркса, IV, с. 297). *Арнольди* М. П. — давний знакомый Толстого.

228. Бп-37, с. 659. Автограф — ПД, в письме В. А. Арцимовичу от 3 апреля 1875 г. *Арцимович* Виктор Антонович (1820—1893) — муж двоюродной сестры Толстого А. М. Жемчужниковой, видный чиновник.

229. Иллюстрированное приложение к «Новому времени», 1900, 23 сентября, в статье В. Горленко «Из переписки гр. А. К. Толстого». Записка сопровождалась, по сообщению публикатора, фантастическими «Место печати» и «В руце лето».

230. Бп-37, с. 659. Автограф — ЦГИАЛ, арх. Перовских. *Жемчужников* А. М. — см. прим. на с. 590. *Селери мусё* — овощи со взбитыми сливками. *Елагина* — возможно, М. В. Елагина, внучка А. П. Елагиной, хозяйки известного в 30—40-е годы литературного салона.

231. СПВ, 1913, 15 августа, в статье Д. Н. Цертелева «Отношение гр. А. К. Толстого к Пушкину». По сообщению Цертелева, эти надписи были сделаны Толстым на экземпляре лейпцигского издания стихотворений Пушкина 1861 г., давно утраченном. Но некоторые, видимо, были сочинены раньше: еще в 1859 г. в «Искре» (№ 39, с. 392) была напечатана небольшая заметка: «Всем известно четверостишие Пушкина «Золото и булат»; мы слышали другое, присочиненное неизвестно кем», и далее следовало четверостишие Толстого с отличием в третьей строке: вместо «Так ступай!» — «Пошел вон!»; П. А. Ефремов приписывал эту надпись М. Л. Михайлову (см.: Пушкин А. С., Соч., Спб., 1905, т. 8, с. 275). Цертелев сообщает, что надписей было множество, «преимущественно в форме двустиший или четверостиший... Везде, где попадаются слова: Лель, повеса, шалуны, цевницы, хариты — Толстой подчеркивает их и снабжает примечаниями... Против некоторых стихотворений стоят краткие восклицания: «хорошо», «великолепно», «вот это я понимаю»; но большею частью примечания имеют характер шутки». Тексты Пушкина, в ряде случаев не совпадающие с текстами современных изданий, даются также по изд. 1861 г. *Мглин* — центр Мглинского уезда (Черниговская губерния), где находилось имение Толстого Красный Рог. *Хариты* — см. прим. 225. *Авзония* — Италия. *Камены* (греч. миф.) — музы. *Цитерея* (Киферея) — одно из прозвищ Афродиты, которая особо почиталась на острове Кифера. *Филимонов* В. С. (1787—1858) — поэт, беллетрист и драматург, знакомый Пушкина. *Пресня* — район Москвы, где жили знакомые Пушкина Ушаковы. *Захаржевский* (у Д. Цертелева ошибочно — Закржевский) Я. В. (1780—1860) — начальник царскосельского дворцового управления.

232. Горленко В., Отблески, изд. 2-е, Спб., 1906, с. 49.

233. Горленко В., Отблески, изд. 2-е, Спб., 1906, с. 49. Печ. по автографу ЦГИАЛ, арх. Перовских.

234—245. Бп-37, с. 661—665. Автографы 13 буриме — ЦГИАЛ, арх. Перовских.

237. *Ромул* и *Рем* — братья, легендарные основатели города Рима. *Реин батюшка* — царь Альба Лонги по имени Нумитор. Его дочь Рея Сильвия, принявшая обет безбрачия, так как была посвящена в весталки, тем не менее родила от Марса братьев-близнецов. *Ижица* — последняя буква русского дореволюционного алфавита, употреблялась в немногих словах греческого происхождения. *Оделаванд* (eau de lavande) — лавандовая вода. *Монферранд* — Монферран А. А. (1786 — 1858), русский архитектор, по происхождению француз, построил Исаакиевский собор (1818—1858) и Александровскую колонну (1830—1834) в Петербурге.

239. *Лабазник* — торговец зерном или мукой. *Живот* — здесь: жизнь. *Кивот* (киот) — застекленный ящик или шкафчик для икон. *Паскевич* И. Ф. (1782—1856) — русский генерал-фельдмаршал, руководил подавлением Польского восстания 1830—1831 гг.

240. *Перовский* Б. А. (1815—1881) — дядя Толстого и его близкий приятель. *Березовский* М. С. (1745—1777) — композитор.

242. *Сенат* — высший государственный орган в России 1711—1917 гг. *Саваоф* — одно из имен бога в Библии.

243. *Соллогуб* — см. прим. 221.

244—245. *Аскольд* (ум. 882) — древнерусский князь, по преданию, вместе с Диром правил в Киеве. Убит кн. Олегом.

Коллективное

246. Бп-37, с. 665. Список — ЦГАЛИ. Написано в соавторстве с В. А. Соллогубом (см. прим. 221). *Бобринский* Алексей Павлович (1826—1890) — министр путей сообщения в 1871—1874 гг.

III
ПЕРЕВОДЫ

Джордж Гордон Байрон

247. РБ, 1859, кн. 18, с. 3. Печ. по С-67, с. 185. Автограф ранней ред. — ПД, арх. Т., тетр. 1. Перевод ст-ния «The destruction of Sennacherib». 14 октября 1856 г. Толстой писал С. А. Миллер, что Б. М. Маркевич «очень восхищался» переводом этого ст-ния, а когда адресат высказала ему какие-то замечания, повторил 27 октября 1856 г.: «„Ассирияне“ хороши; неправда, что они плохи, никто еще не сделал такого точного перевода» (СС-64, IV, с. 86, 89). *Ассирияне.* Речь идет о походе ассирийского царя Сенахериба (VIII—VII вв. до н. э.) на Иудею. *Багрец* — см. прим. 141. *Галилея* — см. прим. 104. *Ваал* — древнее общесемитское божество, которому приносились человеческие жертвы.

248. С-67, с. 187. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1; авториз. список — ГБЛ. Перевод ст-ния «Sun of the sleepless melancoly star!..».

30 августа 1859 г. Толстой сообщил М. П. Погодину: «Посылаю Вам два незначительных стихотворения, да и то переводы» («Памятники культуры. Новые открытия. 1979», Л., 1980, с. 100). Самому Толстому перевод не понравился, «да и оригинал мне не очень нравится» — добавил он в письме к С. А. Миллер от 14 октября 1856 г. (СС-64, IV, с. 87). Но ранее, когда еще Толстой работал над переводом, он писал тому же адресату: «Мне хочется посмотреть, лучше или хуже моего перевод Фета» (там же, с. 84). Перевод, сделанный А. А. Фетом, — «О солнце глаз бессонных — звездный луч. . .» — см.: Фет А., Полн. собр. стих., Л., 1959, с. 670 («Б-ка поэта», Б. с.). Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым.

Андре Шенье

*** 249—254.** БдЧ, 1857, № 1, с. 10. Печ. по С-67, с. 181. Черновые наброски — ПД, арх. Т., тетр. 2. Автографы — ПД, арх. Т., тетр. 1; арх. БдЧ. Ранняя ред. № 249 — Кондратьев, с. 36. 25 ноября 1856 г. Толстой писал С. А. Миллер: «Я тебе посылаю несколько стихотворений в переводе и не скажу тебе, кто автор оригиналов» (СС-64, IV, с. 92). Это были переводы из А. Шенье. «Временами для меня, — писал он Б. М. Маркевичу 20 марта 1860 г. — истинное наслаждение переводить Шенье, наслаждение физическое и пластическое, наслаждение формой, позволяющее отдаваться исключительно музыке стиха» (там же, с. 114). Переводы эти были замечены критикой. Н. С. Курочкин, например, в статье «Библиографическая параллель» признал плохими все переводы Толстого, но отметил: «. . .за исключением переводов из Шенье» («Дело», 1868, № 1, с. 33).

249. Перевод ст-ния «Tiré de Moschus». *Крылатый бог любви* — Эрот. *К Европе страсть* и т. д. Зевс (греч. миф.) явился Европе — дочери финикийского царя Агенора в виде быка, похитил ее и доставил на о. Крит.

250. Перевод ст-ния «C'est le dieu de Niza, c'est le vainquer du Gange. . .». *Низийский бог* (греч. миф.) — Дионис (Вакх). По преданию, Зевс, явившийся к матери Диониса Семеле, испепелил ее своими молниями, вынул Диониса из чрева матери и позже отдал его на воспитание нисейским (низийским) нимфам. В одном из вариантов мифа местонахождение Нисы — Индия.

*** 251.** Перевод ст-ния «Accours, jeune Chromis, je t'aime et je suis belle. . .». *Стерно* — руль. *Фетида* (греч. миф.) — старшая из нереид — нимф моря.

252. Перевод ст-ния «L'impur et fier époux que la chèvre désire. . .». *Супруг блудливых коз.* Пан (греч. миф.) — бог лесов и рощ — изображался с рогами, козлиными копытами и бородой.

253. Перевод ст-ния «Fille du vieux pasteur, qui d'une main agile. . .».

*** 254.** Перевод ст-ния «A compter nos brebis je remplace ma mère. . .».

Иоганн Вольфганг Гёте

*255. РВ, 1867, № 9, с. 259, ранняя ред., под загл.: «Магадева и баядера. Индейская легенда. Из Гёте» и указанием места и даты написания. Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 397. Черновой набросок 2-й строфы — ПД, арх. Т., зап. кн. 2. Перевод ст-ния «Der Gott und die Bayadere». 31 июля 1867 г. Толстой сообщил жене: «А я перевел очень хорошо „Der Gott und die Bayadere"» (СС-64, IV, с. 214) и ей же в нач. сентября 1867 г.: «Я начинаю думать, что я лучше перевожу, чем m-me Павлова, с немецкого на русский. С русского на немецкий я уверен, что она лучше переводит. «Бог и баядера» гораздо легче ⟨чем «Коринфская невеста»⟩, так как там нет этих коротеньких стихов, и вышло по-русски очень гармонично и, мне кажется, переносит вполне читателя в желаемую сферу, тожественную с оригиналом» (там же, с. 215). В. М. Жирмунский писал о переводе наст. ст-ния и «Коринфской невесты»: «Черновые наброски перевода «Бога и баядеры», сохранившиеся в записной книжке 1867 г., и сравнение первопечатной редакции обеих баллад с окончательными собраниями стихотворений показывает, как долго и строго работал Толстой над окончательным текстом своих переводов. Но по сравнению с профессиональными переводчиками второй половины XIX в., переводившими основную «мысль» стихотворения, т. е. его содержание в отрыве от формы, Толстой сумел передать не только абстрактное содержание обеих баллад, но также их своеобразную лирическую атмосферу, их художественное «впечатление», — и в этом специфическая установка его переводов, принадлежащих к лучшему, что сделано в этой области на русском языке» (Жирмунский, с. 449—450). *Баядера* — храмовая танцовщица в Индии, служительница религиозного культа. *Магадев* — «великий бог», прозвище Шивы, одного из трех главных богов (Шива, Брахма и Вишну) в индуистской мифологии. *Ковы* — здесь: тайные мысли. *Брамины* — каста жрецов в древней Индии. *Ученье Брамы* — брахманизм, одна из древнейших религий Индии, по которой душа человека после смерти тела переходит в новую оболочку, причем верность и смирение человека могут дать его душе возможность перевоплотиться в более высокое существо, вплоть до небожителя. *Кимвал* — см. прим. 135.

*256. ВЕ, 1868, № 3, с. 1, ранняя ред., с подзаг. «Из Гёте» и указанием места и даты написания. Черновые наброски — ПД, арх. Т., зап. кн. 2. Перевод ст-ния «Die Braut von Korinth». 31 июля 1867 г. Толстой писал жене: «...теперь перевожу «Die Braut von Korinth»; не знаю, удастся ли оно... Только это я здесь и могу писать, потому что можно взять в карман маленькую книжку и карандаш и гулять по горам» (СС-64, IV, с. 214). В начале сентября в письме тому же адресату Толстой в связи с «Коринфской невестой» развил свою теорию поэтического перевода: «Я уже перевел 16 строф... и мне кажется, что между ними есть некоторые отличные. Насколько русский язык красивее немецкого! Гораздо музыкальнее вышло по-русски... и, по-моему, некоторые строфы вышли лучше по-русски, чем по-немецки. Я стараюсь, насколько возможно, быть верным оригиналу, но только там, где верность или точность не вредит художественному впечатлению, и, ни минуты не колеблясь, я отдаляюсь от подстрочности, если это может дать на русском языке другое впечатление, чем по-немецки. Я думаю, что

не следует переводить слова, и даже иногда смысл, а главное, надо передавать впечатление. Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы в ту же сферу, в которой находится читатель оригинала, и чтобы перевод действовал на те же нервы. И этого, кажется, мне удалось достичь. Что ужасно трудно — это маленькие, короткие два стиха перед концом каждой строфы. Наши слова все гораздо длиннее, чем немецкие, и против воли приходится иногда отказаться от перевода маленьких подробностей: в «Коринфской невесте» довольно большое количество стихов, вставленных лишь как заклепки, и я эти стихи без церемонии отбрасываю, и русская строфа выигрывает и становится лучше немецкой» (там же, с. 214—215). Наконец 1 октября 1867 г. Толстой добавил: «Я не знаю, что ты скажешь о моем переводе «Коринфской невесты», но я уверен, что я передал впечатление, часто не обращая внимания на подстрочность» (там же, с. 219). Процитировав эти высказывания Толстого, В. М. Жирмунский заметил: «Эта теория художественного перевода, при поверке поэтической практикой А. Толстого, вовсе не обозначает импрессионистической техники перевода» (Жирмунский, с. 449). Первоначально ст-ние было послано в РВ, но М. Н. Катков отверг его (см.: СС-64, IV, с. 282), и тогда Толстой решил передать перевод в ВЕ, предварительно запросив М. М. Стасюлевича в письме от 8 ноября 1867 г.: «Не знаете ли Вы, из какого греческого или латинского писателя Гёте почерпнул эту легенду? Мне хотелось бы сказать об этом два слова в выноске» (Стасюлевич, с. 303). Ответ Стасюлевича неизвестен, но в журнале ст-ние было сопровождено прим.: «Рассказ, весьма схожий с содержанием этой баллады, находится в книге... о чудесном Флегона Траллийского, вольноотпущенного императора Адриана. У Флегона все подробности события переданы очень обстоятельно и действующие лица названы по именам... В книге... недостает начала, и не видно, чтобы действие происходило именно в Коринфе. Трудно решить утвердительно, что Гёте взял свою балладу из Флегона; мы знаем только, что она написана в 1796 году, одновременно с «Баядерой», и принадлежит к его первоклассным произведениям по силе стиха, изящности картин и той объективности, с которой он становится на точку зрения язычества в его тогдашней борьбе с торжествующим христианством». Сообщая о своей работе К. Сайн-Витгенштейн, Толстой в письме от 9 мая 1868 г. заметил, что «Коринфскую невесту» «некоторые из наших поэтов начинали переводить, но никто не окончил. Говорят, что мой перевод удачен» (СС-64, IV, с. 288). Возможно, Толстой знал, что первую половину ст-ния в 1838 г. перевел К. С. Аксаков, но перевод остался незаконченным и неопубликованным (см.: Аксаков К. С., Соч., Пг., 1915, т. 1, с. 146—148). Современники критически отнеслись к этому переводу. Тургенев в письме к Я. П. Полонскому от 31 марта 1868 г. в сердцах бросил: «Какой он поэт! Что он сделал из бедной „Коринфской невесты“ Гёте!» (Тургенев И. С., Полн. собр. соч. и писем. Письма, М.—Л., 1964, т. 7, с. 113). Как обычно, отрицательный отзыв опубликовал В. П. Буренин (СПВ, 1868, 12 марта). Но с годами отношение к переводу Толстого было пересмотрено. В. В. Розанов в статье «Тут есть некая тайна» писал: «Стихотворение действительно чудно передано на русском языке» («Весы», 1904, № 2, с. 19); С. В. Соловьев назвал оригинал «гениальным стихотворением», которое «не менее гениально перевел Алексей Толстой» («Гёте и христианство», — «Богословский вестник», 1917, № 2-3, с. 255);

К. И. Чуковский относил ст-ние к «шедеврам перевода» (Чуковский К., Собр. соч. в 6-ти т., М., 1966, т. 3, с. 419). *Церера* (греч. миф.) — богиня плодородия и земледелия. *Агнцы* — овцы, традиционный предмет жертвоприношения в языческой древности. *Гимен* — Гименей (греч. миф.) — бог брака. *Ток* — здесь: вино. *Клиров пенье* — церковное пение.

257. Кондратьев, с. 32, как набросок оригинального ст-ния. Печ. по черновому автографу ПД, арх. Т., зап. кн. 2. Перевод песни Клерхен из «Эгмонта»: «Freudvoll und liebvoll...».

258. «Лит. наследство», 1932, т. 4-6, с. 680, с ошибкой в ст. 2. Печ. по беловому автографу ПД, арх. Т., зап. кн. 2. Перевод песни Клерхен из «Эгмонта»: «Die Trommel gerührt...».

Генрих Гейне

259. С-67, с. 190. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1; авториз. список — ГБЛ. Перевод ст-ния «Es ragt ins Meer der Runenstein...». Ст-ние было послано М. П. Погодину 30 августа 1859 г. для альм. «Утро» («Памятники культуры. Новые открытия. 1979», Л., 1980, с. 100), но второй вып. альм. вышел только в 1866 г. без ст-ния Толстого.

260. РВ, 1858, май, кн. 2, с. 354. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 1. Перевод последней строфы ст-ния «An den Nachtwächter».

261. С-67, с. 192. Автограф — ПД, арх. Т., тетр 1. Перевод ст-ния «Die Schlanke Wasserlilie...».

262. «Литературная библиотека», 1868, № 1, с. 86. Перевод ст-ния «Mein Liebchen, wir saßen beisammen...».

* **263.** «Литературная библиотека», 1868, № 1, с. 86. Черновые наброски ранней ред. — ПД, арх. Т. Перевод ст-ния «König Richard». *Ричард Львиное Сердце* (1157—1199) — английский король. *Сарацины* — см. прим. 144. *Христовых то воинов цвет.* В 1190—1192 гг. Ричард участвовал в третьем крестовом походе. *Ушел из австрийского плена!* В 1192 г. Ричард попал в плен к австрийскому герцогу Леопольду V, который передал его императору Священной Римской империи Генриху VI; за выкуп был освобожден в 1194 г.

264. ВЕ, 1869, № 5, с. 127, в тексте романа И. А. Гончарова «Обрыв». Печ. по ПСС-76, т. 2, с. 395. Автограф журнальной ред. — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 9 декабря 1868 г. Перевод ст-ния «Nun ist es Zeit, daß ich mit Verstand...». Маркевичу Толстой писал: «Это написано по заказу и не имело другой претензии, как только передать мысль оригинала». В ПСС-76 напечатано с подстрочной сноской: «Это стихотворение сообщено И. А. Гончаровым с просьбой поместить его по принадлежности в собрании сочинений графа А. К. Толстого, где, по верности перевода и изяществу стиха, оно должно занять не последнее место. Оно было переведено по просьбе г. Гончарова для 5-й части романа «Обрыв», где и напечатано». Эта сноска позволяет сделать вывод, что ст-ние включено в ПСС-76 без ведома автора, уже после его смерти.

Георг Гервег

*265. РВ, 1859, август, кн. 2, с. 601, с дополн. строфой после 3-й. Печ. по С-67, с. 188. Автограф ранней ред. — ПД, арх. Т., тетр. 1. Перевод ст-ния «Ich möchte hingehn wie das Abendrot...».

Из шотландского фольклора

266. ВЕ, 1873, № 1, с. 257. Автограф — ПД, письмо Б. М. Маркевичу от 13 декабря 1871 г. Ст-ние было переведено Толстым, видимо, еще весной 1871 г.: 16 апреля он писал жене, что на вечере у Абазы он прочел им «Эдварда» и добавил: «А я все больше и больше в восторге от этой баллады... Вот в ней-то сколько магнетизма!.. Эти вопросы о том, что знаешь, и эти уклоняющиеся ответы... и эта форма, какая-то сонная для ужасного диалога — точно обряд приговора совершается над виновными самими ими — в сомнамбулическом состоянии. Вот отчего конец не совсем такой, как бы я желал, и мне все кажется, что оно должно было кончиться на предпоследней строфе, без эффекта, — но тогда был бы только один виноватый, — а чувствуется, что их было два» (изд. Маркса, IV, с. 153). 13 декабря 1871 г. Толстой послал перевод Маркевичу и при этом писал: «Мой перевод не может быть хорош, потому что у меня нет древнеанглийского подлинника и переводить пришлось с немецкого, что я сделал со всей точностью, но только известно ли Вам в какой бы то ни было литературе что-либо столь же драматическое в столь лаконичной форме?.. Перечитывая, я всякий раз бываю потрясен и могу поставить это рядом только со сценой безумия Леди Макбет» (СС-64, IV, с. 389). «Это воистину какой-то колоссальный ужас! — ответил Маркевич 19 декабря 1871 г. — Лесков-Стебницкий... воскликнул, когда я кончил: „Зачем он это перевел? Это ужасно!"» (Маркевич, с. 123). Толстой был очень удовлетворен тем, что Маркевич оценил балладу, и 31 декабря 1871 г. отправил адресату письмо с подробным изложением как истории баллады, так и своей работы над ней. «Я нашел здесь ⟨в Висбадене⟩ ее оригинал в собрании древних английских стихотворений. Он написан на каком-то ломаном шотландском языке, почти непонятном... Не знаю, к какому столетию она относится, но, мне кажется, во времени она предшествует норманнскому завоеванию... Перевод, которым я пользовался, принадлежит некоему Фонтане. Есть и другой перевод — Шлегеля... Ну, может ли это, по-Вашему, быть созданием менестреля? Это — создание целого народа... Нельзя ведь сесть за стол и написать такую вещь с заранее обдуманным намерением» (СС-64, IV, с. 389—390). Толстого задело, что А. М. Жемчужников остался к балладе «совершенно равнодушен... и ровно ничего в ней не находит» (там же, с. 390). 1 декабря 1872 г. Толстой отослал балладу М. М. Стасюлевичу и при этом писал: «Баллада «Эдвард» переведена мною с немецкого языка очень близко, но, насколько я мог понять оригинал, я старался быть к нему еще ближе и отчасти, кажется, в этом успел. Не знаю, какое действие произведет эта баллада на Вас, но для меня это одна из самых сильных вещей, которые мне случалось видеть, и я ставлю ее на одну высоту со сценой «Lady Macbet». Примечание в выноске Вы можете ad libitum[1] печатать или не печатать» (Стасюлевич, с. 360).

[1] По желанию (лат.).

О каком прим. идет речь, не установлено, так как в ВЕ никакого прим. нет. Интересно, что перевод этой же баллады, сделанный К. К. Павловой, еще в 1839 г. был опубликован в ОЗ (№ 11, с. 159—161). Вот первая строфа его:

«Как грустно ты главу склонил,
Эдвард! Эдвард!
Как грустно ты главу склонил,
И как твой меч красён, — о!»
— «Я сокола мечом убил,
Матерь! Матерь!
Я сокола мечом убил;
Такого нет, как он, — о!»

К переводу дано прим. редакции: «Русская переводчица... перевела... балладу с л о в о в с л о в о и с намерением удержала это многозначительное *«о!»*, которым в подлиннике оканчивается каждое четверостишие. От повторения этого *«о!»* в целом стихотворении слышится какой-то болезненный стон, который в подлиннике придает особенную силу целой пиесе и который, несмотря на странность его, должен был необходимо сохраниться в переводе». Как видим, Толстой, исходя из своего понимания принципов перевода (см. прим. 264), подошел совершенно иначе к передаче особенностей оригинала и его перевод сделан значительно более художественно.

IV
СТИХОТВОРЕНИЯ НА НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Стихотворения на французском языке

267. Бп-37, с. 549. Автограф — ПД, арх. Т., тетр. 2. *Иаков Компостельский* — см. прим. 200. *Освальд* — герой романа де Сталь «Коринна».

268. «Гражданин», 1883, 11 декабря, с. 13, только строфа 3, в составе статьи В. П. Мещерского «Сокращенная русская история графа А. К. Толстого»; Лирондель, с. 522, три первых строфы; Бп-37, с. 549 — полностью. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 13 декабря 1868 г. Маркевич, видимо, получил это письмо Толстого с большим опозданием, и последний объяснял это тем, что письму он «предпослал маленькое хвалебное послание в стихах по адресу г-на Вельо, возможно, что все это он забрал себе и не счел нужным доставить Вам... Ведь тому, кто вскрывает письма, всегда приятно знать, что о нем думают» (СС-64, IV, с. 252). *Veillot* (Вельо) — см. с. 584. *Тимашев* — см. с. 583. *Фабльо* — стихотворная сатира, жанр поэзии трубадуров.

269. Бп-37, с. 550. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 16 декабря 1868 г. Печ. по автографу. *Melpomène* (Мельпомена), *Clio* (Клио) (греч. миф.) — музы трагедии и истории. *Veillot* (Вельо) — см. с. 584.

Стихотворения на немецком языке

270. Бп-37, с. 550. Печ. по автографу ПД, в письме к К. К. Павловой от 1 сентября 1869 г. Другой автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 3 ноября 1869 г. В письме Маркевичу Толстой назвал ст-ние «маленькой одой Каролине, которая минувшим летом жила в Пильнице, окруженная литературными знаменитостями» (СС-64, IV, с. 317). Ответ К. Павловой на это ст-ние — «Warum necken Sie brav...» в ее письме Толстому от 5 сентября 1869 г. (ПД). *Ульрици* Герман (1806—1884) — немецкий философ; Толстой встречался с ним в 1869 г. в Карлсбаде (см.: СС-64, IV, с. 323). *Veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил) — ставшие крылатыми слова Юлия Цезаря, которыми он сообщил римскому сенату об одной из своих побед. *Кюне Густав* (1806—1888) — немецкий писатель и критик. *Шлейден* Матиас-Якоб (1804—1881) — немецкий ботаник; Толстой познакомился с ним в конце 1862 г. в Дрездене (см.: СС-64, IV, с. 152). *Квадрига* — колесница, запряженная четверкой лошадей.

271. Стасюлевич, с. 311. Печ. по автографу ПД, в письме К. К. Павловой от 1 октября 1869 г. Другие автографы — ПД, в письмах М. М. Стасюлевичу без даты и Б. М. Маркевичу от 3 ноября 1869 г. Толстой писал Маркевичу: «Вот Вам маленькая безделка, написанная в Берлине... Она имела большой успех у саксонцев и австрийцев». *Kallipygen* (Каллипига) — название одной из статуй Венеры (по-греч. буквально: имеющая хороший зад). *Садова и Кенигингрец* (точнее: Кениггрец) — под этими населенными пунктами прусские войска нанесли поражение Австрии, решившее исход войны (см. прим. 213). Добавлением суффикса женского рода in и заменой буквы е на ä в слове Königgretz Толстой придал саркастическое звучание этому слову; оно стало означать: «королева с раскоряченными ногами».

272. ВЕ, 1895, № 11, с. 170. Печ. по автографу ПД, в письме К. К. Павловой от 2 октября 1869 г. Другой автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 3 ноября 1869 г. В. М. Жирмунский писал, что вторая строфа ст-ния есть перифраза ст-ния Гёте «Selige Sehnsucht» («Блаженная тоска»). «По своей теме стихотворения А. Толстого и Гёте не имеют точек соприкосновения. Тем более любопытно отметить перекличку словесного выражения, подтверждаемую намеком самого А. Толстого в письме к Маркевичу, которое содержит этот экспромт: «Как мог бы сказать Гёте в своем „Западно-Восточном Диване“» (Жирмунский, 451—452; слова Толстого см.: СС-64, IV, с. 317).

273. ВЕ, 1895, № 11, с. 173. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 15 декабря 1869 г. Первые две строфы были повторены Толстым в ст-нии № 287. *Черно-красно-желтый* — цвета немецкого национального флага.

274. СС-63, I, с. 676. Печ. по автографу ПД, в письме К. К. Павловой от 26 декабря 1869 г.

275. ВЕ, 1897, № 7, с. 96, только первая строфа; Бп-37, с. 552. Печ. по автографу ПД, в письме К. К. Павловой от 3 августа 1870 г. Черновые наброски — ПД, арх. Т., зап. кн. 2. *Воспевавший.., остров*

Рюген — см. ст-ние № 133. *Доктор Зееген* Иозеф (1822—1904) — профессор в Вене, Карлсбаде; лечил Толстого и Тургенева. *Мое детище* — возможно, драма «Посадник», план которой Толстой обсуждал с К. Павловой. *Амалия* — служанка у К. Павловой.

276. Бп-37, с. 553, ранняя ред.; СС-63, I, с. 678. Печ. по беловому автографу ПД, в письме К. К. Павловой от 5 августа 1870 г. Черновой автограф — ПД, арх. Т., зап. кн. 2. *Прибыл в это чудное местечко* — в Карлсбад. *То, чему мы дали жизнь* — возможно, «Посадник». *Лаубе* Генрих (1806—1884) — немецкий писатель и театральный деятель, директор венского, а с 1869 г. — лейпцигского театра; о встрече Толстого с ним летом 1868 г. см.: СС-64, IV, с. 233. *Федор* — «Царь Федор Иоаннович», постановка его в Германии не была осуществлена. *Довел до... конца Лжедмитрия.* Лаубе докончил незавершенную драму Шиллера «Димитрий».

277. Бп-37, с. 552. Автограф — ПД, арх. Т., зап. кн. 2. Черновые наброски — там же.

278. Бп-37, с. 552. Автограф — ПД, арх. Т., зап. кн. 2. *Пильниц* — курортный город в Германии.

279. Бп-37, с. 554, ранняя ред., под загл. «Kraftsprüche»; СС-63, I, с. 680. Печ. по беловому автографу ПД в письме К. К. Павловой от 11 августа 1870 г. Черновые наброски — ПД, арх. Т., зап. кн. 2. *Ксеркс* I (ум. 465 г. до н. э.) — персидский царь, в 480—479 гг. до н. э. возглавлял поход персов на Грецию. *Битва при Саламине.* Саламин — остров в Эгейском море. В 480 г. до н. э. в Саламинском проливе греческий флот разгромил флот Ксеркса.

280. Бп-37, с. 558. Черновые наброски — ПД, арх. Т., зап. кн. 2. 19 августа 1870 г. К. К. Павлова ответила Толстому: «Вчера пришла ко мне Ваша клопиная история; еще до ее получения я отправила, в припадке сильного негодования на наше общее занятие, несколько строк в Карлсбад, за которые, надеюсь, Вы на меня не рассердитесь. Из конца Вашего последнего послания вижу, что и Вы тоже считаете, что мы оба можем делать нечто лучшее, чем обмениваться сущей чепухой, стараясь довести ее до все большего совершенства» (Бп-37, с. 779). *Плауэн, Дебельн* — города в Южной Германии.

281. Бп-37, с. 559. Автограф и черновые наброски — ПД, арх. Т., зап. кн. 2. Ответ на письмо К. К. Павловой от 19 августа 1870 г. (см. прим. 280) и ее ст-ние «Genug Wortschwalls, des sich reihenden...» (Павлова К., Полн. собр. ст-ний. Л., 1939, с. 375).

282. СС-63, I, с. 688. Автограф — ПД, в письме К. К. Павловой от 24 июля 1871 г.

283. СС-63, I, с. 689. Автограф — ПД, в письме К. К. Павловой от 5 августа 1871 г. *Император Барбаросса* Фридрих I (ок. 1125—1190) — германский король и император Священной Римской империи.

284. СС-63, I, с. 690. Автограф — ПД, в письме К. К. Павловой от 6 августа 1871 г.

285. СС-63, I, с. 692. Автограф — ПД, в письме К. К. Павловой от августа 1871 г. В основу ст-ния положена старинная новгородская легенда о путешествии новгородского архиепископа Иоанна на бесе в Иерусалим (см.: «Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко», Спб., 1860, вып. 1, с. 243—248). По этой же легенде Пушкин написал поэму «Монах» (сохранились три первые песни). У Толстого, как обычно, некоторое «снижение» образов и событий: едет не архиепископ, а просто монах, не в Иерусалим, а в Киев, черт превращен не в крылатого коня, а в козла и т. п.

286. СС-64, IV, с. 439. Автограф — ПД, в письме К. К. Павловой от 14 февраля 1875 г. Толстой сообщил К. Павловой, что Ф. Лист неоднократно просил его прислать сделанный ею перевод «Слепого» (ст-ние № 142), чтобы написать музыку к нему. Толстому этот перевод сначала не понравился, и он не послал его Листу. Далее Толстой пишет: «После того как мне попался другой немецкий перевод этой маленькой поэмы, я особенно оценил Ваш перевод. Так как Листу не терпелось получить стихотворение, он дал его перевести некоему лицу, имени которого я не хочу называть, и, когда мне переслали перевод, я чуть было не лишился чувств и воскликнул: veto! [1]» Далее следует наст. ст-ние, и Толстой заключает: «Пришлите мне, умоляю Вас, Ваш п р е к р а с н ы й, о т л и ч н ы й перевод» (СС-64, IV, с. 439—440).

287. Feder E., Ludo Gartmanns Stammbuch. Ein Gedenkblatt zum 14 November 1925, Berlin, 1925, S. 9. Печ. по Бп-37, с. 714. Первые две строфы — см. ст-ние № 273, но новое окончание делает наст. ст-ние самостоятельным. *Гартман* Лудо (1865—1924) — во время написания ст-ния — десятилетний сын австрийского посла и общественного деятеля демократического лагеря Морица Гартмана, впоследствии — известный историк. О «маленьком Лудо» Толстой упоминает в письме к С. А. Толстой 2 июля 1875 г. (см.: СС-64, IV, с. 451); обращение вписано в его альбом 12 июля 1875 г.

V
ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Ст-ния эти, кроме № 293, были извлечены Лиронделем из автографов Толстого, находившихся среди бумаг В. Ф. Одоевского, хранившихся в Историческом музее в Москве, и впервые им напечатаны (Лирондель, с. 614—629). В настоящее время в архиве Одоевского автографов Толстого нет и местонахождение их неизвестно. Лирондель довольно педантично воспроизвел орфографию автографов: «Сдравствуйте», «повора», «хлопочат», «произходит», «печька», «междy пнев» (в одном месте карандашом исправлено: «между пний»), путаницу в написании «ѣ» и «е» и т. п. Это позволяет сделать вывод, что ст-ния написаны действительно в детском возрасте. № 288—292 печ. по первой публикации в кн. Лиронделя (с. 614).

[1] Запрещаю! (лат.).

288. Пересказ сказки итальянского писателя К. Гоцци «Король-олень». В текст внесено несколько исправлений по смыслу, так как в первопечатном тексте есть или явные опечатки, или неверное прочтение автографа. *Гайдуки* — слуги.

289. Лирондель в подстрочных сносках привел несколько вариантов карандашных исправлений, сделанных в автографе; в наст. издании эти поправки введены в текст. В текст внесено также одно исправление (ст. 47): «уж нам» вместо бессмысленного «убег наш». *Иванов день* — день Ивана-Купалы, древнеславянский праздник летнего солнцестояния, приходится на 7 июля.

290. *Ма́хина* — машина.

291. Анафорический зачин «Ты помнишь ли...» в дальнейшем неоднократно использовался Толстым (см. № 3, 50).

292. *Великий Губертус.* Св. Губертус считался покровителем охотников.

293. ВЕ, 1897, № 4, с. 622. В письме С. А. Миллер от 19 июня 1855 г., приведя это ст-ние, Толстой заметил, что оно написано, когда ему было 15 лет (изд. Маркса, IV, с. 59).

2. НЕЗАКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ. ОТРЫВКИ

294. Кондратьев, с. 24, строфы 1—4. Печ. по Бп-37, с. 566. Черновой автограф — ПД, арх. Т. Кондратьев (с. 24) и Лирондель (с. 49) связывают написание ст-ния со временем пребывания автора на юге Франции.

295. РВ, 1882, № 1, с. 404. Печ. по ПСС-82, т. 2, с. 284. В ст-нии использованы зачеркнутые строки из ст-ния № 294.

296. Кондратьев, с. 21. Печ. по Бп-37, с. 565. Черновой автограф — ПД, арх. Т. *Маршалок* (польск.) — распорядитель на празднестве, домоправитель. *Далибуг* (польск.) — ей-богу. *До панскои мости* — к панской милости. *Гетман коронный* — в Польше XVI—XVIII вв. главнокомандующий вооруженными силами.

297. Бп-37, с. 567. Черновой набросок — ГПБ, зап. кн.

298. КО, с. 378. Печ. по автографу. ГПБ, зап. кн. Ст-ние связано с поездкой Толстого по Крыму летом 1856 г., после окончания Крымской войны. *Генуи сыны.* В XIV в. крымский город Балаклава принадлежал генуэзцам. *Красные штаны* — форма солдат французской армии.

299. Кондратьев, с. 39. Печ. по автографу ПД, арх. Т. В автографе текст зачеркнут, строка 17 недописана. Черновые наброски — ГПБ, зап. кн. *Знакомый мне раввин* — С. А. Бейме (1817—1867), караимский раввин (священник) и ученый, с которым Толстой познакомился летом 1856 г. во время поездки по Крыму. 28 ноября 1858 г. Толстой писал о нем Н. М. Жемчужникову как об одном «из обра-

зованнейших и приятнейших людей» (СС-64, IV, с. 97). *Хартия* — здесь: старинный документ, бумага. *Талмуд* — священная книга иудеев. *Каббала* — религиозное учение, основанное на толковании священных текстов, в которых словам и числам придавалось мистическое значение. *Цехины* — венецианские золотые монеты.

300. КО, с. 380. Печ. по автографу ГПБ, зап. кн.

301. КО, с. 379, два отрывка. Печ. по Бп-37, с. 568. Черновые наброски — ГПБ, зап. кн.

302. Бп-37, с. 654. Автограф — ГПБ, зап. кн. *Закревский* А. А. (1783—1865) — московский генерал-губернатор в 1848—1859 гг. *Беринг* — Тимашев-Беринг А. А. (1812—1872), московский обер-полицмейстер в 1854—1857 гг.

303. Кондратьев, с. 36. Черновые наброски — ПД, арх. Т., тетр. 2. Кондратьев высказал предположение, что ст-ние навеяно чтением А. Шенье.

304. Бп-37, с. 654. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу без даты, но относящемуся, по-видимому, к первым годам их знакомства.

305. Кондратьев, с. 48, отрывки, с разночтениями. Печ. по Бп-37, с. 569. Черновой автограф — ПД, арх. Т. Строфы 2 и 3 второго отрывка в первоначальной ред. уже были записаны в черновом автографе ст-ния № 294; позже Толстой повторил их в ст-нии № 94. В автографе есть и другие необработанные строки, записи рифм, короткие прозаические заметки и т. п. (см.: Бп-37, с. 780). *Патриот... квасной.* «Квасной патриот» — выражение, принадлежащее П. А. Вяземскому (см.: Вяземский П. А., Полн. собр. соч., Спб., 1878, т. 1, с. 244). *Законы Годунова.* Говоря, что он не хочет «блюсти законов Годунова», Толстой как бы выражает несогласие с указом 1592—1593 г., во время фактического правления Годунова, по которому было отменено право крестьян переходить от одного помещика к другому в Юрьев день, чем юридически было оформлено крепостное право. *Язык* — языком в старину называли свидетеля, который, часто под пыткой, давал показания против обвиняемого. *Правеж* — битье батогами несостоятельного должника. *Максим Грек* (1480—1556) — греческий монах, приглашенный на Русь для перевода богослужебных книг; выступал против стяжательства духовенства, злоупотребления властей, за что в 1525 г. был осужден и остаток жизни провел в ссылке в различных монастырях. *Скуфья* — остроконечная шапка, которую носили церковнослужители, монахи. *На два разные народа Распалась русская земля.* Толстой неоднократно утверждал, что русские домонгольского и послемонгольского периода — это разный народ: первый — независимый, свободолюбивый, принадлежащий к европейской культуре, второй — привыкший к подчинению, раболепству, напичканный «азиатчиной».

306. Печ. впервые. Автограф — ГБЛ, под текстом — прим. рукой неустановленного лица на франц. языке: «Шуточные стихи Алексея Толстого о столкновении барона Феликса Мейендорфа с папой» (см.

№ 214 и прим. к нему). *Милос* — остров в Средиземном море (архипелаг Киклады).

307. Бп-37, с. 572. Черновые наброски — ПД, арх. Т., зап. кн. 1. Наброски перевода ст-ния Шиллера «Die Götter Griechenlandes» («Боги Греции»).

308. ВЕ, 1895, № 10, с. 645. Автографы — ПД, в письмах Б. М. Маркевичу от 9 декабря 1868 г. и без даты. Печ. по первому автографу. «Примите как ругательство за Ваше отвратительное молчание», — писал Толстой Б. М. Маркевичу.

309. Кондратьев, с. 68. Два отрывка из несохранившегося первого послания к Ф. М. Толстому (см. № 179).

310. Кондратьев, с. 67. Четверостишие, возможно полученное А. А. Кондратьевым от доктора А. И. Кривского (см. прим. 183), приведено в письме Кондратьева П. В. Быкову от 11 февраля 1907 г. (ГПБ).

311. ВЕ, 1895, № 11, с. 173. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 15 декабря 1869 г. Посылая ст-ние адресату, Толстой сам указал, что это перевод из Гёте (изд. Маркса, IV, с. 229). Действительно, это отрывок из второй части «Фауста». С. А. Толстая писала А. А. Фету 6 февраля 1881 г. о его переводе «Фауста»: «Мне этот труд очень близок. Несколько раз Толстой думал о нем и даже начинал его. Много мы о нем говорили» (Бп-37, с. 782). В том же письме Маркевичу есть еще один набросок перевода из первой части «Фауста» (см.: Бп-37, с. 573).

312. Кондратьев, с. 69, с разночтениями. Печ. по одному из черновых набросков ПД, арх. Т. *Эскулап* — см. прим. 176. *Квадрига* — см. прим. 270.

313. Кондратьев, с. 73, частично. Печ. по Бп-37, с. 574. Черновые наброски — ПД, арх. Т., зап. кн. 2.

314. Кондратьев, с. 26. Печ. по черновому автографу ПД, арх. Т.

315. Бп-37, с. 576. Черновой автограф — ПД, арх. Т.

3. АВТОПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЙ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

316. MB, 1898, 1 декабря. Печ. по автографу ГПБ, альбом Б. Фитингоф-Шеля. Перевод ст-ния «Что ни день, как поломя со влагой...» (№ 65).

317. MB, 1898, 1 декабря. Печ. по автографу ГПБ, альбом Б. Фитингоф-Шеля. Вольный перевод ст-ния «Острою секирой ранена береза...» (№ 29).

318. ВЕ, 1895, № 11, с. 174, первые две строфы. Печ. по автографу ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 15 декабря 1869 г. Посылая ст-ние Маркевичу, Толстой писал: «Хотите хороший перевод по-

немецки моей баллады «Три побоища»? Вот вам отрывки» (изд. Маркса, IV, с. 230). Перевод содержит элементы автопародии; было ли переведено все ст-ние (№ 129) — неизвестно.

319. Лирондель, с. 608, в письме Б. М. Маркевичу от 22 декабря 1869 г. Перевод начала «Песни о походе Владимира на Корсунь» (№ 130).

320. Бп-37, с. 563. Автограф — ПД, в письме Б. М. Маркевичу от 11 января 1870 г. Перевод двух первых строф баллады «Гакон Слепой» (№ 131).

321. ВЕ, 1897, № 7, с. 105. Посылая перевод (см. № 30) С. А. Толстой, 1 августа 1871 г. Толстой писал: «А вчера я дал m-me Seegen подстрочный перевод в прозе: «Не верь мне, друг. . .» Выходит ужасная гадость, и она хочет переложить на стихи; а я сегодня взял да и сам переложил» (изд. Маркса, IV, с. 158).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* С фотографии, носящей на обороте дарственную надпись: «Княгине Елисавете Владимировне Барятинской. Сорренто, 1/3 мая 1873 г.» (Фотография «Грилье и К°». Неаполь).

2. *С. 65.* Автограф стихотворения «Вот уж снег последний в поле тает. . .».

3. *С. 93.* Автограф стихотворения «Я вас узнал, святые убежденья. . .».

4. *С. 117.* Рисунки поэта на обороте письма к Г. Г. Гагарину (1867), содержащего автограф баллады «Князь Ростислав» (в письме под загл. «Речное дно»).

5. *С. 215.* Обложка первого издания стихотворений А. К. Толстого (Спб., 1867).

6—7. *Между с. 256 и 257.* Портрет А. К. Толстого в детском возрасте работы Фельтена. Акварель. Миниатюра.

На обороте. Портрет работы К. П. Брюллова (1836). Масло. Гос. Русский музей.

8—9. *Между с. 288 и 289.* Портрет работы К. Горбунова. Рисунок карандашом. Гос. Исторический музей.

На обороте: С фотографии 1856 г. А. К. Толстой в военной форме.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

I
ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. ЛИРИКА

2. БЫЛИНЫ. БАЛЛАДЫ. ПРИТЧИ

3. ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ В СТИХАХ

II

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. СТИХОТВОРЕНИЯ

2. САТИРИЧЕСКИЕ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Козьма Прутков

Коллективное

4. СТИХОТВОРНЫЕ ЗАПИСКИ. ЭКСПРОМТЫ. НАДПИСИ. БУРИМЕ

Георг Гервег

Из шотландского фольклора

IV
СТИХОТВОРЕНИЯ НА НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Стихотворения на французском языке

Стихотворения на немецком языке

V
ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

2. НЕЗАКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ. ОТРЫВКИ

3. АВТОПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЙ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Толстой А. К.

Т 52 Полное собрание стихотворений: В 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы/Вступ. статья Л. И. Емельянова; Сост., подг. текста и примеч. Е. И. Прохорова. — Л.: Сов. писатель, 1984. — 640 с., ил., 3 л. портр. (Б-ка поэта. Большая серия).

В 1-й т. включены: произведения, входившие в прижизненные издания (1. Лирика, 2. Былины. Баллады. Притчи, 3. Поэмы и повести в стихах); произведения, не входившие в прижизненные издания (1. Стихотворения, 2. Сатирические и юмористические стихотворения, в том числе пародии Козьмы Пруткова, 3. Стихотворные записки, экспромты, надписи, буриме); переводы (с английского, немецкого, французского: Байрон, Гёте, Гейне, Гервег, Шенье); стихотворения на немецком и французском языках; приложения (1. Детские и юношеские стихотворения, 2. Незаконченное, наброски, отрывки. 3. Автопереводы стихотворений на немецкий язык).

Т $\frac{4702010100-156}{083(02)-84}$ 411—84 ББК 84. Р1.

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
В ДВУХ ТОМАХ

Том первый

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1984 г., 640 стр.
План выпуска 1984 г. № 411

Редактор В. С. Киселев
Художник И. С. Серов
Худож. редактор А. С. Орлов
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректоры Е. Я. Лапинь и И. Г. Клейнер

ИБ № 4362

Сдано в набор 29.02.84. Подписано к печати 27.07.84. Формат $84\times108^{1}/_{32}$
Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ.
л. 33,92. Уч.-изд. л. 24,74. Доп. тираж 25 000 экз. Заказ № 640
Цена 2 р. 20 к. Издательство «Советский писатель», Ленинградское
отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Крас-
ного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.